

Л Е О Н И Д
В Л О Д А В Е Ц

Б Е З Ш У У М А
И П Ы Л И

Леонид Влодавец

Без шума и пыли

Автор приносит глубокую благодарность Виталию Георгиевичу ОППОКОВУ за помощь в работе над книгой

Часть I. АЛЛИГАТОР НА ГРУНТЕ

ОХ, ГОСТИНИЦА ТЫ ГОСТИНИЦА!

Принято считать, что провинциальные гостиницы в государстве Российском дрянь, и если присваивать им по западному обычаю «звездочки», то надо это делать со знаком минус. Например, ежели по отелю губернского масштаба бегают только рыжие тараканы, то считать его «минус-однозвездным», ежели черные — то «минус-двухзвездным», а если те и другие — «то минус-трехзвездным». На звание «минус-четырёхзвездной» стала бы претендовать гостиница, где в дополнение к вышеперечисленным бесплатным постояльцам прилагаются еще и клопы, а к «минус-пятизвездочным» следовало бы относить такие, где можно повстречать в коридоре крысу или хотя бы мышонка.

Впрочем, времена реформ все же внесли свои коррективы. Кое-какие элементы цивилизации добрались и до русских отелей, поскольку господа, которые ими завладели, материально заинтересованы, чтоб в этих заведениях могли жить не только командированные инженеры и снабженцы, но и более приличные клиенты. Даже импортные, ибо дорогие зарубежные гости — особенно в «докириенковский» период! — довольно часто наведывались в областные центры с целью изучения всякого там спроса и предложения на необъятном и неподъемном российском рынке. Поскольку помещать их на те гостиничные площади, которые имелись в доперестроечный период, было просто опасно — кого-нибудь из европейцев мог от ужаса хватить инфаркт при посещении санузла! — то пришлось срочно приводить все в относительный порядок. То есть добиваться хотя бы того, чтоб в умывальнике вода лилась в раковину, а не фонтанировала в потолок, ну и чтоб унитаз не надо было из ковшика сливать...

Поэтому с началом перестройки и демократических реформ гостиницу одного из губернских городов решили подогнать под мировой уровень. Поменяли сантехнику, мебель, заменили старые советские телевизоры «Радуга» на более-менее новые японские JVC, оборудовали в ресторане бар, и... на этом деньги кончились. Но в общем и целом гостиница с не очень оригинальным названием «Турист», располагавшаяся неподалеку от исторического центра города, была приведена в относительный порядок. Правда, заявить, что она сильно процветает, сейчас никто бы не решился. Туристического бума в области что-то не наблюдалось, научные симпозиумы и конференции давно не проводились в связи с отсутствием средств, а зарубежные инвесторы слиняли сразу после 17 августа 1998 года. Впрочем, их и прежде было с гулькин нос. Не иначе, романтики-альтруисты, которые не

верили вполне обоснованным слухам о том, что вкладывать деньги в русскую промышленность примерно так же эффективно, как в горящую печь. Вложить можно, а вынуть — уже нет.

Поэтому спустя год после кризиса в гостинице проживал люд попроще, которого в принципе никакими тараканами и туалетами не испугаешь. То есть в основном бывшие советские граждане (как россияне, так и из других стран СНГ), а кроме того — примкнувшие к ним в незначительном числе представители Азии, Африки и Латинской Америки. Китайцев и вьетнамцев, само собой, было больше всего, но были и два очень смуглых гражданина, имевших никарагуанское подданство, и один совсем чернокожий постоялец, прибывший из государства с хорошо понятным названием Нигерия.

Вся эта публика занималась бизнесом. Китайцы и вьетнамцы в основном оптом поставляли шмотье на известный всему городу «Тайваньский» рынок (натуральных чанкайшистов среди них, вообще-то, не было, но половина товара была «Made in Taiwan»). Никарагуанцы представляли какую-то компанию по торговле бананами, а нигериец числился представителем фирмы, закуповавшей продукцию химкомбината, расположенного в поселке Советский.

Надо думать, что эта публика особо не бедствовала, потому что исправно оплачивала вполне приличные номера. Китайцы и вьетнамцы вообще, должно быть, принадлежали к верхушке местных диаспор, поскольку все прочие граждане КНР и СРВ, проживавшие в здешнем облцентре, обитали в общагах или снимали койки на квартирах.

Днем в гостинице обычно царил тишина. Постояльцы расходились по делам и появлялись только к вечеру. Немногочисленный персонал скучал на рабочих местах, оживляясь лишь в тех редких случаях, когда новые жильцы появлялись сразу в большом количестве. Такое случалось, например, если в городе проводился футбольный матч — в облцентре была своя команда, игравшая в первой лиге. Иногда приезжали на гастроли театры, рок-группы из Москвы и Питера, чаще всего не самые модные и свежие, рассчитывавшие взять с провинции хоть небольшую дань своей прежней популярности.

Шел второй час дня. В пустом холле на первом этаже, в застекленной будочке, сидела-посиживала немолодая администраторша, вывязывая носочки для внучки — время было самое спокойное. Обычно постояльцы приезжали и выезжали по утрам и вечерам, по крайней мере, основной поток их приходился на эти часы. Так получалось потому, что поезда в областной центр обычно прибывали с 7 до 10 и с 19 до 22. А в середине дня, как правило, появлялись лишь те, кто имел счастье приехать в город на своей машине. Впрочем, в связи с бензиновым кризисом число желающих прокатиться несколько сот километров на порядок уменьшилось, и поэтому администраторша была почти уверена, что ее не потревожат до вечера. Перед входом в гостиницу прохаживались два рослых подтянутых молодца в камуфляжной форме с милицейскими дубинками и пистолетами на поясе, так что и вторжения извне каких-либо злодеев опасаться не приходилось.

Однако администраторша не угадала. Где-то без четверти Два в холл вошла некая молодая дама спортивного вида, катившая за собой, будто пулемет «максим», довольно увесистую сумку-тележку, через плечо у нее на тонком ремешке висела маленькая сумочка, похожая на офицерскую полевую. Ко всему прочему на приезжей была черная кожаная куртка с пояском и, зеленоватые брюки, заправленные в сапожки. Не хватало только картуза с красной звездой и маузера в деревянной кобуре, чтоб полностью выдержать стилистику а-ля комиссарша времен гражданской войны.

Администраторша, конечно, ничему особо не удивилась. Тут всякие бывали. Особенно в постперестроечные времена, когда жизнь бурлила и кипела всякими закидонами. То в области, которая отродясь не относилась к местам традиционного проживания казачества,

потомки станичников решили провести свой съезд, и тут, по этому холлу, звеня шпорами, расхаживали brave молодые в папах, черкесках, с шашками на бедрах, кинжалами на пузах и нагайками за голенищами сапог. То «голубые» и трансвеститы решили образовать какую-то организацию для защиты своих прав, и администраторша не знала, в каком роде к кому из них надо обращаться, поскольку изящно одетая и изысканно намазанная девушка по паспорту числилась, допустим, Петром Ивановичем, а нечто усатое и мужеподобно-хрипатое Марьей Петровной. И панки приезжали с «ирокезами» на головах, и кришнаиты с барабанами, и хасиды в котелках и с пейсами, и «авторитеты» с «голдами» на бычьих шеях. «Все промелькнули перед нами, все побывали тут...» Конечно, облцентр не Москва, некоторые новомодные течения так и не успели сюда добраться, но все-таки кое-какие элементы постсоветского идиотизма сия провинция поглядела.

Дама с сумкой на буксире уверенно подошла к окошку стеклянной будочки, предъявила паспорт на имя Колосовой Ирины Михайловны, прописанной в городе Москве, затребовала отдельный номер на неделю и стала заполнять листок для приезжающих. Кроме того, она оплатила парковку машины «ВАЗ-2199» на платной охраняемой стоянке при гостинице.

Пока госпожа Колосова занималась всеми этими формальностями, администраторша продолжала ее разглядывать, пытаясь определить, какие такие дела привели эту московскую красавицу в здешнюю Тмутаракань. Командировочного удостоверения у нее не имелось, в графе «Место работы» Ирина Михайловна написала «домохозяйка». Цель приезда в листке для приезжающих не обозначалась.

Конечно, сумка-тележка наводила на мысль, что домохозяйка решила поправить дела мелким бизнесом, но объем сумки был уж очень небольшой. Даже если предположить, что «девятка», на которой приехала Колосова, тоже загружена товаром, при нынешних ценах на бензин и сложной ситуации на рынках города поездка особого навара не светила. К тому же баба приехала одна. Нормальные «челноки» даже при очень хороших отношениях с местной «крутизной» прибывают, как правило, солидными коллективами. И в гостиницах такого типа, как «Турист», на постой становятся редко. Больно дорого обходится тут даже суточное проживание. Да еще и с парковкой машины. Видать, у этой Колосовой с деньгами все в порядке, если на неделю вперед выложила почти три тысячи.

На внешность особо богатой постоялица не смотрелась. Одежда, конечно, не самая дешевая, но в общей сумме вряд ли стоила больше одной тысячи. Сама по себе уверенная, неробкая, сразу видно. Мужики на таких здорово клюют и... часто обламываются. Уж не клофелинщица ли, упаси бог? Бывали тут такие стервы в недавнем прошлом, косили под проститутку. Не одного «любителя» обули, оставив и без «клубнички», и без кошелька, а пара-тройка вообще коньки отбросила после ихнего угощения. Правда, в последнее время такие не появлялись. Должно быть, бандиты, которые заведовали здешними проститутками, этих змей отсюда отвадили. Потому что клиентура, напуганная слухами, и от нормальных стерв стала отказываться.

На обычную проститутку эта самая Ирина никак не походила, хотя и фигуристая была, и на морду ничего. По паспорту ей стукнуло 38, к этому возрасту шалавы уже до того истаскиваются, что пригодны только на помойке. А эта смотрится куда моложе своих лет, если соврет, что ей еще тридцати нет, вполне поверишь. Загорелая, эффектная. И морщинок на морде мало, и косметики много не требуется. Администраторша, которая была всего на пять лет постарше, подсознательно позавидовала. Бывают же бабы, к которым время относится благосклонно! С другой стороны, в паспортной графе «Семейное положение» штампа насчет регистрации брака не было, и детей у Ирины не имелось. Тут уж неизвестно, завидовать этому обстоятельству или нет. Раньше администраторша гордилась тем, что трех детей нарожала, а теперь только охала по этому поводу. У мужа зарплата 800 рублей, у самой немногим больше, а старшая дочка-дура взяла да в подоле принесла! А остальные еще в школе учатся — не зашикуешь. Так что безмужести и бездетности Колосовой

новоиспеченная бабушка скорее всего все-таки завидовала.

Получив от администраторши ключ от номера с прицепленной к нему на манер брелока массивной деревянной гирькой, Ирина Михайловна направилась к лифту. Кабина привезла ее на пятый этаж, где столь же безмятежно, как и администраторша, вязала дежурная по этажу. Правда, у этой на спицах были не носочки для внучки, а свитерок для сына. Дежурная была намного моложе, и внуков ей надо было ожидать лет через двадцать, не меньше.

— Здравствуйте! — вежливо поприветствовала она Ирину Михайловну, поспешно спрятав вязанье в верхний ящик своего столика, — Пятьсот одиннадцатый — это прямо по коридору, по левой стороне. Если будете уходить, оставьте мне ключик. Вас проводить?

— Спасибо, я не заблужусь! — осклабилась гостья и решительно покатила свою «максимобразную» тележку по не очень потертой ковровой дорожке, проложенной вдоль длинного коридора, отделанного лакированной фанерой «под дуб».

Действительно, 511-й номер оказался слева, напротив 512-го. Однако, когда Колосова попробовала вставить ключ в замочную скважину, выяснилось, что сделать это невозможно. С внутренней стороны в замке двери явно находился ключ.

Стучать и орать «Откройте!» Ирина Михайловна не стала. Она вернулась к столику дежурной и сказала:

— По-моему, этот номер занят. Заперто изнутри.

— Не может быть! — удивилась дежурная. — Этот номер уже три дня как свободен. Давайте сходим, может, вы просто ключ не той стороной вставили?

Ирина Михайловна могла бы обидеться, но не стала обострять ситуацию. Тем более что дежурная, судя по всему, просто не понимала, что своим заявлением обвиняет клиентку в дурости или, по крайней мере, в том, что у нее руки растут не из того места. Она с готовностью прошла к 511-му вместе с Колосовой и попробовала открыть дверь собственноручно. Поскольку выяснилось, что ключ действительно не вставляется, дежурная слегка порозовела от смущения, а затем решительно постучала в дверь:

— Откройте!

Однако ответа не последовало. И никакого шороха, свидетельствующего о том, что внутри номера кто-то находится» не прослушивалось.

— Отоприте! — еще раз потребовала дежурная.

— Да там нет никого, Валь! — заметила уборщица, шедшая по коридору с ведром и шваброй.

— Забыла, что ль?

— Заперся кто-то, тетя Лен, — проворчала Валя. — Видишь, ключ не впихивается!

— Может, в замке чего-нибудь изломалось? — предположила тетя Лена. Слесаря звать надо, дверь вскрывать.

— Верное решение! — заметила госпожа Колосова. — А замок он потом поменяет?

— Сделает! — убежденно заявила Валя. — Вы посидите, пожалуйста, у лифта, на диванчике, а я этот вопрос решу.

Ирина Михайловна уселась ждать, уборщица со своим снаряжением удалилась, величаво переваливаясь на варикозных ножищах, а Валя вернулась за столик и набрала номер по

внутреннему телефону.

— Анатолий Иванович? Тут в 511-м дверь не открывается. Через десять минут будете?
Спасибо!

Действительно, через десять минут или немногим больше загудел лифт, раздвинулись двери, и оттуда появился невысокий мужичок в синем комбинезоне и бейсболке с надписью «Гостиница „Турист“». В руке у него был потертый кейс, из числа тех, которые в давние времена армейские умельцы сооружали из фанеры и дерматина для дембелей.

НЕАППЕТИТНАЯ НАХОДКА

В сопровождении Вали и Ирины Михайловны он проследовал к двери 511-го и некоторое время со знанием дела осматривал замок. Потом вынул из своего доморощенного кейса тонкую отвертку, немного поковырялся в замке, после чего с другой стороны двери послышалось бряканье — ключ выпал из скважины. Затем Анатолий Иванович взял у Вали ключ с гирькой и совершенно спокойно открыл замок.

— Вот так! — произнес он назидательно. — Ловкость рук и никакой приватизации.

В номере, по крайней мере на первый взгляд, никого не было.

— Интересное кино, — хмыкнул Анатолий Иванович, — снутри заперто, а живой души нема.

— И окно на шпингалет закрыто, — заметила Колосова. — Да и не вылезешь из него просто так, пятый этаж все-таки.

Валя подняла с полу ключ, который слесарь выковырял из замка, и удивленно произнесла:

— Это не наш. Откуда ж он взялся? Иванович, ты запасного ни для кого не делал?

— Точно, не наш! — подтвердил Иванович, в свою очередь осмотрев ключ. — Не припомню, чтоб такая бородка попадалась. Опять же ключи за этот год только пару раз теряли. От пятьсот одиннадцатого не пропадал, нет! Точно помню. И ушко круглое, а не треугольником, как у всех наших.

Тем временем Ирина Михайловна уже взялась за ручку двери санузла и обнаружила, что и эта дверь тоже не открывается. На сей раз она сама постучала в дверь и громко спросила:

— Есть кто живой?

Ответом была гробовая тишина.

— Чертовщина какая-то! — пробормотала Валя в полном смятении.

— Чертовщина не чертовщина, — здраво заметил слесарь, — а по-моему, надо милицию звать.

— Зачем милицию? — Дежурная еще больше напугалась.

— Как зачем? Ключ неизвестно откуда взялся. И дверь в сортир заперта изнутри. А там не ключ, а задвижка, между прочим. Вот лет десять назад, помню, был тоже такой же случай. Пошел один старик в туалет, да и помер. Говорят, запор у него был. Тужился-тужился, а у него от напряжения какой-то сосуд в мозгу взял да и лопнул. Кровоизлияние получилось,

сознание потерял, на помощь позвать не сумел. Тоже вот мне пришлось двери ломать. Целое дело было! Тут кто последним жил, не припомнишь?

— Командированный один. С Украины, по-моему. Так он три дня как выехал...припомнила Валя. — Номер сдал горничной, она белье поменяла. Ключ мне вот этот оставил, нормальный, с треугольным ушком и пробкой. А я его потом администраторше сдала. Все честь по чести.

— Очень странно...— произнесла Ирина Михайловна с явной тревогой в голосе.

—Сдал ключ, а потом заперся и помер?

— Чего странного? Один бог знает, где и как помрешь...— отозвался Анатолий Иванович. — А милицию я бы вызвал. Для страховки. А то, конечно, в нынешние времена всяко может быть.

Валя вздохнула, проклиная тот день и час, когда устроилась на работу, и побежала к телефону.

— А вы бы, гражданка, извините, не знаю имя-отчество, шли бы к администратору, — предложил слесарь. — Пускай вам другой номер предоставит. Конечно, может, тут и не труп лежит, а алкаш какой-нибудь ужравшийся, но все равно отдохнуть вам тут не дадут. Милиция еще неизвестно когда приедет, а потом, ежели даже это алкаш, еще час разбираться будут. Ну а если труп, так и вовсе — до вечера тут провозятся. Тем более если не сам помер, как тот старик, а ему помог кто-нибудь. У нас такое тоже бывало. В номерах, правда, никого не резали, но года три назад одного крутого на выходе из гостиницы пристрелили. Так шуму было — не приведи господь!

— Да, вы правы, — согласилась Ирина. — Пожалуй, если тут найдут труп, я и спать здесь не смогу. Да и вообще, наверно, надо забрать деньги и в другую гостиницу переехать.

— Ну, это вы зря, — сказал Иванович, — наша-то в городе лучшая. По крайней мере, из тех, что многим по карману. Есть, конечно, за городом пара штук отелей для бизнесменов, но те уж сильно дороги. Там за ночь берут больше тысячи, опять же это самое... Забыл, короче, как по-английски называется, но, короче, на морду смотрят — кто не поглянул, хрен пропустят.

— Фейс-контроль? — предположила Ирина.

— Во-во. Так вы идите, устраивайтесь в другой номер. А то еще, не дай бог, в свидетели попадете или в понятия... Затаскают потом по судам!

В это время с той стороны коридора, куда убежала Валя, возникли две фигуры в камуфляже.

— О, вот и наши орлы! — произнес Анатолий Иванович. — Ох, рано встает охрана!..

— Это ваша собственная служба безопасности? — спросила с некоторым удивлением Ирина.

— Нет, по договору они. Охранное предприятие «Антарес» называется. Сторожат нас, так сказать...— хмыкнул слесарь. — Раньше, при Советской власти, держали одного швейцара — и вполне хватало. А сейчас их тут с десяток, но все равно нет-нет да и сопрут чего-нибудь у постояльцев.

Охранники подошли к двери 511-го, посмотрели на слесаря и приезжую сверху вниз.

— Какие проблемы, Иванович? — спросил один из них. — Дверь, говорят, открыть боишься? Без ментов неудобно?

— Ну, не то чтоб неудобно, — ответил тот, — а лучше, чтоб в их присутствии. Потому что тот, кто эту дверь закрывал, похоже, там и сейчас сидит. Или лежит, не знаю точно...

Второй охранник украдкой улыбнулся Ирине, а та осторожно поднесла палец к губам, находясь за спиной слесаря: мол, не надо показывать, что мы знакомы!

— Ну и что такого? — пожал плечами первый страж. — Зачем прежде времени занятых людей беспокоить? Вот откроем, увидим труп — тогда можно и вызывать. Давай, Иваныч, ломай!

— Под вашу ответственность! — предупредил слесарь.

— Под нашу, под нашу! — отмахнулся охранник. — Мы, если что, все подтвердим.

Анатолий Иваныч вытащил из своего кейса узкую стамеску, чуть наискось просунул ее в щель между филенкой и полотнищем двери, а потом пару раз крепко ударил по стамеске молотком. Звяк! — скоба, в которую входил язычок задвижки, полетела на пол.

— Открывайте, — сказал слесарь. — Я, блин, за ручку двери хвататься не хочу. А то еще срисуют менты мои отпечатки и возьмут за цугундер! Я уже сидел разок, по второму не жажду.

— Ладно, можно и не хватаясь, — хмыкнул тот охранник, что был знаком с Ириной, толкнув дверь плечом. — Вот и все проблемы...

Впрочем, его бодрый тон быстро сошел на нет после того, как дверь распахнулась. Уж больно жутковатая картинка открылась глазам.

Слева от входа, в ванне, заполненной кровавой мутью, полулежал труп. Отчего он умер, можно было не спрашивать — даже с порога санузла хорошо просматривался глубокий разрез на шее, в районе сонной артерии.

— Да-а... — проворчал тот, кто распахивал дверь, морщась от увиденного. Красиво, ничего не скажешь!

— Угораздило же дурака зарезаться! — сердито сказал тот, кто считал, будто участие ментов будет излишним.

— Все одно милицию надо звать, — упрямо заявил слесарь. — Хоть и сам зарезался, как видно, а все равно надо. Для порядку.

— Ясное дело! — кивнул Иринин знакомец. — Чтоб протокол составили, разобрались и так далее.

— Лишь бы, блин, на нас этого жмура не повесили, — проворчал его напарник. — Ты уж потолкуй с ними по-свойски, Вань, когда приедут. Небось из твоего бывшего РОВД бригаду пришлют. Ты сколько у них оттрубил? Лет двадцать?

— Без малого, — кивнул вовсе не юный Ваня. Со стороны лифта послышался шум, на этаж поднялись милиционеры, которых Валя все-таки вызвала.

— Быстро приехали! — заметил Анатолий Иваныч с некоторым удивлением.

— Это ГНР прикатила, — со знанием дела заявил бывший мент, издали различая знакомые физиономии бывших сослуживцев. — Привет, Миня!

— О, Сергеич! — Сержант, шедший следом за Валею, которая сопровождала стражей

порядка, расплылся в улыбке. — Здорово, товарищ Муравьев! Клево выглядишь! Небось тут зарплата не старшинская?

— На жизнь хватает, — хмыкнул Иван Сергеевич. — ЧП у нас, однако. Труп обнаружился в туалете. Так что вызывай оперов.

Миня подошел к двери, глянул, покачал головой:

— Блин, до чего аппетитно, на фиг! Хорошо, что уже пообедал.

После этого он достал рацию и забубнил:

— «Пучок», «Пучок», я — «Ветка-12», ответьте..,

— Слушаю вас, я — «Пучок», — отозвались из райотдела. — Где находитесь?

— В гостинице «Турист», пятый этаж, номер 511, в санузле обнаружен труп мужчины. Резаная рана на горле. Как поняли?

— Понял вас, «Ветка-12». Через десять минут прибудет группа. Обеспечьте, чтоб там толкотни в коридоре не было!

— Сделаем, — отозвался Миня и тут же нежно отодвинул от двери номера Валентину. — Не надо туда соваться, девушка!

— Я не девушка, я дежурная по этажу, — обиженно произнесла Валя, вызвав у мужской части публики вполне естественную ухмылочку. — Я должна знать, что там случилось!

— Ничего особенного, — произнес слесарь, — мужик какой-то в ванне плавает. Горло себе перерезал, небось с тоски или с перепоею.

— Ужас какой — округлила глаза Валентина. — Как же он туда попал?

— Вот уж не знаю! — криво усмехнулся Иваныч. — Тебе виднее, ты всех контролируешь на этаже.

— Вообще-то, Миня, — заметил экс-старшина Муравьев, — пожалуй, стоит, чтоб она на жмурика взглянула. Наверняка ведь это кто-то из постояльцев.

— Ладно, если с порога узнает — нехай смотрит...— разрешил сержант.

Валя робко подошла к двери, глянула, а затем, испуганно охнув, зажала рот, чтоб не стошнило, и поспешно отскочила назад. Пару минут она подавляла позыв на рвоту и говорить не могла.

— Ну что, — спросил Миня, — лицо знакомое? Дежурная с трудом пробормотала:

— 3-знакомое...

— А фамилию не вспомните хотя бы? Он в этом номере жил?

— Д-да... Фамилию можно найти у администратора, у нее книга есть и листки тоже. Это с Украины командированный. Он последним в 511-м номере жил... Только он три дня назад выехал! — В глазах Вали читалось совершеннотекреннее изумление. — Я сама у него ключ принимала.

— Как это «выехал»? — удивился Миня. — Может, он три дня назад выехал, а вчера опять приехал?

— Ну да, специально, чтоб тут зарезаться... — усмехнулся Муравьев. — Валь, вы с Марусей по суткам дежурите?

— Да-а, — кивнула дежурная. — Но она мне ничего не говорила. В смысле, что 511-й опять заняли. Ключ-то ведь у администратора оставался!

— Ключ-то у него был, — заметил Анатолий Иванович, — вот -этот, с круглым ушком. А прошмыгнуть мимо тебя не штука. Ушла чайку с горничными попить — а он прошел, да и обратно.

— Вы бы мне отдали этот ключ, — предложил Миня. — И вообще, рассказали бы все по порядку.

Между тем вокруг места события уже стал гуртоваться народ. Пока, правда, его не так уж и много было, в основном горничные и уборщицы. Но и пара-тройка постояльцев, которые оказались на текущий момент в своих номерах, носы повысовывали. Потом послышались тяжелые шаги по мягкой ковровой дорожке, и к двери 511-го стал не спеша приближаться некий семипудовый гражданин среднего роста. Создавалось впечатление, что если б ему навстречу по коридору (который был минимум три метра шириной!) шел еще один такой же, то разойтись они ни за что не сумели бы.

— Директор! — испуганно пробормотала Валя. Ей стало как-то очень ясно, что в том, что на этаже проживал незарегистрированный постоялец, начальство непременно обвинит ее. И дай бог, если удастся доказать, что она об этом гражданине ничего не знала. Вполне ведь можно было предположить, что Валя самовольно вселила этого самого типа, да еще и взяла с него за постой денежки в свой карман.

— В чем дело, граждане? — рыхлым голосом произнес толстяк. — Я директор гостиницы Кабанов Евгений Васильевич.

— Очень приятно! — Миня приложил ладонь к козырьку. — Сержант Михеев Михаил Алексеевич. Прошу дать распоряжение вашему персоналу, чтоб занимались своими делами и не толпились тут. Сейчас приедет группа из райотдела для осмотра места происшествия. А то нам самим придется всех отодвигать. Давайте, чтобы без обид и скандалов.

— Сейчас, сейчас, разумеется! — заторопился Евгений Васильевич. — Так, девушки, милые-хорошие, у вас что, дел нет? Ну-ка, давайте быстренько по рабочим местам! Не мешайте милиции работать.

— Извините, — позволила себе вмешаться Ирина Михайловна. — Вообще-то, все началось с того, что меня решили вселить в этот номер. Ясно, что вселиться в этот мне раньше чем к ночи не удастся. Может быть, мне какой-нибудь равноценный уже сейчас предоставят?

— С удовольствием! — Господин Кабанов аж расплылся в улыбке. То ли потому, что ему было приятно услужить симпатичной даме, то ли оттого, что дама не заявила, что подберет себе такой отель, где в санузлах не обнаруживают трупов, и не потребовала вернуть предоплату за номер.

— Мне можно сослаться на вас, если администраторша будет против?

— Разумеется! Я бы сам сходил с вами, но, к сожалению, мне надо присутствовать здесь.

— Я провожу, — вызвался Муравьев.

— Вот и отлично, — одобрил директор.

— Позвольте, я помогу вам багаж донести? — нежно подмигнул Ирине экс-старшина и взялся

за ручку ее сумки-тележки.

Г-жа Колосова только скромно улыбнулась и возражать не стала. До лифта они дошли, обмениваясь лишь взглядами, однако, когда двери кабины сдвинулись, Муравьев мягко обнял Ирину и привлек к себе. Приезжая ни противиться, ни возмущаться не стала, но и особой страсти в ответ не выказала. Она позволила поцеловать себя в губы, но тут же отстранилась и произнесла с некоторой досадой:

— Не очень вовремя, Ванечка. Видишь, как меня тут встретили?

— Этот труп имеет к тебе отношение? — Экс-старшина аж приподнял бровь от удивления.

— Пока не знаю, — вздохнула Ирина, — но согласись— начало неприятное.

Кабина уже опустилась на первый этаж, и разговор пришлось прервать.

Вопрос о замене номера решился довольно просто. Администраторша была уже в курсе того, что произошло, и не стала упираться, благо свободных номеров было много. Для простоты она выдала Ирине Михайловне ключ от 611-го — точно такого же, как злополучный, но находившийся этажом выше. Конечно, Иван взялся ее сопровождать, и они вновь очутились в кабине лифта.

— Мы почти три месяца не виделись...— заметил Муравьев.

— Верно, — кивнула Ирина. — Но ты, наверно, понимаешь, что я в ваш город приехала не только для того, чтоб повидаться с тобой. Вообще-то, здесь, на этой территории, нам надо общаться поменьше, понял? Сейчас довезешь мне сумку и быстренько пойдешь обратно на пятый этаж. Постарайся в максимальной степени выяснить все, что там стряслось. Уловил?

— Так точно, — вздохнул охранник. — Значит, ты вся в делах нынче... И моя скромная персона уже не нужна. «Все прошло, как с яблонь белый дым...»

— Нет, ты не понял, Ванечка! — более теплым голосом произнесла Ирина. — Я все помню, я ничего не забыла. Все осталось и никуда не ушло. Но дела есть дела.

Лифт доехал до шестого этажа, и Ирина сказала:

— Знаешь что? Не провожай меня до номера. А то я сама не удержусь, понимаешь? Езжай на пятый и потопчись около ментов, если не прогонят. А они не прогонят, потому что захотят задать кое-какие вопросы, это точно. Ты до каких сегодня здесь?

— В пять часов сменяюсь...

— Задержаться можешь? — Ирина совсем уж игриво глянула ему в глаза.

— Наверно...— Иван счастливо улыбнулся.

— Тогда буду ждать тебя после пяти. Надо думать, в 611-м трупа не будет...

ПОХИЩЕНИЕ

В это самое время на другом конце города, на улице Тружеников, в небольшом полупустом кафе, носившем не шибко уместное для среднерусской равнины название «Килиманджаро», сидела парочка. Немного странная, если приглядеться, но не очень бросающаяся в глаза.

Одеты оба были вполне прилично, но никакой вызывающей роскоши в их облике не наблюдалось. Он-в джинсах и кожаной осенней курточке черного цвета, в кроссовках с массивными протекторами, она — в коричневой кожаной жакетке, черной юбке до колен и черных туфлях на средних каблуках.

Странность парочки заключалась в том, что она состояла из рослого, крепкого и поджарого парня, явно еще не дотянувшего до двадцати лет от роду, и тоже рослой, не толстой, но очень массивной дамы, которой можно было и тридцать намерить, и даже полных тридцать пять. Впрочем, за маму с великовозрастным сыночком их никто бы не принял. Во-первых, разница в возрасте все-таки была не столь велика, во-вторых, единственным внешним сходством между парнем и его спутницей был темный цвет волос, а в-третьих, общались они явно не так, как подобает гражданам из разных поколений.

Конечно, любви все возрасты покорны, опять же существует определенная категория дамочек среднего возраста, которым нравится совращать тинейджеров, поэтому ничего особо удивительного в возрастном соотношении пары не было. Правда, многие пацаны, посещая общественные места в обществе эдакой взрослой тети, изрядно стесняются. Возможно, потому, что во всяком взгляде со стороны им чудится немой вопрос:

«И почему же она тебя сняла, цыпленочек?» Дамы тоже частенько комплексуют, испытывая нервозность по поводу того, как ее воспринимают со стороны завистливые ровесницы и недоумевающие сверстники — мол, ты бы еще грудничка взялась сексу обучать, гнусная совратительница! Именно благодаря этой нервозности дамы и вышеупомянутой скованности кавалера такие пары и бросаются в глаза публике.

Но эта пара все же в глаза не бросалась. Кавалер под категорию «цыпленок» никак не подходил, хотя бы в силу своих физических данных, а никакой скованности или неуверенности и вовсе не демонстрировал. Могучая дама тоже держалась вполне уверенно, тем более что ей было вовсе не тридцать пять, а всего-навсего двадцать девять.

Внешне все выглядело вполне благопристойно и мирно.

Парочка ела мороженое и пила сок, обмениваясь нежными взглядами и перебрасываясь тихими репликами, которые, если не прислушиваться, можно было принять за влюбленное воркование.

Никто, впрочем, особо и не прислушивался, поскольку, исключая помянутую парочку, в кафе, кроме девицы-мороженщицы, дремавшей за стойкой, да двух ребятишек со школьными ранцами, тоже поглотивших мороженое, никого не было.

Наверно, если б девица за стойкой оказалась чуточку наблюдательней, то могла бы заметить, что разновозрастная парочка регулярно посматривает не только друг на друга, но и на улицу через просторное окно-витрину. Там, метрах в двадцати от кафе, на противоположной стороне улицы Тружеников, у тротуара стояло несколько машин. А несколько правее, если смотреть со стороны кафе, находился ничем не примечательный подъезд старого, поди, еще царской постройки, дома. Надо полагать, бывшего особняка, превращенного Советской властью в четыре коммуналки.

Одна из машин, стоявшая метрах в пятнадцати от подъезда, была постоянным объектом внимания со стороны парочки. Это был джип «Ниссан-Патрол» кремового цвета. Левое переднее стекло у него было опущено, и через оконце довольно отчетливо просматривался водитель, мирно покуривавший за рулем. Немного ближе к бывшему особнячку парковалась «девятка» кирпичного цвета. Она тоже находилась в поле зрения «влюбленной парочки».

Время близилось к трем часам дня, когда парочка встала из-за столика, а затем неторопливо вышла из кафе. Примерно в это же время дверь подъезда открылась, и из особняка вышел

мужчина средних лет в коричневой кожаной куртке и маленькой замшевой кепке. Он направился в сторону кирпичной «девятки». Тоже не спеша.

«Ниссан-Патрол» тем временем взревел мотором и отъехал от тротуара. Парочка как раз в этот момент прибавила шагу и бегом перескочила через проезжую часть. Не прямо, а наискосок, очутившись рядом с багажником «девятки» почти одновременно с обладателем замшевой кепки. На них этот мужик никакого внимания не обратил, потому что, когда парочка, перебежав улицу, оказалась у него за спиной, направился к водительской дверце, даже не оглянувшись назад. А зря!

«Ниссан» неожиданно резко сдал назад, загородив своим высоким и длинным корпусом дорогу «девятке», его боковая дверца открылась, а парочка, заскочив в метровый промежуток между машинами, ловко сцапала опешившего мужика за локти и одним движением затолкнула в салон джипа. Там его подхватили еще двое, свалили на пол и защелкнули на запястьях наручники. Парочка мигом запрыгнула в машину, «Ниссан» рванул с места и быстро покотил прочь. Немногочисленные прохожие и разглядеть ничего не успели.

Джип не очень быстро, в пределах дозволенной ПДД скорости, ехал в направлении от центра города, благо от улицы Тружеников до окраины было минут пятнадцать езды. Похищенный гражданин вел себя смирно, но не потому, что признал сопротивление бесполезным, а потому, что мощная дама вколола ему прямо через одежду шприц с каким-то снадобьем, от которого обладатель замшевой кепки резко обмяк и потерял сознание.

— Ну как? — спросила могучая красавица у одного из тех, кто сидел в салоне.

— Нормально, твердая «четверка», — хмыкнул тот. Он в этой команде был за старшего.

— А почему не «пятерка»? — поинтересовался парень, игравший роль кавалера.

— Потому что слишком резко через улицу маханули, — пояснил старшой. — Не очень естественно выглядело — машин нет, а вы бегом помчались. Был бы ты, Юрик, с девочкой иной комплекции — смотрелось бы получше. А когда Мила бегом бежит это уже другой коленкор... И клиент мог испугаться, и народ мог приметить.

— Опять по комплекции проехались, — вздохнула Мила. — Неравнодушен ты к ней, Сережа!

— Не переживай, все в ажуре, — подбодрил Сергей. — И комплекция, и результат работы... Топорик, выруливай на проселок!

Последняя фраза относилась к тому, кто сидел за рулем джипа. Как видно, он и без этой команды знал, куда ехать, потому что еще до того, как Сергей отдал свое распоряжение, свернул с асфальта в немощенный промежуток между двумя притулившимися к дороге домишками, которые хоть и стояли еще в городской черте, но выглядели уже по-сельски. За этим самым проездом и начинался проселок, метров сто он шел через наполовину выкопанное картофельное поле, а затем нырял в небольшую, уже заметно пожелтевшую рощицу.

Рощица как-то незаметно перешла во вполне солидный лес. Топорик спросил:

— Серега, я эти просеки никак запомнить не могу. Подскажешь?

— Справа, через километр примерно — наша, — охотно сообщил Сергей. — Все остальные — по фигу.

Проскочив два въезда в лес, Топорик по команде свернул в третий.

— Ох, и грязюка тут! — вздохнул водитель. — Не засядем, Ляпунов?

— Нет, — мотнул головой Сергей. — Должны проехать!

Внедорожные свойства самурайского авто, в общем, сработали. Конечно, после путешествия по размытой дождями просеке его уже трудно было назвать «кремовым». Ухрюкавшись в этих хлябях, джип приобрел цвет гораздо менее аппетитный и теперь чем-то напоминал упитанного, но жутко чумазого борова, выкупавшегося в навозной жиже.

В общем, примерно через полчаса «Ниссан-Патрол» со своим экипажем, попетляв по нескольким извилистым просекам, выкатил к заросшему травой и кустами, давным-давно заброшенному небольшому, местного значения известняковому карьеру.

На дне карьера, куда джип съехал по достаточно сухой и твердой гравийной дорожке, располагалось несколько почерневших от времени вагончиков-балков и некое приземистое дощатое сооружение с толевой крышей, разумеется, давно прохудившейся. Однако именно к этому зданию и подрулил «Ниссан-Патрол».

— Взяли! — приказал Сергей, как только джип остановился. Эта команда касалась похищенного гражданина, которого быстренько подхватили за руки, за ноги и вытащили из машины. В переноске была задействована все та же парочка, сам Ляпунов и еще один парень, сидевший в салоне «Ниссана». Водитель Топорик остался в кабине, должно быть, на стреме.

Пленника занесли в ворота дощатого сарая, а затем, по узкому и извилистому проходу между горами всякого хлама и металлолома, находившимися внутри этого сооружения, доставили к ржавому кузову от «уазки-буханки», стоявшему в дальнем от входа углу сарая. Вокруг этого кузова громоздилось еще с десятков остовов от дочиста «раздетых» автомобилей, несколько здоровенных куч ржавого металлолома самого разнообразного происхождения, а потому смотрелся он в этой компании совершенно неприметно.

Однако, как оказалось, боковая дверь кузова была снабжена вполне действующим и явно не ржавым замком, который Сергей открыл ключом. Ляпунов осветил фонариком внутренность кузова, где у задней стенки стопкой лежало несколько полусгнивших и рваных автомобильных сидений.

— Алик, надо это разгрести! — велел Сергей подручному, и тот, оставив пленника на попечение Юры и Милы, начал разбирать стопку сидений и перекладывать их в другой угол кузова. Когда стопка была растащена, оказалось, что под ней на земляном полу сарая лежит деревянный щит, сколоченный из крепких досок. Алик и Сергей подняли щит и прислонили к стене. Выяснилось, что под щитом находилась продолговатая узкая яма, края которой были укреплены досками. В яме имелись ступеньки, уводившие куда-то вниз.

— Заносим! — коротко приказал Ляпунов, первым шагнув на ступеньки с фонариком в руках. Алик, ухватив пленника за руки и взвалив на спину, стал спускаться по ступенькам. Юра и Мила пошли следом.

Внизу оказался не очень глубокий и узкий ход, укрепленный поверху бревнами, как в блиндаже времен Второй мировой войны, а с боков досками-горбылями. Этот ход тянулся не более пяти метров и упирался в крепкую деревянную дверь, запертую на висячий амбарный замок. Сергей, повозившись немного — ему пришлось в зубы взять фонарь! — отпер замок и отворил дверь.

За дверью обнаружилось не очень просторное помещение, тоже напоминавшее фронтальной блиндаж. Как ни странно — с довольно свежим воздухом, хотя, откуда он поступал в подземелье, приметить было трудно. У дальней от входа стены находились дощатые нары, застланные двумя тюфяками типа тех, что имеются в поездах дальнего следования, байковыми одеялами и подушками без наволочек.

— Клади сюда! — велел Ляпунов Алику, и тот с удовольствием сгрузил бесчувственного пленника на нары.

— Пусть отдыхает. Пошли наверх.

Похитители заперли пленника в «блиндаже», поднялись наверх, а затем Юра с Аликом пристроили на место деревянный щит и вновь уложили на него штабель из автомобильных сидений. Затем вышли из кузова «буханки», и Сергей запер за собой ржавую, но достаточно прочную дверцу.

— А он там не сдохнет? — поинтересовалась Мила.

— Раньше времени — никогда, — уверенно ответил Ляпунов. — Тем более что сидеть ему там недолго. Через пару часов Генриху позвонят те люди, которым наш клиент очень нужен, еще два-три часа уйдет на переговоры, а потом Генрих позвонит нам по мобильнику и скажет, куда ехать. Там состоится передача по известной системе «ты — мне, я — тебе».

— И что, мы тут все пять часов проторчим?

— Проторчим столько, сколько потребует. Может, и до завтра в принципе... — строго сказал Сергей.

Он набрал номер на мобильном телефоне и, когда абонент ответил, произнес только одну фразу:

— Товар упакован, можете забирать. И сразу же отключил телефон.

— Залезайте в машину, подождем, — распорядился Ляпунов.

Когда все, ежась от сырости, забрались в теплое нутро джипа, Топорик заметил:

— Не больно ловко стоим, между прочим. Яма здоровенная, но сверху хорошо просматривается. А в лесу еще грибники шастают, последние поганки собирают. Такие тачки тут не каждый день появляются. Настучать могут.

— Верно мыслишь, — согласился Ляпунов. — Может, вон туда встанем, между балков?

— Там тоже будет видно, если кто-то на край карьера выйдет. Лучше в ворота сарая заехать.

— А протиснешься? Там одна створка открывается, а вторая завалена наглухо.

— Попробую. Только гляньте, чтоб ничего колющего под задние колеса не попало...

Ничего колющего не оказалось, и «Ниссан-Патрол» кое-как проскользнул внутрь сарая. Теперь можно было закрыть вторую створку, и шибко шикарная техника уже не смогла бы смутить случайных грибников, если б они вдруг заглянули в карьер.

Так и сделали.

— Этот тип сколько спать будет? — спросил Юрка.

— Прилично, — отозвалась Мила. — Часа три кряду.

— Но все равно успеет проснуться раньше, чем его заберут...

— Еще одну вколем, это не проблема...

Прошло несколько минут, и мобильный издал писк.

— Рановато! — озабоченно произнес Сергей, прежде чем отозвался:

— Слушаю!

Что ему говорили, слышал только он сам, а все прочие напряженно следили за тем, как на лице Ляпунова появляется хмурое выражение. Должно быть, возникли какие-то непредвиденные обстоятельства или даже осложнения. Наверно, если б Сергей задавал какие-то вопросы собеседнику или, наоборот, отвечал ему, то соратники могли бы догадаться, о чем речь идет, но Ляпунов лишь выслушивал чей-то монолог.

— Все понял, — сказал он под конец разговора и закрыл крышку телефона. Сразу после этого на него вопросительно уставились сразу четыре пары глаз. Вслух никто спрашивать не решался, но бойцы явно ждали ответа на свой немой вопрос.

— Так, — мрачно произнес Сергей. — Маленькие сложности по жизни. Получается, что нам надо быть сразу в двух местах. Один человек такого проделать не может, но пятерым разделить можно. Топорик и Алик поедут со мной, а Таран с Милкой останутся здесь. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит. Вопросов не должно быть, все равно не отвечу.

— Это понятно, — произнес Юрка. — Телефона, конечно, не оставите?

— Конечно, не оставим. По идее, приедем довольно быстро. А вам лезть в эфир без мазы. За то, чтоб наш гость не ушел и не попал в чужие руки, отвечаете головой. Никто серьезный вас здесь не найдет, а несерьезных, надеюсь, сами отошьете. В конце концов, сойдете за влюбленных.

— Приятно слышать, — хмыкнула Милка. — У нас, Юрик, вообще сплошная любовь на уме. Жалко, блин, что сыро!

— Ничего, — подыграл Таран, — перетерпим!

— Ну вот и отлично, — буркнул Ляпунов. — Приятного вечера, вылезайте из машины и отворяйте ворота! Если будете замерзать, разрешаю в балок зайти. Там посуше... Да! Вот еще что! Оставлю-ка я вам ключи от кузова и от двери бункера. На случай, если мы задержимся, а клиент проснется через три часа и, допустим, захочет в сортир. Можете его вывести наверх, но только внутрь сарая. После этого опять уколете — и на то же место до нашего возвращения.

Юрка с Милкой открыли ворота, Топорик выехал из сарая, а затем газанул и быстро покотил к выезду из карьера.

— Пошли, что ли, в балок, — предложила Милка, — а то тут и правда отсыреешь! Тем более я, блин, от юбок отвыкла...

Таран кивнул, и они почти бегом перебежали несколько десятков метров, отделявших сарай от ближайшего балка. Дверь открылась без проблем, никакого замка на ней, конечно, не оказалось. Но стекла в окнах сохранились, и крыша действительно была не худая. Мебели, конечно, не имелось, за исключением маленького столика, привинченного к стене у окна, справа от двери. Очень порадовало, что никакой бомж не попользовался вагончиком в качестве сортира. На первый случай сойдет...

КРУТАЯ ПАРА — ГУСЬ ДА ГАГАРА!

— Отсюда сарай как на ладони, — сказала Милка. — Если этот вдруг выберется

— враз заметим.

— Ни хрена он не выберется, — мотнул головой Юрка, — легче, блин, зубами подкоп выкопать...

— Это точно! — ухмыльнулась напарница. — Вполне можно было всем уехать. А то сиди да скучай, дожидайся у моря погоды...

— Если б еще было на чем сидеть, — проворчал Таран. — Надо было из «буханки» хоть одно сиденье сюда притащить. А теперь хрен — заперто!

— Может, в других балках что-нибудь нашарим? — предположила Милка.

— Другие торцами к сараю стоят, не присмотришь так, как отсюда.

— Ну тогда перенесем сюда! — энергично заявила Мила. — Пошли!

Ежась от морозящего дождика, перебежали к соседнему балку. Там даже столика не уцелело, к тому же часть пола была выломана и окна побиты. Перескочили к третьему. С этого не только пол, но и часть обшивки ободрали, да и с крыши посдирали покрытие. А вот в четвертом, куда заходили уже безо всякой надежды «что-нибудь нашарить», совершенно неожиданно обнаружили старинный дерматиновый диван, без спинки и валиков, облезлый и потрескавшийся, но вполне пригодный для того, чтоб сидеть на нем.

— То, что доктор прописал! — констатировала Милка. — Взяли!

Конечно, диван оказался тяжелый, и для того, чтоб перетащить его из вагончика в вагончик, пришлось попытеть, тем более что двери были узкие. Но зато, когда дотащили, настроение сильно улучшилось. По крайней мере, комфорту прибыло.

— Во, — порадовалась Милка, усаживаясь, — сидеть иногда приятно, если не в тюрьге! Пожалуй, и прилечь можно, если надо!

И хмыкнула, подмигнув Тарану.

Юрка уселся и сказал:

— Прилечь хорошо после сытного обеда и где-нибудь дома. А то, блин, это мороженое и сок — одно расстройство, а не жратва.

— Это ты прав, — кивнула Милка, которая сама любила покушать. — Калории в мороженом, конечно, есть, но я бы сейчас пару котлет с картошечкой навернула. Ну, ничего, на ужин-то нас доставят, я думаю?

— Я лично, — вздохнул Юрка, — морально готовлюсь к завтраку. Меня этот звонок Ляпунову именно на такую мысль настраивает. Что-то у них не склеилось, по-моему!

— Фиг его знает, — мрачно произнесла Милка. — Наше дело сидеть и ждать. Хотя на фиг это нужно — неизвестно. Клиент и так, блин, никуда не денется.

— Ну, оставлять его просто так, конечно, нельзя, — возразил Таран. — Мало ли, еще зайдет кто-нибудь, а он выть или орать из-под земли начнет.

— Ни хрена его оттуда не услышат, — хмыкнула Милка. — Просто Серега решил перестраховаться или Птицын так приказал. А мы тут скучать будем, не жравши.

— Куда денешься, жизнь такая...

— Да уж, как видно, никуда не деться. Серега приятного вечера пожелал...

Помолчали. За окном моросил дождь, на обрывах карьера шумел облетающей листвой лес, гнусно-серые облака тянулись по небу, затянутому мутной пеленой. Тоска! Ностальгически вспоминалось лето, особенно жаркий июнь, когда Юрка был в отпуске и купался по три раза в день.

— Чего грустишь? — Милка положила Тарану на плечо тяжелую лапу. — Скучать — это не воевать, верно? Служил бы в нормальной армии — так небось ползал бы сейчас по горам, «духов» зачищал. А так — вроде и служишь, а вроде и нет.

— Нам и без «духов» возни хватало... — проворчал Юрка. — Вот так уже настроился за эти четырнадцать месяцев!

— Да, блин, есть что вспомнить! — кивнула Милка. — Кажется, всего ничего времени прошло, а кажется — лет сто, не меньше...

Да, четырнадцать месяцев назад они еще не знали друг друга и не представляли себе, сколько придется испытать за этот относительно короткий отрезок времени.

Юрка тогда был всего-навсего выпускником средней школы, боксером-второразрядником, которого выгнали из ДЮСШ с формулировкой «за неспортивное поведение». У Милки биография была побогаче: за плечами — детдом, занятия легкоатлетическим многоборьем, два года ИТК за драку, потом еще три за торговлю наркотиками, занятия проституцией, убийство сутенера, «работа» в личном порнотеатре областного пахана Дяди Вовы, где она изображала садистку и расхаживала в костюме «Зены — королевы воинов».

В принципе они не должны были встретиться. Таран, хоть и числился «грозой района» среди старшего школьного возраста, в криминальный мир особо не рвался. Милка там уже давно была своей и иной жизни на ближайшую перспективу себе не представляла.

Но жизнь распорядилась по-иному. Первая любовь Юрки — интеллигентная стерва по имени Даша, выдававшая себя за студентку театральной студии, а на самом деле — проститутка по вызову, втравила Тарана в разборки с очень крутой публикой, из которых он, по идее, не должен был выйти живым. Но, видать, бог был на его стороне — Юрка не только выкрутился из всех передряг, но и нашел себе надежную защиту в лице МАМОНТа — Мобильного антимафиозного отряда нелегального террора, эдакого частного спецназа, руководимого бывшим полковником Генрихом Птицыным. В отряд же пришлось поступить и Надьке Веретенниковой, бывшей однокласснице Тарана, которая позже вышла за Юрку замуж.

Правда, в первый же день службы Тарана похитили братки Дяди Вовы, решившие использовать Юрку в качестве взрывника-камикадзе, а заодно подставить МАМОНТ под удар правоохранительных органов. Но Юрке и здесь повезло: на воздух взлетели авторитеты и их чиновные покровители, а сам Таран, побегав малость по лесам и переплыв речку, случайно вышел к тому месту, где Милка, имевшая возможность бегать в «самоволки» из «театра» Дяди Вовы, культурно отдыхала на бережку. Вот так они и познакомились. А потом Милка тоже стала «мамонтихой», благо физические данные у нее для этого были вполне подходящие.

После того как они вдвоем расшуровали Бовину «хазу», а потом и самого Дядю Вову отправили к праотцам, Юрке и Милке еще не раз приходилось попадать в разные передряги. Прошлой зимой они на пару разнесли логово Вани Седого, весной в компании с Ляпуновым похищали компьютерную умницу Аню Петерсон и экстрасенсиху Полину с нелегального завода психотропных препаратов, принадлежавшего господину Антону, минувшим летом

выручали самого Птицына, угодившего в «зندان» к некоему Дяде Федору... вспомнить, конечно, было что.

Например, как летом прошлого года, спасаясь от Бовиных братков, ползли через узкое пространство между полом одного этажа и перекрытием другого или как этой зимой чудом уцелели в подземельях бывшего пионерлагеря «Звездочка», заминированных Ваней Седым. При взрыве их тогда завалило обломками, а чудо состояло в том, что бетонные плиты по божьему промыслу образовали нечто вроде шалаша или вигвама, где Юрка и Милка избежали опасности быть раздавленными.

— А мне с тобой в кафе сидеть понравилось, — заявила Милка, — девка эта, мороженщица, аж завидовала. Дескать, как же этой толстой корове — мне то есть! — удалось такого фраерка захавать.

Таран ничего такого за мороженщицей не заметил. Ему лично казалось, что эта девица дремала за стойкой, почитывая любовный роман, и на них с Милкой не смотрела. Однако Юрка понимал, что Милке будет приятно, если он согласится с ней.

— Насчет «коровы» ты это зря, — произнес Юрка. — У тебя фигура — дай боже всякой другой. Мне кто-то говорил, блин, что в Голландии был такой художник, который исключительно таких баб рисовал. Рубенс, кажется. Так вот, ты рубенсовская женщина.

— Мерси за комплимент! — хмыкнула Милка. — А я-то думала, что художники только худышек уважают. Между прочим, мне твоя Надька показывала свой портретик, который ты карандашом нарисовал. Очень клево! Похожа как две капли воды. Ты что, учился по этому делу, да?

— Нет, — отмахнулся Таран, немного поморщившись. — Это я так, баловался. Помнишь Дашку?

— Ну!

— Так вот, когда я был в нее влюблен как дурак и считал, блин, существом неземным, то пытался, типа того, подтянуться до ее уровня. Она же вся из себя интеллигентная была! — саркастически-безжалостно оскалился Юрка. — Ну, я тогда на гитаре играть научился, стишата сочинял, а заодно еще и рисовать пытался. В музеи и на выставки ходил, приглядывался, как тени кладут, чтоб объемно получалось, другое всякое... Штук сорок ее портретов карандашом начирикал. Так помаленьку и научился.

— Ни фиги себе! — покачала головой Милка. — Должно быть, все-таки польза была от этой любви, раз в тебе такие таланты пробудились. А мне вот никто стихов не писал и портреты не рисовал. Только трахали, и все... Рубенс этот жив еще?

— Помер, — вздохнул Юрка, — я только забыл, в каком веке, шестнадцатом или семнадцатом.

— Жалко! А другим я точно не подойду. Взят бы да нарисовал меня, а? предложила Милка.

— Как-нибудь попробую, — хмыкнул Таран. — Но не сегодня.

— Это понятно. Карандаша при себе нет! — вздохнула Милка.

Юрка неожиданно захохотал.

— Ты чего?

— Вспомнил один прикол из прошлого года. Насчет карандаша. Помнишь, в прошлом году,

когда мы Вову зажали? Приехали тогда на моторке к тому месту, где его водила с машиной ждал, Сеня?!

— А-а! — радостно улыбнулась Милка. — Точно-точно! Я тогда его спросила: «Сеня, у тебя ствол есть?» А Сеня спохабничать решил и даже глазки мне соорил, с понтом дела: «Смотря какой...»

— Ну! — ухмыльнулся Таран и процитировал Милкину отповедь дословно, даже сумев передать ее интонации: — «То, на что ты намекаешь, юноша, лично у тебя не ствол, а огрызок карандашика...»

Милка громогласно расхохоталась, а потом сказала с легкой грустью:

— А ты меня тогда так и не трахнул, не пожалел бедную старую женщину! Фи!

— Мил, — произнес Таран, — мы ж вроде договаривались, что будем как брат с сестрой...

— Договаривались, — кивнула Милка. — Но вообще-то мне обидно. Я понимаю, если б ты своей Надьке был повсеместно верный и весь из себя чистый, как Белоснежка. Но ведь весной-то гульнул в Москве? Аню эту прибалтийскую поимел, потом Полину и еще двух зараз каких-то. А я, значит, только в старшие сестры и гожусь?!

— Нет, почему же... — пробормотал Таран, который был уже не рад, что вспомнил былое.

— Ладно, не бойся, — проворчала Милка, — насиловать тебя не буду. Тогда я ширнутая была, конечно... Но просто обидно, понимаешь? Полина эта самая тебя чуть не угробила, а ее ты отдрючил за милую душу. А я...

Милка осеклась, должно быть, с досады, но Юрка и так понял, что она сказать хотела. Дескать, если б не я, так ты б и вовсе мог до девятнадцати лет не дожить... Но постеснялась такие заявления делать. Села, опустив могучие плечи и понутив голову.

— Ну чего ты? — виновато произнес Таран. — Не сердись, а? И сделал попытку провести рукой по Милкиной короткой прическе.

— Что ты меня гладишь, как кошку? — буркнула она. — Отвали, не трави душу!

Таран отдернул руку, как от кипятка, а Милка вдруг закрыла лицо ручищами и отчетливо всхлипнула. Никогда Юрке не доводилось видеть, чтоб она ревела. Он даже думал, будто Милка вовсе не умеет этого делать.

— Ну не плачь! — робко попросил Таран. — Что ты в самом деле, ни с того ни с сего...

— Ни с того ни с сего? — прорычала «Королева воинов», возмущенно шмыгнув носом, и Юрка обеспокоился, как бы она его не отоварила сгоряча. Потому что, если хорошо попадет, запросто может челюсть своротить или нос свернуть. Но Милка бить его не собиралась. Она улеглась на диван, отвернувшись от Тарана и свернувшись калачиком, и затряслась от самых настоящих рыданий.

Юрка растерялся. Ну и народ эти бабы! Вроде бы сидели хохотали, вспоминали всякие вполне мужские передряги, в которые вместе попадали. Милка, которая ни крови, ни смерти не боялась, всегда казалась Тарану очень надежным боевым товарищем. Хотя при начале знакомства, еще летом прошлого года, Милка, посаженная Дядей Вовой на какой-то сверхмощный секс-стимулятор, от которого бабы с ума сходили, прямо-таки бросалась ему на шею. После того как ее избавили от этой зависимости, ничего похожего не появлялось. Весной, когда Таран и впрямь здорово погулял от законной жены — Надька до сих пор об этом ничего не знала, а Таран в этом грехопадении неустанно каялся! — Милка просто

облаяла Юрку, впервые произнеся кое-что из того, что было теперь повторено. Слова, которые тогда прорычала разъяренная «Зена», так и звучали у Юрки в ушах: «Я думала, ты совсем чистый парень. И мне, кобыле эскадронной, нельзя до тебя, стерильненького, касаться, чтоб не запачкать. Но оказалось, что ты нормальный кобель, как все мужики. И тогда получается, что я, блин, хуже всех, что ли?»

А сейчас вот реветь взялась... Наверно, Милка минут бы через пять сама проревелась и успокоилась. Но Таран ощутил к ней такую сильную жалость, что не смог равнодушно глядеть на эту мелодраматическую сцену.

— Не плачь, пожалуйста! — попросил он чуть ли не детским голосом. — Ну стоит ли так расстраиваться, в самом деле?

И как-то почти произвольно вновь присел на обтрюханный диван, а затем, преисполненный исключительно мирными настроениями, прилег рядом с ней, не очень тесно прижавшись к ее туго обтянутой жакетом спине.

Милка сопела все еще сердито, но уже помягче:

— Уйди, а? Не буди во мне зверя...

А сердце у нее затुकало чаще, это Юрка сразу почуял даже через одежду, и ему непреодолимо захотелось обнять, потеснее прильнуть к ней. Хотя, вообще-то, какова будет ответная реакция этого могучего существа на Юркину нежность, предсказать было трудно. Милка запросто могла отшвырнуть его от себя, как щенка, и даже на пол сбросить! Но Таран все-таки обнял ее, положив руку на плечо.

— Испачкаться не боишься? — проворчала Милка, шмыгнув носом.

— Не-а, — произнес Юрка, главным образом чтоб сказать то, что ей приятно было слышать. Вообще-то, покамест у него насчет секса ничего и в мыслях не было. Но Милка в этот момент несильно дернулась и слегка толкнула Тарана своей крупноформатной задницей. Крепкой такой, мощной, но очень приятной. Конечно, она явно не собиралась спихивать его с дивана. Если б захотела — Юрка отлетел бы метра на полтора, куда-нибудь под столик, привинченный у окна балка.

Однако этот толчок сделал свое черное дело. Юркины гуманитарные соображения сменились самыми что ни на есть конкретными, и он уже совсем тесно прижался к Милке, чуя, как жаркая дрожь покатила по всему телу. Он воровато просунул ладонь за борт Милкиного жакета и положил ее туда, где под тонкой зеленой водолазкой бугрился ее большущий бюст, номера эдак пятого, а то и шестого.

— Ты это серьезно? — спросила Милка полупшепотом. — Не будешь потом жалеть и каяться?

— Не-а, — дурея от возбуждения, пробормотал Таран и поцеловал ее в не прикрытое коротко стриженными волосами ухо.

— Крутая пара — гусь да гагара! — пробормотала Милка и, резко перевернувшись с одного бока на другой, жадно обняла Юрку, прямо-таки впившись ему в губы сумасшедшим поцелуем...

ПОСЛЕ ПЯТИ В 611-м

В 611-м никаких трупов действительно не оказалось, и Ирина Колосова смогла благополучно вселиться в него. Более того, преодолев некоторый дискомфорт санузел в номере был точно такой же, как этажом ниже, где обнаружили труп, она наполнила ванну горячей водой и ополоснулась с дороги.

Вообще-то, в ванну Ирина полезла не без тайной мысли подслушать то, что происходит внизу. Как известно, звук и по вентиляции хорошо распространяется, и по стоякам водопроводных труб. Но увы, в данном случае звукоизоляция оказалась хорошей, и ничего, кроме невнятного «бу-бу-бу», с пятого этажа до Ирининых ушей не долетело. Так что оставалось надеяться на Ванечку Муравьева, который обещал появиться после пяти.

До пяти оставалось еще почти два часа. Ирина сходила к горничным за кипятком и заварила чайку. Надо было слегка подкрепиться, а топать в гостиничный ресторан с мокрой головой ей не хотелось. К тому же уже пора было позвонить и доложить о своем прибытии. Правда, точного времени, когда звонить, ей не устанавливали, но тянуть с этим делом не стоило. В конце концов, она приехала в город вовсе не за тем, чтоб встретиться с Муравьевым.

Допив чай с бутербродами, Ирина сняла трубку телефона,

установленного в номере, набрала код для выхода в городскую сеть, потом номер нужного абонента. Немного погудело длинными, а затем отозвался автоответчик:

— Здравствуйте, если вы собирались позвонить Анатолию, то его нет дома. Оставьте ваше сообщение после гудка.

Все так и должно было быть. Хотя, возможно, на самом деле на другом конце провода все-таки кто-то слушал.

Ирина дождалась гудка и произнесла заранее условленную фразу:

— Толик, это Ирина. Буду рада с тобой встретиться. Жди завтра в гости около семи вечера. Целую!

По правде сказать, кто такой Толик и существует ли он в действительности, Колосова не знала. И в гости она, конечно, никуда не собиралась, тем более что даже не имела представления, по какому адресу установлен телефон. Все, что она надиктовала автоответчику, означало только одно: «Я приехала, к работе готова». Кроме того, там, на другом конце провода, аппарат записал номер телефона, с которого она звонила. Теперь ей надо было ждать звонка, подтверждающего, что ее сообщение принято и все идет по заранее намеченному плану.

Прошло примерно минут десять, и телефон зазвонил.

— Алло! — отозвалась Ирина.

— Простите, это гараж? — прозвучало из трубки.

— Нет, это морг! Вы ошиблись номером! — умело изобразив раздражение, ответила Колосова.

— Простите великодушно! — произнес неизвестный абонент, и Ирина повесила трубку.

Этот короткий обмен фразами означал, что все нормально, и завтра, отнюдь не около семи вечера, а точно в 12 часов дня, Ирина должна будет появиться в офисе некой фирмы под названием «Кентавр», где ей объяснят поподробнее, зачем, собственно, она приехала в этот город. В общем, до завтрашнего полудня она могла считать себя относительно свободным человеком, но при этом не покидать гостиницу и номер больше чем на час. Потому что, как предупредили ее в Москве, граждане из фирмы «Кентавр» могут и отменить встречу. В этом случае последует очередной «ошибочный» звонок, когда абонент попросит к телефону заведующего гаражом. На это надо ответить: «Никакой это не гараж! Вы какой телефон набираете?» Тогда тот, кто «ошибся номером», должен назвать номер телефона, где первые две цифры будут означать число, а последние четыре — время, на которое переносится

Иринин визит в «Кентавр».

До пяти часов никаких звонков не последовало, а примерно в 17.15 в дверь номера постучал Иван Сергеевич Муравьев.

Сказать по правде, Ирине не стоило встречаться с ним в номере. В здешнем бабском коллективе этот факт незамеченным скорее всего не пройдет и может при особо неудачном стечении обстоятельств повлечь весьма плачевные последствия. Такие, которые им обоим могут жизни стоить.

Тем не менее Колосова решила рискнуть. Прежде всего потому, что очень хотела знать как можно больше о том, что произошло в 511-м номере. Хотя в принципе все это могло не иметь ровным счетом никакого отношения к ее здешней миссии, исключать возможную связь смерти «приезжего с Украины» и того, что ей предстояло делать в этом городе, тоже не следовало. Тем более что Ирина пока еще толком не знала, какие конкретные задачи ей предстоит выполнять. То есть, конечно, Ирина Михайловна, как правило, везде выполняла поручения одного плана. Это была ее основная специализация, и в своем деле она была профессионалом. Однако конкретика вопроса ей еще не была известна. Тем не менее обостренная интуиция Ирины Михайловны подсказывала ей, что гражданин, предположительно покончивший жизнь самоубийством (а ему и могли помочь!), имел какое-то отношение к здешним криминальным делам. А все, что имело отношение к областному криминалитету, Ирине было отнюдь не безразлично.

Помимо этой, чисто деловой стороны вопроса, имелась еще одна. Все-таки Ванечка Муравьев был для Ирины не чужим человеком. А она, несмотря на то, что занималась делами весьма суровыми и опасными, все-таки оставалась женщиной. Не юной, но и не древней старушкой. Конечно, роман с женатым мужиком отнюдь не первой свежести, папашей двух детей, с моральной точки зрения смотрелся не очень приглядно. Тем более что тянулся он уже давно и нерегулярно, от случая к случаю. Но Ирине на моральные соображения, сказать откровенно, было наплевать.

И потому она не стала делать вид, будто в номере никого нет, а открыла дверь и впустила Муравьева в комнату. Он пришел с пластиковым пакетом, где находилась бутылка шампанского, коробка шоколадных конфет и небольшой букет из трех розочек.

Запирая дверь за гостем, Ирина воровато оглядела коридор — не маячит ли кто, не заметила ли какая-либо стерва этого визита. Коридор вроде бы был пуст, но фиг его знает, может быть, некая любопытная Варвара успела подглядеть и спрятаться?

Муравьев тем временем выставил на стол бутылку, выложил коробку с конфетами, налил воды в маленькую вазочку и поставил в нее цветочки.

— Красиво получилось, — сдержанно похвалила Колосова. — Сразу видно, что к любимой женщине пришел.

— Соскучился я по тебе, Ирунчик, — откровенно произнес экс-старшина. Даже не представляешь, наверно, насколько сильно...

— Представляю, — с заметной иронией вздохнула Ирина. — Жена этого не замечает?

— Как тебе сказать, — хмыкнул Муравьев, — стараюсь, чтоб не замечала. У нас вообще все нормально. Пацан и девка учатся, денег теперь хватает. В «Антаресе» пять тысяч в месяц платят, не хило.

Колосова, вообще-то, могла бы расхохотаться при этих словах, и не потому, что пять тысяч рублей в месяц были для нее смешными деньгами. Просто она знала, что Ивану Сергеевичу

волею судеб причитаются намного более крутые суммы, которых он, впрочем, и в глаза не видал, и даже не знает покуда, что ему положены эти деньги. Но, конечно, смеяться она не стала. Тем более что ей хотелось поскорее выспросить, что же Ваня выудил у своих бывших коллег по поводу трупа в ванной 511-го номера. Впрочем, Муравьев и сам понимал, что о любви разговор -пойдет несколько позже.

— Я чую, — произнес он, — у тебя покамест на уме тот жмур, что в номере под нами, верно?

— Увы и ах — именно так, — вздохнула Ирина.

— Ну, тогда начну с доклада, — ухмыльнулся Иван. — Действительно, гражданин приехал с Украины, подданный батьки Кучмы. Гнатюк Петро Тарасович, 1965 года рождения, украинец. Во всяком случае, по такой ксиве регистрировался в гостинице. Судя по наколкам — сидел, минимум пару ходок сделал. Одна — за разбойное нападение. Действительно, выписался три дня назад, в 17.30. Наши ребята из охраны подтверждают, что он вышел из здания и сел в такси. С тех пор никто из персонала его не видел. Опять же, если им поверить. Сама понимаешь, что ни Валька, ни ее сменщица Маруся не больно заинтересованы сознаваться, что у них кто-то левый проживал. Официально все эти три дня номер пустовал, а штатный ключ с гирькой висел у администраторши на первом этаже.

— Это ты прав, — хмыкнула Ира, — если они левака поселили, то будут отпираться изо всех сил. Что еще интересного? В номере что-нибудь нашли?

— Ну, ничего такого, за что статьи дают, там не было, — сказал Муравьев. В ванной одежда лежала: трусы, майка, тренировочные, шлепанцы типа «вьетнамки». В гардеробе — пиджак, брюки, плащ, ботинки и шляпа. Еще был чемоданчик небольшой, с вещами. Бумажник нашли в пиджаке. Там паспорт имелся и денег немного — сотен пять-шесть рублями, я только издали видел, не уточнял. Но что занятно: мужик вроде бы по бизнесу в город приезжал. А записной книжки в бумажнике нет. Калькулятор есть, а книжка отсутствует. Странновато, верно? Все-таки память у нормального человека, даже если он бизнесом занимается, — это не компьютер. Если не записывать, голова лопнет. Некоторые, конечно, сейчас электронные книжки имеют, но у него никакой не было.

— Менты это подметили?

— Подметили, но, по-моему, особо мучиться на эту тему не собираются. Вообще, им очень хотелось с этим делом покончить, так, чтоб выдать все за самоубийство...

— А разве это не было самоубийством? — с плохо скрываемым волнением спросила Ирина.

— То ли было, то ли нет... — хмыкнул Муравьев. — С одной стороны — не подкопаешься: номер заперт изнутри, санузел тоже. Окно тоже заперто на шпингалеты — и обе рамы, и даже , обе форточки. То есть получается, что товарищ Гнатюк помер в гордом одиночестве.

— Но ты все-таки сомневаешься? — Колосова посмотрела Ивану в глаза.

— Я? — произнес он. — Я не сомневаюсь. Я просто уверен, что его замочили.

— И кто же? Бесплотный дух, который под двери просочился?

— Нет, вполне обычные люди. Скорее всего двое или трое мужиков... или одна баба.

— С чего ты взял?

— Прежде всего с того, что этот самый Петро Тарасович уж очень нехилый мужик. Килограммов девяносто в живом весе был. Чтоб такого скрутить, надо минимум два жлоба. Впрочем, возможно, если он пьяный был, то и одной бабой обошлись. Опоила чем-нибудь,

зазвала ванну принять совместно — и бритвой по горлу. Но пузырья, вообще-то, ни пустого, ни початого, в номере не нашли. Конечно, если не совсем дура, могла и унести куда-нибудь отсюда. Ну, менты экспертизу, наверно, все-таки сделают и выяснят, пил он что-нибудь или нет.

— Но мне так и непонятно, почему двери были закрыты?

— Идем, покажу! — улыбнулся Иван. Они подошли к санузлу, Муравьев открыл дверь и посмотрел на задвижку.

— Точно такая же! — с удовлетворением констатировал он. — И так же свободно ходит.

Иван Сергеевич вынул из кармана кусок стальной проволоки с петелькой на конце, надел петельку на рукоятку задвижки, притворил дверь, немного прижав ее к филенкам, а затем сильно потянул за конец проволоки. Щелк! — задвижка закрылась.

— Ну, а после этого можно выдернуть проволоку — и полное ощущение, будто дверь за собой покойник закрывал... — с грустной улыбкой произнес экс-старшина. — Но я этого делать не буду, потому что тебе, наверно, еще понадобится сюда заходить.

Муравьев вновь прижал дверь и на сей раз немного толкнул проволоку вперед. Щелк! — задвижка отошла назад, и дверь открылась.

— Но ведь еще и дверь номера была изнутри закрыта! — напомнила Ирина. Притом на ключ. А его такой провололочкой не повернешь...

— В принципе если в ушко ключа аккуратно всунуть карандаш, а за нижний конец карандаша все ту же проволочку привязать, то можно! — возразил Иван. Конечно, при этом карандаш внутри номера остается, но можно и с этим делом справиться, если на пол под дверь газетку подстелить и осторожноенько сронить на нее карандаш. Потом вытянешь газетку с карандашом и иди гуляй... Но, конечно, это слишком заметно. В коридоре люди ходят, могли бы запомнить, что кто-то у двери возился. Здесь все сделали проще...

— Интересно, как? — Ирина уже почти готова была поверить в то, о чем с ленцой в голосе рассказывал Муравьев.

— Вот смотри, напротив двери санузла — стенной шкаф-гардероб. В соседнем номере, 613-м, точно такой же...

— И у них общая ниша?! — догадалась Колосова.

— Так точно. Шкафы отделены друг от друга переборкой из фанерованной ДСП. Но переборка эта состоит из трех плит. Самая большая вот тут, — Иван показал на среднюю секций шкафа, где на плечике висела Ирина куртка — Но ее, наверно, тяжело снимать было. Самая маленькая плита — наверху, куда головные уборы кладут. Там узковато, даже мальчишка не пролезет. А вот внизу, где обувь, самое оно. Здесь, у тебя, она крепко приколочена, а там, в 511-м, только надави — и ляжет... Это я, правда, чуть попозже выяснил. Вот эти реечки треугольного сечения, типа плинтуса, у тебя и в 613-м зажимают ДСП с двух сторон. А в 513-м они с той стороны отодраны. Стало быть, надо искать того товарища, который в 513-м проживал.

— Да-а... — протянула Ирина. — А оперы этого не заметили?

— Я думаю, постараются не заметить, Ира.

Колосова на несколько минут задумалась, а потом сказала:

— Допустим, ты мне доказал, что некто мог оставить обе двери закрытыми, а сам вылез через шкаф и потом спокойно ушел через 513-й номер. Но это еще не доказывает, что этого самого Гнатюка зарезали.

— Понимаешь, Ира, — покачал головой Муравьев, — если б я самого главного не разглядел, то не стал бы вычислять, как можно было уйти, оставив двери закрытыми изнутри.

— Ну, и что ж ты разглядел?

— Во-первых, то подозрительно, что этот блатняга себе горло располосовал. Обычно вены на руках режут, а у него сонная артерия перерезана. Во-вторых, в ванне, рядом с трупом, лежала открытая клинковая бритва. Вроде бы все понятно, зарезался и уронил в воду. Но на полочке под зеркалом или над умывальником как хошь считай! — стоял стаканчик с безопасной бритвой. «Жиллет-плюс», по-моему. Очень редко бывает, чтоб мужик и той, и другой брился. Ну, и самое главное — рана идет не под тем углом...

— Как это?

— Нехорошо, говорят, на себе показывать, но все же покажу, так и быть, Иван взял в правую руку Ирину расческу, лежавшую на столе, и приложил к горлу с левой стороны. — Представь себе, что это бритва, и я сижу в ванне, вытянув ноги. Короче, собираюсь зарезаться. Видишь? Чтоб быстро и сильно самому себя резануть, надо вести бритву сверху вниз и наискось, слева направо. То есть левый конец раны должен быть намного выше правого. А на самом деле почему-то правый край выше. Так могло получиться, ежели его сзади за под бородок захватили, а потом сзади по горлу дернули. Уловила?

— Да, кажется... — вздохнула Колосова.

— И еще одно, — добавил Муравьев. — Там, в санузле, пол очень чистый. Хотя, по идее, Гнатюк этот самый лежал, опираясь спиной на ванну, а головой на стену. На краю ванны кровь есть, а на полу — ни капельки. А бортик ванны скругленный, покатый, так что если на него кровь лилась, то должна была и на пол капать. Неужели, блин, этот мужик с перерезанным горлом был такой аккуратный, что за минуту до смерти взял тряпочку и протер пол? Да еще и тряпочку после этого в туалет спустил...

— Значит, эти, которые его зарезали, излишне перестраховались?

— Скорее всего кто-то из них в эту кровь ногой вляпался.

Ну и, чтоб следов не оставлять, все затер. Не сообразив, что чистый пол тоже может подозрения вызвать.

— Послушай, я, может, и не эксперт по части того, как людей резать, задумчиво произнесла Ирина, — но могу догадаться, что по крайней мере тот, кто ему горло бритвой располосовал, должен был порядком в крови перепачкаться. Ну, и как ему после этого уходить из гостиницы?

— Правильный вопрос. Могу предложить два варианта на выбор. Первый: Гнатюка мочили несколько мужиков. Извоились в крови, вылезли в 513-й номер, там ополоснулись, переоделись и смылись. Второй вариант: баба. Она могла вообще голой туда зайти. Зарезала, окатилась под душем, вытерлась сухим полотенчиком, оделась — и в родной 513-й. Сказать откровенно, мне в этот второй вариант больше верится. 513-й тоже одноместный, значит, один или двое должны были откуда-то со стороны появиться, то есть их кто-нибудь из obsługi мог бы заметить. Опять же, даже если они очень ловкие и здоровенные, бесшумно сделать этого хлопца было бы нелегко. Не говорю, что совсем невозможно, но труднее. А вот змея какая-нибудь с красивыми ножками

— запросто бы его уработала.

— Ты еще не справлялся, кто жил в 513-м, как я поняла?

— Пока не рискнул. С Валькой у меня особой доверительности нет, опять же есть подозрения, что она этому Петру дозволила нелегально проживать в гостинице. Ну, время пока терпит, я думаю. У администраторши можно узнать, по книге приезжающих. Одно мне непонятно, Ирунчик...

— Что?

— Да отчего тебя вся эта история заботит? Конечно, понимаю, что ты мне всего рассказать не можешь, но так, в общих чертах, наверно, можно объяснить?

— Пока, Ванечка, лучше не объяснять. Давай лучше шампанское откупорим, как завещал товарищ Пушкин!

ИЗМЕНЩИК КОВАРНЫЙ

Дождь за окном старого балка накрапывал точно так же, как полчаса назад, только небо стало чуть потемнее, дело к вечеру близилось. Ветер все так же шелестел, подвывал и изредка посвистывал. Ничего особо не изменилось, если иметь в виду окружающий балок карьерный ландшафт и другие природные явления.

Однако теперь Таран смотрел на все это какими-то другими глазами. Да и вообще, на душе у него было как-то беспокойно. Словно три пряди в одну косичку сплелись — восторг, удивление и стыд.

Конечно, Юрка уже не в первый раз переживал что-то похожее. Весной он здорово разгулялся — Аня, Фроська, Полина, Василиса. Все как в угаре, сумасшедший дом. Тогда он был вообще готов умереть, лишь бы не смотреть Надьке в глаза. Но пережил как-то и даже не стал сознаваться в своих грехопадениях. А потом все ухабы на душе заровнялись, и Таран даже стал считать все произошедшее в мае эдаким приятно-дурным сном. Само собой разумеется, что он клятвенно уверял самого себя, что больше никогда и ни с кем Надьке не изменит. Более того, в голове у Юрки даже звучало нечто угрожающее, типа строки из присяги: «...А если я нарушу эту торжественную клятву, то...»

И вот — нарушил. Да, он прекрасно знал, что ему «после того» будет стыдно. Хотя Милка — баба надежная, неболтливая и выказывать свое торжество широкой дамской публике не будет. Возможно, она тоже немного кается — все-таки к Надьке она всегда относилась неплохо. И Таран до сего дня видел в Милке нечто среднее между старшей сестрой, молодой теткой и просто приятельницей. Сама Милка, несмотря на общую простоту нрава — за минувший год у нее, поди-ка, с десятков «мамонтов» в кавалерах числилось! — в Юркину личную жизнь тоже не вмешивалась. Но тут, должно быть, с темпераментом не совладала. Как и Таран, впрочем.

Однако стыд, накотивший на Юрку постфактум, был намного меньше, чем прежде. И, разумеется, никаких самоубийственных мыслей, типа тех, что посещали его в мае, у него и близко не было. Именно это и вызывало у Тарана чувство удивления.

Глядя как бы со стороны на свою реакцию, Юрка удивлялся тому, как быстро он находит оправдание своим поступкам, как легко переходит от покаянных мыслей к цинично-фривольным. А заодно, конечно, у него проскальзывали и совсем бесстыжие

мыслишки. Дескать, все мужики так живут, жили прежде и в следующем тысячелетии ни фига не изменятся. Соответственно ему нечего стыдиться. Конечно, некий бес в душе нашептывал, что и Надька не безгрешна. Таран посещает ее только в выходные, а как она остальные пять дней в неделю проводит, знает лишь с ее слов да со слов тещи, тети Тони. Конечно, по словам Надькиной мамы, она все время проводит с Алешкой-Таранчиком, но разве мать расскажет мужу дочери полную правду? Ой, навряд ли! Ну и слава богу, пусть каждый из них, и Таран, и Надька, о своих делишках будут помалкивать. Любовь у них все-таки настоящая...

В этом факте Юрка прежде никогда не сомневался. И сейчас продолжал убеждать себя в том, что это не подлежит сомнению. Однако это был только официальный лозунг. На самом деле Таран уже настолько подрос в плане умения оценивать собственные чувства, что не мог не подвергнуть свою «Декларацию о любви» критическому осмыслению.

Под верхним слоем его эмоций, в коих продолжала доминировать установка на истинность и высоту чувств к Надьке, скрывалось понимание того, что в этих самых чувствах нет ничего похожего на ту настоящую, почти святую любовь, которую он испытывал к Дашке (до того, как узнал всю правду об этой сучке). Прошлым летом, после того, как Юрка, много чего пережив, очутился в объятиях своей нынешней женушки, ему казалось, что он вновь полюбил, и Надька начисто сотрет мерзкую предательницу из его памяти. Но вот черта с два! За год, прожитый с Надькой, в общем и целом очень счастливый, несмотря на всякие нюансы, Таран отнюдь не забыл Дашу. Ее тело давным-давно растворилось в кислотном стоке химкомбината, даже косточек не осталось, но в душе у Юрки она продолжала жить.

Расхожая формула из гражданских панихид: «Память о нем (о ней) навсегда сохранится в наших сердцах» — всего лишь слова. Это аналог «...И сотвори им вечную память!» в церковном обряде. Вообще-то в громадном большинстве случаев усопших, независимо от того, как их провожали в последний путь, забывают довольно быстро. И вспоминают, как правило, только близкие друзья и родственники, максимум два-три поколения. Своих собственных прапрадедов, как правило, уже не помнят. И родословные начинают выяснять задним числом лишь те, кто претендует на какие-либо денежки по наследству.

Таран был убежден, что такая дрянь, как Дашка, недостойна никакой памяти. Однако на самом деле тот идеальный, придуманный, прямо-таки фантастический образ Даши, который Юрка хранил в своем сердце до тех роковых июльских дней, начал существовать как-то сам по себе и вопреки воле Тарана. Уже несколько раз Юрке снилось то, чего никогда не было и никогда больше не будет, — встречи с той, придуманной Дашей. В этих встречах не было ничего грязного или нескромного, все оставалось таким же чистым и целомудренным, как до того несчастного дня, когда та гадюка, которой была Даша в натуре, затянула Тарана в бандитские дела. Там, во сне, ничего особенного не происходило. Просто Юрка вновь оказывался в родном дворе и видел, как Даша идет в свой подъезд — легкая, невесомая, в чуть колышущемся светлом платье. И теплая волна нежности, трепета, радости, плавно переходящей в грусть, накатывала на Тарана. Он там, во сне, пытался окликнуть ее, но голос куда-то пропадал, а когда хотел бежать за ней, ноги не слушались. При этом Юрке казалось, будто ежели он все же сумеет пересилить себя и хотя бы окликнуть Дашу, то время повернет вспять и все страшное, гадкое, непоправимое не состоится...

Просыпался Юрка с тоскливым ощущением пустоты в душе. Если Надька была рядом, он обнимал ее покрепче и пытался убедить себя в том, что любит только Веретенникову, а Дашка ногтя ее не стоит. Если Надьки не было — так, правда, редко получалось, ибо, ночуя в казарме, Таран обычно снов не видел,

— то после этого сна хотелось выть. Юрка себя, конечно, ругал за эти переживания не по делу, но сердце доводам разума внимать не хотело, и этот проклятый сон Тарану грезился частенько.

Нет, ничего похожего на первую любовь, должно быть, Юрке уже не суждено испытать. Втянулся он в это дело — грешить и каяться! Ведь у него уже сейчас, в 19 с небольшим, на «боевом счету» восемь баб! Дашка, Шурка, Надька, Аня, Фроська, Полина, Василиса, а теперь еще и Милка. А между прочим, среди его сверстников доволна таких, которые еще ни в одном глазу. Гордиться надо!

Гордиться Таран особо не гордился, но вспоминал то, что только что произошло, не без удовольствия...

... Когда Милка, с мокрыми от слез глазами, мощно вздымающейся грудью, сдавленно дыша, притянула его к себе и так обняла, что кости хрустнули, у Юрки уже все было готово к работе. Затяжной поцелуй в губы только жару прибавил, и Тарану подумалось, что ежели он сразу под юбку полезет, то все произойдет слишком быстро. Милка, конечно, судя по началу, женщина горячая, но меньше чем за пять минут ее все-таки не проймешь.

Поэтому, когда Милка, оторвавшись от Юркиных губ, расслабленно откинула голову на изголовье топчана и опустила веки, Таран не стал спешить.

Сдерживая себя, он распахнул Милкин жакет и осторожно провел ладонью по обоим могучим буграм, туго расправив тонкую ткань зеленой водолазки. Но Милка, как видно, на долгие преамбулы настроена не была. Она хмыкнула и сказала немного сердитым, нетерпеливым голосом:

— Не рассусоливай особо, времени не вагон... И вообще, тут не то место, чтоб догола раздеваться. Не ровен час приедут все-таки.

И, слегка отодвинув Юрку, торопливо подняла подол юбки к поясу, а колготки заодно с трусами спустила до колен. Даже туфли на ногах оставила. Таран в это время поспешно расстегивал штаны. Потом трусы стянул вниз — оп! — выпустил на волю своего шайтанчика...

— Нормально! — оценила Милка, нетерпеливо посапывая. — Заползай!

Она подогнула коленки, развела их в стороны, и Таран нырнул в жадные объятия этой большой и сердитой бабищи. Шайтанчик тоже нырнул в известное адское место. Там уже все котлы кипели, аж пар шел. В общем, чертика ждали с нетерпением.

— Ух-х! — сладко выдохнула «Королева воинов», крепко притискивая к себе Юрку. — Добралась-таки...

— Ну и как, — спросил Таран, хихикая, — по калибру годится?

Милка нежно дала ему довольно звонкого шлепка по казенной части, облапила покрепче и заходила ходуном, как морская стихия...

Больше, до самого финиша, никакого обмена репликами не было. И продолжалось все мероприятие минут пять, не больше. Но было во всем этом деле нечто такое, что показалось Тарану восхитительным, необычным и вознесло его прямо-таки на вершину блаженства. Что именно, он и сам не понимал. Навряд ли дело было исключительно в том, что женщин с такими могучими формами у Юрки никогда не было. Или, допустим, в том, что Милка всю кипела, не позволяя себе ни секунды полежать без движения. И не разница в возрасте сказывалась, это уж точно — Милка была моложе Шурки и Фроськи, так что особой новизны тут не было.

Скорее всего та буйная страсть, которая неожиданно накатилась на Юрку, шла от того, что Милка, совсем вроде бы привычная и давно знакомая, вдруг повернулась к нему какой-то

иной стороной своего характера. Того самого, который казался Юрке однозначно мужским, стальным, железным и так далее. А она, оказывается, даже реветь умеет. Опять же Тарану всегда казалось, будто Милка, побывав проституткой, смотрит на отношения полов шибко просто. Оказалось, нет, у нее какие-то более серьезные, сложные взгляды на этот вопрос имеются...

Но окончательного ответа, отчего ему вдруг стало так хорошо, Таран все же не нашел. Может, просто сочетание звезд такое на небе состряпалось или какие-нибудь метеорологические факторы сказались.

Милка, кстати, после того, как все закончилось, довольно долго пролежала с закрытыми глазами, то ли наслаждаясь воспоминаниями о пережитом, то ли просто переваривая к голове все происшедшее. Спросить ее, о чем-либо Таран не решался.

Потом она привела одежду в порядок и некоторое время сидела рядом с Юркой в полном молчании, подпирая кулаками подбородок и над чем-то размышляя. То ли осуждала самое себя за то, что Юрку совратила, то ли, наоборот, Тарана за то, что поддался на совращение. Может, определяла про себя, кто из них больше виноват перед Надькой и подходят ли они под столь жесткие определения, как «изменщик коварный» и «злая разлучница». Во всяком случае, особой радости на Милкином лице уже не читалось. Так они сидели, молчали и думали, а время между тем вовсе не стояло на месте, сумерки все сгущались и сгущались помаленьку...

КОГО ЧЕРТ ПРИНЕС?

Первой на часы поглядела Милка:

— Мама родная, мы уже три с половиной часа сидим! Мужик-то, который в подвале, уже полчаса как проснулся! А Се-рега с остальными что-то задерживается.

— Ну, если там что-то и впрямь серьезное, то они и подольше провозятся, заметил Таран. — А вот насчет мужика, который в подвале, позаботиться надо. По-моему, ты ему вторую дозу вколоть собиралась. Может, пора сходить к нему?

— Вообще-то, лучше немного позже. Даже если проснется, то сам он оттуда нипочем не вылезет. А вот если шибко перестраховаться и заколоть ему второй тубик, то можно переборщить. Снотворное сильное, не дай бог, концы отдаст — не рассчитаемся...

— Ну, как знаешь... — лениво произнес Таран, и тут сквозь шум дождя и шелест деревьев до его ушей долетел отдаленный гул автомобильного мотора. Юрка еще не успел рта открыть, как Милка тоже услышала этот звук и произнесла:

— Вот они, легки на помине!

Еще немного посидели, прислушиваясь. Автомобиль приближался, и чем четче становился рокот мотора, тем больше сомнений он вызывал.

— Нет, не наши это! — озабоченно пробормотала Милка. — Кого черт принес?

— Может, тачку поменяли? — предположил Таран.

— Может быть... — с явной неуверенностью в голосе произнесла Милка. И сунула ладонь под жакет, где у нее был припрятан ПСМ.

Юрка тоже имел при себе такую игрушку, но решил не торопиться. Оружие, конечно, вещь полезная, однако доставать его лучше вовремя, чем загодя.

— Вот-вот в карьер начнут съезжать, — заметила Милка. — По звуку на «жигуль» похоже. Может, менты?

— Что им тут делать, ментам-то? — скептически произнес Таран, — Мы их, по-моему, не вызывали...

— Может, кто-то наш «Ниссан» случайно засек?

— Навряд ли. Если б засекли, то его уже запросто могли в городе тормознуть, за три с половиной часа-то. Нет, насчет ментов это сомнительно. Скорее всего, кто-то сюда случайно заехал...

— Ну да, — недоверчиво хмыкнула Милка, — за грибами поехали и не туда свернули!

— Запросто!

— Не смейся мою задницу! В такие места случайно не заезжают.

— Почему? Увидели вместо грунтовок гравийку и подумали, будто по ней на шоссе выедут...

— предположил Юрка.

Между тем машина явно спускалась в карьер. Хруст известкового гравия говорил сам за себя.

— Что делать будем, если это чужие? — спросил Таран.

— Посмотрим... — мрачно произнесла напарница. — Машина одна, больше пяти человек в ней не будет. Если не полезут в сарай или прямо сюда, можно не вмешиваться. Ну, а если полезут...

Договаривать не стоило, Юрке и так все понятно было. Хотя, конечно, очень хотелось, чтоб это были какие-нибудь грибники или иные люди, которые не станут лазить ни в сарай, ни в вагончики.

Шум машины совсем приблизился, и вскоре Таран и Милка через покрытое дождевыми каплями окошко балка увидели, как на площадку между вагончиками и сараем въехала белая «шестерка». Простая, без милицейских или каких-либо иных опознавательных знаков. В хозяйстве у Генриха Птицына такие машинки водились, но на них имелись надписи: «ЧОП „Антарес“». На таких „шестерках“ развозили по охраняемым объектам дежурные смены охранников — в том числе, например, и в гостиницу „Турист“. А для оперативной работы в городе употреблялись „восьмерки“ и „девятки“.

Присев на пол, чтоб не выставляться в окно, «мамонты» напряженно присматривались к самой распространенной, по данным статистики, вазовской тачке, на которой и впрямь могли приехать заблудившиеся грибники. Однако грибникам, ежели это действительно были таковые, давно пора было понять, что они заехали в тупик, и, развернувшись, выкатывать обратно на просеку. «Шестерка» же продолжала стоять с работающим мотором и никаких попыток уехать не предпринимала. Из машины никто не выходил, а разглядеть, много ли внутри народу, было трудно, ибо боковые стекла у «жигуля» изнутри запотели, а с внешней стороны были забрызганы дождем.

— Что они тут торчат? — нервно прошептала Милка. — Ни туды и ни сюды...

— Может, еще кого-то ждут? — предположил Таран.

— Блин, только этого и не хватало...

Похоже, в машине о чем-то разговаривали, но сквозь шум мотора, дождя и ветра ничего членораздельного до ушей Юрки и Милки не долетало.

— Об чем базар у них, интересно? — пытаюсь хоть что-то услышать, проворчала Милка. — Ни хрена не разберешь...

Тарану в данный момент очень хотелось, чтоб эти граждане сейчас обсуждали что-нибудь мирное. Например, дорожную карту смотрели и прикидывали, куда дальше ехать. Или, допустим, выясняли, где тут опять с волнухами растут. Но увы, могло быть и так, что эти господа поговорят-поговорят, а потом замочат кого-то из собеседников. Причем сперва замочат, а после того начнут смотреть, нет ли каких-то ненужных и лишних людей в балках или в сарае. После этого без перестрелки обойтись будет сложно. Конечно, если у граждан при себе будет что-то стреляющее. Если они приехали только с «перышками», разговор будет более спокойный, но все-таки создаст много сложностей. Прежде всего потому, что ни сам Таран, ни Милка не знали четко, можно ли позволять этим господам уезжать отсюда живыми. Конечно, замочить всегда надежнее, но после этого придется решать такие сложные проблемы, как уборка нескольких жмуrows, да и с машиной придется что-то делать. Кроме того, неизвестно, чьи это люди и в каких отношениях их начальство находится с Птицыным. При этом сами граждане могут и не знать Птицелова, а вот их руководство, если вдруг до чего-то докопается, может что-нибудь не так понять. И прервать деловое сотрудничество с Генрихом.

Но все это — семечки по сравнению с тем, что будет, ежели граждане приехали не только с холодным, но и с огнестрельным оружием. Во-первых, при всякой стрельбе есть шанс, что не ты завалишь противника, а совсем наоборот. Конечно, и Таран, и Милка стреляли намного лучше, чем среднестатистические бандиты, но пули, как известно, дуры и статистике предпочитают баллистику. Во-вторых, пассажиры «шестерки» вполне могут иметь при себе не только «Макаровы», но и «помпу» 12-го калибра, и даже автомат. Дощатый балок — не лучшее укрытие от таких видов оружия, даже несмотря на кое-где уцелевшую жестяную обивку. Картечь «ОО» из какого-нибудь «моссберга» или «Иж-81» прошьет и жечь, и тонкие доски, как картонку, не говоря уже об автоматных пулях 7,62, которые рельс пробивают. Наконец, в-третьих, при самом благоприятном раскладе, стрельба может оказаться достаточно долгой и интенсивной, чтоб привлечь внимание ментов. Хотя здешняя область находилась намного севернее Волгодонска, но все-таки заметно южнее Москвы, где совсем недавно прогремели взрывы. Никому из представителей правоохранительных структур не хотелось, чтоб очередной Шамиль или Салман совершил налет на какой-нибудь райцентр. Поэтому менты могли оказаться в этом лесу довольно быстро, и немалыми силами. Попадание к ним ничего хорошего не сулило. Птицын уже не раз повторял, что «мамонтов» никогда не судят и не сажают. Их либо освобождают, либо убивают.

Мотор «шестерки» неожиданно стих. Из того, что его заглушили, следовал вывод, что граждане, как видно, не собираются уезжать. Во всяком случае, так скоро, как того бы хотелось Тарану и Милке. Однако и после того, как мотор был выключен, приезжие еще минут пять просидели в «Жигулях», обсуждая что-то между собой. Говорили они негромко, и слышать что-либо не удалось даже при том, что мотор больше не шумел.

Наконец открылись обе передние дверцы, и из машины вышли двое. Оба сделали это с явной неохотой — дождь припустил посильнее, и ветер, похоже, заметно прибавил. Оба пришельца были одеты в короткие кожаные куртки, а потому косой дождь уже в первые секунды капитально начал мочить им джинсы. За шиворот тоже заливало, потому что воротники на куртках были стоячие и короткие, а кожаные кепочки едва прикрывали макушки.

Поэтому первыми словами, которые более-менее внятно долетели до ушей Юрки и Милки,

были матюги по адресу погоды. Оба парня, продолжая ворчать, пригнувшись и ежась от дождя, поспешили перебежать к сараю.

— Блин! — прошипела Милка. — В ворота зашли...

— Ну, до «буханки», я думаю, они не доберутся, — предположил Юрка. — А если и доберутся, то навряд ли станут дверь у пустого кузова взламывать.

— Если они сюда случайно приехали, то может быть. А если нет?

Тарану как-то сразу поплохело. А что, если эта «шестерка» и впрямь не случайно тут очутилась? Вдруг Ляпунов с Топориком и Аликом во что-то влетели? И попали к таким ребятам, которые быстро языки развязывают... Конечно, все трое бывалые «мамонты», их, по идее, легче убить, чем расколоть. Но «по идее» — это одно, а по жизни — совсем другое. Если, допустим, двоих наиболее «молчаливых» пристукнули, то третий, оставшись в одиночестве и потеряв, как говорится, «духовную опору», вполне может себя пожалеть...

Пока Юрка все это прикидывал, Милка уже составила план «блицкрига».

— Слушай, — прошептала она прямо в ухо, — надо сейчас, пока те двое в сарае шуруют, быстро перебежать к машине. Если там в «шестерке» еще кто-то есть — замочить быстро и без рассуждений. Те двое выскочат на шум — сделать и их.

— Между прочим, если в машине кто-то остался, — с осторожной рассудительностью заметил Таран, — то они нас могут раньше вырубить, чем мы их.

— У них же окна запотели с этого боку, — возразила Милка. — Пока услышат, пока стекла опустят, мы уже врежем по задней дверце... Пикнуть не успеют.

— А с чего ты взяла, что они начнут стекла опускать? — хмыкнул Юрка. Просто приоткроют дверь, да и срежут нас на выходе из балка. У балка дверь на ржавых петлях, скрипучая до ужаса. Как только начнем открывать — сразу услышат...

Милка хотела привести еще какой-то аргумент в пользу немедленной атаки, но тут в воротах сарая появился один из тех, кто туда заходил, коротко свистнул и помахал рукой:

— Давайте сюда!

Через правую заднюю дверцу «Жигулей», обращенную к воротам, быстро выбралось трое: два мужика, одетых примерно так же, как первые двое, вывели (даже скорее вытащили!) женщину в светлой ветровке с капюшоном. Подхватив женщину под локти, мужики быстро впихнули ее в ворота сарая. Третий, тот, что приглашал «коллег» в сарай, нажал на кнопку электронного ключа. Мигнули фары и не очень звучно щелкнули замки на дверцах. Затем он прикрыл створки ворот изнутри сарая.

— Бережет тачку. Фиг угонишь, — с некоторой иронией заметила Милка. Интересно, на хрена они ее внутрь не закатили?

— По-моему, протекторы оставить боятся, — предположил Таран. — Небось увидели следы от нашего «Ниссана»...

— А это хреново, между прочим! — озабоченно покачала головой «Королева воинов». — Если они, допустим, эту бабу здесь замочат и потом кто-нибудь ее найдет, то по протекторам могут и до нас добраться. Угрозило же Серегу внутрь заехать! А еще с опытом мужик!

— Он же не знал, что эти козлы сюда наедут, — вступился за капитана Таран.

— Мы ж вообще надолго здесь задерживаться не собирались...

— Это все фигня, — перебила Милка. — Соображай, что делать будем! Подождем, пока пристукнут бабу и уедут?

— А ты уверена, что они ее сюда мочить привезли? — приподнял бровь Таран. Может, просто попугать решили? Или, допустим, про подвал под «буханкой» случайно узнали? Решили девушку поселить, а там место уже занято...

— Наверяд ли. Похоже, что они тут прежде не бывали, раз не все сразу в сарай полезли, а двоих вперед послали, на разведку, — уверенно произнесла Милка.

— Да еще столько времени в машине сидели, обсуждали чего-то. Если б они загодя знали, что это за место, так сразу бы полезли, без разговоров. Проверить, для страховки, конечно, кого-то могли бы послать, но не торчали бы тут четверть часа, никуда не вылезая.

— Все это верно, конечно, — согласился Таран, — но, по-моему, чтоб замочить, так долго возиться не нужно. Стрельнули разок в башку, затолкали в какой-нибудь кузов, сели в «Жигуль» — фьют! — и укатили. Найдут только в следующем тысячелетии, если конца света не будет...

В это время из недр сарая донесся приглушенный крик:

— Не надо! А-а!

— Зарезали, что ли? — предположил Таран. Но тут крик повторился, а затем послышались короткие взвизги, повторявшиеся с некой периодичностью:

— А-ай! А-ай! А-ай!

— Дрючат они ее, — мрачно проворчала опытная в этих вопросах Милка. — И, похоже, насильно... Во обесстыжели, скоты! Хоть бы рот ей зажали для приличия. Не иначе, кайф от визга ловят, ублюдки поганые... Небось думают, что нет тут никого. Ну, паскуды, я вам сейчас вечный кайф организую!

— Куда ты! — Юрка успел только ухватить Милку за рукав, но удержать не успел. Милка, выхватив из-под жакета ПСМ, распахнула дверь и выпрыгнула из балка. Тарану осталось только последовать за ней, хотя никакого плана дальнейших действий у него не было. Конечно, в «Жигулях» уже никого не было, но у Юрки на секунду в груди похолодело, когда он представил себе, что кто-нибудь, спрятавшись за створками ворот, уже взял их на прицел... Конечно, уже почти совсем стемнело, но все-таки очертания фигур разглядеть было нетрудно и без всякой инфракрасной оптики. Одна надежда — на скорость...

Однако до ворот добежали благополучно. Милка с разгону долбанула в них своим «средним каблуком». Конечно, туфля — это не десантный ботинок, но Милкина масса никуда не делась. Шарах! — одна из створок с грохотом рухнула на пол. Милка влетела в полутьму, озаренную лишь тусклым светом фонарика, висевшего на дощатой стене поблизости от кузова «буханки». Что там творилось конкретно, было трудно разглядеть из-за куч металлолома и раздолбанных кузовов, но то, что несколько теней метнулось с той стороны в направлении ворот, Юрка разглядел вовремя.

Но первой поймала цель на мушку все-таки Милка. Должно быть, тот, кто угодил под ее первый выстрел, был поставлен на стреме, но отнесся к своим служебным обязанностям, мягко говоря, халатно. Вместо того чтоб приглядывать за воротами и присматривать за «Жигулями», этот разгильдяй решил, будто никто в карьер, тем более на ночь глядя, уже не забредет. А потому считал себя вправе отлучиться с поста для того, чтоб поглядеть на

изнасилование, а может, и самому принять в нем участие.

Так или иначе, но услышав грохот от падения вышибленной створки, недобросовестный стремщик резко метнулся обратно и оказался всего в пяти шагах от Милки. Свой пистолет он успел выдернуть из-за пояса, но на то, чтоб снять с предохранителя, времени уже не хватило. Милка навскидку грохнула из ПСМ и влепила ему пулю точно между глаз. Мужика с лязгом швырнуло спиной на ржавый кузов от старого 402-го «Москвича», с которого он затем скатился на земляной пол, как тряпичная кукла.

Трое остальных шарахнулись за кучи металлолома и дважды бабахнули в сторону Милки и Тарана, но, судя по всему, наугад. Пули прошли облупленный кузов от «Волги» метрах в трех от Милки.

После этого на некоторое время наступила тишина. Только с той стороны, где горел фонарик, слышались сдавленные всхлипы женщины. Обе «воюющие стороны» притихли, укрывшись за кучами хлама, и выжидали. У Тарана и Милки позиция была повыгодней — фонарик находился за спинами их противников, и при первой же попытке вскочить и перебежать, хотя бы пригнувшись, парни с «шестерки» оказались бы на свету. Кроме того, «мамонты» хорошо знали, с каким противником имеют дело. По крайней мере, в количественном отношении. Ну, и конечно, знали, что стреляют не в представителей закона, а совсем наоборот. Те трое понятия не имели, откуда взялись «агрессоры», и даже толком не разглядели, сколько их вломилось в сарай. Но самое главное, любители «культурных развлечений» были не в курсе того, что к ним пожаловали не оперативники в штатском, не менты или чекисты, а публика, имеющая весьма сложные и неопределенные отношения с государством. Если б эти ребята были чуточку хладнокровнее и после того, как укрылись за кузовами, догадались выдержать паузу подольше, то могли бы довольно быстро понять, что имеют дело не с СОБРОм и вообще не с ментами. Хотя бы потому, что никто не заорал в мегафон: «Вы окружены! Бросай оружие!» или что-нибудь еще в этом духе. Наверно, им было бы нетрудно догадаться, что на них напало только двое, поскольку оцепление даже из одного взвода при всем желании оставаться незамеченным — а на фига это теперь, когда уже состоялся огневой контакт? — производит кое-какой шум.

Так или иначе, но граждане с «шестерки» хладнокровия проявить не смогли. К тому же сказалось воспитание, полученное в ходе просмотра боевиков с участием Брюса Ли, Чака Норриса и Джеки Чана. Явно вообразив себя мастером карате, таеквондо или кунгфу, один из бойцов, испустив пронзительное «ки-я!», подпрыгнул вверх и изо всех сил ударил ногой по дощатой стене сарая. Должно быть, полагал, что проломит ее с ходу, выскочит из этой халупы, а затем удерет, пользуясь темнотой.

Но то ли штатовские актеры-каскадеры такие трюки получше отработывают, то ли стенки у них для этих целей специально подготавливают, то ли в России вообще все не как у людей. Короче говоря, гражданин, долбанувший по стене, угодил ботинком в щель между двумя очень неплотно пришитыми горбылями, обломил тонкие краешки досок и капитально застрял. Дело в том, что с внешней стороны стены был прибит еще один горбыль, который перекрывал вышеупомянутую щель. Попав под удар, этот горбыль на мгновение выгнулся наружу, пропустил под себя носок ботинка, а затем крепко прижался обратно. Мат, который последовал за этим, был сам по себе хорошим ориентиром для стрельбы. Однако еще большую глупость отчудил корешок незадачливого каратиста, который взялся его выдергивать из ловушки. Этот лох выскочил из-за укрытия и на несколько секунд оказался в полосе света. Таран и Милка тут же выстрелили. «Спасатель» получил пулю в висок, а «каратист» — куда-то в область поясницы.

Не давая опоганиться последнему, который в явной панике сиганул куда-то в глубь сарая, Милка лихо перекаатилась через кузов «Волги», оказавшись за спиной убегающего, а затем одним прыжком достала беглеца, насев ему на спину всем своим неженским весом, сшибла с

ног, а затем крепко припечатала его башку к асфальту. После чего от полноты чувств еще и по затылку кулаком добавила. Таран, конечно, тоже подскочил, но ему тут работы уже не было. Милка успела стянуть с оглушенного куртку до локтей, выдернуть у него из штанов ремень, а сами штаны спустить до колен. В тот момент, когда Юрка, наскоро убедившись, что «спасатель» убит наповал, а «каратист», у которого правая нога так и осталась зажатой между горбылями, находится в капитальной отключке, «Зена» уже стягивала локти своего клиента его же собственным ремнем.

— Ну, как остальные? — пропыхла Милка, затягивая узел.

— Один готов совсем, второй еще коптит помаленьку. Кровь хлещет, внутри чего-то хлюпает, но сам не шевелится.

— Оружие прибрал?

— Само собой, — Таран показал рукояти двух «Макаровых», засунутых за ремень.

— Прибери еще для счета, — «Королева воинов» подала Юрке еще один пистолет, поднялась на ноги и, повернувшись к свету, поглядела на свои колени, проверяя целостность колготок.

— Кажись, не порвала... Говорила же Сереге: «Давай в джинсах и кроссовках поеду!» Нет, блин, заболтал: «На хрен нужно, войны не будет! Ты должна быть женственная и красивая...» Хорошо еще, что на высокие каблуки не расколол, засранец!

Эти-то, средние, чудом не своротила...

— Что дальше делать будем?

— Проверь того, первого, на оживаемость. Ну, и обшмой для порядку. А я пока пойду насчет бабы поинтересуюсь. Изнасилование — дело деликатное, тут женский такт нужен.

Таран удалился, украдкой хихикнув насчет «женского так та», поскольку это замечание в устах Милки прозвучало почти как хохма (тем более вкупе с такой формулировкой, как «изнасилование — дело деликатное»).

ПЛЕННИЦА

Милка сняла со стены фонарь и направила его свет туда, где слышалось не то всхлипывание, не то просто хрипение. Из темноты высветилась полусогнутая фигурка в белой ветровке, привязанная за запястья к какому-то увесистому ржавому каркасу, сваренному из дюймовых стальных труб и уголков. То ли стеллаж, то ли подмости какие-то — фиг поймешь сразу. Металла на него в свое время не пожалели — эта железяка на первый взгляд килограммов двести весила. Пожалуй, даже самой Милке эту хреновину было бы туго с места сдвинуть, хотя каркас ничем к полу не крепился, а той бедняжке, которую к нему прикрутили пластиковой упаковочной веревкой, — и подавно. Сама по себе такая веревка — не сахар, она плоская, с острыми краями, порезаться ею — пара пустяков. Даже если просто несешь голыми руками какую-нибудь тяжеленькую коробку из магазина.

Однако те граждане, которые привезли сюда несчастную, явно позаботились, чтоб их «пациентке» было совсем хреново. Они завернули ей руки за спину, как при пытке на дыбе, свели запястья крест-накрест и привязали к горизонтальной трубе, находившейся в полутора метрах над полом. Примотали тоже крест-накрест и так капитально стянули, что кисти рук у

жертвы опухли и покраснели до цвета свеклы. Ни выпрямиться, ни присесть пленница была не в состоянии, ей приходилось стоять в согнутом состоянии, а каждое движение причиняло боль. Юбку и ветровку ей задрали аж до подмышек, а колготки и трусы стянули на колени. Ясно, не для того, чтоб просто полюбоваться...

— Коз-злы! — прошипела Милка, которая, хоть и играла когда-то «садистку» в порнотеатре Дяди Вовы, ничего подобного не проделывала. Речь даже не о клиентах шла, само собой, не вбивавшихся за свои деньги приобретать настоящие муки и увечья, а о «сценических партнерах и партнершах». Дядя Вова требовал для услаждения зрителей «делать по полной форме», то есть чтоб девки и пидоры визжали от настоящей боли. Тем не менее Милка старалась немножко облегчить страдания своих вынужденных жертв, хотя сделать это было нелегко. Дядя Вова, как истинный режиссер, легко улавливал фальшь, и, если б он уличил Милку в послаблениях к «актерам», ей самой бы тоже не поздоровилось.

Несчастливая была явно не в себе. Она даже не плакала и не стонала, только дрожала мелкой дрожью, свесив голову между рук. Длинные светлые волосы с рыжеватым отливом почти полностью закрывали ее лицо, и даже многоопытная Милка не могла бы сразу сказать, сколько бабе лет. Ясно, что не старуха, раз бандиты польстились, но «не старуха» — это и 20 лет, и 45.

Для Тарана возраст пленницы в данном случае никакого значения не имел, во всяком случае, он бы не стал интересоваться этим в первую очередь. А вот Милку, в силу ее женского опыта, вопрос о возрасте бабы очень сильно волновал.

Прежде всего потому, что дамы разного возраста по-разному реагируют на подобные приключения. Совсем молоденькая и малоцелованная может и месяц отходить, и больше, и даже вовсе остаться с поехавшей крышей. Бывалая молодуха уже через час максимум придет во вменяемое состояние, а зрелая, та, что «ягодка опять», и вовсе минут через пять. Для совсем молоденькой девчонки, даже если она уже не совсем девчонка, это кошмар на уровне Апокалипсиса, для бабы за тридцать — нечто вроде ДТП с травмами и разбитой машиной, но без летального исхода, а для той, которой за сорок, — неприятность типа домашней драки с мужем, после которой приходится синяки на морде замазывать. Бывают даже такие, что «после того» вспоминают былое не без малой толики удовольствия,

Возраст имел значение и для того, чтоб прикинуть, насколько этой самой жертве можно верить. Девка-соплюха, как только отойдет, начнет строить планы такой страшной мести, что сам черт ужаснется. Поэтому, если она увидит своих насильников-мучителей в качестве трупов, которые организовали некие анонимные спасители-любители, то от радости расскажет все, как было, даже не спросив, с кем, собственно, имеет дело. Баба за тридцать или около того, придя в себя, будет, что называется, «дозировать информацию» в зависимости от ума и фантазии, но процент правды все-таки будет достаточно высокий, если она поймет, что от тех, кто ее спас, особой беды не будет. Наконец, «ягодка опять» вполне может правильно взвесить все выгоды и невыгоды своего положения, а затем подать вместо истины такое убедительное вранье, что замучаешься проверять.

Наконец, исходя из возраста, можно еще загодя, не задавая вопросов, определить, хотя бы приблизительно, каким образом баба влетела в неприятность. Девку, например, могли просто дуриком усадить в машину совершенно незнакомые молодцы и увезти исключительно для того, чтоб побаловаться свежим мясом. Чисто из любви к искусству. Такую, что за тридцать (если она не полная дура, конечно!), совсем незнакомые просто так в машину не заманили бы. Либо среди тех, кто сейчас валялся на полу в неживом или полуживом состоянии, у нее были знакомые, либо те, кто знал кого-то из ее хороших знакомых. Кроме того, увозить такую только из-за мяса второй свежести решатся лишь маньяки. Тут что-нибудь более прагматическое должно быть. Например, месть отвергнутого любовника за измену. Или воздействие через бабу на какого-нибудь нужного, но упрямого человека. Отдрючить, заснять

на видик, а потом объяснить, что, мол, если ты своего мужика не убедишь проделать то-то и то-то или, наоборот, не делать того-то и того-то, то супруг твой полюбуется на эти занятия группенсексом. Еще более вероятно, что бабу могут и для получения каких-то полезных сведений спереть, если она, допустим, бухгалтерша или секретарша гендиректора. Это же и для «ягодки» характерная причина похищения, но вероятность того, что ей за измену мстить будут или показом видеозаписей мужу стращать, намного меньше. Если уж ей будут мстить, то скорее за стукачество, за то, что кого-нибудь по деньгам кинула, под разборку кого-то подставила и так далее. Соответственно трахнуть ее могли исключительно по причине подготовки к замочке.

В общем, Милка вовсе не считала возраст бабы несущественным обстоятельством для производства «дознания». Однако начинать допрос было рановато. Покамест пленница еще Мало что соображала. Да если б и соображала что-то, то спрашивать у нее, связанной, как она дошла до жизни такой, было неудобно.

Неподалеку от пленницы валялась в выпотрошенном состоянии дамская сумочка, из которой прямо на пол было вывалено все ее содержимое. Должно быть, похитители что-то разыскивали. Но Милкино внимание в первую очередь привлекли маленькие ножнички для стрижки ногтей. Конечно, Милка предпочла бы иметь в руках штурмовой кинжал, но и ножнички сгодились, чтобы перерезать путы. Правда, вышло это не враз и не безболезненно для связанной, но тем не менее к тому моменту, как Таран вернулся, Милка не только успела освободить руки несчастной, но и помочь ей привести в порядок одежду. Заодно ей удалось рассмотреть и мордашку своей подопечной. Даже при зареванности и размазанности личико смотрелось прилично и не старше чем на тридцать. То есть освобожденная гражданка должна была быть примерно Милкиной сверстницей или даже ровесницей. Впрочем, сама Милка вообще-то смотрелась намного старше своих лет, и, как уже отмечалось, когда они с Тараном сидели в кафе, их кое-кто мог принять за маму с сыном.

Стоять на ногах спасенная могла с большим трудом, и Милке пришлось ее поддержать, чтоб она не грохнулась. Милка вовремя углядела довольно чистое сиденье, выломанное из какого-то кузова, и сумела усадить на него бабу, которая, кажется, отошла от шока и по этому случаю навзрыд заплакала. Как раз в этот момент подошел Таран, который успел убедиться, что тот, кого Милка подстрелила первым, больше не оживет. Заодно он поглядел и неудачливого каратиста. С тем тоже проблем не было — он больше не дышал, глаза открылись напоследок, да так и застыли. Тот, кого Милка скрутила, вроде бы начал приходить в себя, но покамест даже ворочаться не пытался. В общем, все было бы вполне прилично, если б не одно обстоятельство.

Когда Таран подошел, то спасенная молодуха подняла голову на звук шагов и удивленно поглядела на него. Даже всхлипывать перестала по такому случаю.

— Юрик?! — Эта фраза прозвучала почти как гром среди ясного неба. Во всяком случае для Милки. Таран перенес это с меньшим шоком, хотя тоже поначалу не узнал спасенную даму. По крайней мере, в самый первый момент. Тем более что освещенность в сарае была не самая лучшая. Однако ее голос был ему, несомненно, знаком. Таран без особых церемоний взял зареванную женщину за подбородок, повернул лицом к свету, а затем неуверенно пробормотал:

— Василиса? Из Москвы? С Магомадовой дачи?

— Ага! — радостно тряхнула головой дама, с которой у Тарана были связаны не самые неприятные воспоминания. Милка, та, напротив, помрачнела. Ей уже много раз по жизни приходилось выручать из беды Юркиных девок, которых, оказывается, у этого гнусного распутника было без счета. А благодарности за эти труды она только сегодня дождалась, да и то, можно считать, выпросила.

Похоже, что отходняк от пережитого у Василисы резко закончился. Она явно приободрилась и перестала плакать, только изредка пошмыгивала носом. А вот у Тарана, напротив, некое смущение появилось. Сразу вспомнились весенние приключения в бане, где вместе с Василисой еще и Полина участвовала, то, что Таран немного неадекватно назвал «бешбармаком». Один с двумя — это на всю жизнь запоминается; Даже если тебя при этом не пишат на скрытую камеру и не показывают на всю страну по ОРТ и РТР.

Юрка, конечно, понимал, что Васька не станет вспоминать во всех подробностях про дела давно минувших дней — полгода уже прошло как-никак! Однако где-то и о чем-то могла обмолвиться. Потому что особой стеснительностью, насколько помнилось Тарану, Василиса не отличалась. Ведь судя по ее собственным рассказам, она работала и за прачку, и за банщицу, и за массажистку, и вообще готова была на все услуги. Так что от радости по случаю избавления от мучителей могла всякого-разного намолоть. В том числе и такого, что не хотелось слушать в присутствии Милки. Поэтому Юрка решил, что лучше самому начать задавать вопросы, не дожидаясь, пока Васька окончательно очухается.

— Что у тебя за проблемы с этими? — Таран мотнул головой в сторону тех, кто валялся на полу.

— Сама не знаю... — вяло пробормотала Василиса, и Юрка сразу уловил, что ей не хочется говорить правду. Тем более что она еще не врубилась, кого здесь, собственно, представляют Таран и его напарница. Ведь весной Таран с Полиной ей особо подробно не представлялись. Пришли мокрые до нитки люди с пистолетом и коробкой, где сто тысяч баксов лежало (о коробке с баксами, правда, Таран ей сказал в шутливой форме), радушная Василиса от скуки предложила выпить, пошла гуляба с групповухой... На следующий день прикатил новый хозяин дачи — господин Магомад Хасаныч, Васька неудачно попыталась спрятать своих гостей, а когда эта попытка провалилась, Магомад ее сгоряча уволил. Правда, вроде бы потом решил вернуть, даже послал кого-то из подручных вдогонку, но Таран по сей момент не был уверен в том, что Магомад оставил ее в живых. Точно так же и Василиса толком не знала, куда подевались с дачи Таран и Полина. Наверяд ли Магомад сообщил ей, что отправил «гостей» в круиз по Волге, а если и сообщил, то Васька в это не поверила. Гораздо легче было подумать, что Хасаныч спровадил их на дно Клязьминского водохранилища. И вот Юрик опять появляется, правда, в компании с совсем другой, здоровенной бабищей, совсем не похожей на нежную, очкастую и вроде бы совсем безопасную Полину. Само собой, о том, что Полина со своими экстрасенсорными способностями страшнее любой очковой кобры, Васька тогда не узнала. Поэтому, появившись Таран вместе с Полиной, премудрая прачка, наверно, повела бы себя более откровенно. А при Милке, явной громиле женского пола, Василиса высказываться не торопилась.

Милка тоже Васькины слова на веру не приняла, но сделала вид, будто проявляет половую солидарность.

— Чего ты к ней пристал? — проворчала она. — Не видишь, в каком она самочувствии?! Вон лучше того козла тряхани, благо он уже зенками лупает...

Милка подобрала с пола довольно чистый носовой платочек, должно быть, вывалившийся из Васькиной сумочки, подала его законной владелице и заботливо предложила:

— На вот, утри глазки, а то вся размазалась от рева. Зеркальце есть?

— Было... — робко кивнула Василиса. — Там, в сумочке...

Милка с проворством, которое при ее габаритах было очень неожиданно — для Васьки, конечно, Таран-то знал Милкины способности, — собрала с пола все содержимое сумочки и вручила Василисе.

— Надо же, — порадовалась Васька, вытаскивая зеркальца — целехонькое, не разбилось!

— К счастью, стало быть, — солидно произнесла Милка.

Собирая Васькины прибабасы в сумочку, Милка преследовала не только гуманные цели. Эта операция позволила ей приметить кое-какие фактики, которые могли пригодиться при последующем разговоре с пострадавшей.

Во-первых, Милка могла однозначно сказать, что сумочку потрошили не из-за денег. Кошелек — и довольно объемистый — был даже не расстегнут. Милка в него украдкой заглянула и обнаружила, что там лежит десяток сиреневых пятисотенных купюр, а также пять зеленых бумажек с портретами Франклина. Для простого грабителя вполне приличная сумма, но ею даже не поинтересовались. То есть Василису похищали не для того, чтоб ограбить, а затем, так сказать, «на сладкое», изнасиловать.

Во-вторых, в сумочке не обнаружилось презервативов или каких-либо иных противозачаточных средств. Можно было с большой уверенностью сказать, что Василиса уселась в «шестерку» не по доброй воле, и среди бойцов у нее навряд ли были близкие знакомые. Во всяком случае, никакого секса на сегодня Васька не планировала, ни принудительного, ни тем более добровольного. На совершенно легкомысленную дуру или распустеху эта баба не походила.

Наконец, в-третьих, среди выпавшего из сумочки барахлишка обнаружилась маленькая шариковая авторучка. Металлическая такая, блестящая, с никелированной цепочкой и брелочком. Такие авторучки аккуратные деловые дамы носят в записных книжках, а цепочку с брелочком употребляют в качестве закладки, чтоб побыстрее открыть нужную страничку. Но никакой записной книжки ни внутри сумочки, ни на полу Милка не нашла. Может, в этой книжке все дело?

Кроме того, посоветовав Тарану «тряхануть того козла», Милка четко отфиксировала реакцию Василисы. Похоже, на физиономии последней промелькнуло некое беспокойство. Не иначе, баба думала, будто Юрка с Милкой всех перестреляли, а потому считала, что никто не сможет опровергнуть ее версию событий, ежели она по каким-то причинам захочет чего-нибудь недосказать или вовсе соврать. Очень может быть, что она, еще хлюпая носом, уже придумывала наскоро эту самую версию. Теперь, поскольку выяснилось, что есть еще один живой, надо было заново шевелить мозгами.

НЕРВНАЯ СИТУАЦИЯ

Юрка, забрав у Милки фонарь, направился к повязанному ею молодчику. Хотя, по правде сказать, толком не знал, какие вопросы задавать ему. Не будешь же, блин, спрашивать, зачем вы бабу насиловали?! Самый простой ответ: «Потому что нам хотелось, а она, сука, добром не давала!» И все., никаких иных объяснений можно не требовать. Можно, конечно, спросить, что вы у нее в сумке искали, но об этом, наверно, проще спросить у самой бабы. Да и вообще, лучше их, как говорится, глаза в глаза допрашивать, сделать что-то типа очной ставки. Наконец, Таран вообще не чувствовал необходимости устраивать допросы с пристрастием. По крайней мере здесь, в сарае. К той задаче, которую тут выполняли Милка и Юрка, ни Васька, ни повязанный в пучки мужик не имели никакого отношения. Им надо было дожидаться возвращения Ляпунова с ребятами и сторожить пленника, который, кстати, уже должен был очухаться от снотворного Милка ведь так и не успела вколоть ему второй шприц-тюбик. Конечно, никуда он из подземного бункера не денется, но все же лучше, чтоб сейчас он спал и не слышал никакой стрельбы наверху. Возможно, конечно, что до него звуки

выстрелов и не долетели, но гарантии никакой.

Но это еще не самое главное. Если тот мужик в подземелье и слышал выстрелы

— невелика беда. Гораздо хуже, если их услышал кто-то в лесу. Конечно, можно себя успокоить тем, что менты до карьера не сразу доберутся, да и вообще могут пропустить мимо ушей те пять-шесть выстрелов, которые тут прозвучали. Но всецело на это полагаться никак нельзя. Фиг его знает, может, уже сейчас какая-нибудь «фиалка с мигалкой» поворачивает на просеку? А там всего ничего и будет здесь «Жигуль» и свет фонаря через щели между досками сразу привлекут внимание. Да и так мимо не проедут. И что тогда делать?

Отстреливаться? Пару ментов на стрельбу не пошлют, минимум четверых, и двое наверняка с автоматами будут. Конечно, можно воспользоваться темнотой и быстрыми ногами, но тогда надо будет мочить и этого связанного, и того, что в подземелье, и, как это ни прискорбно, Василису. Потому что со слов кого-то из них менты могут составить более-менее четкие словесные портреты Юрки и Милки. Конечно, можно попробовать увести Васюку с собой, но она навряд ли бегала такие кроссы, как «мамонты». Стало быть, будет тормозить, быстро умотать не удастся. А если медленно драпать, то менты могут подкрепление вызвать и даже лес прочесать. Тут не тайга, деревья стоят негусто. А собачки, если их вовремя привезти, даже под дождем могут унюхать свежий след.

Однако даже если удастся благополучно удрать, не оставив ментам ни одного живого, а затем добраться до базы «мамонтов», то Генрих спасибо не скажет.

Во-первых, он не простит, что угробили того, кто сидел в подвале. Неизвестно, зачем этот тип был ему нужен и что с ним собирались делать, но факт, что он нужен живым, а не трупом. То ли его продавать кому-то собирались, то ли менять на кого-то — надо полагать, именно эти операции подразумевал Ляпунов под передачей по системе «ты — мне, я — тебе». Конечно, в этой системе явно что-то разладилось, раз Ляпунов до сих пор не приехал, но тем не менее прямого приказа ликвидировать заложника никто не давал. Правда, Сергей сказал: «За то, чтоб наш гость не убег и не попал в чужие руки, отвечаете головой...» В принципе это можно было понять так, что при непосредственной угрозе захвата «противником» обитателя подземного бункера надо шлепнуть. Но ежели Птицын начнет всерьез разбираться, отчего такая угроза возникла, то быстро поймет, что Таран с Милкой сами ее создали, бросившись выручать Василису. Это будет уже «во-вторых», которое сильно Утяжелит их вину.

В самом деле, задачи спасти Василису от насильников никто не ставил. Одно дело, если б ее притащили в тот балок, где прятались Таран и Милка. Тогда действительно никуда не деться — пришлось бы стрелять. Хотя, вообще-то, можно было в принципе и по-мирному разойтись. Шансы на это были, хотя и небольшие. Но Милка, видишь ли, поддавалась эмоциям, не смогла остаться равнодушной к страданиям незнакомой бабы — и начала палить, а Таран не сумел ее удержать, стало быть, оба виноваты. Наверно, можно было бы сказать в оправдание, что, мол, граждане, подвергавшие Василису изнасилованию, могли случайно забраться в пустой кузов «буханки», расшвырять сиденья, добраться до люка, проникнуть в подземный ход и в конечном итоге отыскать узника, но Птицын не любил, когда ему излагали события в сослагательном наклонении.

Так или иначе, но Юрка прямо-таки всей шкурой ощущал нервозность ситуации. С одной стороны, каждая лишняя минута пребывания здесь могла оказаться роковой, с другой — не хотелось принимать какое-нибудь поспешное решение, чтоб потом хуже не стало.

К числу таких поспешных решений можно было отнести горячее желание Тарана пристрелить без долгих расспросов последнего бандюка, вытащить из бункера пленника, погрузить его и Василису в «шестерку» и полным ходом дунуть отсюда прямо на базу «мамонтов».

В общем и целом такое решение могло показаться наилучшим, но только на первый взгляд. А

при более пристальном рассмотрении — Таран все-таки еще не потерял способности к трезвому взгляду на вещи! — вышеописанная идея содержала в себе массу потенциальных неприятностей.

Начать с того, что машина была чужая. То есть, нарвавшись где-нибудь посреди просеки на ГНР, отправленную райотделом разбираться по поводу стрельбы, или на самый простой пост ГИБДД, даже при отсутствии какого-либо иного криминала Милка и Юрка попадали в категорию угонщиков. Пистолеты со свежим нагаром, даже при наличии удостоверений на право ношения и хранения, могли вызвать массу ненужных вопросов. Ну, а заложник — про него и говорить смешно... Вряд ли его удастся настолько запугать, чтоб он сидел и не вякал. Тем более если Тарана с Милкой выведут из машины и заставят положить руки на капот. Кроме того, машину скорее всего не пропустят через КПП дивизии, на территории которой базировались «мамонты». То есть пришлось бы вызывать из отряда какой-то транспорт и пересаживать в него пассажиров, причем делать это на глазах наряда.

Но даже если ментов и гаишников удастся благополучно миновать, а затем без приключений добраться до базы, все равно не избежать больших неприятностей с Птицыным. Прежде всего, как ни странно, из-за пассажиров. Таран прекрасно понимал, что Ляпунов не стал бы прятать заложника здесь, если б можно было увезти его на базу «мамонтов». Ну а Василисе, как женщине посторонней, тем более там нечего было делать. Юрка мог предположить, что, доставив их на базу, он создаст для Птицына столько лишних проблем, что и заложника, и Василису, и Милку с Тараном заодно придется срочно убирать.

Куда ни кинь, всюду клин. Разве тут время придумывать, какие задавать вопросы связанному бандюге? Тем более ежели окажется, что они всего лишь побаловаться захотели. Пригласили на улице симпатичную бабенку без комплексов у Василисы эта раскомплексованность на роже написана! — и повезли сюда, чтоб спокойно потрахать в извращенной форме...

Последнюю сентенцию Юрка, конечно, легко опроверг. Ребята, которые сейчас лежали на полу, выглядели вполне крутыми для того, чтоб купить себе аж по две таких бабы, как Василиса. Ну уж по одной-то обязательно. А на маньяков-извращенцев они были не очень похожи. Во-первых, маньяки, как правило, стаями не держатся, а во-вторых, маньяки, как правило, народ нетерпеливый и дрючат своих жертв там, где поймают. Во всяком случае, специально увозить Василису за город только для того, чтобы поиметь, эти бойцы не стали бы. Просто решили, так сказать, совместить приятное с полезным. Сперва отдрючить дружно, чтоб добро не пропадало, а затем, если баба не расколется, применять к ней всякие иные средства воздействия. Так что самый главный вопрос, который следовало задать уцелевшему братку, надо было сформулировать по-иному, не «почему насильовали?», а «что вы у нее выпытывали?».

В общем, выяснять то, о чем Василиса должна была рассказать своим похитителям, Таран считал необязательным. Тем более что можно было случайно узнать что-нибудь лишнее, и это лишнее знание могло сильно осложнить дальнейшую жизнь.

Когда Таран подошел к стреноженному собственными штанами парню, тот беспомощно ворочался на полу со связанными руками и глухо матерился без конкретного адреса. Услышав приближающиеся шаги, он притих и перевернулся на спину, а затем кое-как сумел сесть, оперевшись спиной о крыло облупленного «жигуля», с которого давным-давно сняли колеса, и дверцы, вынули лобовое стекло, а заднее почему-то разбили.

Ясно, что мужик волновался за свое будущее. Милка и Василиса были скрыты от него темнотой, а также кузовами и прочим хламом. Напарника, которого застрелила Милка первым, он тоже видеть не мог, но вот двое бездыханных товарищей — «каратист» и «спасатель» — находились в его поле зрения. Таран, приближаясь к нему с фонариком, очень хорошо осветил убиенных со всеми аппетитными подробностями. Само собой, боец

уже не питал иллюзий насчет того, что угодил к ментам, собирающимся отвезти его в контору, провести дознание, найти основания для возбуждения уголовного дела, а затем упаковать в СИЗО до суда. Нет, перспектива отсидеть полгода в крытке, выслушать приговор и поехать отдыхать от свободы на срок от четырех до десяти по 131-26 УК-97 — далеко не самой уважаемой в блатном мире! — казалась этому молодому человеку исключительно радужной. Чем-то вроде турпоездки на Канарские острова.

Чуть менее отрадной перспективой выглядела в глазах братка судьба его трех покойных товарищей. Конечно, печально, но зато относительно быстро — даже «каратист» недолго промучился. Теперь все проблемы (земные, во всяком случае) ребят уже не волнуют. Насчет того, что их ждет в загробном мире, он особо не волновался. Его больше заботило, зачем в живых оставили его. Хорошо еще, если что-то узнать хотят — тогда замочат сразу после того, как он расколется. А вот если просто душу отвести пожелают... Мороз по коже.

— Здорово, — сказал Таран, рассматривая при свете фонаря капитально ободранную морду клиента. Скользящий проезд рожей по асфальтовому полу, конечно, красоты не прибавляет. — Как самочувствие?

— Издеваешься?

— Не, интересуюсь. Догадываюсь, что, когда вы бабу натягивали, оно у тебя получше было.

— А что, нельзя?! — с явным вызовом прошипел браток. Похоже, он был настроен поскорее выпросить себе летальный исход.

— Почему? — флегматично произнес Таран. — Трахаться даже аллах не запрещает. Но зачем так оригинально? В смысле, чтоб в подвешенном состоянии? По-моему, это мучение одно и никакого удовольствия для партнерши. Да еще и руки упаковочной веревкой связали... Гурманы вы, однако!

— Может, она мазохистка по жизни и сама попросила?! — огрызнулся боец, немного удивляясь, что Таран еще не врезал ему ботинком по морде. — Может, она кайф от этого ловит по-черному?!

— Запросто, — кивнул Юрка, не меняя такого рутинного тона. — Ты сам-то никогда такого кайфа не пробовал? Тем более что уже наполовину подготовлен: руки связаны, штаны спущены. Осталось только подвесить и вставить... Правда, я лично свой струмент поганить не стану. Подручными средствами обойдемся. Вон, видишь, там у стены ломик стоит? Как раз твой калибр, по-моему. И длина нормальная, до самых гланд доедет, если постараться...

Мужик бросил нервный взгляд в сторону гнutoго и ржавого лома, какими дорожные рабочие ковыряют асфальт, после чего его аж передернуло. Должно быть, неплохое воображение имел. Как ни удивительно, но он сразу поверил в то, что Юрка осуществит это мероприятие. Возможно, если б Таран проорал ему об этом резким голосом, с обилием мата и сделав страшное лицо, то боец сообразил бы, что его скорее всего просто пугают и берут на пушку. Но спокойный и хладнокровный монолог Юрки испугал братка именно своей бесстрастной деловитостью. Нахальничать ему сразу расхотелось, глаза забегали, а все тело начала бить мелкая, неумная дрожь.

— Да чего я тебе сделал? — срываясь на истерику, завопил подследственный. — Это твоя баба, что ли?

— Моя, — ответил Таран все тем же ледяным тоном, особо не погрешив против истины. — А я по жизни, между прочим, очень ревнивый. Хуже Отелло.

— Откуда ж я знал?! — взвыл мужик, еще раз поглядев в сторону лома. Это у него, конечно,

очень глупо и даже смешно получилось, но Таран ржать не стал.

— Короче, — процедил Юрка. — Быстро рассказывай, кто велел ее утащить, зачем и как все проходило. Не уложишься в десять минут -будешь договаривать с ломом в заднице. Время пошло!

— Не знаю я, кто велел утащить, — почти прохныкал «подследственный». — Я кто? Водила! Мое дело — баранку крутите. Утром Тимур позвонил: «Подгони тачку к вокзалу в шесть вечера!» Я подогнал...

— Тимур — это который? — перебил Таран, кивая головой в сторону трупов.

— У которого ногу зажало...

— Дальше!

— Ну, подъехал я на вокзал, встал там, где бомбилы пасутся. Потом пришел Тимур с этой бабой, она московским поездом приехала...

— С одной сумочкой? — спросил Юрка.

— Нет, у нее еще большая сумка была, типа спортивной. Мы ее в багажник поставили — если хочешь, можешь проверить.

— Значит, вы с вокзала втроем ехали? Откуда еще двое взялись?

— Красаню и Ларика по дороге подобрали. Около тренажерного зала «Атлет».

— Леоновская, 23? — уточнил Таран, хотя адрес этого заведения не смог бы забыть по гроб жизни. — И кто ж там теперь хозяин после Вани Седого?

— Толя Сидоров, он раньше тренером по боксу работал, — в глазах у детинушки промелькнула какая-то надежда. Как-никак, общие знакомые нашлись.

— Дальше!

— Тимур сказал бабе, что друзей надо подвезти, они подсели на заднее сиденье. Ну а потом погнали сюда. Пока по городу ехали, Тимур ей мозги полоскал, а когда за город выбрались и она волноваться начала, пушку приставили... Привезли в карьер, завели в сарай...

— А почему именно сюда поехали? Ты здесь бывал уже?

— Не-а... Тимур говорил, куда ехать, я и ехал...

— Потом он сказал, что надо бабу отдрючить, и ты стал дрючить? — Таран нехорошо прищурился.

— Да я вообще ее не трогал! — испугался водила. — Мы с Тимуром сперва сходили в сарай, поглядели. Вроде никого нет. Потом Ларик с Красаней ее затащили и привязали. Ну, Тимур решил... А больше никто не успел.

— Теперь рассказывай, о чем вы у нее допытывались. Вы ж еще в машине с ней толковать начали. Минут пятнадцать из «жигуля» не вылезали. И помни, время идет! — Таран демонстративно глянул на часы.

— Ну, когда приехали, — наскоро облизнув пересохшие губы, заторопился «подследственный», — Тимур спросил у этой бабы: «Сама расскажешь, что должна передать Евсееву, или тебе помочь?» Она ответила, что никакого Евсеева знать не знает. Тогда Тимур

полез к ней в сумку и вынул записную книжку. Полистал и нашел телефон. Там фамилии не было, только три буквы: «Е.Б.В», сам номер не помню. Тимур ей по роже смазал и рывкнул, мол, врешь, зараза, вот телефон Евсеева Бориса Витальевича у тебя записан. Она, конечно, заревела. Тогда Тимур ей еще плюху отпустил и опять спросил, что она должна была передать. Она только ревела и головой мотала. Ну, Тимур сказал: «Это мы с тобой, сука, еще по-хорошему говорили!» И говорит мне: «Пошли, Клепа! Поглядим сарай...» Вот и все, что в машине говорилось, бля буду...

— Что-то маловато для пятнадцати минут! — засомневался Таран. — Может, Тимур еще что-то спрашивал? Время твое, кстати, о птичках, вышло... Вставай!

Таран сцапал Клепу за ворот и рывком поставил на ноги.

— Пошел! Ну! Клепа взвыл:

— Я еще скажу! Мне просто времени не хватило!

— Двигай, двигай не спеша! Мелкими шажками...

По-иному Клепа не смог бы идти при всем желании. Штаны, съехавшие ниже колен, широко шагать не позволяли. В любую минуту он мог грохнуться, поэтому Тарану пришлось его подстраховать и взять за локоть. Так и прошли несколько метров до того места, где Милка беседовала с Василисой, которая уже более-менее отошла от пережитого. Хотя расстояние было совсем небольшое, ни Таран, ни Клепа не разобрали, о чем шептались бабы, а вот Милка и Василиса, напротив, весь «мужской разговор» прослушали от и до.

— Так, — объявила Милка, — насчет использования этого гражданина при помощи лома предлагаю временно отложить. Тачка твоя, господин Клепа?

— Моя... — обалдев от возникшей надежды на спасение, пролепетал водила.

— Права, документы в порядке?

— Все в ажуре! — торопливо закивал Клепа. Таран понял: Милку посетила та же мысль, что и его несколько минут назад. То есть о том, что нечего здесь сидеть и ждать у моря погоды, когда можно дождаться ментов. Тем более что положение сильно облегчается — машина законная, и за рулем будет ее легальный хозяин. Насчет всех остальных сомнений Юрка решил больше не мучиться и не забивать башку.

Но не больно это получалось...

ВОЛК, КОЗА И КАПУСТА

Когда и в каком из учебных пособий для внеклассного чтения впервые появилась задачка о мужике, которому требуется перевезти через реку волка, козу и капусту, пожалуй, не каждый специалист припомнит. И автора ее оригинала не знал даже создатель «Занимательной математики» Я.И. Перельман, которого с удовольствием читали советские школьники на протяжении почти всей истории СССР. Правда, не все читали внимательно. Иначе бы они, став взрослыми и отрекшись от коммунизма, не влетели бы в «МММ», «Чару», «Властилину» и прочие «пирамиды». У Перельмана было очень подробно рассказано, как такая «пирамида» строится. Должно быть, еще по опыту нэпа. Но это так, к слову. Тарану и Милке пришлось иметь дело не с «пирамидой», а именно с ситуацией, похожей на задачку про волка, козу и капусту.

Для тех, кто не помнит, надо сообщить, что, по условиям задачи, лодочка, в которой мужик собирался переезжать на другой берег, кроме него самого, могла принять на борт только одно «место багажа» — или волка, или козу, или капусту. В присутствии мужика все жили дружно, но ежели оставить хищника наедине с козой, а травоядную наедине с капустой, то ни хрена хорошего не дождешься. Единственное, что приемлемо, — волк наедине с капустой. Поэтому мужику пришлось сначала перевезти козу, порожняком вернуться обратно и забрать оттуда капусту. Затем он оставил капусту, а козу перевез обратно, взял в лодку волка и отправил его сторожить капусту. Наконец он съездил за козой, и на сем переправа была успешно завершена.

Конечно, полной аналогии с тем, что предстояло проделать Тарану и Милке, хрестоматийная задачка не выдерживала, но основной принцип — не оставлять наедине тех, кто может сожрать своего визави, — был, несомненно, одинаков.

Осложнялась задачка еще и тем, что, кто конкретно «волк», «коза» и «капуста», в данном случае было неизвестно. Пожалуй, на роль «капусты», которая в классической головоломке была самым безопасным предметом и никого скушать не угрожала, больше всего подходил связанный и стреноженный собственными штанами Клепа. «Козой» могла бы считаться Василиса. Оставлять ее рядом с Клепой без присмотра было рискованно. Вполне могло случиться, что у нее разгорится желание поквитаться. Насчет того, чтоб Клепе лом впендюрить, она, возможно, и не додумалась бы, но вот башку ему прошибить — запросто. А Таран считал, что этот хлопец вполне может рассказать еще немало интересного. «Волком» следовало считать того, кто находился в бункере. Он уже должен был отойти от укола, то есть скорее всего находился в здравом уме и даже, возможно, в трезвой памяти. Везти его на базу «мамонтов» проснувшись, даже завязав глаза, не стоило. Можно было, конечно, сделать ему еще один укол, но для этого нужно было идти вдвоем и Тарану, и Милке. Во-первых, «пациента» надо было как следует зафиксировать

— он даже в наручниках мог крепко подрыгаться! А во-вторых, после укола его требовалось выносить из бункера на руках, что ни Юрке, ни Милке в одиночку было не под силу.

Однако все это были только ближние прикидки. Клепа, например, вполне мог оказаться не «капустой», а «волком». То есть существом, опасным для «козы»-Василисы. Ремень, которым Милка стянула ему запястья, — это не наручники. Есть шанс, что, оставленный без надлежащего присмотра, Клепа сумеет его распутать, а затем, пока Милка и Таран будут возиться с тем анонимом в подземелье, быстренько придавит Ваську и смоемся. Нельзя было исключать и такой, казалось бы, не- вероятный вариант, как сговор. Хрен его знает, какие там заморочки между Василисой и братками покойного Тимура?! И Клепа, и Васька могут быть заинтересованы в том, чтоб об их разборках не знала «третья сторона». А это уже база для того, чтоб совместно удрать.

Наконец, надо было подумать и о том, как избежать контакта Василисы и Клепы с гражданином из бункера. Можно им видеть его или нет — Тарану с Милкой было неизвестно, и никаких инструкций на этот счет не было. Но исходя из принципа «береженого бог бережет», было бы лучше, чтоб они его не видели. То, что Клепу с базы «мамонтов» живым не выпустят, — однозначно, а вот насчет Василисы — неизвестно. С одной стороны, если она и сейчас работает на Магомада, поддерживающего с Птицыным деловые контакты, то ей ничего особо ужасного не грозит, с другой, если она увидит похищенного, то может стать человеком, который слишком много знает. А такой статус обычно неблагоприятно отражается на здоровье.

Впрочем, пока Таран «сумлевался», решительная Милка уже начала действовать. Она быстро обшмонала карманы Клепы и реквизировала у него ключи от машины.

— Берем! — приказала Милка Тарану, и они подхватили Клепу под локти. Вася, шагай за

нами!

Клепу почти что волоком потащили к машине, а Василиса, охая и вздыхая, заковыляла следом, подобрав сумочку.

«Шестерка» стояла на том же месте, никуда не делась. Клепа, поди-ка, думал, будто его в кабину посадят, но фиг угадал. Милка, продолжая левой рукой держать его под локоть, правой отперла багажник. Выдернула оттуда спортивную сумку и спросила у Василисы:

— Твоя?

— Ага...

— Забирай и садись на заднее сиденье. Быстро!

Ясно, что два раза повторять не пришлось. Не только по причине Милкиного тона, но и по случаю продолжавшего моросить дождя.

— А ты, — Милка обращалась к Клепе, — покамест тут полежишь. Временно!

И указала клиенту на багажник.

— Да я сюда не влезу... — пролепетал Клепа. — Там запаска лежит, трос, инструменты всякие...

— Юрик, очисти ему место!

Таран вытащил запасное колесо, а также все иные придамбасы. Клепу, невзирая на вялую бормотню — упираться и дрыгаться по-серьезному он не решился, — Милка с Юркой запрессовали в багажник и заперли на замок.

Милка хотела было возвратиться в сарай, но неожиданно остановилась.

— Нет, — произнесла она, должно быть, полемизируя сама с собой. — Нельзя ее, блин, одну оставлять... Вдруг сбежит сдуру?

— Запри покрепче, — предложил Таран.

— Стекло выдавить может...

Не дожидаясь дальнейших возражений Юрки, она распахнула дверцу и решительно сказала:

— Оставь сумки и идем с нами! Василиса покорно вылезла и даже не стала ворчать. Вернулись в сарай, туда же, откуда уходили, то есть в тот угол, где лежали покойники.

— Садись! — Милка указала Василисе на уже знакомую ей покрывку. — И сиди смирно, никуда не отходи. Нам с Юрой кое-что вынести надо.

Таран прикинул: отсюда кузов, под которым был устроен бункер, не просматривался, а выбраться ко входу в сарай без фонаря, минуя Милку, почти невозможно. Во всяком случае, бесшумно. Пришлось бы лезть через кузова и груды металлолома, а сделать это без грохота и бряканья никак не получилось бы. Юрка сразу понял, что Милка тоже играет в «волка, козу и капусту», только посвоей раскладке.

Пристроив Ваську, подошли к кузову «буханки». Милка отперла дверь, и они быстренько сдвинули сиденья, наваленные на крышку люка. Затем спустились вниз и осветили фонариком дверь бункера. Из-за этой двери поначалу никаких особых шумов не слышалось, но едва Милка стала отпирать дверь, как донеслось какое-то шуршание.

— Как только открою — будь готов! — предупредила Милка, берясь за ручку двери. — Берем, валим на нары — и колем!

Все получилось как нельзя лучше. Клиента даже валить на нары не пришлось он и так там лежал. Милка направила ему в глаза фонарь, Таран наскочил и придавил пленнику ноги и голову, чтоб тот не брыкался и не бодался, а Милка вколола шприц-тюбик со снотворным. Затем выждали пару минут, пока обладатель замшевой кепочки не обмяк, и перетасчили усыпленного сперва к люку, потом наверх, в кузов «буханки». Потом Таран посторожил малость, поглядев заодно и на то, как ведет себя Василиса, а Милка вернулась в бункер и заперла дверь. Потом они задвинули крышку люка, опять завалили сиденьями и лишь после этого вытащили похищенного из кузова.

— Несем к воротам! — скомандовала Милка. Таран ухватился за один локоть, «Зена» за другой, потащили. У ворот спящего положили животом на асфальт.

— Пойдем Клепу вынем, а на его место этого пихнем... Но в это самое время до ушей обоих долетел гул мотора.

— Похоже, «Ниссан», — прислушался Юрка. — Неужели Ляпунов?

— Для начала давай спрячемся, — мрачно произнесла Милка, которой отчего-то не хотелось верить в хорошее. — Эх, козел же этот Тимур! Поставил машину на виду. Нет бы сказать Клепе, чтоб загнал сюда...

Таран был с ней полностью согласен и даже больше. В том смысле, что готов был считать козлом и самого себя за то, что не догадался загнать «шестерку» в ворота сарая. И не маячила бы посреди карьера, и пленников не надо было так долго перетаскивать. Но, как всегда, хорошая мысль приходит опосля...

— Все пистолеты у тебя? — прислушиваясь к рокоту мотора, который явно приближался, спросила Милка. Таран, не дожидаясь следующего вопроса, отдал ей два из четырех трофейных. Эта оружейная коллекция, холодившая живот, ему поднадоела.

Фонарь уже был потушен. «Мамонты» напряженно ждали, сидя у ворот, и глядели в темноту, туда, где у спуска в карьер вот-вот должны были засветиться фары.

Однако вскоре шум двигателя стих, а свет фар так и не появился.

— Мотор заглушили и кого-то пешим в разведку послали...— определила Милка.

— Обидно, если мы невзначай своих уроем...

— Или наоборот, — пробормотал сердито Таран, — если нас свои уроют.

Прошло несколько минут напряженного ожидания. Со стороны дороги не доносилось ни звука, хотя, конечно, дождь и ветер могли капитально заглушить все мелкие шорохи и трески, которые производили предполагаемые лазутчики в лесу. Разглядеть что-либо в темноте, через узкие щели между досками ворот было невозможно. Однако Таран мог бы поспорить, что заметил бы любого, кто собрался спуститься в карьер. По крайней мере, со стороны ворот сарая и балков, располагавшихся напротив них.

— По-моему, они овраг по краю обходят, приглядываются...— прошептала Милка.

— А спустятся с той стороны, где мы их не заметим.

— Все равно сюда придут, — убежденно произнес Юрка. — Других ворот тут нет, а доски по-тихому не проломишь. Выждали еще минут десять. Неожиданно вновь заработал мотор

невидимого автомобиля.

— Может, уедут? — предположил Юрка с надеждой. Но он не угадал. Не прошло и минуты, как из-за поворота выплеснулся свет фар и в карьер скатился «Ниссан-Патрол». Пока Юрка приглядывался — тот или не тот, откуда-то справа послышался голос Ляпунова:

— Юрочка-Милочка! Не балуйтесь!

«Ниссан» к этому моменту еще не доехал до «шестерки», поэтому Таран аж прибалдел от неожиданности. Отчаянный все же человек этот капитан! И ловок, конечно. К самым воротам сумел подобраться, а Юрка с Милкой, хоть и вострили уши повсюду, ни черта не расслышали. Слава богу, что он не противник! Подошел бы вот так же да катнул в подарок «эргэдэшку» под ворота... Считай, обоих уплел бы с костями.

Джип притормозил около «шестерки», из него выбрались Топорик и Алик. Ясно, что война откладывается.

— Уфф! — шумно выдохнула Милка и вышла за ворота. Таран тоже вылез, и вся команда наконец-то воссоединилась.

— Извините за долгое пожданье, выполняли ответственное задание, — тоном ярмарочного Петрушки произнес Ляпунов. — Но я смотрю, и вы тут время даром не теряли?

— Пришлось, — развела ручищами Милка. — Думали, что уж самим мотать отсюда придется. Беспокоились, между прочим, за ваше самочувствие. Неужели Генрих не мог другой экипаж подобрать?

— Наверно, не мог, раз не подобрал! — На сей раз голос капитана прозвучал поостроже. — Пререкания отставить, слушай, что я скажу. Времени не вагон. Докладывать мне ни о чем не надо. Быстро забираем все, что имеет художественную и эстетическую ценность, в том числе и «шестерку», ликвидируем последствия всех стихийных бедствий типа трупов и организованной автоколонной следуем в указанном мной направлении. Резко и быстро!

В УКАЗАННОМ НАПРАВЛЕНИИ

Все неопределенности и сомнения сразу как-то испарились. Капитан — он и есть капитан, от слова «капут» то есть, голова по-латыни. Конечно, сухопутный капитан — это не то, что флотский, который в пределах своего корабля самый большой начальник. Но все же — голова. Орган, который управляет и командует всеми остальными: руками, ногами и так далее. Тут некогда сомневаться и задумываться, надо делать как скажут.

Поэтому все действительно получилось резко и быстро. Спящего пленника и Василису усадили в «Ниссан-Патрол». Клепу развязали, дозволили ему застегнуть штаны и вручили ключи от «шестерки», которую он должен был вести под контролем Тарана и Милки. Жмуров, то есть Тимура и его коллег, затащили, один из балков, плеснули немножко бензинчику для растопки и подпалили. Кровянку, которая от них осталась на полу сарая, затирали не стали. Вода, сочившаяся через щели в крыше, ее уже капитально размывала, и к тому моменту, как сюда, в карьер, пожалуют менты с пожарными, ее, надо полагать, и вовсе смоет.

Конечно, между делом, Таран был не сильно согласен с решением об организации крематория, потому что огонь мог привлечь внимание к карьере, но вслух ничего не сказал — Ляпунову виднее.

В общем, меньше чем за двадцать минут все проблемы разрешились, и «Ниссан» с «шестеркой», выкатив из карьера, помчались в указанном Сергеем направлении.

Все оказалось как в аптеке. Преодолев мудреную дорожку по просекам, обе машины выбрались на асфальт и свернули направо, удаляясь от города. Таран сидел за спиной у Клепы, который изо всех сил старался не вызвать нареканий, ибо понимал, что исполнительность и старательность — единственная гарантия от пули в затылок. Хотя, конечно, никто не давал ему гарантии, что его не шлепнут несколько позже.

Пост ГИБДД проехали без остановки. Один гаишник, правда, торчал под дождиком, но на машины внимания не обратил. То ли счел, что придраться не к чему, то ли посчитал, что лишние проблемы ни к чему.

Наверно, уже после этого от услуг Клепы можно было отказаться, потому что в течение всего остального пути никаких постов на дороге не попадалось. Да и по шоссе проехали совсем недолго, минут пять, лихо свернули прямо через осевую, благо встречных близко не было, и оказались на гравийном проселке, уводившем вправо от дороги. Сперва проехали между двух распаханных под зябь полей, а потом вновь покатали через лес. «Шестерка», как говорится, держалась в кильватере за флагманом, а направление выбирал Ляпунов, поэтому не только Клепа, но и Милка с Тараном понятия не имели, куда едут. Эта часть родной области Тарану была плохо знакома — не было случая здесь побывать. Во всяком случае, он точно знал, что от базы «мамонтов» сия местность удалена на очень приличное расстояние. Так что, по-видимому, Ляпунов ехал на какую-то конспиративную «точку», о которой ни Милке, ни Тарану до времени знать не полагалось.

Сначала Юрка думал, будто Ляпунов намыливается на какой-нибудь заброшенный лесной кордон, типа того 12-го, где в свое время Тарану пришлось испытать немало неприятностей. Но, как оказалось, на сей раз место было более приличное.

Проселок неожиданно вывел на хорошую, очень гладенькую асфальтовую дорогу, а еще через пять минут машины подкатили к освещенным стальным воротам и солидному бетонному забору. Из будочки у ворот вышел некий охранник, в камуфляжке армейского образца, но без знаков различия. Чуть позже, уже проезжая мимо него, Таран разглядел на рукаве фирменную нашивку «ЧОП „Антарес“». Но сначала Ляпунов вылез из „Ниссана“, сказал что-то охраннику вполголоса, и тот махнул рукой своему коллеге, который, должно быть, приглядывал за событиями из будочки. После этого заурчал электромотор, ворота раздвинулись, и джип с „шестеркой“ проехали за забор.

Хотя нашивка принадлежала «Антаресу», то есть частному охранному предприятю, где Генрих Птицын числился директором, и являвшемуся чем-то вроде филиала МАМОНТа, охранника Таран не знал. Впрочем, он, хоть и прослужил в МАМОНТе уже больше года, много чего еще не знал.

Например, до сего времени он понятия не имел, что «Антарес» не только сторожит разные коммерческие учреждения в городе, но и такие солидные дачные поселки, как этот. По областным масштабам его, наверно, можно было даже считать элитным.

От внешних ворот машины продолжили путь по улице, обсаженной довольно высокими деревьями, за которыми просматривались глухие и высокие заборы. Конечно, темень была уже вполне ночная, улица поселка освещалась не больно ярко, листва с деревьев облетела еще не полностью, а потому разглядеть основательно, какие дачи прячутся за этими заборами, было трудновато. Но все же кое-какое впечатление об этих дачках у Тарана составилось, и в том, что это не шестисоточные «скворечники», он был уверен.

Выводы эти подтвердились, когда «Ниссан» и «шестерка» доехали до перекрестка, свернули направо и, прокатившись метров сто по совсем не освещенной улочке, затормозили перед

воротами одной из дач. Здесь их уже ждали. Ворота открыли без каких-либо переговоров и закрыли их тоже быстро, едва Клепа заехал во двор.

Потом еще немного проехали в направлении двухэтажного особняка — поди, не у каждого помещика такие домишки в имениях стояли до 1917 года! — и зарулили в просторный подземный гараж с шестью боксами. Сразу после этого к машинам подошло человек пять, поручкались с Ляпуновым, перебросились парой негромких фраз, которые Таран не расслышал. Затем Ляпунов в сопровождении «местных» подошел к «шестерке», распахнул водительскую дверцу и приказал Клепе:

— Выходи! Руки вперед!

Клепа, конечно, покорился судьбе и не стал рыпаться, когда ему защелкнули на запястьях браслетки, наскоро обшмонали и, взяв за локти, куда-то увели. Из «Ниссана» в это же время вынули усыпленного гражданина. Наручников на этого не надевали, просто обняли за плечи и поволокли так, как более трезвые товарищи волокут того, кто уже вусмерть упился. Юркиного папашу таким образом частенько доставляли домой в прежние времена. Следом за ним, испуганно вертя головой по сторонам, из машины вышла Василиса. С ней обошлись наиболее бережно: подошел крупный мальчик в кожанке (из породы «семь на восемь»), галантно взял под ручку и тоже увел.

Затем Ляпунов уже вполне отчетливо скомандовал:

— Все мои — ко мне! Строиться не надо. Таран с Милкой вылезли и подошли к «Ниссану», где уже топтались Алик и Топорик.

— Генрих приказал сегодня ночевать здесь. Сейчас идем ужинать, потом нас на ночлег устроят. По сто грамм перед сном могу разрешить, но не более. Завтра к 8.00 быть в полной готовности. Вопросы?

Вопросов не было.

— Так, — наморщил лоб Ляпунов, — что еще... Да! Юра и Мила, быстренько поглядите в салоне «шестерки». Чтоб ничего вашего там не осталось. Ни единого волоска!

— У меня волосы не лезут, — буркнула Милка. — Не отросли еще.

— Все равно погляди! Бумажки, монетки, пуговицы — все от и до проверить. Ждем!

— А если, допустим, от Василисы волос найдется? — хмыкнул Таран. — Она блондинка, у них чаще волосы секутся.

— Хорошо, что напомнил! — не моргнув глазом кивнул Ляпунов. — Тоже изъять! Кстати, она и у нас в салоне могла что-нибудь оставить. Так что и вам работа есть...

Последние слова были обращены к Алику и Топорику. Те ворчать не стали и полезли в салон «Ниссана», а Таран с Милкой начали осматривать «шестерку».

Пара длинных и тонких волос действительно прилипла к чехлу заднего сиденья в области спинки. На полу нашлась пятирублевая монетка. Она, конечно, могла принадлежать и самому Клепе, и его ныне покойным товарищам, но для страховки ее забрали. Больше вроде бы ничего не нашлось. Милка презрительно похмыкала и прекратила поиски, а Таран, чисто для страховки, решил посмотреть под заднее сиденье, не прилипло ли чего к нижней части чехла.

Никаких волос, ни темных, ни светлых, там не оказалось, но зато Таран увидел уголок какой-то бумажки, засунутой между обшивкой сиденья и чехлом. Хотя Юрка точно знал, что

ни он, ни Милка никакой бумажки под сиденье не засовывали, он уцепился за уголок и вытащил небольшой прямоугольник из плотной мелованной бумаги. Визитка!

До сих пор Таран держал в руках лишь одну визитную карточку: ту, что ему вручил Ваня Седой, когда собирался принимать на работу в «Атлет». Та была, конечно, скромненькая, провинциальная, без особого, так сказать, понта.

В этой, в общем, тоже не было особой вычурности. Ее не для форса делали, а для деловых представительских целей. Российские бизнесмены — даже те, что ведут торговлю исключительно внутри страны и напрямую с зарубежьем не общаются, непременно дублируют русскую надпись английской. Так что сами по себе латинские буквы на визитке еще ничего не означали. Однако нечто неуловимое сразу говорило — нерусская это визитка. Во всяком случае, не российского производства. То ли качество бумаги, то ли качество печати, то ли дизайн букв — фиг поймешь, короче.

Выбравшись из салона, Таран повернул карточку к свету и прочел:

«Mr. Paul N. Manuloff

HOLLYWOOD,

«Hamlet entertainment», the general producer».

Там еще были указаны телефон, факс и какой-то E-mail кажется, но рассмотреть и тем более запомнить всю эту мелкую цифирь Юрка не успел, так как подскочивший сзади капитан Ляпунов быстренько выдернул визитку у него из рук.

— Молодец! — похвалил он Тарана. — Возможно, эта штучка и пригодится...

Юрка, конечно, спорить не стал. Ему в общем и целом эта визитка была по фигу. Он в Голливуд в ближайшее время не собирался. Да если бы и взялась откуда-нибудь возможность туда поехать, то он не стал бы искать там этого продюсера и предъявлять ему визитку: мол, вы ж меня сниматься приглашали, неужто не помните?

На некоторое время он про эту визитку и думать позабыл. Тем более что в животе урчало и жутко хотелось жрать.

Из подземного гаража все пятеро «мамонтов» направились в кухню, где какая-то молчаливая пожилая стряпуха навалила им на тарелки чуть ли не по килограмму жареной картошки с мясом, квашеной капустой и солеными огурцами. По сто грамм, действительно, налили — как раз поллитра на пятерых разошлась. Топорик, Алик и даже Милка умоляюще-просительно поглядели на Ляпунова: дескать, намокли мы, намерзлись, гражданин начальник, надо бы еще пару раз по сто... Но капитан сделал каменное лицо, и стало ясно, что он человек неумолимый.

Пришлось греться крепким чайком, да и то Ляпунов проконтролировал, чтоб он не слишком приближался по кондиции к цифирю. Дескать, спать плохо будете.

Насчет этого он мог не беспокоиться. От еды публику разморило, и никого на подвиги не тянуло. Ляпунов развел их по «местам дислокации», то есть по комнатам, которые, как видно, были специально предназначены для этих случаев. Один двухместный «номер» достался Алику с Топориком, другой Ляпунову с Юркой, а третий в гордом одиночестве заняла Милка.

Таран как бултыхнулся в койку на свежее белье, так в момент и заснул. Издерганные за день нервы потребовали, чтоб башка наглухо отключилась. Вроде бы и Ляпунов придавил подушку, по крайней мере, спать ложился, это точно.

По идее, Юрка после всех передрыг должен был проспять до утра. Однако проснулся он уже через три часа. За малой нуждой потянуло. В здешнем «номере», как и в настоящей гостинице, имелся туалет, так что далеко ходить не требовалось. Прав да, когда Таран слез с кровати, то обнаружил, что койка Ляпунова пуста, и подумал было, что санузел занят. Однако, поскольку никаких характерных звуков оттуда не доносилось, рискнул заглянуть. Нет, злчное место оказалось свободно, и никто не помешал Юрке.

Таран вернулся на койку и собирался продолжить сон. Однако отсутствие Ляпунова его заинтересовало. Первой причиной, объясняющей его отсутствие, не совсем проснувшийся мозг Юрки посчитал Милку. Не то чтоб Тарана охватила ревность, но что-то в этом роде. Наверно, если б прошедшим днем между Юркой и Милкой ничего не произошло, Таран не испытывал бы такого неприятного ощущения. Неужели все-таки лихая песенка насчет того,, что все бабы — стервы, полностью соответствует действительности? Ведь как Милка там, в балке, выступала! Аж слезу пустила... Растрогала его. Юрку, до глубины души, за совесть ухватила! А ближе к ночи — фьють! Неужели и от своей Надьки он когда-нибудь дождетя такого же «реприманда»? (Что значит этот самый «реприманд» в натуре, Таран не знал. Помнил он это слово исключительно благодаря «Ревизору», которого проходили в школе.)

Однако минуты через три-четыре Таран вчистую реабилитировал свою боевую подругу, В коридоре слышались шаги, а затем приглушенные голоса Ляпунова и какого-то незнакомого солидного мужика. Именно этот мужик произнес фразу, которую Юрке удалось расслышать:

— Еще раз извини, Серега, что пришлось пару часов сна у тебя украсть. Но без этой визитки разговор получился бы совсем не такой.

— Ни одно доброе дело не остается безнаказанным... — хмыкнул Ляпунов. Спасибо, что пацана будить не стали.

— Пусть спит. Зачем перегружать юные мозги лишними знаниями? Он и так молодец, хорошо поработал. Птицын гордиться может, толкового парнишку воспитал... Ну, все, спокойной ночи!

Шаги незнакомого мужика удалились, а Ляпунов проскользнул в дверь и, осторожно ступая по комнате — опасался Тарана разбудить! — добрался до своей койки. Минуты через три Я мирно засопел, а вот Юрка смог уснуть далеко не сразу.

Слова мужика, который провожал Ляпунова до дверей комнаты, шибко заинтересовали его. Оказывается, визитка действительно пригодилась и даже помогла при каком-то разговоре. Может, под «разговором» понимался допрос? Кого?

Ясно, что не того, которого усыпляли. Он в «шестерке» ни секунды не пробыл, так что визитка явно никакого отношения к нему не имеет. Стало быть, надо выбирать из тех, кто ездил в «шестерке». Во-первых, Клепа. Он хозяин этой машины. Во-вторых, те трое, что сейчас догорают в балке или уже вылеживаются в морге, если в карьер все же добрались менты и пожарные. У самих, конечно, уже ничего не спросишь, но Клепа мог знать, у кого из них имелись связи с Голливудом. Наконец, в-третьих, Василиса. Учитывая то, что карточка не просто валялась на полу, а была спрятана между чехлом и обшивкой сиденья, это самый реальный вариант.

В самом деле, на фига Клепе или там Тимурю этому, а также остальным двоим прятать визитку под чехол сиденья? Они были хозяева положения до самого момента вторжения в

сарай «мамонтов», а после того ни один из них на заднем сиденье не сидел. Тимур, Красаня и Ларик вообще в «шестерку» не вернулись, а Клепа сидел только на переднем, водительском, сиденье, все время находился под контролем Юрки и Милки. Он вел машину не останавливаясь, и возможность того, что он каким-то образом сумел незаметно дотянуться до заднего сиденья и засунуть карточку под чехол, была совершенно исключена.

Стало быть, спрятать визитку могла только Василиса. Причем у нее была возможность сделать это и на пути в карьер, и тогда, когда Таран с Милкой укладывали Клепу в багажник. Ведь в обоих случаях она находилась на заднем сиденье, как раз посередине.

Конечно, спрятать карточку, пока ее везли в карьер, Ваське было гораздо труднее. С боков сидели Красаня и Ларик, которые за ней приглядывали, да и Тимур, который сидел впереди, справа от водителя, тоже мог что-нибудь заметить. А вот в то время, когда Милка и Таран утрамбовывали в багажник Клепу, за Василисой ровным счетом никто не наблюдал.

Вообще-то, казалось бы, какая разница, когда она спрятала карточку, «до того» или «после того»?

Но мозг Тарана уже настолько пробудился, что смог эту самую разницу углядеть.

Действительно, если Василиса прятала визитку «до того», то беспокоилась, чтоб эта карточка не попала в лапы Тимура и его команды. Ежели она спрятала карточку «после того», то не хотела, чтобы та угодила к Тарану и Милке, а потом, далее, к их начальникам.

Выпотрошенная сумочка, изъятая записная книжка могли служить косвенным подтверждением первой версии. «Тимуровцы» явно что-то у нее искали и даже почти точно знали, где это «что-то» может лежать. Ведь не полезли же они в спортивную сумку, где вполне можно было спрятать визитку. Значит, Тимур — именно он ходил встречать Василису непосредственно на вокзал, так как Клепа ждал их в машине, а Красаня и Ларик подсели в «шестерку» только на Леоновской, 23 — каким-то образом углядел эту злополучную карточку и заметил, что Василиса ее положила в маленькую сумочку. Возможно, это произошло тогда, когда Василиса звонила по телефону с вокзала. Скорее всего тому самому Евсееву Борису Витальевичу, о котором упоминал Клепа. Для этого она открыла записную книжку, возможно, заложенную визиткой мистера Мэнлоффа на нужной странице, там, где был телефон, помеченный буквами Е.Б.В. Звонила она из телефона-автомата, а Тимур скорее всего заглянул ей через плечо.

Из этого следовало, что Тимур знал о некоем важном значении визитки американского продюсера. И был хорошо осведомлен о Евсееве Борисе Витальевиче. Возможно, даже лучше, чем Василиса, которая скорее всего была просто связной. Ей просто поручили передать нечто Евсееву. Либо на словах, тет-а-тет, либо, допустим, с помощью карточки. Визитка могла содержать какую-нибудь надпись, сделанную невидимыми чернилами, могла не содержать никакой надписи, но быть условным сигналом, с получением которого г-н Евсеев должен был произвести какие-то загодя оговоренные действия. Наконец, карточка могла быть просто паролем, без предъявления которого Евсеев не стал бы вести свои конфиденциальные дела ни с какими связными или эмиссарами.

Постепенно в голове у Юрки выстроилась некая, приблизительно-обобщенная картина событий.

Тимур, как видно, не был лучшим другом гр. Евсеева Б.В. Точнее, он работал на тех, кто стремился досадить этому гражданину и нанести моральный, а может быть, и материальный ущерб. Получив от своих хозяев, должно быть, располагавших некой агентурой, сведения о приезде Василисы и задание ее перехватить, он оседлал Клепину «шестерку» и поехал на вокзал. Возможно, что ему предварительно удалось захватить того, кто на самом деле должен был встречать Василису, и выведать у него, как будет выглядеть связная и каким

образом ей представляться. Не исключено, что Тимур поначалу намеревался отвезти Ваську к какому-нибудь лже-Евсееву, которому она безо всяких попыток передала бы все, что требовалось передать. Однако телефонный звонок Василисы Евсееву с вокзала был Тимуром не предусмотрен. Тогда он резко поменял план и вывез бабу за город, чтоб выпытать нужные сведения.

Все это с грехом пополам объясняло ситуацию, при которой визитка была спрятана «до того». Однако Таран, как уже говорилось, считал этот вариант маловероятным. Ведь если Тимур видел эту визитку и знал что-то о ее ценности, то постарался бы ее забрать поскорее и приказал бы своим парням смотреть в оба, чтобы Васька ее не выкинула и не перепрятала.

Имелся еще один существенный момент, который ставил ситуацию «до того» в разряд нереальных. На фига было Василисе прятать карточку в машине похитителей? Ведь если они четко знали, что визитка — вещь ценная, то рано или поздно догадались бы пошуровать в «шестерке». В сарае-то у нее руки были связаны, стало быть, если она и отделалась от визитки, то только в машине.

А раз так, то получалось, что Василиса спрятала карточку «после того», то есть уже не от похитителей, а, так сказать, от «освободителей». В этом варианте идея спрятать визитку в Клепиной «шестерке» выглядела вполне здоровой. Поскольку о значении карточки был осведомлен только сам Тимур, уже пребывающий в небытии, а Клепа ничего не знал, то вопрос о визитке вообще мог не всплыть. И даже если б карточку нашли так же случайно, как это и получилось на самом деле, то вполне могли не обратить на нее внимания. Но вот почему Василиса боялась, что карточка угодит к «мамонтам»? Если она по-прежнему работает у Магомада, который, как помнилось Тарану, был в неплохих отношениях с Птицыным, чего беспокоиться?

На этот вопрос Юрка так и не придумал ответа. Его опять повело в сон, и на сей раз он не просыпался до самого утра.

ЗВОНОК ИЗ «КЕНТАВРА»

Утро следующего дня выдалось ничуть не лучше вчерашнего. Дождик по-прежнему моросил без остановки, ветер трепал и рвал листву, расшвыривал и волок по асфальту в мутные, рябые лужи. Склонные к одностишиям граждане в подобных случаях говорят: «Погода шепчет: „Займи и выпей!“ Именно в такую погоду потребление алкоголя на Руси резко увеличивается.

Колосова нервно покуривала у приоткрытой двери, ведущей из номера на балкон. Она бы с удовольствием выпила, но не имела на это права. Хватит того, что вчера вечером допустила расслабуху с Ваней Муравьевым. Правда, хватило твердости выставить его домой в девять вечера. Хотя, вообще-то, душа просила, чтоб он задержался до утра. Экс-старшина в гостинице был свой человек, и никаких особых проблем с администрацией скорей всего не возникло бы. Но Ирина не желала рисковать. Вдруг его законная пожалует в гостиницу? На кой черт лишний раз привлекать к себе внимание? Да и выспаться требовалось перед серьезными делами.

Вообще-то Колосова рассчитывала проспать часиков до десяти, а потом не торопясь отправиться в «Кентавр», чтоб прибыть туда ровно к полудню. Вот тут-то и подстерег ее новый облом.

Примерно в восемь утра зазвонил телефон. Ирина прекрасно понимала, что, кроме как из

«Кентавра», звонить ей никто не может, и заранее огорчилась. Не любила она, когда в ранее определенный график работы ввинчиваются какие-то непредвиденные изменения. Ну да что поделаешь...

— Алло!

— Будьте добры заведующего гаражом! — раздалась из трубки условная фраза.

— Никакой это не гараж, — отозвалась Колосова как положено. — Вы какой номер набираете?

— 06-09-30.

— Очень жаль, но вы ошиблись! -Строго по сценарию произнесла Ирина и повесила трубку.

После этого с ее уст слетело непечатное выражение. «06» обозначало, что ее ждут сегодня, 6 октября, и в этой части ничего не поменялось. Ругалась Колосова потому, что «09-30» переносило предстоящую аудиенцию на более ранний срок и требовало от Ирины поторапливаться. Ни о каком спанье до десяти утра речь уже не шла, о неспешной прогулке до «Кентавра» — тоже. Теперь лишь бы успеть хоть чуточку привести себя в порядок, чтоб не выглядеть перед «кентаврами» совсем уж старой гримзой.

Впрочем, Ирина вовсе не была копушей и, если надо, умела собираться быстро, по-военному, так сказать. У нее даже осталось время на то, чтоб выкурить сигаретку и немного поразмыслить над тем, по какому случаю ускорили встречу. Над этим она, правда, думала и в процессе «приведения в порядок», но на обобщающие выводы отвела перекур.

Создавалось впечатление, что труп, найденный в 511-м номере, может иметь к этому или прямое, или косвенное отношение.

Колосова покойного Гнатюка (если это была его настоящая фамилия) знать не знала. 511-й она загодя не бронировала, поэтому труп, обнаруженный в ванне, вряд ли был эдакой «домашней заготовкой», рассчитанной, допустим, на то, чтоб как-то подставить московскую гостью или оказать на нее психологическое воздействие. Полностью исключать такой вариант, однако, не стоило. Вполне возможно, что к смерти Гнатюка имели какое-то отношение лица из персонала гостиницы. А раз так, то администраторша, сидевшая внизу, могла специально отправить Ирину в 511-й. Это, конечно, очень маловероятно, но абсолютной чушью считать нельзя. То, что одна из дежурных по этажу нелегально вселила Гнатюка в номер, из которого он согласно гостиничной книге три дня назад выехал, — почти несомненный факт. Правда, они дежурят посменно, их несколько человек, и наверняка каждая будет отпираться, утверждая, что Гнатюка не вселяла и денег с него приватным образом не брала. Поди-ка уличи их! Тем не менее в «Кентавре» могли узнать о подоплеке этого дела и ускорить встречу с Ириной для того, чтоб вовремя ее проинформировать.

То же самое могло произойти, если «кентавры» сочли, например, что Колосовой не следует оставаться в гостинице, где в ближайшее время начнут орудовать следователи. Хотя шансов, что ее начнут теревить в качестве свидетеля, не так уж и много, тем более что скорее всего Гнатюка представят как самоубийцу и не найдут оснований для возбуждения уголовного дела. Опасность привлечь излишнее внимание все-таки существует. Ни самой Ирине, ни «кентаврам» это совершенно не нужно.

Конечно, Колосова допускала, что в течение прошедшего дня и ночи могли проявиться и иные, пока еще неизвестные ей факторы, которые заставили «кентавров» поторопиться. Так или иначе, но нервишки у нее поигрывали...

...До офиса «Кентавра» она добралась без опоздания. На всякий случай время от времени

поглядывала по сторонам— страховалась от «хвоста». Вроде бы таковой отсутствовал, хотя стопроцентной гарантии в подобных случаях не бывает. Опытные «наружники» ведут свой объект так, что вычислить их почти невозможно. Тем более что ограниченное время не позволяло Ирине Михайловне петлять по городу. В конце концов, даже если бы «хвост» и был, то установил бы лишь сам факт посещения «Кентавра». А эту фирму, занимающуюся оптовой торговлей продовольственными товарами, в течение дня посещают многие десятки людей.

Офис фирмы размещался в отреставрированном трехэтажном особнячке дореволюционной постройки. Построил его некий купчина, по слухам, даже числившийся в поставщиках двора его императорского величества и бывший едва ли не самым богатым человеком в прежней губернии. В 1918-м или чуть позже купец удрал на Юг, прихватив пару чемоданов с золотишком и бриллиантами, но попался в степи махновцам, и те его, выражаясь языком деда Шукаря, «ликвизировали» — то есть самого купца ликвидировали, а чемоданы реквизируют на пользу анархии и «вильного селянства». В эпоху гласности, конечно, по поводу безвременной кончины купца губернская пресса пролила немало слез и высказала массу проклятий в адрес большевиков, хотя в данном случае к его смерти они имели лишь опосредованное отношение. При этом газеты и облТВ «позабыли» упомянуть о том, что «честнейший предприниматель» ссужал деньгами — правда, бумажными (царскими «петеньками» и «катеньками», а также «керенками») — некую правоэсеровскую организацию, которая организовала в городе мятеж против Советской власти. Мятеж провалился, но при этом несколько сот человек погибло. ЧК похватила заложников из числа дворян и буржуазии, не больно выясняя, кто причастен к восстанию, а кто нет. Частично их вывели в расход, других отпустили, определив на обязательные общественные работы, а «главный спонсор» слинял. Не попадись он случайно анархистам — глядишь, и до Парижа бы добрался, а его потомки могли бы сейчас предъявить претензии на особняк.

При Советской власти особняк национализировали и разделили на двенадцать коммуналок. В 70-х коммуналки расселили, а в здании разместили несколько малозначительных учреждений и организаций. Наконец, после августа 1991-го все эти заведения либо перевели в другие места, либо просто позакрывали, а освободившуюся площадь сдали в аренду предпринимателям. Сперва офисы были чуть ли не в каждой комнате, но банкротства и бандитские пули довольно быстро сокращали поголовье арендаторов и субарендаторов. Наконец, здание целиком выкупил «Кентавр», капитально отремонтировал и привел в божеский вид.

В маленьком фойе Колосову остановил внушительных габаритов охранник с нашивкой «ЧОП „Антарес“» на левом рукаве серой куртки милицейского образца.

— Извините, вы к кому? — поинтересовался он.

— К Кириллу Петровичу, заместителю гендиректора. Охранник пристально поглядел Ирине в лицо, будто сверяя его черты с фотографией, которую ему, надо думать, показывали, и произнес:

— Третий этаж, 38-я комната. Можете воспользоваться лифтом.

— Спасибо, — Колосова миновала охранника и прошла направо, в короткий коридорчик, упирившийся в узкую дверцу лифтовой шахты. Само собой, что ни при купце, ни при Советской власти лифта в трехэтажном здании не было, это техническое средство установил только «Кентавр». Конечно, лифт был, что называется, «не в коня корм», то есть рассчитанный на куда более высотные дома. Едва Ирина нажала кнопку с цифрой «3», как кабина уже оказалась на нужном месте.

Прямо у двери лифта ее встретили сразу двое охранников, причем таких габаритов, что,

встав плечом к плечу, могли намертво перекрыть коридор. Несмотря на то, что оба они отлично знали Ирину в лицо, здесь, на «режимном» этаже особняка, куда посторонних не допускали, контроль был посерьезней, чем в фойе. У одного из стражей при себе был ручной металлоискатель, с помощью которого он отнюдь не формально убедился в том, что у Колосовой нет при себе оружия и звукозаписывающих устройств. Когда Ирина приезжала сюда впервые, несколько лет назад, ее встретили не только эти мужички, но и некая мощная дама, устроившая Колосовой личный досмотр на хорошем таможенном уровне, а в прошлый раз — дело было сразу после московских терактов в начале сентября — ее даже обнюхивала собачка, натасканная на взрывчатку. Но на сей раз, как видно, решили обойтись минимумом формальностей и пропустили быстро.

Здесь тоже был короткий коридорчик, по которому Колосова вышла на небольшой перекресток, находившийся по прямой вертикали над фойе, и, свернув налево, добралась до тупика, где и находилась дверь с номером 38.

За дверью оказалась приемная, где сидела хорошо знакомая Колосовой секретарша по имени Наташа.

— Вы на пять минут раньше пришли, — заметила она, глянув на свои часики, но Кирилл Петрович сказал пропустить вас сразу, как только появитесь.

— Спасибо! — Колосова проследовала в дверь с блестящей, «под золото» табличкой «Зам. генерального директора Максимов К.П.». Дверь была двойной, звукоизолирующей, так что даже Наташа, которая наверняка довольно много знала о своем шефе, не могла бы услышать даже случайно, о чем разговаривает Кирилл Петрович со своей столичной гостьей.

В кабинете за столом, который выглядел достаточно солидно для заместителя гендиректора, находился седовласый бородач в темно-сером костюме, немного напоминавший Эрнеста Хемингуэя в зрелые годы. Несомненно, Кириллу Петровичу было уже под шестьдесят, но называть его «стариком», хотя бы и мысленно, Колосова считала преждевременным. Во-первых, несмотря на седину, Максимов в свои немалые годы явно сберег физическое здоровье и ясность ума, а во-вторых, сохранял привлекательность с точки зрения женщин — выглядел эдаким светским львом конца XX столетия. У Колосовой его образ почему-то ассоциировался с пушкинским Троекуровым, и не только по причине совпадения имен и отчеств.

ИНФОРМАЦИЯ РАЗНОЙ СВЕЖЕСТИ

— Рад видеть! — Кирилл Петрович встал из-за стола и, подойдя к Ирине с радушной улыбкой на лице, жестом пригласил ее садиться за стол для совещаний, торцом придвинутый к начальственному. — Извините за то, что изменили время встречи, но дело сильно осложнилось по не зависящим от нас причинам.

— Если б все только от нас зависело, жить было бы совсем просто, улыбнулась Колосова. — Вы в курсе того, что произошло вчера в гостинице?

— Да, — кивнул хозяин кабинета. — Но это на ускорение нашего randevu повлияло в минимальной степени. Значительно сильнее сказались события, которые произошли вне поля вашего зрения. Думаю, что будет полезно, если вы хотя бы вкратце будете осведомлены о них.

— Вы уверены, что мне не мешает лишняя осведомленность?

— Можете быть уверены — лишнего не сообщу, — улыбнулся Максимов. — И сделаю все от меня зависящее, чтоб вы не угодили в ситуацию, сколько-нибудь похожую на ту, что случилась в июне.

— Я тоже. Давайте по делу, Кирилл Петрович.

— Начнем с того, что вы уже знаете. Как известно, в последние два года основным источником конфликтов в криминальном мире нашей области является борьба за контроль над химкомбинатом в поселке Советский. Причем речь идет не только о борьбе за прибыльное предприятие, производящее вполне качественные и конкурентоспособные товары бытовой химии, хотя и это дает немалый денежный куш основным акционерам. Главным же «казус белли» является бывшее режимное производство. Оно, кстати, старейшее на комбинате по времени возникновения. Ведь химкомбинат начинался в 30-е годы как оборонное предприятие. Это его уже при Хрущеве расширили, и нацелили на производство гражданской продукции. Помните, как Никита Сергеевич добавил к словам Ленина: «Коммунизм — это Советская власть плюс электрификация... и плюс химизация всей страны»?

— Нет, — мотнула головой Ирина, — я при Хрущеве совсем маленькая была. А в школе мы эту цитату не проходили.

— Немного потеряли, — усмехнулся Кирилл Петрович. — Но не в этом дело. Важно, что при Никите химкомбинат расширили почти до 40 квадратных километров целый город по территории. И оборонное производство оказалось как бы внутри этого громадьа, превратилось в так называемый «14-й цех». Потом, после того, как правительство подписало соглашение об отказе от производства и применения ОВ, цех остановили. Оборудование частично демонтировали и вывезли, даже, кажется, показали международным инспекторам, что цех больше ерундой не занимается.

— А на самом деле?

— В общем и целом все было по-честному. По крайней мере со стороны государства. То есть цех по производству ОВ был закрыт. Но территория с подведенными коммуникациями, забором и помещениями осталась.

— И кто-то попытался ее использовать?

— Не спешите, Ирина Михайловна. Давайте я все изложу по порядку. ЗАО, которое приватизировало комбинат, созданное прежним, еще советским руководством предприятия, по правде сказать, с трудом выживало в новых условиях. Раньше половина продукции шла в союзные республики, а еще четверть на экспорт по линии СЭВ и в дружественные страны соориентации. Само собой, что все эти связи полопались. Те, кто захотел из СЭВ перебраться в ЕЭС, быстренько отказались от здешней продукции. Дескать, качество низкое. На самом деле это был только предлог — качество мало чем уступало западному, а вот цена была заметно ниже. Но бывшие наши союзнички на это не смотрели: хотя Европа и штатники цену с них драли повыше, ребятам, видать, очень хотелось новых хозяев покрепче лизнуть. А братья-эсэнговцы со всей своей самостийностью сели на мель. То есть получать продукцию были не против, а платить вовремя — не очень. Комбинат работал на четверть мощности, народ болтался без дела, но увольняться не торопился и зарплату по минимуму получал. На резкие сокращения тоже идти нельзя — поселок с населением в тридцать тысяч останется без работы. А это в условиях инфляции потенциальная буза. В общем, решили господа бывшие товарищи сдать часть своей территории под складские помещения коммерсантам. Прежде всего тем, конечно, кто всякими химическими товарами торгует: моторными маслами и присадками, стеклоочистителями, стиральными порошками, красителями и прочим.

— И дело дошло до бывшего 14-го цеха? — вновь не утерпела Ирина.

— Да, дошло, — кивнул Кирилл Петрович. — Но не совсем так, как ты думаешь. Территорию его долго никто не хотел брать — опасались остатков токсичных веществ, которые там якобы оставались. Пресса постаралась еще в горбачевские времена. Хотя, скажем так, 14-й цех в связи с особой токсичностью того, что там производилось, практически никаких выбросов в окружающую среду не допускал. Ибо если б допустил, то на заводе давно бы ни одной живой души не осталось, а то и во всем поселке. Во всяком случае, вреда от этого цеха было в сто раз меньше, чем от открытого сернокислотного стока, который шел от какого-то совсем мирного производства... Ну да ладно, отвлекся я. Года два 14-й цех никто в аренду не брал, но в конце концов нашлась какая-то фирмочка, которая объявила о решении создать на этой территории небольшую фабрику по производству стирального порошка. Владельцами фирмы числились некие подставные лица, которые были чуть ли не бомжами со свалки, а на деле все принадлежало некоему Георгию Калмыкову, более известному как Жора Калмык. Он был, так сказать, непосредственный организатор. Но ему принадлежала только очень скромная идея организовать на территории 14-го цеха производство левой водки из технического этилового спирта. Еще выше, так сказать, «на областном уровне» зиждилась совсем крутая фигура по кличке Дядя Вова...

— Об этом я слышана, царствие ему небесное, — усмехнулась Колосова. «Теневой губернатор», «смотрящий по области»... Большой человек был!

— Да, я бы сказал — выдающийся. Криминальный талант!

Именно он догадался фасовать героин в пакеты со стиральным порошком. 200 граммов наркотика запаивались в полиэтилен, остальное пространство засыпалось моющим средством, на пакет наносилась ручкой или карандашиком какая-нибудь малозаметная метка в условленном месте. Потом пакеты загружались в большую упаковку, примерно из расчета один с наркотиком на пять обычных — и отправлялись по назначению. Никакие собаки, натасканные на героин, ничего не могли унюхать — запах порошка все глушил начисто.

— Ловко!

— Но это было еще не все. Оказывается, при том же 14-м

цехе находилась лаборатория. Формально еще в то время, когда цех выпускал ОВ, она всего лишь контролировала качество продукции. Однако на самом деле там велись и довольно сложные исследования. Туда приезжали ученые из очень солидных московских институтов, инженеры-технологи и доводили до ума свои разработки непосредственно в условиях действующего производства. В частности, там велись исследования по технологии производства ОВ психохимического действия. Сотрудники лаборатории прекрасно знали многих высококвалифицированных специалистов и в Москве, и во всякого рода иных «науко градах». И Дядя Вова сразу понял, что это может стать золотой жилой...

— Решил создать новые виды синтетических наркотиков?

— Да, поначалу он думал именно об этом. Его люди довольно быстро отыскивали специалистов, большая часть которых находилась либо на голодном пайке, либо вообще сидела без работы. Некоторые, конечно, «не поступились принципами», но другие, особенно молодые и амбициозные, были готовы сотрудничать с кем угодно, лишь бы вылезти из нищеты. Более того, многие из этих ребят даже сами проявляли инициативу. В ход этих контактов Бовины эмиссары узнали очень много интересного, и Дядя Вова, несмотря на то, что не имел даже среднего образования, сумел все это оценить по достоинству. В том числе даже те предложения, которые казались сумасбродно-фантастическими...

— Например?

— Например, разработать препараты, позволяющие превращать человека в подобие

дистанционно управляемого биоробота. Причем не только того, кто непосредственно получит определенное количество доз препарата, но и его потомство. Каково?!

— Да уж, возможности тут открываются солидные...

— Это верно, но надо было еще понять всю широту этих возможностей. И вместе с тем определить, что это не беспочвенное прожектерство, не бредни свихнувшихся «яйцеголовых», наконец, что это не простое жульничество и шарлатанство. Ведь многих из тех, кто «продал душу» Дяде Вова, признанные мировые светила отвергли, осмеяли, заклеили ярлыком «лжеученых». Прежде всего потому, что это каким-то образом не стыковалось с их устоявшимися взглядами. Другие, как мне кажется, захотели «утопить» молодых коллег по моральным соображениям — этих можно понять, потому что, с моральной точки зрения, превращение людей мыслящих в биороботов действительно преступление. Наконец, третьи мешали по самым шкурным соображениям — финансирование науки ныне очень скудное, надо было пробить «свои» программы и задвинуть «чужие». Подозреваю, что этих «третьих» было больше всего.

— Наверно...

— В общем, Дядя Вова всех этих «униженных и оскорбленных» накормил и обогрел, благо с финансами у него все было в порядке. Мыслил масштабно, даже глобально, не без риска. Причем рисковал он не только потому, что взялся финансировать научные работы с гадательным исходом. Риск был еще и в том, что одновременно с ним интерес к этим исследованиям стали проявлять и некоторые другие теневые владыки. Причем существенно превосходящие Дядю Вову и по финансовым ресурсам, и по высоте коррупционных связей, и, так сказать, «по огневым возможностям». В общем и целом, он был обречен уже тогда, когда ввязался в эту игру. Рано или поздно его убрали бы с дороги, хотя погиб он, в сущности, совершенно случайно и нелогично. Но несмотря на то, что его уже больше года нет в живых, как, впрочем, и Жоры Калмыка, Васи Самолета, а еще и нескольких десятков более мелких сошек, разобраться во всех нюансах его деятельности до конца не удалось. Ни правоохранительным органам, ни той системе, к которой мы с вами принадлежим.

— Правоохранители, по-моему, вовсе не собираются ни в чем разбираться, заметила Ирина.

— Нет, кое-что они, конечно, делают, — не согласился Кирилл Петрович, хотя действительно стараются глубоко не копать. Потому что Дядя Вова имел очень теплые и дружеские контакты с очень высокими чинами МВД и прокуратуры. Даже заместитель начальника РУБОПа полковник Мазаев долгое время состоял у Вовы на балансе. Дело о взрыве на даче, в итоге которого погиб полковник, подвели под точку замерзания. Почему? Потому что вместе с ним погиб не только высокопоставленный чиновник обладминистрации господин Геннадий Перфильев, а еще и два весьма авторитетных в известных кругах типа — Вася Самолет и Костя Костыль. Если б там все раскрутили как положено, то, боюсь, областное УВД сильно поредело бы...

— Догадываюсь. Надо думать, что преемники Дяди Вовы тоже не оставляют их без внимания и заботы.

— Конечно. Только теперь все осложнилось. Дядя Вова в свое время держал все под эдаким жестким, централизованным контролем. После его смерти и выхода в тираж его ближайших сподвижников дело взял под контроль некто Трехпалый, за которым стояла солидная московская контора. До этого момента наша система была убеждена, что речь идет только о наркотиках нового поколения.

— Можно маленький и глупый вопрос? Почему вы попросту не уничтожили этот завод? У вас же сил невпроворот, местонахождение завода знаете... Заложили бы его ФСБ или ментам, на худой конец провели бы налет, взорвали бы его к чертям?!

— Вопрос не маленький и далеко не глупый! — покачал головой Кирилл Петрович. — В том-то и дело, что о заводе прекрасно знают и в ФСБ, и в МВД, и в прокуратуре. Более того, есть информация, что они этот завод и курируют.

— Все ведомства совместно? Сильно не верится!

— Речь идет не о ведомствах как таковых, а об отдельных их представителях, которые осуществляют прикрытие. Такие представители, вроде уже упомянутого Мазаева, есть во всех перечисленных конторах и в администрации области. Существует негласная договоренность, что завод не трогают и более того, защищают от всяких нехороших поползновений. То есть если мы подставимся и полезем ликвидировать завод, то системе придет капут. Кроме того, вы представляете себе, что такое взрыв на химическом предприятии? Даже несмотря на то, что территория бывшего 14-го цеха обвалована и до некоторой степени изолирована от остальных производств, нет никакой гарантии, что в итоге не взлетит весь комбинат... Это будет похуже Чернобыля... Можно всю область, знаешь ли, в кладбище превратить... Ну, и последнее. Если даже здесь, в области, удастся все благополучно ликвидировать, то технологии никуда не денутся, финансы тоже, и производство просто-напросто через месяц возродится где-нибудь в Сибири. Или вообще вне пределов Российской Федерации, что еще больше осложнит контроль за его деятельностью.

— Сказать откровенно? По-моему, наша система просто желает прибрать все это к рукам... В целостности и сохранности.

— Это ваше личное мнение, Ирина Михайловна. Не буду ни подтверждать, ни опровергать. В качестве лично своего мнения могу заметить, что гадюка, сидящая за стеклом террариума, все-таки менее опасна, чем ползающая по дому и не показывающаяся на глаза.

— Стало быть, вы решили изучить гадючьи повадки? — саркастически прищурилась Колосова.

— Конечно. И уже далеко продвинулись, например, в изучении московской «крыши», которая стояла над Дядей Вовой, Трехпалым, а потом твоим другом Федором. Их связей, источников финансирования, рынков сбыта, а также самой продукции. Например, когда зимой нам удалось независимо от МВД и ФСБ захватить Трехпалого и одного из его бывших подручных — Ваню Седого, решившего взять все под себя, то заодно нам достались образцы одного хитрого препарата, который превращает человека в подобие гаитянского зомби. Одна инъекция — на трое суток, семь — необратимо. После этого стало ясно, что Дядя Вова не потратил деньги даром. .. — То есть эти препараты уже существуют?

— Да, они существуют, но их продолжают совершенствовать, изучать их воздействие, отдаленные последствия и так далее. Ну и кроме того, искать новые. Причем под «новыми» понимаются и хорошо забытые старые. Из всяких старинных лечебников и травников...

— Вроде того, что заполучил Рыжиков от старушки Нефедовой? А я-то думала, будто их интересовали яды.

— Яды тоже интересовали, — кивнул Кирилл Петрович, — хотя это была только побочная цель поисков. Впрочем, тем, кто непосредственно работал с Рыжиковым и Нефедовой, говорили именно о ядах. Искать в старинных лечебниках нужную информацию должны были более квалифицированные люди.

— А почему, позвольте спросить, эти специалисты были уверены в том, что найдут что-либо ценное в этих древних сочинениях?

— Потому что существует мнение, будто русская народная медицина в допетровские времена, то есть до внедрения европейского образования, основывалась на существенно

иных принципах. Средневековые европейские лекари имели возможность изучать античные медицинские пособия, Везалия, Авиценну... Там намного раньше появились университеты с медицинскими факультетами и так далее. Именно там возникла теория флогистона, жизненной силы, на которую можно повлиять с помощью медикаментов. Панацею, лекарство от всех болезней искали... Грубо говоря, считали, что с помощью химических веществ, если правильно подобрать пропорции, можно вылечить органы, пораженные болезнью. Причем чаще всего полагали, что ежели нога болит, то лечить надо ногу, а если желудок, то желудок. А на Руси знахари и ведуньи еще в дохристианскую эпоху, хотя, как и Василий Иванович Чапаев, «академиев не кончали», откуда-то уже знали, что причины большинства болезней находятся в центральной нервной системе. И значительно шире применяли то, что сейчас именуется психотерапией. В Европе это тоже было, но там христианство стало господствующей религией гораздо раньше, знахарей объявили колдунами и ведьмами, начали преследовать и жечь на кострах. Вместе с тем под кураторством католической церкви постепенно стала утверждаться официальная, так сказать, «регулярная медицина». А в России даже после введения христианства знахарство продолжало развиваться. И после Петра I, когда знать стала пользоваться услугами европейских медиков, а потом и русских, подготовленных по европейским стандартам, основная масса населения, вплоть до появления земских врачей в середине XIX века, лечилась у бабок. Одни свое ведовство передавали из уст в уста, другие, кому повезло грамоте обучиться, составляли для потомков письменные пособия... Конечно, без шарлатанства, особенно ближе к нашим временам, не обходилось, но все же немалое число знахарей и знахарок кое-что умели.

— Но ведь не зомбировать же! — заметила Колосова.

— Конечно, нет. Но вот лечить внушением могли. Однако для того, чтоб это делать, знахарю надо было добиваться, чтоб его пациент не сопротивлялся внушению. То есть, выражаясь по-научному, подавить контрсуггестию. Одним это удавалось делать исключительно словесными методами, «заговаривать» пациента. А другим приходилось использовать снадобья, которые подавляли волю и невосприимчивость больного, делали его легкоуправляемым. Вот рецепты этих снадобий и искали в бумагах Сучкова и Нефедовой.

— А потом развернулась эта летняя история с Федором? — Ирина сумела связать воедино имевшуюся у нее в голове ин формацию с рассказанной только что предысторией. — А я-то думала, что речь шла только о наследстве дона Формикеса, которое причиталось Ване Муравьеву...

— О наследстве тоже. Просто во время прошлой командировки вас не стали посвящать во все детали. Вы должны были работать по своему направлению, и лишние знания могли вам помешать. Ну, и могу теперь признаться, что были некоторые сомнения насчет того, что вы случайно сели «не в ту машину»... Не обижаетесь?

— Нет, я понимала, что такие сомнения могут появиться. Для меня то, что произошло летом, — непростительный прокол.

— От случайностей никто не застрахован.

— Я должна была предвидеть, что мой звонок к вам могут прослушать. И должна была уточнить номер и марку машины, которую вы собирались прислать. Тогда бы нам с Ваней не пришлось сутки сидеть в яме на старой лесопилке.

— Ну, что теперь вспоминать! Все кончилось хорошо, и слава богу. Теперь все гораздо сложнее. Особенно после вчерашних событий.

— Что ж там произошло-то «вне поля моего зрения»?

— Вчера в город прибыла одна милая и мало что значащая сама по себе девушка из Москвы.

Миссия у нее была очень скромная, а голова практически пустая. Она должна была встретиться с заведующим отделом областного облздора Борисом Витальевичем Евсеевым и передать ему маленькую визитную карточку, лично в руки. В ответ господин Евсеев должен был передать ей некую вещь. Какую именно, девице не сообщили. Сразу после этого девушка должна была уехать обратно, а в Москве передать вещь своему хозяину.

— И кто же ее послал?

— Пока это не суть важно. Важно другое. Эта самая девица со сказочным именем Василиса решила совместить полезное с приятным. То есть вспомнила о том, что у нее в нашем городе имеется бывший возлюбленный, и решила предупредить его о своем приезде... — На физиономии Максимова появилась малозаметная хитринка, которая, однако, не укрылась от взора Ирины.

— Вы меня собираетесь воспитывать на негативном примере? — почти сердито прищурилась Колосова.

— Я прекрасно знаю, что вы не предупреждали Муравьева о своем приезде, — в голосе Кирилла Петровича появилась металлическая нотка. — И о том, что вы вчера встретились совершенно случайно, тоже осведомлен. Но впредь будьте добры заниматься делом. Ни вы, ни Иван не принадлежите себе. Будете расслабляться попадете в неприятность похуже летней... Ладно, хватит с вас «партополитработы». На чем мы остановились?

— На том, что девушка Василиса решила совместить деловую поездку с романтической встречей...

— Вот именно. Позвонила она своему бывшему бойфренду, некоему Тимуру. Познакомились они года три назад на югах, должно быть, славно погуляли...

На сей раз Максимов никаких усмешек на лице не демонстрировал, но Ирина Михайловна опять усмотрела некий намек в свой адрес, ибо у нее с Ванечкой Муравьевым все тоже начиналось на юге. Усмотреть усмотрела, но язык придержала.

— Тимур этот представился ей бизнесменом, сообщил, что часто бывает в Москве, они обменялись телефонами. Василиса же, как это ни удивительно, работала прислужкой на даче у ныне покойного гендиректора фирмы «Малекон» господина Колтунова, который в мае сего, 1999 года взлетел на воздух здесь, в нашем городе, на пустыре за улицей Овражной...

— И Тимур имел к этому отношение?

— Не исключено, хотя непосредственно в убийстве участия не принимал. Но это так, к слову. На даче у Колтунова во время своих визитов в Москву он не появлялся. Они с Василисой встречались в гостиницах или на частных квартирах. Никаких серьезных намерений ни у Тимура, ни даже у Василисы в отношении друг друга не было. Просто развлекались.

— А между делом Тимур выуживал из своей подружки нужную информацию? предположила Ирина.

— Опять же нельзя исключать такую возможность. Хотя эта самая Василиса утверждает, будто ничего серьезного о делах Колтунова не знала.

— Вы ее задержали?

— Не будем торопиться. В общем, она сообщила, что приезжает в шесть вечера. Тимур встретил ее на вокзале с машиной. Предполагалось, что на встречу к Евсееву она пойдет завтра — то есть уже сегодня! — а ночь проведет на даче у Тимура. Но перед тем, как ехать, Василиса должна была позвонить Евсееву на сотовый. Потому что дело было в конце

рабочего дня, и он уже мог уйти с работы. Звонила она из автомата, держала раскрытой записную книжку, а Тимур стоял у нее за спиной. Судя по всему, этот телефон был ему знаком, потому что после этого планы Тимура резко изменились. Он посадил в машину еще двоих друзей, и вместо дачи они завезли несчастную дуру в заброшенный карьер, где начали выпытывать у нее, что именно она должна была передать Евсееву. Когда она им показала визитку, Тимур стал спрашивать, что нужно было передать на словах. Когда Василиса стала клясться и божиться, что ничего, братки ей не поверили. По чистой случайности там же, в карьере, оказались ребята Птицына. У них была совершенно другая задача, но они вмешались из гуманных соображений. Тимур и еще два молодца были ликвидированы, а еще один, к сожалению, довольно мелкая сошка, — взят живьем. Их доставили в одно уютное место, и там они рассказали примерно то, что вы слышали.

— И есть полная уверенность, что они ничего не утаили?

— Может быть, что-то и утаили. Но сейчас нет времени разбираться в этом. Дело в том, что Евсеев назначил Василисе встречу в 12.00 в ресторане «Пигмей», где обычно обедают сотрудники областной администрации. Сама она пойти, к сожалению, не может. Тимур и остальные наставили ей синяков, и вообще девица еще не совсем от стресса отошла. Есть мнение, что надо задействовать вас.

— Это санкционировано теми, кто меня прислал сюда? — спросила Ирина. — У меня, насколько я догадываюсь, было немного иное задание.

— Мы самодеятельностью не занимаемся. Все согласовано. Евсеев будет ждать блондинку в белой ветровке. Вы тоже блондинка, а белую ветровку мы вам выдадим. На случай, если по какой-то причине появятся коллеги Тимура, подстрахуем.

— Он ее точно не знает в лицо?

— Нет. А вот ей показывали его фотографию.

— Голос тоже примет. Ведь этот Евсеев слышал голос Василисы по телефону... Если он не полный дурак, то сразу поймет, что пришла не та, что звонила. Едва я назову пароль.

— Там, в «Пигмее», единственный пароль — визитная карточка. Василиса должна подойти первой, присесть за столик и, ни слова не говоря, положить визитку. Вот эту!

И Кирилл Петрович выложил на стол карточку, которую Таран нашел под сиденьем Клепиной «шестерки».

РАБОТА В «ПИГМЕЕ»

Примерно в это самое время — на часах Тарана было уже без двадцати одиннадцать — «Ниссан-Патрол» под командой Ляпунова выкатил из закрытого поселка, где «мамонты» не только поужинали и переночевали, но и позавтракали. Осталось даже время на то, чтоб привести себя в порядок — побриться, погладить брюки и так далее. Капитан даже что-то вроде утреннего осмотра провел, убедился, что внешний вид приличный и бойцы на шпану не похожи, а затем, собрав свой «экипаж» в одной из комнат, начал инструктаж.

— Наверно, все уже поняли, что на базу мы сейчас не поедем. Сперва предстоит немного поработать. Сейчас я раздам всем ксивы ФСБ. Не знаю, насколько они похожи на настоящие, но руководство утверждает, что для сельской местности сойдут и даже для нашего родного облцентра сгодятся. Тем более что вполне возможно, их вообще не придется предъявлять.

Задача следующая: доехать до города, к 11.30 прибыть на внутренний двор особняка фирмы «Кентавр». Там к нам в машину сядет дама, молодая и красивая. Примерно к 11.45 мы должны доставить пассажирку в район ресторана «Пигмей», но не прямо к парадному входу, а к проходному двору на противоположной стороне улицы. Где-то в 12.00 или около того у ресторана должен припарковаться «Фольксваген-Гольф» темно-зеленого цвета, номер я помню. Из него выйдет вот этот гражданин, — Сергей показал бойцам фотографию, — и проследует в ресторан. Далее наша дама пойдет в это же заведение. По идее, она должна будет выйти минут через пять, максимум через десять. Если не появится, пошлем человека для контроля. Человеком этим, надо думать, будет Таран Юрий Николаевич, поскольку он у нас самый молодой и проворный. Кроме того, он эту даму знает лучше других, летом ее из ямы вытаскивал...

— Она сама вылезала, — заметил Таран.

— Не важно. Главное, что она тебя быстрее других заметит. Если ее в зале вдруг не окажется, выйдешь на улицу и помашешь ручкой. Подойдет Мила и проконтролирует женскую комнату. Если ее и там не окажется, Мила дает нам по радиации сигнал «три— пятнадцать». Заходим в зал, предъявляем ксивы и шмонаем все помещения. Вопросы?

— Там черный ход есть? — спросил Топорик.

— Черный ход будет страховать Дударев со своей группой. Мы с ними будем на связи.

— Гражданина с «Фольксвагена» брать будем? — поинтересовался Алик.

— Только в самом крайнем случае. А вообще, лучше всего будет, если эта дама выйдет через пять минут и тихо сядет в машину. После этого мы высадим ее у «Кентавра» и поедем на базу.

— Не нравится мне все это, — проворчала Милка.

— В чем дело, Людмила Дмитриевна? Неприятно женский туалет посещать?

— Не нравится мне то, что посылают машину, которая уже вчера в городе светилась, — пропустив шпильку мимо ушей, буркнула Милка. — Примелькаться можем... «Ниссанов» в городе не вагон, тут не столица как-никак.

— Этот вопрос задашь Птицыну. После выполнения задачи.

— Обязательно задам.

— Еще вопросы? Нет вопросов. Едем!

До города доехали без приключений. На въезде, правда, у поста ГИБДД, инспектор указал жезлом: к обочине! Хотя «Ниссан» ехал без превышения скорости и был довольно чистый. Алик его перед поездкой отмыл до блеска от вчерашней грязюки. Таран, честно сказать, немного поежился, поскольку ему вспомнилось, что сказал Ляпунов насчет ксив. Однако когда инспектор заглянул в машину и увидел развернутые корочки, предъявленные Аликом, то почти сразу же махнул жезлом: проезжайте!

— Блин, у него ж карман от взяток лопается! — заметил Ляпунов, когда они отъехали от поста.

— Жаль, что торопимся, — хмыкнул Топорик. — Надо было, е-мое, сказать, будто мы за ним наблюдение вели и факт дачи взятки на видео засняли. Он бы точно все отдал, лишь бы акт не составили...

— Не балабонь! — посоветовал капитан. — Посерьезней, если можно.

«Ниссан» подъехал к особняку, где размещался «Кентавр», не со стороны главного входа, находившегося на оживленной улице, а через узкий переулок, два проходных двора и низкую арку-подворотню, выведившую во внутренний дворик. Сразу и за подворотней к машине подошли двое парней в униформе «ЧОП „Антарес“». Ляпунов вылез, поручкался с ними, и один из охранников пробубнил в рацию:

— Есть транспорт, стоит у подъезда.

Из рации прохрюкали:

— Принято, ждите.

Минут пять подождали, затем из какой-то неприметной двери в сопровождении еще одного «антареса» вышла молодая дама. Одежда ее всем участникам вчерашних событий показалась очень знакомой, но Таран сразу разглядел, что Василисин прикид явно поменял хозяйку. Дама, безусловно, была постарше, и именно та, которую Юрка освобождал из «зиндана». Таран даже припомнил, что Птицын называл эту женщину Ириной.

— Здравствуйте! — Энергичная блондинка влезла в салон и уселась на свободное место. — Приятно видеть старых знакомых!

И подмигнула Тарану. Юрка скромно кивнул, но немного смутился. Хотя Ирина и выглядела моложе своих лет, но все-таки она Тарану в матери годится. Да и Милка какое-то раздраженное сопение произвела. Правда, неярко выраженное, но отчетливое. Ишь, дескать, карга старая! И ты туда же!

— Поехали! — распорядился Ляпунов.

«Ниссан» сумел благополучно развернуться в тесном дворике и выкатил через арку. Потом не торопясь проехал в обратном порядке проходные дворы и переулок, выбрался на большую улицу.

Как видно, капитан точно рассчитал маршрут по времени. Джип очутился в проходном дворе ровно в 11.45, ни минутой раньше, ни минутой позже.

Двор этот находился между двумя симметрично расположенными домами, напоминавшими в плане две буквы П, обращенные ножками друг к другу. Середина двора была занята чахлым сквериком, самостроенными жестяными гаражами, маленькой хоккейной коробкой, внутри которой несколько пацанят, невзирая на дождик, гоняли по грязи футбольный мяч, а также мусорными баками и контейнерами. «Ниссан» припарковался у бордюра скверика, втиснувшись между облупленной и начавшей ржаветь «Волгой ГАЗ-24», стоявшей на спущенных шинах, и ее свеженькой землячкой «Газелью». Тент над кузовом полуторки делал «Ниссан» не столь приметным, но не мешал хорошо видеть вход в ресторан «Пигмей», около которого находилась небольшая платная стояночка, где в настоящий момент стояло три-четыре иномарки. Ресторан считался дорогим, сюда приезжала только очень обеспеченная публика. Темно-зеленого «Гольфа» на стоянке не было.

— Будем ждать, — сказал Ляпунов. — Топорик, приглядись-ка к стоянке. По-моему, там знакомый аппарат паркуется.

— «Тойота», что ли? — Пока Топорик доставал из-под куртки небольшой бинокль, размером с театральным, но намного более мощный, иномарку уже заметил Алик.

— Да, вон та, «Королла», — кивнул Сергей.

— Похожа, — согласился Алик, — номерок бы посмотреть. Я схожу?

— Отставить. Ты за рулем нужен, мало ли какая вводная поступит, — капитан щелкнул ногтем по мобильному. — Топорик, не поленись. Бинобль пока отдай Миле, все равно ты через него ни фиги не увидишь, раз тачка к нам стоит боком.

— Эх, старость не радость! — прокряхтел Топорик, выбираясь из джипа.

— Заодно сигареток купи! — напутствовал его Ляпунов. Топорик неторопливо вышел со двора на улицу, перебежал на другую сторону и направился к одному из киосков. Купил сигареты, бросил косой взгляд в сторону «Тойоты-Короллы», а потом не спеша вернулся во двор и забрался в джип.

— Она, — лаконично сообщил гонец, подавая капитану пачку «Мальборо».

— Народ есть внутри?

— Нету. Похоже, обедают...

— Не здорово, — помрачнел Ляпунов. — Хорошо, если они просто пожрать зашли... А если нет?

— Может, дадим отбой? — предложил Топорик. — Стремно ведь такое свидание на чужих глазах проводить.

— А как этот отбой дать? — хмыкнула Колосова. — Вчера с вокзала звонила одна, сегодня другая. Товарищ Евсеев нас явно не поймет...

— Поздно рассуждать, — заметила Милка. — «Фольксваген» приехал.

Действительно, небольшая темно-зеленая машинка уже зарулила на площадку перед «Пигмеем». Из нее вылез среднего роста, немного грузноватый, но не толстый господин в коричневом плаще и кепке.

— Мне пора, — заявила Колосова.

— Не торопитесь, — заметил капитан. — Он сейчас головой по сторонам крутит. Лучше будет, если он не увидит, на какой машине вы приехали. Выйдете после того, как клиент окажется за дверями ресторана.

— Ладно, подождем...

Дождаться пришлось недолго. Владелец коричневого плаща запер машину электронным ключом и неторопливо проследовал ко входу в ресторан. На запястье у него болталась небольшая барсетка.

— Так, я пошла! — сказала Ирина Михайловна, набросила на плечо ремешок сумочки и, цокая каблучками по мокрому асфальту, быстро зашагала со двора на улицу.

Она еще не начала переходить дорогу, как из дверей ресторана один за другим вышли два рослых парня в кожаных куртках.

— Внимание! — Ляпунов впился в них взглядом. — Алик, запусти мотор на всякий случай!

Парни, однако, спокойно дошли до «Тойоты-Короллы», сели в нее и отъехали с парковки еще до того, как Ирина Михайловна решила перейти улицу, ибо движение было тут довольно интенсивное.

— Похоже, и впрямь обедали, — пробормотал Ляпунов со вздохом облегчения, когда «Тойота» скрылась из виду, а Ирина перебежала на другую сторону улицы и скрылась в дверях ресторана.

— Значит, десять минут ждем? — спросил Таран. Но не прошло и двух минут, как Колосова вышла из ресторана, а затем очень быстро направилась к «Ниссану».

— Всего и делов-то... — произнесла Милка, но осеклась, заметив, что Ирина Михайловна торопится намного больше, чем ей следовало. А когда Колосова приблизилась настолько, что можно было разглядеть ее лицо, то всем стало ясно: произошел какой-то очень серьезный облом.

— Быстро отсюда! — буквально вваливаясь в салон джипа, прошипела Ирина. Как можно быстрее!

— Понял! — произнес Ляпунов и мигнул Алику. «Ниссан» ловко вывернул из своего укрытия и пустился в обратный путь.

— Машину, которая у черного хода дежурит, отправьте! — вся кипя от ярости, прорычала Колосова.

— Дудик! Слышишь меня? — позвал Ляпунов.

— Слышу, Серый. Какие ЦУ?

— Идешь на базу, отбой. Понял? Я позже буду.

— Принято.

Насчет облома все поняли, но уточнять, отчего да почему, долго никто не решался. Вдруг Милка пробормотала:

— Барсетка! Эти козлы с «Тойоты» вышли из ресторана с точно такой же барсеткой, как у того, в коричневой кепке!

— Точно?! — вскрикнула Ирина. — И ты молчала?!

— Это ты молчала, — буркнула Милка. — Надо было сразу сказать, что его вырубили...

ПОГОНЯ

— Я и не сообразила, что его могли вырубить! — ошалело пробормотала Колосова. — Ни крови, ни раны, ничего! Думала, сердечный приступ или еще что-то. Если б я сразу за ним пошла, как сначала хотела!

— Тогда бы и ты там коньки отбросила, — нелюбезно заметила «Королева воинов».

— Не иначе, его из ручки, стреляющей шприц-иголками, укантовали, предположил Таран, вспомнив свои весенние приключения. — Сам такую употреблял, только со снотворным. А тут, наверное, яд был...

— Алик! Разворачивайся! Попробуем достать! — приказал Ляпунов, перекрыв галдеж зычным басом. А затем, достав рацию, нажал на кнопку передачи и позвал:

— Дудик! Дудик! Отзовись, прием!

— Слушаю, Дудик. Серый, какого хрена? Отбой же объявил...

— Короче, не базарь. Ты где, во-первых?

— К Пролетарской площади подъезжаю.

— Нормально! Вчерашнюю тачку помнишь?

— Как свою!

— Она должна быть где-то поблизости. Крути головой вовсю, понял? Может и сзади появиться, а может и спереди. Ежели попадетсЯ на глаза — тут же докладывай и иди следом. Как понял?

— Нормально понял. Жму на газ.

— А мы срезать попробуем. До связи!

— Серый! Не отключайся! Видим мы эту тачку, она только что свернула на Симеоновскую. Идем за ней.

— Не прилипай только, понял? Куда свернет, сразу докладывай, не телись!

Алик сосредоточенно крутил баранку, петляя по проходным дворам, и потихоньку матерился себе под нос, должно быть, стесняясь общества Ирины Михайловны. Милка была человек свой.

— Быстрее можно? — нервно спросила Ирина.

— Можно, — проворчал водитель. — И углы сшибать можно, и контейнеры мусорные, и людей, на фиг, давить не страшно...

— Не волнуйтесь, — попытался успокоить Колосову Ляпунов, — достанем! Вот она, Симеоновская...

Таран эту улицу очень не любил. Она у него вызывала самые неприятные воспоминания. Именно тут проклятая Дашка разыграла перед ним трагикомедию, соврав, будто ее, невинную, «режиссер» Крылов изнасиловал, и втравила в бандитские дела. Сука лживая! Изнасилования, конечно, никакого не было, Крылов этот самый оказался вовсе не режиссером, а журналистом, который досаждал губернской мафии. В общем, Вася Самолет и Ваня Седой решили его проучить и использовать сильного, но глупого пацана в качестве слепого орудия. Хорошо еще, что настоящего Крылова дома не было, и Юрка с Дашей по ошибке затоптали до смерти домушника, которому Жора Калмык поручил выкрасть у журналиста кассету с компроматом. Но именно с этого момента вся Юркина жизнь резко изменилась, стала двойной, а то и тройной, замазалась грязью и кровью...

— Серый! — прохрипел Дударев из динамика рации. — «Корова» позади тебя идет! Полтора метра сзади. Зажмем?!

— Не спеши, — отозвался Сергей, — здесь поворотов во дворы полно. Начнем зажимать — свернет. Протянем его до пересечения с Леоновской...

Почти все в «Ниссане» — кроме Алика, конечно! — обернулись и поглядели в заднее стекло. «Тойота» действительно маячила позади, и расстояние между ней и джипом помаленьку сокращалось. А следом за ней, еще на полсотни метров дальше, катила красная «девятка».

Вот на ней-то и находился лейтенант Дударев, по кличке Дудаев или просто Дудик.

Однако «протянуть» «Тойоту» до Леоновской не удалось. Она внезапно прибавила скорость и на полном ходу, едва не встав на два колеса, свернула в проходной двор, точнее, в промежуток между двумя облупленными пятиэтажками с номерами 30 и 32 на глухих, без окон, торцах, обращенных к улице. Именно здесь, на Симеоновской, 32, в квартире 37, жил ныне покойный журналист Крылов. Достали его бандиты все-таки, хотя он сумел было спрятаться у своего друга, фермера Душина, бывшего майора спецназа, сослуживца и друга Генриха Птицына. Дашка, стерва, навела на него Седого...

— Блин! — вырвалось у Ляпунова. — Засекли нас!

— Я ж говорила, — зловредно заметила Милка, — на хрена было ехать на «Ниссане», раз вы вчера на нем за этой «коровой» гонялись?

— Помолчи, а? — прорычал капитан, хотя в душе был полностью согласен с Милкой.

Алик между тем, не дожидаясь команды, свернул в очередной промежуток между пятиэтажками, а «девятка» Дударова юркнула следом за «Короллой».

— Отсекли они нас, однако, — проворчал шофер. — Теперь только на Дудика надежда.

— Если они сейчас в самостроевский сектор занырнут и машину бросят — их вообще хрен найдешь, — мрачно предположил Топорик.

Знал Юрка этот самостроевский сектор. И не мог не согласиться с Топориком.

Самостроевский сектор, или, как его называли старожилы города, «Шанхай», появился не то сразу после войны, не то еще во время ее. Город-то был здорово разрушен, а жителей уцелело не так уж и мало. Конечно, первым делом начали отстраивать центр, ставить кирпичные дома «сталинского типа», квартир в которых, естественно, на всех не хватало. А жить-то надо было где-то. В общем, на окраинных пустырях пошел самострой по системе «кто во что горазд». Сначала землянки были, потом бараки, а после деревянные и кирпичные домишки с крохотными огородиками. Там и улиц-то, по сути дела, не было. Во всяком случае, таких, чтоб с названиями, долго не имелось. При Хрущеве, например, все самостроевские дома имели номера по улице Пионерской

— так называлась Симеоновская в период с 1925 по 1991 год, — хотя многие домишки находились аж в километре, а то и в полутора от самой улицы.

Потом на «Шанхай» стали стройными рядами наступать пятиэтажки. Самостроевские халупы десятками шли под бульдозер, а их население помаленьку перебиралось в «хрущобы», которые поначалу казались чудом градостроительства и комфорта. Горячая вода, ванна, туалет с унитазом, газовая плита — разве не счастье для человека, который многие годы прожил в халупе с печным отоплением и керосинками, мылся в тазу или корыте?! До ближайшей городской бани надо было чуть ли не час на автобусе ехать, а свою индивидуальную баню во дворе могли поставить лишь немногие счастливицы.

Казалось, что всего ничего — и самострой будет стерт с лица земли. Однако тут начался отвод земель под дачные участки. Облцентр, выполняя постановление ЦК и СМ СССР, отобрал у нескольких пригородных колхозов и совхозов бросовые земли и отдал их садово-огородным товариществам крупнейших предприятий и организаций города. «Шестисоточки» довольно быстро заняли территорию огородиками и фанерными хозблоками, но не вплотную к городской черте — тем более что в данном городе черта эта самая была довольно эфемерной и существовала только на картах и планах. Получилось несколько довольно больших пустырей, которые ни город не застраивал, ни дачники. Вот

туда-то и влезло новое поколение самостройщиков, которые явочным порядком соорудили себе халупы из списанных или ворованных строительных балков, больших дощатых ящиков из-под заводского оборудования. Не вступая ни в какие кооперативы, эти граждане отвели себе участки и растили всякую зелень для личного стола и даже на продажу. Само собой, что люд, который селился там, был не совсем чист перед законом уже по самому факту незаконного строительства, но, кроме того, там проживало немалое число граждан, не имевших даже справки об условно-досрочном освобождении, а также числившихся во всесоюзном розыске. Правда, позже, после победы демократии и крушения проклятого тоталитаризма, часть этих граждан резко поменяла социальный статус, обзавелась особняками в три этажа, вполне приличными паспортами — даже заграничными! — «Мерседесами», «Вольво», «Ауди» и другой бытовой техникой. Те, которым повезло немного меньше, упокоились под мраморными и гранитными памятниками на престижных кладбищах с трогательными надписями на стелах, типа: «Колян от братвы. Кто не был, тот будет, кто был, не забудет». Наконец, те, кто в рыночную экономику вписаться не сумел, пришли в бомжовое состояние. Точнее, в полубомжовое, поскольку изначально аббревиатура «БОМЖ», как известно, употреблялась ментами для обозначения лиц «без определенного места жительства», а у обитателей «Шанхая» оно, это «определенное место жительства», как правило, все же имелось.

Серьезные люди, переселившиеся в приличные места, о «Шанхае» не забывали. Там, среди всех этих халуп и сараюшек, много чего пряталось. И менты при желании могли бы там и склады наркоты найти, и оружие, вплоть до пулеметов и гранатометов, и не один десяток угнанных машин, и заложников. Но не искали, за исключением тех случаев, когда не искать было нельзя. Например, если машины пропадали у высоких чинов областной или городской администрации или бизнесменов, спонсировавших предвыборную кампанию губернатора. Тогда все находилось через день-другой, и в абсолютно исправном состоянии...

Очень скоро предположение Топорика подтвердилось.

— Серый, — доложил по радиации Дударев, — они в «Шанхай» пулят. Попробуй раньше их на мостик проскочить!

— Понял, — отозвался Ляпунов и бросил Алику: — Жми!

И опять Таран был мысленно с ними согласен. Узкий деревянный мостик через жутко грязную и заваленную хламом безымянную речушку, наискось протекавшую через «Шанхай» и делившую его на две неравные части, был наилучшим местом для перехвата. В «малом» «Шанхае», находившемся на правом берегу и непосредственно примыкавшем к пятиэтажкам, искать «Короллу» было бы существенно проще. А вот если она проскочит на левый берег, в «большой» «Шанхай», и нырнет в один из многих закоулков да еще и укроется в каком-нибудь ржаво-жестяном гаражике пиши пропало.

Алик заметно прибавил скорость, и «Ниссан», лишь чудом вписываясь в повороты и не сшибая многочисленные мусорные баки — их отсюда, наверное, вывозили раз в три года! — понесся через дворы пятиэтажек. Хорошо еще, что народу во дворах было мало — дождь к тому не располагал, а то бы и впрямь кого-нибудь задавили. Но обошлось лишь тем, что прокатились через большую лужу, заполнившую глубокую вмятину в асфальте, и крепко плескнули мутной водой на толстую бабку, которая вела по тротуару на поводке большую собаку неопределенной породы.

Вскоре последняя линия пятиэтажек осталась позади. «Ниссан-Патрол» очутился перед длинющим рядом разномастных гаражей, «хлебниц» и «ракушек», круто свернул направо и помчался туда, где в этом ряду находился узкий проезд. За несколько секунд джип пронесся двести метров до проезда, и Алик, лихо крутанув баранку влево, проскочил сквозь него.

— «Корова» справа! — завопила Милка. — Тормози, а то пропустим!

Действительно, «Тойота» на полном ходу вынеслась справа, из-за пятиэтажек, а за ней вывернула и «девятка» Дударова. Алик успел не только притормозить, но и резко сдать назад, одновременно вывернув баранку вправо, чтобы подставить под бозможный удар запаску на задней дверце.

Но те двое, что сидели в «корове», не собирались бодать лбом увесистый джип. Водитель «Тойоты» вовремя даванул на тормоза, и тачка, проюзив по мокрому асфальту, все-таки сумела остановиться метрах в пяти от «Ниссана». Оба мордovorота разом выскочили из машины и рванули бегом в разные стороны. Тот, что выпрыгнул из водительской дверцы, помчался к углу пятиэтажки, а другой нырнул в узкую щель между гаражами — как и протиснуться-то сумел, сукин сын!

— Все мужики — за мной! — заорал Ляпунов. — Мила, страхуешь Иру!

«Девятка» тоже тормознула, из нее выскочили четверо с пистолетами в руках.

— Дудик! Этого! — Капитан махнул рукой в сторону пятиэтажек. — Топор, за мной в обход! Юрик, Алик— контролируйте дыры, чтоб он обратно не выскочил!

Дударев и его команда с топотом рванули за угол пятиэтажки, Ляпунов с Топориком — в проезд между гаражами, а Таран и Алик подскочили к той щели, через которую протиснулся бандюган. Держа наготове оружие, Алик рискнул заглянуть в этот узенький, меньше чем полметра в ширину, проходик. Увы, там было уже пусто, только слышался удаляющийся топот. Таран в это время поглядывал вдоль линии гаражей — не попробует ли этот ловкач, пробежав метров сто или даже меньше, вновь проскочить через какую-нибудь дырку между гаражами и драпануть в обратном направлении.

— Блин, — прошипел Алик, оценив размеры щели между гаражами, — я думал, он тут застрянет на хрен! Здоровый кабан, а просклизнул без мыла.

— Небось брюхо на полметра втянул, — хмыкнул Юрка.

— Слышь, — озабоченно произнес водила, — надо бы кому-то на крышу влезть. Иначе прозеваем, если он обратно к пятиэтажкам попрет! Здесь таких щелей — до фига и больше.

— Понял, — кивнул Таран, — подсаживай!

С помощью Алика Юрка вскарабкался на толевую крышу ближайшего гаража и почти сразу же рассмотрел все, что происходило по ту сторону гаражного ряда. За первой линией гаражей было еще три, а дальше начинался путаный лабиринт «шанхайских» построек. Ляпунов и Топорик, забежав в проезд, пересекающий ряды гаражей, обогнули первый ряд и теперь крутили головами, пытаясь понять, куда подевался беглец, потому что в проезде между первым и вторым рядами его не просматривалось. А вот Таран с крыши успел заметить, что макушка стриженной башки промелькнула в промежутке между относительно новым, крашенным в защитный цвет зеленым гаражом и старым, облупленным, из мятого кровельного железа, покрытого потеками ржавчины.

— Он там, — заорал Юрка, — за второй ряд забежал! Топорик и Ляпунов сорвались с места, обогнули второй ряд гаражей... Тах! Тах! — там, куда они побежали, хлестко ударили. два выстрела. Юрка даже присел на всякий случай, хотя стреляли явно не в него. Держа пистолет на изготовку двумя руками, Таран позыркал малость по сторонам, приглядываясь к щелям между гаражами — вдруг кто выскочит? Уши тоже насторожил, прислушиваясь к тому, что происходит за вторым рядом гаражей.

Впрочем, напряжение длилось недолго. Из-за гаражей послышался раздраженный голос Ляпунова:

— Сердечно благодарю, господин Топорик! Телохранитель из вас классный получился бы! С двадцати метров — и точно в лобешник. Допрашивай теперь его сколько угодно...

— Серый, — виновато бубнил проштрафившийся, — у меня рефлекс сработал...

— Ладно, поволокли его побыстрее! — с досадой проворчал Сергей. — Не дай бог, чтоб еще и Дудик так же лопухнулся!

Увидев, как Ляпунов и Топорик, пыхтя, волокут убитого по проходу, Таран спрыгнул с гаража туда, где дожидался Алик.

В это же самое время из-за пятиэтажки появились ребята Дударева, они тоже тащили под руки безжизненное тело. Сам лейтенант нес в руках полиэтиленовый пакет, в котором просматривались барсетка и толстая авторучка.

— Поздравляю! — саркастически произнес Ляпунов, увидев расстроенную физиономию Дударева. — Мочить так мочить!

— Да мы его уже зажали почти! — с досадой произнес лейтенант. — Он в подъезд заскочил, по лестнице в подвал хотел уйти, думал, мы мимо пробежим. Ну а мы заглянули... Он руку в карман сунул, я ору: «Бросай оружие!» Думаю, если дернет пушку из кармана, я его в локоть прижгу. А он, сука, нажал прямо в кармане. Вот эту заразу...

Дударев щелкнул ногтем по пакету, где лежала авторучка.

Таран, даже видя ручку только через мутный полиэтилен, мог бы поклясться, что это точно такая же штука, которой он пользовался весной, «похищая» Аню Петерсон.

— Мы думали, придуривается, а он уже копыта откинул... Иголку с ядом себе в бедро загнал.

— Из барсетки он ничего не выкинул? — строго спросил Сергей. — Там, в подвале, ничего не валялось? Под ноги смотрели?

— Смотрели. Он вроде бы бежал быстро, не останавливаясь. А барсетка была застегнута. Мы вообще его серьезно обшмонали. Кроме барсетки и этой ручки чертовой, нашел еще бумажник и ключ от машины.

— Ладно! Барсетку и ручку отдашь мне. Короче, грузишь этих в «Короллу», на заднее сиденье. Кого-то из своих парней за руль — и быстро на базу. На сей раз уже не заверну...

— Свежо предание... — пробормотал Дударев.

Ляпунов беспокойно глядел по сторонам. Конечно, народу поблизости не было, но выстрелы наверняка слышали и в домах, и во дворах. Да и в гаражах могли быть свидетели, которые на глаза не попались. Возможно, кто-то отважился и в милицию позвонить. Не хватало еще, чтоб сюда ГНР прибыла или, того хуже, собровцы. Ксивам могут и поверить, но наверняка захотят запросить подтверждения в областном управлении ФСБ. МАМОНТу это не с руки, хотя не исключено, что друзья Птицына в вышеупомянутой организации это подтверждение дадут. Все равно рисковать не стоит, надо убираться отсюда как можно быстрее.

— По машинам! — приказал капитан, убедившись, что ребята Дударова погрузили покойников в «Короллу». — Алик, гони в «Кентавр»!

Через несколько секунд ни одной из трех машин на месте событий не осталось. «Трофейная»

«Тойота-Королла» и «девятка» свернули в проезд между гаражами и покатали в сторону «Шанхая», дабы не светиться на оживленных улицах с трупами на борту и побыстрее выбраться за город, минуя посты ГИБДД. «Ниссан-Патрол» вновь свернул во дворы пятиэтажек и стал выбираться на Симеоновскую.

СОДЕРЖИМОЕ БАРСЕТКИ

— По-моему, нам сегодня крепко попадет! — преувеличенно-бодро произнес Ляпунов, когда джип уже выезжал на улицу.

— Возможно, — сухо сказала Ирина. — Дайте мне барсетку, пожалуйста. Надо убедиться хотя бы в том, что она принадлежала тому господину, которого убили в «Пигмее».

— Прошу, — Сергей подал ей пакет. — Осторожнее, ради бога, возможно, там авторучка на боевом взводе...

— Постараюсь раньше времени не застрелиться, — довольно зло осклабилась Колосова.

Осторожно достав из пакета барсетку, она плавно расстегнула «молнию» и заглянула внутрь. Будь это женская сумочка, она, наверно, сумела бы определить, кому она принадлежала, хотя бы по оттенку помады. Но, увы, господин Евсеев губы не красил. В барсетке лежали сотовый телефон, небольшой калькулятор, большая записная книжка «Timeplaner prestige», пачка сигарет «Мальборо» и зажигалка «Zippo». Ни паспорта, ни служебного удостоверения, ни денег в барсетке не оказалось. Скорее всего они лежали в бумажнике, который остался во внутреннем кармане пиджака. И ключи от квартиры и машины медицинский начальник унес с собой, так что теперь они находились в распоряжении милиции, наверняка уже прибывшей в «Пигмей». Но ведь любая из вещей, находившихся в барсетке, с тем же успехом могла принадлежать и покойным «борцам за денежные знаки», которых увезла группа Дударова.

Записная книжка Колосову разочаровала. В «таймпланере», отпечатанном в Германии, хоть и имелась специальная страничка под названием «Personliche Daten» — это надо было понимать как «общие сведения о владельце», — ни одна из граф не была заполнена. А ведь эта страничка специально предназначалась на тот случай, ежели владелец книжки скоростно отбросит копыта или, по меньшей мере, окажется в бессознательном состоянии.

Да уж, принадлежать аккуратному и педантичному бундес-бюргеру такая книжка никак не могла. Немец наверняка бы не поленился записать и «Name», и «Vorname», и «Pers.-Ausweis-Nr.» (номер удостоверения личности), и «Blutgruppe» с «Rhesusfaktor», и даже адресок своего «Hausarzt» (домашнего врача). Но зато она могла принадлежать любому русскому, который, прекрасно понимая, что у него намного больше шансов угодить в чрезвычайную ситуацию, чем у немца, фаталистически пренебрегает этим.

В книжке было много всяких разделов, полезных для делового человека: и календари на 1999 — 2000 годы, карты мира, Европы и ФРГ, и специальные листочки «Nicht vergessen!» — «Не забыть!», и какие-то расписания на неделю, и аккуратные алфавиты для адресов и телефонов. Однако и здесь все было по-русски. То есть разобраться в записях мог только сам хозяин, да и то если имел хорошую память. Большая часть телефонов, например, была записана просто так, без указания абонента. В лучшем случае телефон сопровождался именем и отчеством типа: «Иван Петрович» или, наоборот, одной фамилией — скажем, «Иванов». Были какие-то загадочные сокращения, которые каждый мог понять в меру своей испорченности. Например, «ВВС». Возможно, за этим скрывались Военно-Воздушные Силы,

но могло быть и «Би-би-си», и просто Василий Васильевич Сидоров.

Наверно, после пристального изучения телефонов и сравнения их с телефонным справочником облцентра можно было сделать какие-то выводы, но Ирина такого справочника при себе не имела. Впрочем, имелся гораздо более простой способ определить, чья же это все-таки барсетка. Правда, Колосова до него додумалась уже тогда, когда «Ниссан-Патрол» въехал во внутренний дворик «Кентавра».

— Транспорт вернулся, — сообщил по рации охранник, встречавший джип.

Из рации ответили:

— Можете отправлять обратно.

Ирина Михайловна, спрятав пакет со стреляющей ручкой в барсетку, вышла из машины, помахав ручкой Ляпунову и его ребятам:

— Спасибо за помощь! Счастливого пути!

— Пожалуйста, — невесело отозвался капитан. — Поехали, Алик...

Колосова вновь поднялась на третий этаж и прошла в кабинет Кирилла Петровича.

Хотя Максимов умел держать себя в руках и на лице его было очень трудно что-либо прочесть, Ирина все-таки поняла: он уже в курсе того, что произошло. По крайней мере, в «Пигмее».

— Присаживайтесь... — произнес Кирилл Петрович. — Чем порадуете?

— Только этим, — вздохнула Колосова, положив на письменный стол барсетку. — Вы уже знаете что-нибудь?

— Кое о чем осведомлен, — кивнул Максимов. — Но желательно, чтоб вы рассказали все по порядку.

Ирина Михайловна начала довольно длинный монолог. Кирилл Петрович слушал не перебивая, вертел в руках карандаш и время от времени не то делал какие-то пометки на листке бумаги, не то просто чертил ничего не значащие закорючки.

— Грустная история... — резюмировал он, когда Ирина закончила свой отчет. — Три трупа, стрельба среди бела дня, угон машины — и ровным счетом никаких полезных сведений, кроме того, что может — в принципе может! — содержаться в этой сумочке. Которая, кстати, вполне возможно, вовсе не принадлежит Евсееву.

— Это можно проверить, — сказала Колосова. — Вы же знаете номер сотового. Наберите, если зазвонит тот, что был в барсетке, значит, не ошиблись.

— Попробуем! — На лице Максимова появилось что-то вроде ухмылки. Он набрал номер на своем настольном аппарате, и через некоторое время сотовый из барсетки отчетливо запиликал.

— Телефон, похоже, и впрямь его, — с сомнением в голосе произнес Кирилл Петрович. — Но ведь его и переложить могли, верно?

— Могли, — согласилась Ирина, — хотя, по-моему, они все оставили как было. Во-первых, они очень торопились, у них не было возможности обыскать его как следует. К тому же это им не требовалось: они точно знали, за чем идут. Встретили его в фойе ресторана, всадили

иголку с ядом, прикрыв спинами от публики, сдернули с руки барсетку и тут же вышли. Если бы я пошла сразу следом за Евсеевым, то могла бы все это увидеть своими глазами. А так я перешла улицу уже после того, как эти ребята уехали. И увидела только тело на полу, над которым хлопотали метрдотель и официанты. Услышала пару фраз: «Пульса нет, не дышит...» Я даже не поняла вначале, что его могли убить. Только тогда, когда девушка из команды Ляпунова заметила, что парни, уехавшие на «Королле», вышли из «Лиг-Гея» с барсеткой, я стала догадываться. Потом у меня появились сомнения, может, его не убили, а просто усыпили?

— Нет, — вздохнул Кирилл Петрович, покачивая головой. — У нас уж если убивают, то качественно. Тем более что ребятки были отпетые и понимали, что живыми им попадаться нельзя. Один палить начал, другой иголку с ядом себе вколол... Хотя нынче за такое убийство получили бы они максимум десятку, ну, может, лет двенадцать строгого. Стоило ли себя казнить? Но оба не стали сдаваться. По крайней мере, один уж точно. Значит, боялись, что братва их и в тюрьме достанет, если они попадутся и расколуются...

— В общем, теперь надо думать, что из содержимого барсетки предназначалось для «девушки в белой ветровке»?

— По крайней мере, поискать. Хотя тут всего ничего.... Калькулятор, записная книжка с автоматическим карандашом, пачка сигарет и зажигалка.

— Может, за подкладкой что-то есть? — предположила Ирина.

— Не исключено. Как вы думаете, справимся мы вдвоем с этой задачкой или следует пригласить эксперта?

— Самое занятное, по-моему, в том, что ни мы с вами, ни ваш эксперт не знаем толком, что собираемся искать. Ведь даже несчастная Василиса, пострадавшая от доверчивости к бывшему возлюбленному, надо полагать, не знала, что именно должна привезти в Москву. Возможно, об этом осведомлен ее хозяин? Может быть, проще сначала у него поинтересоваться?

— К сожалению, есть основания думать, что он не захочет сотрудничать с нами. Даже в том случае, если мы предложим ему помощь против тех, кто сегодня убрал Евсеева. Сотрудничать с нами он захочет лишь в том случае, если будет на сто процентов уверен, что вещь, которую должна была привезти Василиса, у нас в руках и мы знаем, что эта вещь собой представляет.

— А вы никак не хотите отработать визитную карточку? — прищурилась Колосова.

— Какая связь между голливудским продюсером с фамилией, похожей на русскую, и чиновнике департамента здравоохранения, говоря по-старому, облздрава? Что, ему хотели роль в супербоевике предложить? Или в фильме ужасов, может быть?

— Отработаем, не волнуйтесь, Ирина Михайловна. Хотя в принципе эта карточка может быть всего-навсего паролем, и продюсер ни о каком Евсееве из облздрава знать не знал и слыхом не слыхивал. Просто был какой-нибудь кинофестиваль, может, даже Московский минувшим летом, и мистер Мэнулофф где-нибудь на фуршете под хорошее настроение обменялся визитками с Василисиным хозяином. После чего уехал в родной Голливуд и думать забыл об этом знакомстве. А Василисин хозяин решил эту карточку использовать как пароль для встречи своей домработницы с Евсеевым. Карточка оригинальная, не российская, относительно легко запоминается визуально.

— Но это только один из возможных вариантов, — не согласилась Ирина.

— Безусловно. Наоборот, возможно, что никакого мистера Мэнулоффа или Манулова вообще не существует в природе, а все надписи на карточке являются заранее обусловленным кодовым сообщением. Допустимо?

— Пожалуй, да.

— Наконец, еще один вариант. Василиса послана для отвода глаз. Карточка ровным счетом ничего не значит, ее собственный хозяин на самом деле ее никуда не посылал, а вся эта операция затеяна ради прикрытия намеченного заказного убийства Евсеева. Для того, чтоб вывести грядущее следствие — официальное или неофициальное без разницы — на ложный след и подставить под удар этого самого Василисиного босса. То есть либо посадить его, если следствие будут вести официальные органы, либо вообще убрать начисто, если за дело возьмутся бандиты...

— У вас есть какие-то аргументы в пользу этого?

— Первое. Василиса — хоть и не совсем дура, но будем говорить прямо, не страдает избытком интеллекта. Это не сыграешь, будь ты хоть суперактриса. Посылать такую красавицу с секретной миссией, даже столь простой, как эта: показать карточку и забрать некую посылочку, я бы лично поостерегся. Тем более если б знал, что у нее в нашем городе имеется такой кавалер, как Тимур. Напротив, если б я очень хотел подгадить ее боссу, то наличие Тимура очень кстати.

— Но ведь Тимур ее допрашивал и пытал. Это нелогично. Если верно то, что вы предполагаете, то он должен был уже знать обо всей этой затее. И наоборот, должен был пылинки с нее сдувать, чтобы она смогла попасть на свидание к Евсееву без единой царапинки.

— Ну, не так уж сильно ее и пытали. Зная нравы здешних крутых, могу сказать, что это была скорее всего акция устрашения. То, что ей синяков понаставили, — недоработка, но калечить всерьез ее не собирались и убивать тоже. В принципе, если откровенно, особых препятствий в том, чтоб отправить ее сегодня в «Пигмей», не было. Намазали бы погуще, припудрили и так далее. Просто я опасался, что там она еще чего-нибудь отчебучит.

— Но ведь если Тимур и те двое, которых ваши «мамонты» не смогли взять живьем, работали на одну контору, то там должны были узнать о гибели Тимура и его бригады. Ну, хотя бы о том, что он куда-то запропал. И о том, что Василису кто-то прихватил, могли бы догадаться. Наверно, ведь стоило отменить операцию против Евсеева?!

— Зачем? Тимур мог вообще толком не знать ее замысла. И понятия не иметь, что замышляется против Евсеева. И уж почти наверняка он не знал в лицо киллеров.

— За которыми вчера, кажется, следили ваши ребята?-с хитрецей прищурилась Ирина.

По лицу Максимова пробежала легкая тень недовольства. Он эту тень быстро согнал, но она от Ирины не укрылась.

— Да, ребята следили. Правда, они следили за машиной, а не за теми, кто в ней сидел. Не исключено, что сегодня у нее был совсем другой «экипаж». А следили, между прочим, потому, что эта «Тойота» крутилась неподалеку от вашей гостиницы. Сперва стояла на противоположной стороне улицы, потом поменяла позицию, должно быть, почуяла, что «антаресы» из охраны гостиницы ею заинтересовались. Пришлось посадить ей на хвост сперва одну машину, а потом вторую.

— Спасибо за заботу.

— Не за что, тем более что они могли приезжать и не по вашу ДУ— Например, их могла интересовать судьба господина Гнатюка. Думаю, что наши специалисты поподробнее изучат эту самую «Короллу», нет ли в ней какой-нибудь электронной начинки, позволяющей прослушивать разговоры, которые вели менты, работавшие в 511-м номере. К сожалению, о том, что там могла быть установлена прослушка, мы подумали только сегодня.

— А в 611-м ее нет? — нахмурилась Колосова.

— Молите бога, чтоб не было. И чтоб во время общения с Ванечкой Муравьевым вы лишним словом не обмолвились...

— Да... — Ирина Михайловна почувствовала явный дискомфорт.

— Мы немножко отвлеклись, — не моргнув глазом произнес Максимов. Вернемся к тому, почему наши оппоненты не стали отменять операцию против Евсеева. Киллеры действовали независимо от Тимура. Главное, они знали, что встреча в «Пигмее» состоится.

— Но ведь об этом как раз знал только Тимур...

— Я думаю, что он сообщил об этом какому-то координатору, а тот передал информацию исполнителям. Напрямую они не общались. После того как информация о встрече была получена, ребята пошли на дело. Их не интересовало, кто придет на встречу — Василиса или вы. Им надо было убрать Евсеева и изъять барсетку. При этом они, похоже, даже точно не знали, что должно было лежать в этой барсетке. Иначе, я думаю, они давно бы это «нечто» изъяли, а саму барсетку выкинули, чтоб не оставлять против себя улику. У них было для этого достаточно времени, пока они ездили по городу. Ведь ваши спутники дали им почти пять минут форы.

— Они даже «авторучку» не выбросили, между прочим. А ведь она — главная улика. Кстати, вы не задумывались над тем, отчего они за эти пять минут не смогли далеко уехать? Даже при скорости 60 километров в час за пять минут можно укатить на пять километров.

— Это по прямой автостраде, без светофоров и без пробок. А у нас в городе так не получится. Особенно в центре. Улицы узкие, движение очень интенсивное. Наши здешние водилы рулят по проходным дворам, и получается намного быстрее. Поэтому я подозреваю, что эти мальчики были не местные, хотя кто-то дал им машину с областным номером. Во всяком случае, город они знают плохо.

— Но ведь они пытались уйти в «Шанхай», значит, кое-что знали? Я имею в виду то, что там легче оторваться.

— Знать-то знали, но не оторвались. Гораздо проще было бы не через гаражи пробираться к мостику, а вывернуть на притрассовую грунтовку у железной дороги. Там через речку сделана насыпь с бетонной трубой для пропуска воды, вполне можно проехать. Но на картах для автомобилистов эта дорожка вообще не значится...

— И все-таки вы не допускаете, что они могли где-то задержаться на пару минут, для того чтоб передать кому-то что-то из содержимого визитки?

— Допускаю, но думаю, что тогда бы они и машину бросили, пересели бы в другую. Если бы такой ход был предусмотрен, конечно. Тогда бы вам их и вовсе догнать не удалось бы. Нашли бы пустую «Короллу», и все. Кстати, то, что у них не было подменной машины, говорит об их непрофессионализме. Как и то, что они не отделались от орудия убийства. Очень профессиональный инструмент «авторучка» с отравленными иглами-и такие непростительные ошибки.

— Вы считаете, что они тоже были «подставлены»?

— Почти уверен. Подобрали парней, которые шибко задолжали по жизни, в картишки продулись, машину чью-то поцарапали, и пообещали им, что все простят, если те завалят Евсеева и привезут барсетку. Предупредили, что если попадутся живыми, то все равно умрут, но умрут очень плохо. Хотя, возможно, заказчикам было наплевать, какими эти киллеры попадутся, важно, чтоб попались. По крайней мере, все для этого было сделано.

— И все это для того, чтоб «утопить» Василюхина? — недоверчиво произнесла Колосова. — Кто же он такой, интересно? Олигарх?

— Вы будете смеяться, — придав голосу утрированно-одесский акцент, осклабился Максимов, — но это известный киносценарист, драматург и писатель Эмиль Вредлинский...

Часть II. АЛЛИГАТОР ЗАШЕВЕЛИЛСЯ

МИСТИК

Осень еще не облетела, а зима уже посыпалась. Упругая изумрудная листва на кустах сирени или пурпурно-оранжевые кроны кленов, зеленеющие и багровеющие под куделью ярко-белого первого снега, выглядели противоестественно красиво почему-то пугающе. Хотя нечто подобное досужий созерцатель видел уже множество раз и понимал, что все это несколько выходит за пределы извечного цикла, который на территории Московской области длится многие тысячи лет... Тем не менее создавалось ощущение чего-то неземного, космического, бы может, предвещающего некую глобальную катастрофу. Во всяком случае, вся эта октябрьская красота в глазах мистика Вредлинского приобрела некий особый, символический смысл. На компьютере светилось — 10 окт. 1999 г.

Он отвернулся от монитора, подпер подбородок ладонью надолго уставился в окно, созерцая белесо-серое небо и припорошенный снегом просторный дачный участок. Нахлынули мысли и воспоминания.

Где он сейчас, в каком времени года? Весна — юность, лето — молодость, осень — зрелость, зима — старость. Увы, выбирать приходится между двумя последними. Ибо ему уже идет 64-й год. Боже правый! Как быстро пролетело время! «Если бы молодость знала, если бы старость могла...» Полноте! Это еще не старость, нет! Это зрелость, все еще зрелость, хотя и не самой первой свежести. У него еще ясный ум и прекрасная память, особенно на даты, имена и фамилии. Пока еще не проявили себя в полной мере те старческие недомогания, которые характерны для большей части его сверстников. Между прочим, он прожил уже на шесть лет дольше, чем в среднем живут мужчины в России. Правда, в нынешней, постсоветской. В тоталитарном СССР мужчины жили в среднем до 68-ми.

Господи! Разве они тогда жили? Существовали, да и только... Особенно в те уже такие давние 50-е и 60-е, когда был избыток сил и энергии, когда хотелось шутить и смеяться по любому поводу, когда каждая встречающаяся девушка могла стать возлюбленной, а слова известной песни «Молодым везде у нас дорога...» воспринимались без всякой иронии. Тупые, наивные, зашоренные примитивы, выдрессированные пионерией и комсомолом, — вот кем они тогда были. Что они знали о настоящей жизни, острой-пряной, пьянящей, раскованной,

безоглядной? А главное, о богатой и сытой? Да ничего! Они были убеждены, дурачки несчастные, что живут лучше всех в мире, и — что самое ужасное — считали, будто весь мировой пролетариат мечтает жить точно так же.

Нет, конечно, может быть, не все так думали, но молчали. Или сомневались хотя бы, но тоже молчали. А он, Миля Вредлинский, увы, тогда не сомневался. Это теперь, выступая на творческих вечерах или перед телекамерой, приходится врать, будто никогда не верил ни в коммунизм, ни в гениальность Ленина и Сталина, да и вообще был диссидентом чуть ли не с пеленок.

На самом деле — от самого себя-то чего таиться! — никаким диссидентом Миля не был и искренне считал себя идейным комсомольцем. Более того, в пятьдесят шестом — ему уже 20 стукнуло как-никак! — он всем сердцем не принял «разоблачение культа личности». Даже хотел выступить на комсомольском собрании, но слава богу, перед тем, как пойти в институт, посоветовался с родителями.

Тогда он услышал от отца довольно банальную, но очень запоминающуюся фразу: «Миля, не высывайся!» Папа — бывалый литературный критик, который всегда умел держать нос по ветру и находить в чужих поэмах, романах и повестях то, что требовалось найти в связи с последними постановлениями и «целеуказаниями», — в считанные минуты очень доходчиво и убедительно разъяснил сыну, что одно лишнее слово, сказанное не в том месте и не в то время, может пагубно отразиться на его карьере и на всей дальнейшей жизни. Вредлинский-старший открыл Миле пару небольших тайн, которые в течение нескольких лет оберегали родители.

Например, Миля узнал, что принят во ВГИК по блату, потому что опусы, представленные им на творческий конкурс, были, строго говоря, не проходные. Какой-либо денежной или материальной взятки не потребовалось, но папа вынужден был написать хвалебнейшую рецензию на довольно серую книгу того товарища, который, в свою очередь, рецензировал опусы сына. Кроме того, юному Вредлинскому наскоро объяснили, что у него много неясностей с пятым пунктом анкеты, и потому шансов вылететь из комсомола (а потом автоматически и из института тоже!) будет намного больше, чем у других. Хотя многое из того, что сообщили родители, повергло Милю в шок, тем не менее именно с этого момента его принципиальность все больше стала сменяться прагматизмом.

В 1957-м, когда в Москве шумел VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Миля тоже ощутил шок. Парни в ярких, многоцветных рубашках, в джинсах, которые почему-то называли «техасами», в узеньких брюках-дудочках и тупоносых ботинках на толстенных ядметках из «манной каши»; девицы в коротких (немного выше колен, до мини еще было далеко!) многослойных юбках-колокольчиках, а то и в брюках, коротко стриженные или с «конскими хвостиками» (их тогда кое-кто называл «ЛХК», что расшифровывалось как «лошадка хочет какать»); многочисленные джаз-банды, наявивавшие рок-н-ролл,

— все это буквально сводило с ума. Ну и, конечно, многим хотелось заполучить от гостей какой-нибудь сувенир, значок или хотя бы монетку. А некоторые морально неустойчивые девахи еще и негрятят себе заполучили. Может, у кого-то был и иной взгляд на этот фестиваль и его последствия, но Вредлинский и сейчас был убежден на сто процентов, что увлечение рок-музыкой, стиляги, фарцовщики и проститутки — все это началось в СССР именно с той поры.

А сам Миля хоть и помалкивал, но в душе как-то неосознанно завидовал тем ребятам, которые хоть и ведут ожесточенную борьбу против империалистических поджигателей войны, но все-таки имеют возможность носить такие шикарные вещи... I* Да, тогда появились стиляги. Не только у них в институте, но и в других местах. С гривками, бакенбардами, смешными коками надо лбом, закрученными под Элвиса Пресли, с тоненькими усиками.

Сперва на них просто косились, ржали, крутили пальцами у виска, но потом, конечно, решили подтянуть гаечки. Потому что с каждой неделей стилияг по Москве становилось все больше. Милиция и бригадильцы — так вначале назывались дружинники — стилияг ловили, стригли налысо и сообщали по месту учебы. Вот тогда-то четверокурсник Вредлинский, будучи членом факультетского бюро ВЛКСМ, впервые близко познакомился с Павликом Мануловым.

Этот самый Павлик и еще двое — они учились на втором курсе — угодили в милицию как стилияги. Там их подстригли под ноль, и оттуда в комитет ВЛКСМ пришла зловеющая бумага. Комитет спустил ее в факультетское бюро (его тогда называли «факбюро», но никто не знал английского до такой степени, чтоб смеяться над этим сокращением). Да и вообще, стилиягам было не до смеха. Строгий выговор с занесением казался им тогда манной небесной.

Пожалуй, впервые в жизни Миля решал судьбы людские.

Стилияг вызывали по одному и, фигурально выражаясь, подвергали тому процессу, который описывается английским глаголом, содержащимся в слове «факбюро».

Первые двое — их фамилий Эмиль Владиславович уже не помнил — вели себя так, как и положено обреченным. Запинаясь и краснея, они истово каялись, обещали исправиться, убеждали бюро, что уже все осознали и никогда в жизни больше не наденут брюки-дудочки.

Но Москва слезам не верила. Две юные критикессы с третьего курса жаждали крови. С благородной яростью в глазах они каленым железом жгли низкопоклонцев и требовали очистить ряды Ленинского комсомола от потенциальных предателей. Одна даже предложила обратиться в КГБ, чтоб там проверили как следует, не завербованы ли эти стилияги Си-ай-эй, Си-ай-си или Интеллидженс сервис.

Представитель от парторганизации, правда, заметил, что компетентным органам виднее, они и так не дремлют. Дескать, если б что было, то ребята уже давно бы сидели.

Медвежковатый и малость косноязычный парень из глухой провинции впоследствии автор нескольких не самых плохих сценариев на колхозные темы считал, что выговорешник на первый раз хватит.

Миля, как это у него часто бывало, примерял ситуацию на себя. С одной стороны, он прекрасно понимал, что дело не стоит выеденного яйца. Вполне можно было вклеить им по выговора без занесения и отпустить. Однако то, как держались стилияги, как они униженно каялись и едва ли не вымаливали прощение, неожиданно ожесточило сердце юного Вредлинского. Он вдруг представил, как повели бы себя эти мальчишки, угодив, допустим, в фашистское гестапо. Да точно так же! Из них наверняка героев не получилось бы. Выдали бы все подполье, отреклись от комсомола, от Ленина. Правда, говорить это вслух Миля не стал, но в первых двух случаях достаточно твердо поддержал девчонок и проголосовал за исключение. Провинциал, видя, что остается в меньшинстве, воздерживался, секретарь, дабы не идти против демократического централизма, тоже поднимал руку за исключение.

Те двое первых, что были «вычищены», уходили едва не плача. Впереди, правда, у стилияг было еще собрание, которое могло в принципе и «помиловать», но шансы на это были мизерные. Так оно потом и случилось: решение бюро собрание оставило без изменения.

Третьим вызвали Павла Манулова. Вошел среднего роста, не толстый, но и не худенький паренек, который держался не в пример другим спокойно и уверенно. Хотя, между прочим, двое предыдущих усердно валили все на него, мол, он нас подбил слушать джаз и носить брюки-дудочки.

Но что самое удивительное, Павлик и не подумал каяться. Более того, он чуть ли не с ходу перешел в наступление. Дескать, найдите мне такой закон, чтоб в нем было записано, какие

штаны носить можно, а какие нет? Может, в Конституции СССР что-то написано?! Нет, ничего там не написано. В Уставе ВЛКСМ есть какой-то параграф, где указано, какую именно прическу должен носить комсомолец? Нет такого параграфа. Наконец, если во время войны наши разведчики переодевались в немецкую форму, это значит, что они превращались в фашистов?

«Но ты-то не разведчик!» — пискнула одна из будущих критикесс.

Вот тут-то Павлик достал из кармана какой-то свернутый вчетверо листочек и положил его даже не перед секретарем фак-бюро, а прямо перед представителем парторганизации. Тот нацепил очки, поглядел и сказал: «Предлагаю отложить рассмотрение персонального дела». Партия сказала — комсомол ответил: «Есть!» Бюро разошлось и больше к делу Манулова не возвращалось. Тех двоих выгнали и из комсомола, и из института, а Павел остался.

Хотя Вредлинский и по ею пору понятия не имел о содержании той таинственной бумажки, он тогда был почти убежден, что Павлик — молодой чекист, выполняющий спецзадание по разоблачению неустойчивых элементов в рядах ВЛКСМ. По логике вещей вроде бы от такого надо было держаться подальше, но Миля, напротив, постарался подружиться с этим загадочным парнем, за которым

— тут можно было не сомневаться! — стояла весьма серьезная сила. Не прервалась эта дружба и после того, как Вредлинский окончил институт и оказался литсотрудником в сценарном отделе киностудии, выпускавшей учебные кинофильмы для школ.

Пожалуй, это был самый тяжкий период в жизни Вредлинского. Отец умер от инфаркта, попытки мамы обзванивать его старых знакомых на предмет подыскания для Мили более достойной и творческой работы оканчивались безрезультатно. Создавалось нехорошее впечатление, что ему так и придется сгнить за скучной правкой кем-то написанных сценариев с весьма увлекательными названиями, что-нибудь вроде: «Применение агробиологии в сельском хозяйстве СССР». Зарплата составляла 900 рублей, которые с 1 января 1961 года превратились в 90.

Стоило, скажите на милость, мучиться, заканчивать престижный вуз, когда рядом, по тем же улицам-площадям, расхаживают ровесники с семилетним образованием, токари-слесари-фрезеровщики, получающие вдвое, втрое или даже вчетверо больше? А ведь где-то в Донбассе или Кузбассе были еще и шахтеры, окончившие по четыре класса с коридором, но зарабатывавшие по две-три тыщи рублей новыми... Конечно, тем приходилось горбатиться над станками, мозолить руки металлом, глотать угольную пыль, а не сидеть в чистом кабинете за письменным столом, но утешить себя сознанием этого Вредлинский не мог. Он чувствовал себя обманутым, униженным, несправедливо обобраным.

Все еще усугублялось тем, что Вредлинскому тогда абсолютно не везло в личной жизни. В институте он несколько раз влюблялся, но, как правило, в красивых и разборчивых девиц, которые нравились очень многим юношам. А Вредлинский не выделялся ни лицом, ни статью, ни положением родителей, чтобы быть сильным конкурентом. Наверно, существовали девушки поскромнее, которым он нравился, но их Эмиль просто не замечал, а сами они стеснялись проявить инициативу. К тому же Вредлинский учился, учился и еще раз учился, считая, что сперва надо встать на ноги, а потом заводить семью. Когда же он закончил институт, то угодил на свое 90-рублевое место, где вокруг сидели одни пожилые гримзы с педагогическим образованием. Там ни о каких романах не могло быть и речи. Институтские знакомства оборвались, искать новые, где-то на улице, Вредлинскому претило. Мама пыталась знакомить его с дочерьми своих подруг, но все они, как на подбор, были жуткими уродинами или непроходимыми дурами. Это был лежалый товар, который надо было побыстрее спихнуть с рук, и слава богу, что Эмиль, даже задыхаясь от одиночества, ни на одну из них не польстился.

В том же 1961 году сперва Гагарин, а потом Титов полетели в космос. Когда Москва 14 апреля встречала первого космонавта, Вредлинский тоже ликовал вместе со всеми, но и страдал одновременно. На его глазах произошло воистину эпохальное событие. Парень, принадлежавший к его поколению, уроженец какой-то никому не ведомой смоленской деревни, малорослый старлей, ничем вроде бы не выделявшийся из десятков тысяч точно таких же, в один миг стал не только национальным, но и всемирным героем! Причем почти исключительно по воле судьбы.

Вредлинский именно тогда стал исподволь верить в Провидение, в предопределенность судеб, хотя долго боялся себе в этом признаться. И по сей день он частенько вновь и вновь возвращался в мыслях к феномену Гагарина. Множество закономерностей и случайностей, определяющих судьбу, сложилось удачно — и смоленский парнишка встал в один ряд с теми Великими, чьи имена сверкают в истории Человечества, как звезды первой величины. Колумб, Магеллан, Гагарин это НАВСЕГДА.

Возможно, Вредлинский, придавленный осознанием того, что ему скорее всего предназначена судьба умереть в неизвестности, покончил бы с собой, сошел с ума или стал алкоголиком. Он был слишком слабым, чтобы самостоятельно бороться с обстоятельствами. Если что и удержало его тогда от печального исхода, так это дружба с Павлом Мануловым. Как-то раз, когда Эмиль в очередной раз посетовал на свою тоскливую жизнь, Манулов сказал:

— Не переживай, Емеля! — он почему-то звал Вредлинского именно так. Подожди вешаться. Вот получу дипломчик — и помогу тебе устроиться.

Странно, но Вредлинский в это почти верил. Наверно, потому, что надеяться ему было больше не на что. И ждал с нетерпением, когда Манулов получит свой диплом. Впрочем, сразу после этого Павел ничем его не порадовал. Наоборот, он куда-то исчез, долго не появлялся дома, не отвечал на звонки и так далее. Пожалуй, Вредлинский приближался тогда к некой критической точке, и лишь инстинкт самосохранения не дал ему выброситься из окна, повеситься на бельевой веревке или зарезаться кухонным ножом.

Но тут 8 октября 1961 года — эту дату своей биографии Вредлинский запомнил навсегда! — позвонил Павел.

РАСКРУТКА

Нет, в те годы этого слова еще не употребляли. Но именно этим современным термином можно назвать то, что началось после звонка Манулова.

— Старик, — сказал он тогда совсем обыденным тоном. — Тут есть халтурка одна. Сможешь по-быстрому пьеску сочинить на два акта? Про любовь. Такую, знаешь, романтическую, сентиментальную, но, конечно, сугубо советскую...

Манулов произнес это так, будто предлагал сбегать вече ком на товарную станцию и разгрузить пару вагонов. А у Вредлинского пересохло в горле. Он с трудом собрался с духом и глупо спросил:

— И что, ее могут поставить?

— Конечно! То есть ее обязательно поставят. На фига тогда заказывать?!

Вредлинский уже более-менее пришел в себя и подумал, будто речь пойдет о пьесе для

какого-нибудь самодеятельного народного театра в Доме культуры или заводском клубе. Но Павел назвал театр, имя которого было у всех на слуху. И режиссера, чью фамилию хорошо знали не только завзятые театралы, но самые простые смертные, которые ходят в театр раз в квартал, а то и раз в год.

— Он?! — Эмиль не поверил своим ушам. — Он меня поставит?! Шутишь, что ли?!

В этот момент он был убежден, что гнусный Пашка его попросту разыгрывает.

— Поставит он тебя, поставит! — ухмыльнулся Манулов. — Ему спустили ЦУ из Минкульта, что, мол, надо обновить репертуар и дать свежую пьесу для молодого зрителя. Воспитывать, так сказать, культуру чувств молодого строителя коммунизма. Проект Программы партии читал? Там есть такой разделчик «Моральный кодекс строителя коммунизма». Так вот, постарайся от него не отклоняться. Только все надо делать быстро, понял?

— В каком смысле «быстро»?

— Да в самом прямом! Пьеса через две недели нужна. Так что думать некогда. Ну, возьмешься?! Учти, другого шанса у тебя не появится! Скажешь «нет» считай, что мы больше незнакомы.

Именно эта последняя фраза заставила Эмиля согласиться, хотя он был вовсе не уверен, что сумеет написать пьесу. Он вообще за последнее время отвык писать что-либо, кроме рецензий на занудные учебные сценарии. Но он отчетливо понимал: да, это последний шанс выбиться из серости и реализовать себя. Если он не сумеет, то сильно подведет Пашку, и тогда все, никакой надежды уже не останется. Шутка ли, пьеса-то ведь не иначе в качестве подарка XXII съезду готовится!

Вообще-то, Эмиль уже имел кое-какое представление о том, насколько долго и волокитно утверждается и согласуется все, что предназначено для зрителей и читателей. Самые обычные учебные фильмы для школ, в которые даже при желании не вмонтируешь ничего крамольного, требовали чуть ли не десятка виз от разных инстанций. А тут пьеса, спектакль, да еще в театре, куда ломится публика и ночи за билетами выстаивает!

Тем не менее он взял на работе отпуск за свой счет, вынул из письменного стола пухлую папку, наполненную собственными неоконченными рукописями — большей частью нашкрябанными еще в институтские годы, и сел за доставшуюся от отца пишущую машинку «Рейнметалл». Эта компактная, сверкающая черным лаком и хромированными деталями машинка казалась ему тогда верхом совершенства, гостьей из какого-то прекрасного будущего, куда он, работая днями и ночами, изо всех сил стремился попасть. Он словно бы бежал по перрону за постепенно набирающим ход поездом, пытаясь догнать хотя бы последний вагон. Сумасшедшая гонка!

У него даже сюжета в голове не было. Первые полдня он потратил только на то, чтоб пересмотреть все свои прежние незаконченные опусы. Там было кое-что с романтическим уклоном, но ничего такого, что можно было переработать в пьесу. Или хотя бы принять за основу. Имелось лишь несколько удачных фраз, которые, как показалось Вредлинскому, могли бы хорошо прозвучать со сцены. Одну из них произносил парень, другую — девушка, третью — умудренный жизнью пожилой человек, четвертую — партийный секретарь. И все! Никакого иного задела у Эмиля не было.

Тем не менее, оттолкнувшись от этих фраз, Вредлинский накрутил вокруг них четыре интенсивных, острых диалога. В них Эмиль перелил все, что накопело на душе, конечно, придав всему этому звучание, вполне соответствующее последним постановлениям. Потом нашел способ, как связать эти диалоги между собой... и получилась пьеса. Правда, ни драмой, ни трагедией, ни тем более комедией ее назвать никто бы не решился. Ни в один из

классических жанров сюжет не вписывался.

Наверно, ее можно было назвать «комсомольской мелодрамой что ли.

Действие происходило, конечно, в Сибири, на стройке некой крупнейшей в мире ГЭС. Вредлинский, разумеется, ни на таких стройках, ни вообще в Сибири отродясь не бывал, да и не собирался туда ехать. Но зато он читал газеты, в которых обо всем этом писали. Ни одного первостроителя-комсомольца он в глаза не видал, но хорошо знал и манеры, и язык тех рабочих паренков, которые жили с ним в одном дворе. Только, конечно, надо было из их речи убрать мат.

События в пьесе были выстроены до ужаса бесхитростно и даже примитивно, но оттого казались очень жизненными и достоверными. Бригадир бетонщиков (о том, что такая специальность существует, Вредлинский узнал только в процессе работы над пьесой) влюблен в передовую сварщицу, а та — в молодого инженера-прораба, разумеется, сторонника широкого внедрения новаторских методов строительства (на то, чтоб понять, какие методы нынче считаются новаторскими, Вредлинский потратил три часа, включая время, ушедшее на чтение одного из номеров «Строительной газеты»). Конечно, новаторство с трудом пробивает себе дорогу, закоснелый бюрократ-начальник запрещает работать по-новому, но неутомимый прораб решает поставить эксперимент и доказать свою правоту. Положение осложняется еще тем, что отвергнутый сварщицей бригадир, шибко расстроившись, сквозь пальцы смотрит на тех, кто нарушает трудовую дисциплину, а как следствие — ухудшает качество бетонных работ. В результате где-то что-то прорывает, бригадир, спохватившись, проявляет героизм, заделывая пробоину. Потом его самого уносит водой, но отважный инженер бросается в реку, вытаскивает пострадавшего и доставляет в медпункт. Тем временем вредный бюрократ сваливает всю вину за прорыв воды на инженера-экспериментатора, обвиняет во вредительстве и грозит отдать под суд. Собирается партком стройки, где есть и сторонники, и противники инженера. Дело доходит до кульминации, когда лишь чистосердечное признание бригадира в том, что именно он не проследил за своими бетонщиками, которые нарушили технологию, может спасти инженера от незаслуженной кары. Конечно, все кончается хорошо: бригадир сознается, за героизм, проявленное при ликвидации прорыва, его прощают, и вдобавок оказывается, что в него давно влюблена фельдшерица из медпункта, куда его доставил инженер. Под конец, разумеется, веское слово — ту самую четвертую фразу из «задела» Вредлинского

— произносил секретарь парткома.

Работа над пьесой пошла так споро, что у Эмиля даже осталось время на то, чтоб перепечатать свое творение набело, да и вообще он уложился в двенадцать дней. Неужели получилось?

Нет, он в это не верил. Когда Вредлинский набирал Пашкин телефон, у него руки тряслись. И потом, когда вез рукопись в театр, где работал Манулов, терзался мучительными сомнениями. А что, если Пашка поглядит на его писанину и скажет:

«Нет, Емеля! Это не фонтан. К тому же я, извини, подстраховался, мы уже нашли толкового молодого...»

Но все прошло на удивление просто. Пашка лениво перелистал странички вряд ли он прочитал что-нибудь! — и сказал: «Годится!» Потом они пошли в бухгалтерию, и там Вредлинскому выписали аванс, который ему показался невероятно огромным, — 500 рублей. 20 сиреневых 25-рублевых купюр! До этого Эмилю доводилось держать в руках только красненькие десятки...

— Это еще не все, — хмыкнул Манулов, когда Вредлинский расписывался в ведомости. — Гарантирую — ты еще тысяч пять огребешь на этой вещице. Железно!

Потом Пашка представил Вредлинского режиссеру. Тот уважительно обращался к Манулову по отчеству: Павел Николаевич. И Вредлинского назвал Эмилем Владиславовичем, не как-нибудь... Между тем новоиспеченный драматург, видя перед собой маститого народного артиста, не знал, как язык повернуть.

Ведь это ж почти Станиславский!

Эмиль думал, что маститый возьмет пьесу и скажет: «Знаете, сейчас я не сумею прочесть ваше творение. Зайдите через пару недель, посоветуемся, что поправить надо...»

Однако режиссер проглядел рукопись примерно так, как Пашка. То есть не вчитываясь. И произнес слова, поразившие Эмиля до глубины души:

— Ну что ж, будем работать! Павел Николаевич вас уведомит, когда приходить на генеральную. Премьера через три недели.

Затем он величаво удалился, а Манулов сказал:

— Понял, Емеля? Держись за меня — Шекспиром будешь! Вредлинский, конечно, не поверил, что станет Шекспиром. Да и в том, что его позовут на генеральную репетицию, сомневался. Он полагал, будто режиссер, прочитав пьесу в спокойной обстановке, скажет: «Господи, что за белиберда!» и выкинет ее в корзину для мусора.

Но ровно через две недели — в каких терзаниях и в каком смятении духа их прожил Вредлинский, словами передать невозможно! — раздался звонок, и бодрый голос Манулова поинтересовался:

— Емеля, у тебя приличный костюм есть?

— Ну, вроде есть...

— Почем брал?

— Восемьдесят рублей с чем-то.

— Это называется дерьмо, а не костюм. Ботинок тоже нет, конечно?

— Почему? Есть...

— Мокасы Зарайской фабрики за десятку?

— Откуда ты знаешь?

— Потому что ты в прошлый раз именно в них шкандыбал. Стало быть, про галстук, рубашку и прочее можно вообще не спрашивать... В общем так: завтра в два часа у нас генеральный прогон твоего сочинения. Но ты, смотри, приезжай пораньше, часиков в двенадцать. Попробуем тебе из нашей костюмерки подобрать что-нибудь. Там ведь солидные люди будут, захотят на тебя поглядеть. И что увидят? Босьяка! Так что впредь не жмоться. Деньги еще не потратил?

— Нет... — пробормотал Эмиль, который не решался даже прикоснуться к своей полутысяче, так как был убежден, что аванс у него отберут либо после того, как пьесу зарубит худсовет, либо после того, как она провалится.

— Небось на машину решил скопить? Рано, старик. Лучше прибарахлись сперва для начала. Правда, ты ведь небось, кроме ГУМа и ЦУМа, мест не знаешь... Ладно! Перед премьерой свожу тебя туда, где нормальные люди одеваются.

В назначенный день и час Вредлинский приехал к служебному входу театра, где его уже ждал Пашка. Эмиль был скорее в подавленном, чем в приподнятом настроении. Сон какой-то, наваждение... Здесь, в театре, где все стены увешаны портретами «народных» и «заслуженных», где Шекспира ставят и всякую другую классику, будут играть ту халтуру, которую он. Миля Вредлинский, спяпал за две недели?

Пашка действительно провел приятеля в костюмерную, и там вежливая пожилая тетка подобрала для Эмиля очень подходящие по размеру шмотки. Когда Вредлинский глянул в зеркало, то увидел какого-то совершенно незнакомого человека, чуть ли не денди. Манулов сказал, что на сегодня и так сойдет, а вот к премьере надо будет выглядеть получше.

На генеральной репетиции Эмиля посадили через проход от небольшой группы людей, при виде которых он прямо-таки сжался в комочек. Большею частью из них Вредлинский, правда, не знал в лицо и только догадывался, что они важные птицы (хотя они могли быть всего лишь помощниками, телохранителями и другими «шестерками»), но тех, кого узнал, вполне хватило, чтоб Эмиля пробил озноб. Он увидел там не очень молодую, но величественную даму, которую прежде имел счастье лицезреть только на портретах в газете «Правда». Член Президиума ЦК! Мамочки! И еще там сидел солидный молодец не совсем комсомольского возраста, но с комсомольским значком. Это ж первый секретарь ЦК ВЛКСМ! Батюшки!

В ту сторону Вредлинский просто боялся смотреть. Ему было ужасно стыдно. Сейчас все эти уважаемые, очень занятые люди, на которых весь СССР держится, увидят то, что нашкобал халтурщик Миля...

Слева от Эмиля сидел, полуоткинувшись на спинку кресла, маститый режиссер. Он явно волновался, но очень хорошо играл полное спокойствие. Великий артист! Дальше сидели еще какие-то театральные деятели, и в их числе один критик, который когда-то, еще при жизни отца, бывал у Вредлинских. Проводив его как-то раз после очередного визита, отец охарактеризовал критика так: «Запомни, Миля! Этот тип — жуткая сволочь, но с ним надо дружить».

Все волновались, только Пашка, примостившийся за спиной Эмиля в следующем ряду, был спокоен по-настоящему и лениво мял зубами ириску «Кис-кис» — жвачки в СССР еще не выпускали.

Странно, но едва открылся занавес, как у Мили прошел озноб. Он увидел сцену с декорациями, которые были придуманы здешним художником по его весьма скудным ремаркам. Их успели соорудить за две недели!

Потом в этих декорациях появились люди, которых придумал Миля, и стали жить той жизнью, которую все тот же Миля для них нафантазировал! Да как жить залюбуешься! Народных и заслуженных артистов в спектакле играло только трое, потому что роли в основном предполагали участие молодых актеров. Но эти молодые ребята и девушки старались вовсю. С жаром, талантливо, энергично. Ну и, конечно, режиссура была блестящая. Ведь Вредлинский только писал слова для своих персонажей, но не писал того, как они их будут произносить, с какой жестикуляцией, с какими поворотами головы, с каким огнем в глазах. Даже реплики, которые Эмиль считал проходными и мало что значащими, режиссер обыграл так, что они казались чуть ли не ключевыми. Да что там реплики! В паузах, когда не звучало ни слова, актеры с помощью одной лишь мимики достигали такой выразительности, что в зале звучали аплодисменты. Ну а про те четыре диалога, которые сам Вредлинский считал удавшимися, особенно последний, когда секретарь пригвоздил к позорному столбу бюрократа, тормозящего новаторство, — и говорить нечего. Это было потрясающе!

Народу в зале сидело немного, поэтому хлопки не производили особого впечатления. Но уже после того, как отзвучала последняя фраза, Пашка шепнул в ухо Вредлинскому:

— Ни фиги себе! Сама Екатерина встала! Вот это номер!

Только теперь Эмиль рискнул скосить глаза направо. Он увидел, что та самая важная дама, которую он до сих пор только на портретах видел, встала с кресла и, повернувшись вполборота, улыбается и хлопает ладошкой о ладошку. И тот, с комсомольским значком встал, и все остальные. Режиссер легонько дернул оторопелого Вредлинского за локоть — мол, встать надо, молодой человек, невежливо получается! Миля встал, сделал какой-то дурацкий кивок, мало похожий на поклон, и услышал плавный голос бывшей вышневолоцкой ткачихи:

— Молодцы, очень хорошо потрудились, по-гагановски!

Валентина Гаганова, если кто помнит, была в ту пору известна не меньше, чем Юрий Гагарин. Она работала на том же текстильном предприятии, где в молодости трудилась нынешняя дама из Президиума ЦК. Добившись успеха, Гаганова перешла из передовой бригады в отстающую и сделала ее бригадой коммунистического труда. Развернулось целое движение, во всех отраслях передовики стали переходить в отстающие бригады. Гагановой присвоили звание Героя Соцтруда и избрали делегатом на XXII съезд КПСС.

— Ну что, товарищи, — произнесла землячка Гагановой, — давайте проведем обсуждение...

Вот как бог свят — не запомнил Вредлинский почти ничего из того, что говорилось по ходу обсуждения спектакля, поскольку весь этот период находился в каком-то полуконтуженном состоянии. И не потому, что боялся чего-то. Нет, страх уже прошел, и все выступающие только хвалили его и режиссера. Вредлинский просто-напросто был оглушен происшедшим на его глазах чудом.

Серьезные, немолодые, весьма искушенные в жизни люди, ответственные работники и деятели культуры, с умным видом рассуждали о том, насколько глубокие социально-нравственные проблемы поднял молодой драматург, как хорошо он знает трудовые будни ударных строек, как смело критикует косность и бюрократию, пережитки сталинизма и культа личности. Даже разгромленную антипартийную группу Молотова, Кагановича, Маленкова и примкнувшего к ним Шипилова зачем-то вспомнили. А как они говорили о тех персонажах, которых еще месяц назад не существовало, потому что Вредлинский их еще не придумал?! Как о живых людях!

Режиссера почему-то хвалили меньше, возможно, потому, что от него и не ждали другого спектакля. Он тоже похваливал драматургию пьесы, утверждая, ему в руки пришел настоящий алмаз, а он лишь немного подправил огранку. Впрочем, потом, уже после того, как высокие гости сели в «ЗИСы-110» и укатили, пожелав коллективу театра творческих успехов, маститый вроде бы ни к селу ни к городу рассказал случай, произошедший с ним в 1920 году. Тогда член Военного совета 1-й Конной армии товарищ Ворошилов приказал ему, режиссеру конармейского фронтового театра, за трое суток поставить спектакль по пьесе, написанной неким комиссаром. Когда режиссер начал говорить, что это невозможно, Климент Ефремыч сказал: «Через трое суток наступаем на Киев. Мне нужно, чтоб бойцы прониклись революционным духом. Так что невыполнение приказа в срок буду считать саботажем!»

— И вы успели? — мгновенно догадавшись, на что намекает режиссер, спросил Эмиль.

— Я же перед вами! — улыбнулся старик. — Впрочем, панов из Киева мы действительно выбрали...

НАКАЗАННЫЙ И ПРОЦЕННЫЙ

Дальше все стало совсем хорошо и просто. Прошла премьера, на которую Вредлинский явился уже в новом костюме. При посредничестве Манулова костюм ему пошили в каком-то спецателье. Были аплодисменты, цветы, а после — шампанское. Пьесу начали ставить в других театрах, и в Москве, и в Ленинграде, и в областях. Пришли деньги, даже не пять тысяч, как обещал Пашка, а намного больше. Кинорежиссер со всесоюзной известностью предложил переделать пьесу в сценарий, и через год на экран вышел фильм. Посыпались и другие предложения сочинить то-то и то-то на производственную тему... В общем, Эмиль Владиславович действительно раскрутился. Его приняли и в Союз писателей, и в Союз кинематографистов, и в ВТО. Появились пятикомнатная квартира, дача в Переделкине, машины: сперва 21-я «Волга», потом — 24-я. Приняли в партию — хотя Вредлинский туда особо не рвался. Немало поездил: и по Союзу, и по соцстранам, и в развивающихся побывал, и даже в капиталистических некоторых. И одиночество кончилось: на известность и деньги женщины летели, как бабочки на огонь. Теперь уже Вредлинский мог выбирать, и не из уродин, а из красавиц. Впрочем, женился он довольно поздно, а до того вел, так сказать, «нерегулярную жизнь». Так продолжалось до тех пор, пока все тот же Манулов не свел его с Александрой.

Это было уже в семьдесят третьем году.

В том же 1974-м, осенью, спустя год после того, как отгремела четвертая арабо-израильская война, Манулов совершенно неожиданно приехал к Эмилю на дачу и сообщил Вредлинскому, что покидает «совок» и отправляется на Землю Обетованную. По какому-то удивительному, мистическому совпадению это случилось ровно через 13 лет после того, как звонок Манулова открыл перед Вредлинским путь к славе, — 8 октября. Эту дату Вредлинский тоже запомнил на всю жизнь, но уже совсем по другим причинам. И разговор тогда вышел совсем другой.

— Слушай, Паша, — изумился Вредлинский, — разве ты еврей? Насколько я помню, по паспорту ты был русский!

— Увы, — вздохнул Манулов, — в этой стране бьют не по паспорту, а по физиономии...

— Тебя где-то ударили?

— Замнем для ясности. Завтра у меня самолет до Вены, а оттуда — до Бен-Гуриона. Ты лучше скажи, прислать тебе вызов?

— Зачем? Мне никто не предлагает пожевать свиного уха.

— Это потому, что ты больше похож на поляка, чем на еврея. Учти, когда я уеду, у тебя возникнет много проблем.

— Почему?

— Не знаю, — нехорошо осклабился Павел Николаевич, — предчувствие такое. Учти, я два раза не предлагаю...

Эмиль Владиславович почувствовал явную тревогу. Действительно, все, что предрекал Пашка, обычно сбывалось.

— Вспомни, как ты стал человеком? — увидев, что посеял беспокойство в душе у приятеля, прищурился Паша. — Если б ты тогда не согласился или не смог выполнить халтурку, то жил бы сейчас на 120 рэ в месяц, ну, может быть, на полтора года. И все, что у тебя есть сейчас, — это плоды той самой халтурки. Ты попал в обойму, понимаешь? И только потому, что слушался верного друга Пашу. Не передумал еще насчет вызова?

— Ну, Павлуша, — проблеял Вредлинский, — пойми меня! Куда я от всего этого? От дачи, машин, ковров, мебели? Как все это распродам? Жена ведь уже в положении. И потом, она русская, значит, детей моих не признают евреями. Чужая страна, война, террористы... Срываться с места неведомо куда? Я ни иврита, ни идиша не знаю, по-английски практически тоже ни бум-бум. .

— Вот это все, — Манулов сделал жутко широкий жест, будто обнимал не только дачу Вредлинского, но и всю территорию СССР, — дерьмо собачье. Помнишь, как ты считал, что у тебя есть костюм и ботинки, когда таскал пиджачишко за 80 рублей и зарайские мокасины за десятку? Тебе было жалко их выбрасывать и надевать настоящие вещи?

— Нет, не жалко! — неожиданно для самого себя окрысился Вредлинский. — Но тогда я сначала получил новые вещи, а потом выкинул старые. Сейчас ты предлагаешь сделать наоборот, и я не хочу оставаться без штанов. Бросать участок в 30 соток, дом в два этажа... Я еще не сошел с ума!

— Не смешите мою задницу, мосье Вредлинский! — презрительно произнес Пашка.

— Это не дом, а халупа, понял? В Штатах не всякий ниггер такую драную деревяшку купит!

— При чем тут Штаты? Ты ж вроде в Израиль намыливался?

— В Израиль — временно. А оттуда — в Штаты, мне это уже обещали на сто процентов. Место в Голливуде держат. Если ты не поведешь себя как идиот, то минимум через полгода будешь иметь «грин кард», а там и гражданство США.

— Дай подумать...

— Думай, я буду дома. Если не позвонишь до восьми утра завтрашнего дня считай, что поезд ушел! — Пашка повернулся и зашагал к своим «Жигулям».

После этого они не виделись без малого 25 лет. Нет, не рискнул тогда Вредлинский позвонить Пашке до 8 утра. Все-таки решил, что от добра добра не ищут...

И очень скоро горько пожалел о том, что не принял предложение Манулова.

Тучи стали сгущаться постепенно. Буквально через неделю после отъезда Пашки очередной фильм, снятый по сценарию Вредлинского, положили на полку, то есть не пустили в широкий прокат. Затем пришла повестка из прокуратуры, которой гражданина Вредлинского вызывали для дачи показаний по делу, о котором он понятия не имел. Когда он явился, ему велели подождать в коридоре, и он три часа проторчал там, не решаясь уйти, пока не вышел какой-то следователь и, вежливо извинившись, объяснил, что повестку прислали по ошибке.

Дальше — больше. В журнале «Искусство кино» хорошо знакомый кинокритик выступил с далеко не хвалебным обзором творчества Вредлинского, намекая, что тот исписался и близок к творческой импотенции. Затем, будто по команде, театры стали один за одним исключать из репертуара пьесы Вредлинского и отказываться ставить новые. Сценарии Вредлинского стали под разными предлогами отфутболивать киностудии. То, дескать, неактуально, то главная мысль неясно выражена, то чуждые тенденции просматриваются.

Последний предлог был, строго говоря, весьма угрожающим. Вредлинскому стало ясно, что еще чуть-чуть — и все, что он накопил со времен той памятной постановки 1961 года, может пойти прахом. Не в материальном плане, а в плане его творческого авторитета.

Конечно, Вредлинский уже не был тем робким мальчиком, что прежде. У него имелись хорошие знакомые и в руководстве творческих союзов, и в Министерстве культуры, и в Госкино, и даже в ЦК КПСС. Не размениваясь на мелочи, он сразу созвонился с тем

товарищем, который сидел на Старой площади, и в неформальной обстановке «проветилировал» ситуацию. Мол, подскажи, откуда ветер дует, кому из тузов я не угодил, кто меня топит и развернул всю эту катавасию.

Товарищ был, похоже, искренне удивлен, но попросил время для наведения справок. Что он мог сказать точно и сразу, так это то, что ни от Леонида Ильича, ни от Михаила Андреевича никаких претензий напрямую не высказывалось. Дескать, если кто и мудрит, то где-то в менее высоких кругах аппарата.

Параллельно, пока аппаратчик наводил свои справочки, Эмиль Владиславович опросил и других доверенных лиц, из иных ведомств. Там тоже клялись и божились, что никаких указаний «топить» вроде бы не поступало. Правда, один из «госкиношников» скромно намекнул, что, возможно, есть что-то по линии КГБ, и посоветовал уточнить, не уезжал ли кто-то из бывших друзей в Израиль.

Поскольку земля слухами полнилась, Вредлинский был в курсе того, что у данного чиновного кинематографиста с Комитетом весьма близкие связи. Соответственно, к этой информации он отнесся вполне серьезно, а заодно убедился, что Пашка в очередной раз был прав. Конечно, Эмилю Владиславовичу всегда было известно, что к его «пятой графе» могут быть претензии, но он ведь никогда и ничего не подписывал, нигде не вякал насчет антисемитизма, не выступал в зарубежной прессе и всегда считал, что Израиль должен выполнить резолюции 242 и 338 Совета Безопасности ООН и уйти с оккупированных арабских территорий. Неужели его, несмотря на полную лояльность, заподозрили в скрытом сочувствии сионистам?

Несколько дней подряд Вредлинский провел в мучительных раздумьях, как обезопасить себя от возможного развития событий, ибо хорошо понимал, что ежели Пашка, который оказал ему в прошлом массу услуг и протекций, вынужден был умотать за кордон, то значит, даже ему тут жизни не было. Ему, Манулову, у которого деловые связи были куда обширнее и серьезнее, чем у Вредлинского! В том числе и с КГБ — теперь в этом Эмиль Владиславович и вовсе не сомневался, ибо догадывался, что если Пашку беспрепятственно выпустили, а не посадили, то значит, некто в недрах этого могучего ведомства посодействовал такому решению вопроса. Но если Пашку не посадили

— Вредлинский вполне допускал, что его было за что сажать (хотя бы за взятки, например), — это еще не значит, что не посадят Вредлинского, у которого тоже кое-какие реальные грешки имелись. Но даже если этих реальных грешков не хватит, что стоит добавить вымышленные? Например, представить Пашку израильским шпионом, а Вредлинского — его агентом?! Мороз по коже пробежал, а досада на то, что не принял предложение Манулова, так и жгла сердце. Чего испугался? Ну, выгнали бы из партии — так партбилет за бугром не нужен. Пришлось бы распродавать по дешевке имущество, бросать обжитое место? Вовсе не обязательно! Мог бы, например, фиктивно развестись с женой, переписать все на нее и уехать налегке. А потом, когда Манулов сам пристроился бы в Америке и Вредлинского в Голливуде прописал, можно было бы семью туда пригласить... Может, сейчас рискнуть? Подать заявление?!

На это Вредлинский все-таки не решился. Даже не потому, что боялся возможных последствий в СССР, а потому, что не был уверен в том, что Пашка там, за границей, встретит его по-дружески. «Что, — скажет, — припекло? Молодец, что слинял но, увы, поезд ушел! Теперь сам крутись!»

Окончательно избавил Вредлинского от мук звонок того товарища из ЦК, который «наводил справки». Тот назначил встречу на рыбалке, в закрытой зоне Рублевского водохранилища.

— Знаешь что, Миля, — сказал аппаратчик вполне откровенно, когда они сидели с удочками в резиновой лодке, — чем-то ты, дорогой, не угодил своим землякам. По-моему, они очень

хотят, чтоб ты сгоряча наскандалил и попросился на выезд. Я проанализировал все те «телеги», которые на тебя имеются, и убедился — все корешки растут из определенных кругов. Сперва они тебя тянули вверх, а теперь — топят. Очень серьезная сила...

— Ну, и что делать?

— Могу предложить на выбор. Или ты действительно уезжаешь, что, вообще-то, будет трудно обеспечить без больших неприятностей. Тогда от меня никакого содействия не будет, и если тебя чекисты загребут за что-то — значит, так тому и быть. Второй выход — начисто порвать с Сионом. То есть войти в Антисионистский комитет советской общественности, написать несколько статей в центральные газеты...

— Погромного характера?

— Упаси боже! Исключительно в плане разъяснения массам, что не все евреи сионисты и что антисионизм не есть антисемитизм. Предупреждаю, чтоб сразу в редакции их не тащил. Сперва принесешь мне, а я постараюсь, чтоб они попали на стол к Михал Андреичу... Дальше, извини, все будет зависеть от твоих способностей публициста. Понравится — даст «добро», значит, будет чем крыть. Нет — значит, переходи на первый вариант. Только в этом случае, прямо скажу, тебя не только отсюда сразу не выпустят, но и там, на той стороне, крепко помордуют. Наконец, есть третий, пожалуй, самый простой выход. Затихни, примолкни на время. Не суйся никуда, не мельтешишь. Гонорары у тебя были солидные, за десять лет не проживешь, даже если совсем работать не будешь. А тебе за одни писательские корочки кое-какая сумма из Литфонда причитается.

Вредлинский подумал: а может, и впрямь самое простое — не рыпаться? И не уезжать, и не отрещиваться. Поработать в стол какое-то время, если будет тянуть к писанине. А там, глядишь, время пройдет, конъюнктура сменится, новый генсек при дет. Недаром покойный отец учил: «Миля, не высовывайся!»

В общем, Эмиль Владиславович перестал «высовываться» давать критикам пищу для растерзания, то есть перестал писать пьесы и сценарии. Но зуд литераторский его, конечно, не оставил, а потому Вредлинский начал сочинять роман. Дело было для него новое — прежде всего по объему писанины. Кроме того, он отточил перо в основном на диалогах, а в романе требовалось показывать внутренний мир героев, размышления, описания природы делать — это получалось неважно. Наконец, надо было придумать тему, с которой было бы не стыдно выйти на читателя и через десять лет. И тему такую он подобрал. Решил написать о последних Романовых Александре III и Николае II. Начать, допустим, с первомартовского убийства, а закончить Февральской революцией.

Года три Вредлинский корпел над этим сочинением, но так ничего толкового и не получилось. Материала набралось много, удалось даже разрешение для работы в спецхране получить — через того же друга из ЦК, но роман, увы, не состоялся. К тому же совершенно неожиданно вновь стали звонить киношные и театральные деятели, интересоваться, нет ли у известного автора чего-либо свеженького. Не иначе как период «блокады» закончился, и те силы, которые ее организовали, решили, будто Вредлинский уже достаточно наказан. Несмотря на то, что говорил на рыбалке аппаратчик, Эмиль Владиславович до сих пор сомневался в том, какие именно это были силы. Конечно, он вполне мог допустить, что те, кто помогал Манулову, а значит, и Вредлинскому, были заинтересованы в том, чтобы вслед за Пашкой удалился за кордон и его старый друг. Возможно, что какой-нибудь МОССАД или «Шин бет» через свою агентуру сманивает в Израиль советских интеллигентов, дабы вбить клин между интеллигенцией и партией. Но ведь могло быть и так, что в КГБ после отъезда Манулова решили устроить Вредлинскому проверку на устойчивость и лояльность к Советской власти. И возможно, что дружок из ЦК тоже был в этой проверке задействован.

Но так или иначе, все атаки на Вредлинского прекратились, его начали вновь ставить и снимать, издали сборник его пьес отдельной книгой. А еще через некоторое время он был удостоен весьма почетной литературной премии. В общем, и остаток застоя, и всю перестройку Вредлинский пережил благополучно. Привычка следить за конъюнктурой, держать нос по ветру в общем и целом его не подвела. Он быстро понял, что надо делать, сочинил очень своевременную пьесу о 1937-м годе, потом рассказал прессе о том, как его «запрещали» в 70-х годах, и стал выглядеть почти диссидентом. Но партбилет сдавать не торопился.

Поволновался он лишь трижды. Первый раз в августе 1991-го, второй — в октябре 1993-го, а третий — в августе 1998-го.

В период ГКЧП Вредлинский беспокоился, главным образом, по политическим мотивам: сперва потому, что опасался гэкачепистов — слишком усердно ругал Сталина и административно-командную систему, а после — демократов, потому что имел на руках партбилет и был убежден, что всех членов КПСС начнут сажать прямо по спискам районных парторганизаций.

Во время столкновения Президента с Верховным Советом Эмиль Владиславович был уже однозначно на стороне исполнительной власти. Партбилета у него давно не имелось, но зато к тому времени Вредлинский сумел выжать из рыночной кутерьмы значительную пользу для себя. Он прибрал к рукам две небольшие газетки, рекламный журнальчик, обзавелся собственным издательством. Имел счета не только в нескольких российских банках, но и в паре зарубежных. Кроме того, он являлся совладельцем одного ресторана. Потерять все это ему казалось более неприятным, чем потерять жизнь.

Поэтому в наибольшей панике он пребывал, как ни странно, во время финансового кризиса и дефолта 17 августа. Банки лопнули, ресторан, газеты, журнальчик и издательство почти в одночасье стали убыточными. Конечно, долларовые вклады в зарубежные банки никуда не делись и даже выросли в пересчете на рубли, но все же это были крохи; Пусть золотые, но — крохи. Их надо было беречь и ни в коем случае не тащить в Россию. А того, что удалось выручить, продав свой пай от ресторана, издательство вместе с газетами и рекламным журналом, едва хватило, чтобы погасить долги. Более того, пришлось продать приватизированную городскую квартиру. Влияние и возможности Вредлинского резко упали в цене и теперь распространялись лишь в пределах Садового кольца. Да и то личные связи, не подкрепленные финансовыми интересами, были весьма непрочными. Почти все бизнесмены с радостью бы взяли в долг у Вредлинского, но кредитовать его никто не собирался. Временами Эмилю Владиславовичу приходила в голову мысль: не пора ли застрелиться? Если он этого не сделал, то лишь потому, что боялся стрелять в голову из охотничьего «Зауэра», а пистолета у него тогда не имелось.

Но вот 8 октября 1998 года — в третий раз 8 октября играло переломную роль в биографии Вредлинского, как тут не стать мистиком?! — перед воротами дачи Эмиля Владиславовича появился «Мерседес-600» вишневого цвета. А из этого «мерса» через дверь, почтительно открытую негром-телохранителем, вышел... нет, не Павел Николаевич Манулов, а мистер Пол Николае Мэнулофф, преуспевающий голливудский продюсер, полноправный гражданин США.

ЯВЛЕНИЕ БЛАГОДЕТЕЛЯ

Что и говорить, Вредлинский, увидев нежданного гостя, испытал чувство не то стыда, не то унижения, а может быть, даже страха.

— Ну, здравствуй, Емеля! — Пашка чисто по-американски оскалил два ряда фарфоровых зубов, выполняя известное правило янки — «кип смайлинг».

— Здравствуй, — робко пробормотал Вредлинский, косясь на верзилу-телохранителя в черных очках. Майк Тайсон, наверное, смотрелся менее внушительно. Если такой даже легонько стукнет — тщедушному Вредлинскому придется памятник себе заказывать. Неизвестно, с чего Эмилю Владиславовичу пришла в голову эта идея — возможно, просто от нервов, сильно пострадавших из-за дефолта.

— Вижу я, ты тут ни при большевиках, ни при демократах не разжился, а? хмыкнул Манулов, брезгливо оглядывая мало чем изменившуюся дачу Вредлинского. Все та же халупа, все те же 30 соток, все те же «Волги», наверное?

— Нет, у меня «Хонда»... — смущенно пролепетал Вредлинский.

— Небось эдак восьмидесятого года выпуска? — скривил губы Пашка, точь-в-точь как тогда, когда в 1961 году сказал, 1 что костюм за 80 рублей, который носил Вредлинский, — это дерьмо.

— Нет, девяностого, — ответил Эмиль Владиславович. Он уже понимал, что все эти речи содержат лишь одно: желание укорить Вредлинского за то, что тот в 1974-м не принял предложения Манулова.

— Мы с тобой 24 года не виделись, по-моему? — сказал Пашка, когда они с Вредлинским прошли в дом, устроились в рабочем кабинете и Аля принесла им туда графинчик с водкой и закусочку.

— День в день... — кивнул Эмиль Владиславович.

— Почти четверть века! — покачал головой Манулов. — Тогда ты сделал неверный выбор. Испугался, заменжевался, не захотел рисковать. Ради этого ты пренебрег нашей дружбой — и что? В лучшем случае — остался при своих. То есть эту четверть века ты попросту потерял, понимаешь? У тебя сейчас 25 тысяч долларов на счетах, курам на смех, все остальное ты здесь уже профукал. Хотя у вас тут в первые годы можно было большие дела делать, тем более что ты начинал не с нуля, у тебя по совковым масштабам неплохие деньги были. Вот что значит один неверный шаг...

— И ты приехал, чтоб меня мордой в грязь ткнуть? — проворчал Вредлинский.

— Зачем? Мне тебя жалко стало. Решил еще разок помочь по старой дружбе. А то ведь пропадешь ты здесь, ей-богу, пропадешь!

— Что, в Голливуде вакансии появились? — зло произнес Эмиль Владиславович.

— Голливуд, дорогой мой, это не «Мосфильм». У меня своя компания. Могу взять на работу. Не сразу, правда, сначала ты мне в здешних делах немного поможешь. Я тут давно не был, еще не разобрался, кто чего стоит, какие контакты надо налаживать, а какие нет. А ты хотя бы частично восполнишь мои пробелы в познании новой России... Согласен, надеюсь?

— И что я буду с этого иметь? — утрируя еврейский акцент, спросил Вредлинский, инстинктивно понимая, что Пашка явно втягивает его в какую-то авантюру.

— А все то же. Помогу тебе приобрести человеческий вид, как в 1961 году... Или ты опять против этого? По рукам?!

Эмиль Владиславович понял, что даже если Манулов — дьявол, присланный из ада за его, Вредлинского, душой, отказываться не стоит. Конечно, он еще может какое-то время прожить

на старых запасах, но ведь ужас как тошно медленно катиться на дно... И при этом знать, что мог бы плыть по поверхности, а то и парить над волнами, если б не сказал «нет» этому мистеру из Голливуда.

— Эх, была не была! По рукам!

— Молодец! — похвалил Манулов. — Чувствуется, что здоровый прагматизм тебя еще не покинул. Ну а теперь слушай, что мне требуется конкретно...

Ничего особенного он от Вредлинского не потребовал. Поинтересовался тем, кто из прежних знакомых и полезных людей чем занимается, у кого могут быть выходы на Старую площадь и Белый дом, у кого есть проблемы, связанные с 17 августа, ну и еще разные мелочи. Эмиль Владиславович даже разочаровался, но вместе с тем и насторожился: неужели это все?

— Да, я краем уха слышал, будто ты какой-то роман пишешь? — словно бы между делом поинтересовался Пашка.

«Откуда он узнал?» — изумился Вредлинский. Ведь роман о последних царях так и остался недописанным. Материалы и наброски лежали себе в столе многие годы, и о них мало кто знал. Когда весной и летом 1998 года в прессе поднялась кутерьма по поводу захоронения царского семейства, Вредлинский тиснул в своих газетках несколько статей, но на фоне публикаций в солидных изданиях они прошли незамеченными.

Тем не менее отрицать то, что некогда он работал над романом, Вредлинский не стал.

— Знаешь что, — прищурился Манулов, — а может, ты его допишешь ради интереса? У меня тоже кое-какой материалчик имеется. Могу подарить бесплатно.

— Кому это сейчас нужно? — хмыкнул Эмиль Владиславович. — «Следствие закончено, забудьте!»

— Нужно, Емеля, нужно. Поверь мне, конъюнктура меняется... Вот что, старик. Дам-ка я тебе свою визитную карточку, — Пашка вытащил из бумажника маленький прямоугольник из плотной мелованной бумаги и подал Вредлинскому.

— Это ж твои американские реквизиты, — заметил Вредлинский, рассмотрев карточку, — а ты ведь вроде здесь собираешься надолго задержаться? Может, просто телефончик дашь по старинке? Ты где остановился?

— Пока в «Украине», на Кутузовском. Потом найду что-нибудь получше. А телефон у меня сотовый, так что звони в любое время и в любое место — попадешь куда надо. Я тебе дам номер.

— Тогда зачем мне эта визитка?

— Она, Емеля, не простая, а золотая, — ухмыльнулся Манулов, — в том смысле, что если ты придешь в какое-нибудь место и просто скажешь: «Я от Манулова!», то тебе не поверят и отфутболят. А вот если предъявишь эту карточку, то встретят хорошо и все твои вопросы решат положительно... Береги как зеницу ока. Посеешь где-нибудь — второй не получишь.

В том, что Пашкина карточка и впрямь хорошо помогает при визитах в те солидные кабинеты, куда прежде Вредлинский даже не пытался обращаться, Эмиль Владиславович убедился очень быстро.

Уже в самые ближайшие дни после посещения Манулова в общественном и экономическом положении Вредлинского стали происходить ощутимые позитивные сдвиги. На какие кнопки нажимал Пашка, за какие нити дергал — все это осталось за кадром. Однако факт есть факт:

меньше чем через неделю Вредлинский получил от одного из давних, но хорошо забывших его в последнее время знакомых очень заманчивое предложение возглавить некий благотворительный фонд. Конечно, Эмиль Владиславович тут же проконсультировался с Пашкой и получил лаконичный ответ: «Соглашайся». Хотя Манулов и словом не обмолвился, что учредители фонда имели к нему какое-то отношение, Вредлинский догадался, что без «мистера Пола» тут не обошлось.

Вновь имя Вредлинского стало звучать и кое-что значить.

Точно так же, как в молодости, когда Манулов сумел пробить для никому не известного Мили выход на театральную-литературную стезю, теперь Пашка интенсивно помогал обновить поблекшую славу своего приятеля. И в обширных российских регионах, и на эсэнгэшных просторах, и — что самое полезное — в дальнем зарубежье.

При напористом содействии бывшего однокашника, как и прежде, беспардонно-пронирыливого, зубастого и ухватистого, Вредлинский наскоро дописал и выпустил в свет «экспортный» вариант книги о последних российских царях. Сперва книга вышла в Лос-Анджелесе, на английском языке. Затем этот же роман, с каждым разом расширяясь в объеме, увидел свет в Париже, Лондоне и Берлине, причем в весьма престижных издательствах. Гонорары, несмотря на относительно малый тираж книги, оказались втрое больше той суммы, что прежде лежала на валютных счетах Вредлинского.

Затем Вредлинского пригласили в Штаты, где он побывал во владениях Манулова. Да-а! Вилла в несколько гектаров на побережье Тихого океана, бассейны, фонтаны, тропический парк, площадка для гольфа, гараж на 12 машин, яхта в 120 тонн водоизмещения и даже вертолет «Белл». Вредлинский только скрипел зубами: да, бывший стилиста времени даром не терял! Но злость Эмиль Владиславович испытывал только к себе самому, потому что теперь был окончательно убежден, что тогда, 24 года назад, упустил свой шанс. У него тоже могло быть все это, а он, недальновидный дуралей и тупой «совок», остался с полудохлой «синицей» в руках, имея возможность ухватить за хвост «журавля в небе».

В Америке Вредлинский прочитал несколько лекций на «царскую тему» в нескольких университетах. И убедился, что американский университет, как ни удивительно, — это место, где русские профессора учат китайских студентов. Английского языка он по-прежнему не знал, но его вполне сносно переводили. В аудиториях было полно народу, гонорары за лекции оказались весьма приличными, хотя Вредлинский так и не понял, чем могла история двух последних русских самодержцев заинтересовать китайцев, составлявших большинство слушателей. Позже Манулов объяснил, что, строго говоря, эти лекции, к тому же прочитанные литератором, а не профессиональным историком, мало кого интересовали вообще. Однако китайцы — народ дисциплинированный и, кроме того, желающий получить как можно больше знаний, тем более если отдельная плата за посещение факультатива не взимается.

Ну, и наконец, почти сразу же, по приезде из Америки, Вредлинскому позвонили телевизионщики, с которыми Эмиль Владиславович последний раз общался еще при Советской власти. И как-то неожиданно для самого себя Вредлинский стал за последние месяцы звездой экрана, еженедельно выступая на двух каналах с персональными получасовыми передачами.

Вредлинский даже смог обзавестись относительно новым «Мерседесом-300», нанять домработницу Василису и шофера-телохранителя Стаса, который утверждал, будто он в прошлом спецназовец с элитной подготовкой. Вообще-то, Эмиль Владиславович был человеком прижимистым и не чуял особой нужды в этих людях. Но их рекомендовал Манулов — куда денешься! Вредлинский вовсе не был дураком, чтоб не понять: сии служащие будут осведомлять Пашу о той части жизни своего номинального хозяина, которая окажется вне поля зрения реального босса. И упаси господь сделать шаг не в том направлении — тот же

Стас тихо свернет Вредлинскому шею. Тем не менее чувствовать опеку этого молодчика было до некоторой степени приятно. Он придавал Эмилю Владиславовичу чувство уверенности, а те «крутые бизнесмены» и чиновники нового поколения, которые прежде без зазрения совести выдерживали Вредлинского в приемных, относясь к нему в лучшем случае снисходительно-холодно, как к полезному, но малозначащему старикашке, стали весьма вежливы и предупредительны. Потому что Стас спецназовец он был или бандит, в данном случае не важно — всегда производил нужное впечатление. Стриженный ежиком, с низким лбом и глубоко посаженными узкими глазами, под два метра ростом, он одним взглядом заставлял задуматься о бренности всего живого. А заодно и о том, сколько таких мальчиков стоит за спиной у пожилого, интеллигентного джентльмена. Кроме Стаса, чувство уверенности в себе Эмилю Владиславовичу придавал мощный 9-миллиметровый австрийский пистолет «глок-17». Разрешение на ношение и хранение оружия, разумеется, организовал Пашка. Правда, стрелял Вредлинский неважно, но регулярно тренировался в подвале дачи.

Что же касается Василисы, то ее появление в доме, конечно, не вызвало особого восторга у супруги Вредлинского. Александра Матвеевна, хоть и была на 15 лет моложе мужа, все же приближалась к полтиннику. Она предпочла бы видеть в качестве домработницы какую-нибудь милую старушку, а не 30-летнюю блондинку с точеными ножками. И даже не потому, что опасалась за моральную устойчивость Эмиля Владиславовича — она-то хорошо знала, сколько процентов мужской силы осталось у Вредлинского! — а потому, что волновалась за сына, которому шел 24-й год. Вадим Эмильевич в какой-то мере унаследовал от отца застенчивость перед женским полом — ту, что проявлялась у Эмиля в юности — а также излишнее усердие в изучении наук. Блестяще окончив юридический факультет МГУ, он не только не сумел найти себе подходящую пару — а там училось немало девиц, у которых были весьма высокопоставленные родители! — но даже не влюбился ни разу. Что стоит Василисе — Александра Матвеевна хорошо умела оценивать своих «сестер по полу»! — совратить невинного мальчика и втереться в семью, а затем заявить свои права на имущество? Кроме того, существовала опасность и для дочери Ларисы. Она была тремя годами моложе Вадима, еще не закончила университет, но уже давно и активно искала семейное счастье. Наконец у нее появился очень перспективный бойфренд — франко-канадец, представитель довольно известной фирмы. Что будет, если Василиса сумеет привлечь к себе внимание этого ветреного французика? Кто тогда отправится в Квебек? Даже при всей материнской склонности переоценивать красоту дочери Александра Матвеевна скрепя сердце признавала, что Лариса в сравнении с Василисой сильно проигрывает.

Однако всего за три месяца пребывания в доме Вредлинских Василиса сумела завоевать доверие и расположение хозяйки.

Во-первых, она блестяще справлялась со всеми многочисленными обязанностями, которые на нее возложили. Интерьер старой дачи принял ухоженный вид, грязное белье перестало накапливаться, кухня засверкала, посуда засияла. Оказалось, что Василиса прекрасно готовит и разбирается в продуктах. Кроме того, она отлично знала, где можно купить подешевле качественный товар, и тем самым внесла заметную экономию в семейный бюджет. При этом она самым добросовестным образом предоставляла хозяйке все чеки за покупки и не пыталась прикарманить ничего из сэкономленного. Но и этим достоинства служанки не исчерпывались. Обнаружив, что Александра Матвеевна мучается то мигренями, то болями в позвоночнике, то в суставах (имевшими в основном невротическую природу), Василиса предложила свои услуги в качестве массажистки. Сначала мадам Вредлинская отнеслась к этому предложению скептически, но после нескольких сеансов возблагодарила бога за то, что он ей ниспослал такую целительницу. Наконец, выяснилось, что Василиса блестяще владеет искусством маникюры, парикмахерши и визажистки. Из того немногого, что сохранилось на голове самого Вредлинского, она сумела сделать нечто вполне

созерцабельное и, уж во всяком случае, не вызывающее отвращения. Прическа Вадима в ее умелых руках лишилась интеллигентской запущенности, и у молодого адвоката после этого даже прибавилось клиентуры. Что же касается Ларисы и самой Александры Матвеевны, то, когда им доводилось бывать на людях, многие дамы, шушукаясь за спиной, утверждали, будто Вредлинские регулярно летают в Париж делать маникюры, макияжи, стрижки и завивки. Некоторые даже ввали, будто они летают туда на личном самолете. Хотя личного самолета у Вредлинских по-прежнему не было, ушам Александры Матвеевны эти сплетни доставляли несказанное удовольствие. А что касается франко-канадца, то он, увидев внезапное преображение Ларисы, взял да и по всем правилам старины попросил ее руки и сердца. Так что к настоящему моменту, то есть октябрю 1999 года, совместное заявление интернациональной пары уже лежало в загсе.

Даже сексапильность Василисы, которая казалась Александре Матвеевне столь опасной, принесла некие полезные плоды. В характере Вадима стало все меньше застенчивости и все больше раскованности. Было у него что-нибудь конкретное с Василисой или нет, неизвестно, госпожа Вредлинская, несмотря на все старания, поймать их «за руку» так и не смогла. Но зато Вадим явно преодолел свои комплексы и стал частенько появляться на даче в обществе девушки по имени Оксана, блондинки, очень похожей на Василису, но заметно более молодой. Похоже, дело и там явно продвигалось к свадьбе.

Так славно прошел год, минувший со времени явления благодетеля Пашки.

И вот два дня назад — разумеется, опять 8 октября— свершилось то, что должно было случиться. Мистер Манулов решил, что Вредлинский достаточно созрел, и ввел своего бывшего однокашника по сценарно-киноведческому факультету ВГИКа в некий элитарный клуб «Российский Гамлет».

НАКАНУНЕ ПОСВЯЩЕНИЯ

Прежде всего, надо заметить, что и сам Манулов по возвращении в Россию времени даром не терял. Если поначалу он обитал в одной из не самых престижных московских гостиниц, то затем переселился в свежестроенный особняк, сооруженный турками меньше чем за восемь месяцев. Правда, особняк этот начинали не с нуля, первый и часть второго этажа были куплены Мануловым в недостроенном виде. Некий нувориш, погоревший от дефолта, вынужден был продать свою недостройку, чтоб хоть что-то вернуть, и подсуетившийся мистер Пол взял ее меньше чем за полцены. Но вложил тоже немало. Может быть, по сравнению с виллой в Калифорнии этот замок, стилизованный под готику, был не столь красив, но по сравнению с ним дача Вредлинского казалась хижинкой дяди Тома. Самое занятное, что Манулов построился совсем недалеко от бывшего однокашника, в том же поселке, и на новоселье не пришлось даже ехать — Вредлинский прошелся пешком в сопровождении своего семейства, охраняемого Стасом.

Именно там, на новоселье, где присутствовало немало всякого важного люда, Манулов нашел время, чтоб уединиться с Вредлинским и поведать ему о своем желании создать здесь, в своем особняке, этот самый элитный клуб. Собрать в нем людей, имеющих и власть, и положение, и деньги, но желающих многократно увеличить свои возможности за счет братской взаимопомощи и содействия. Собственно, такой клуб, по словам Пашки, существовал уже давно, и в действительности его влияния Вредлинский уже не раз убеждался. Однако теперь настало время перевести его деятельность на более широкую основу и вывести на более высокий уровень.

Вредлинский не без удивления узнал, что уже давно является, так сказать, ассоциированным

или «непосвященным» членом этого клуба. Собственно, он мог бы принять посвящение еще в 70-х годах, но сам себя отринул, отказавшись эмигрировать.

— Надеюсь, теперь ты не скажешь «нет»? — усмехнулся Манулов.

— Боюсь, что если я скажу «нет», то не выйду из этого дома,, — полушутя произнес Вредлинский.

— Правильно, что боишься, хотя, конечно, из дома ты выйдешь в любом случае. Но вот потом, я думаю, сильно пожалеешь. Для начала останешься нищим. Твой благотворительный фонд атакует налоговая полиция и обнаружит массу нарушений. Или ты сядешь в тюрьму, или вынужден будешь израсходовать все свои доллары на взятки. Что будет потом — не знаю, может быть, какие-то хулиганы искалечат твоего сына, изнасилуют дочь и заразят ее СПИДом. Может быть, сгорит твоя дача вместе с «Мерседесом» и «Хондой»... Да что мы о таком грустном, верно? Ты же согласен — по глазам вижу.

— Конечно! — улыбнулся Вредлинский. — Лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным.

— Совершенно с тобой согласен. Учти, пока ты был «непосвященным» — тебе мало что доверялось, но с тебя и мало спрашивалось. Как только ты примешь посвящение, спрос будет уже совсем другой. Один неверный шаг — и смерть во цвете лет. Попробуешь искать защиты у правосудия, здешнего или американского, израильского или китайского, это без разницы— только ускоришь развязку, но зато добавишь себе мучений. Вовсе не обязательно, что тебя пристрелят в подъезде. Ты можешь умереть от внезапного инфаркта или инсульта — и ни один врач не скажет, что это была насильственная смерть.

— Скажи, Паша, — стряхивая мурашки, побежавшие по спине, пробормотал Вредлинский. — А зачем, собственно, я вам нужен? Я не министр, не олигарх, не гений, наконец. Конечно, какие-то связи у меня есть, но у тебя они во стократ больше. Деньги? Ты сам говорил, что мое состояние — копейки. Наконец, я не властитель дум. Последним писателем, которого, хоть и с натяжкой, можно удостоить этого титула, был Солженицын. Я говорю «был», потому что теперь его не слышно и не видно. Молодые его вообще мало знают, а большинство стариков-ветеранов по-прежнему считает «литературным власовцем». Демократы от него отступились, потому что он говорит им нелицеприятные вещи. Но я-то, даже несмотря на твою раскрутку и даже по сравнению с нынешним Солженицыным, полное ничтожество!

— Пока, Емеля, не ломай над этим голову, — жестко сказал Манулов. — Со временем твоя миссия прояснится. Покамест лучше думай о приятном. Например, о том, что с момента посвящения в члены нашего клуба ты выйдешь на глобальный уровень. У тебя появятся многочисленные и могущественные друзья во всех странах мира, которые всегда придут тебе на помощь. Учти, ведь Центр нашего общества, в составе руководства которого числится и твой покорный слуга, находится в Лос-Анджелесе, а новоиспеченное московское братство будет его филиалом.

— Постой, ты же говорил о клубе, а теперь употребляешь какие-то другие термины: «общество», «братство»...

— Я думал, что, поработав над романом о последних Романовых, ты сможешь кое-что понять без долгих разжевываний, — с легким раздражением произнес Манулов. — Неужели ты никогда не слышал о масонах?

— Конечно, слышал, — у Вредлинского по спине вновь забегали мурашки, — но всегда думал, будто слухи о них сильно превышают то, что имеется в действительности. Сказать по правде, я полагал, будто в нашем случае речь идет, извини меня, о мафии...

Неожиданно Пашка громко и заливисто расхохотался — почти как в молодости.

— Все-таки ты, Емеля, настоящий совком, — сказал Манулов беззлобно и очень по-дружески. — Совком родился и помрешь, наверно, дай тебе боже долгих лет жизни, однозначно совком. Не обижайся! Я тоже, несмотря на всю свою закордонную жизнь, тоже еще не отделался от совкизма. Это в генах сидит, мы ведь с тобой уже из второго поколения рожденных при Советах. Даже когда все давно знаешь и понимаешь, нет-нет да и прорвется в душе комсомолец...

— Ладно, пусть я профан, — обиженно произнес Эмиль Владиславович, просвети меня тогда, насколько это возможно.

— Понимаешь, Емеля, мафия — это в большей степени экономическое образование. Она, строго говоря, в настоящем своем виде создана бизнесменами, которым не нравится несколько реалий современной рыночной экономики: а) налогообложение, предусматривающее, что самые высокие налоги платят те, кто больше всех зарабатывает, б) антимонопольное законодательство, запрещающее сосредоточить какую-либо отрасль производства и торговли в одних руках и в) полный или частичный запрет на производство и продажу некоторых товаров и услуг. То есть наркотиков, оружия, порнографии, проституток и еще чего-нибудь в этом роде. Соответственно, люди объединяются в «семьи», «кланы» и прочие, выражаясь по-ментовски, «ОПГ», чтобы жить так, как подсказывает им их капиталистическая совесть. И только ради обеспечения своих сугубо меркантильных интересов они лезут в политику, покупают полицию, депутатов, губернаторов, президентов, если есть на что. То есть, если вкратце: политика — средство, деньги — цель.

— А у масонов, что, наоборот? — скептически поморщился Вредлинский. Деньги

— средство, политика — цель?

— На самом примитивном уровне это так, — кивнул Манулов. — То есть мы делаем деньги, чтобы взять под контроль политическую жизнь. Но это только первая стадия, понимаешь? Можно временно заполоскать мозги с помощью СМИ, кого-то купить, кого-то запугать, добиться победы на выборах и посадить свое правительство. Но пройдет, допустим, четыре года, и придется снова тратить деньги, чтобы посадить на выборные посты своих людей. Можно будет взять под контроль две или три основные партии, но это опять-таки лишние расходы. Поэтому политика, когда речь идет о второй, более высокой стадии,

— это тоже всего лишь средство. На этой стадии цель — реконструкция массового сознания, то есть утверждение такой системы ценностей, которая позволяет нам, не занимаясь большими денежными вложениями в политические партии, контролировать практически все сферы жизни общества.

— Понял, — кивнул Вредлинский, приглядываясь к Пашке: не разыгрывает, не издевается ли?

— Ну и славно. По-моему, на сегодня с тебя достаточно высоких материй. Теперь слушай меня внимательно. Восьмого октября, в 19.00, ты придешь сюда, в мой дом, вот с этой карточкой в нагрудном кармане пиджака. Это — электронный пропуск. Вначале он тебе не понадобится, потому что ты, так же как и сегодня, пройдешь самым обычным способом, через фейс-контроль моих секьюрити. Они тебя пропустят в клубный зал, где устроено нечто вроде небольшого казино. Там есть карточные столы, рулетка, «барабан фортуны», «однорукие бандиты» и прочие предметы для легального отъема денег у желающих. Впрочем, у нас все честно, и шансы выиграть полностью соответствуют теории вероятности. Так что можешь попытаться счастья, потому что у тебя будет в запасе полчаса. Если не любишь играть, то можешь хлебнуть чего-нибудь в баре. Там все бесплатно, так что не перебери норму на халяву. В 19.30 начнется небольшое стрип-шоу, в зале погасят верхний свет. Именно в это

время ты должен выйти из зала и спуститься вниз, в туалет. Там пять изолированных кабинок с плотно закрывающимися дверями. На средней будет висеть табличка: «Неисправен». Вот туда тебе и нужно будет войти, но только в тот момент, когда рядом никого не будет — это обязательное условие. Даже если там окажусь я, стоящий у писсуара, ты все равно должен дождаться, когда я выйду. Это неукоснительное правило, обычай!

— Слушаюсь и повинуюсь... — развел руками Вредлинский.

— Именно так. Повиновение и послушание для новопосвященного — первейший долг. Итак, ты остался наедине с дверью. Она свободно открывается, и тыходишь в кабинку. Там нет ни унитаза, ни сливного бачка, весь пол и стены заляпаны цементом. Прямо перед тобой будет стенка, отделанная кафелем. У одной из плиток, в третьем вертикальном ряду справа, будет отколот верхний уголок. Сунешь туда палец, подцепишь плитку — и она откроется, как дверца шкафчика. Внутри окажется щель, куда ты вставишь карточку. Видишь? На карточке изображен двухглавый орел, а с другой стороны ничего нет. Так вот, вставляя карточку, ты должен видеть орла и задвигать его головами вперед. После этого стена бесшумно приподнимется, и ты сможешь пройти в коридор. Сразу после этого проход автоматически закроется. В коридоре тебя встретят братья и приведут в зал собраний...

В ночь с 7-го на 8-е октября Вредлинский спал плохо. Ему мерещились какие-то кошмары, являлись во сне давно умершие люди, знакомые и незнакомые, несколько раз ему казалось, будто в него кто-то целится. Утром встал с больной головой, как будто с глубокого похмелья. Анальгин не помог, голова продолжала гудеть, и Эмиль Владиславович собрался пригласить Василису, чтоб она помассировала ему виски. Но оказалось, что Василиса с разрешения хозяйки уехала из Москвы на два-три дня по каким-то семейным делам и явится в лучшем случае завтра. В конце концов Вредлинский рискнул выпить рюмочку — в сочетании с уже принятым анальгином это было и впрямь рискованно для его возраста, но, как видно, помереть в этот раз ему было не суждено.

Как назло, была пятница, и на дачу прибыли дети, причем не одни, а в удвоенном составе, то есть Вадим привез Оксану, а Лариса — своего франко-канадца, Жака. Александра Матвеевна, убедившись, что у супруга не предынсульное состояние, а более легкое недомогание, решила прогуляться к подруге, дабы от души посплетничать. Эмилю Владиславовичу пришлось остаться один на один с поколением, выбравшим «пепси». Конечно, обе пары очень хотели, чтобы папа поскорее убрался из дома и не мешал им чувствовать себя раскованно. Просто сказать ему: «Вали отсюда, старый, мы тут побалдеть хотим и потрахаться от души!» интеллигентным детям не позволяло воспитание, поэтому они избрали иезуитскую тактику «удушения путем объятий».

Тактика эта состояла в том, что Вадим и Лариса наперебой расхваливали Вредлинского перед Оксаной и Жаком, настырно просили рассказать о творческих планах, расспрашивали о былых успехах и так далее. Все, что можно было, Вредлинский уже несколько раз рассказывал, и пережевывать еще раз то, что навязло в зубах, ему не хотелось. Он с удовольствием удрал бы из дому пораньше, но не знал, как отнесется Манулов к преждевременному прибытию кандидата в масоны. Поэтому пришлось немного помучить и себя, и молодежь. Когда же он, наконец, отправился к Пашке, Вадим и Лариса даже вызвались его проводить, дабы убедиться, что папаша действительно удалился от дома и не вернется слишком рано в какой-нибудь неподходящий момент. Отослав детей обратно, Вредлинский перебрался на другую сторону шоссе и по широкой тропинке правился в сторону мануловской резиденции.

Ровно в семь вечера он появился у входа в особняк Манулова, где молчаливые негры-секьюрити, внимательно поглядев на его физиономию, пропустили Эмиля Владиславовича на первый этаж, в клубный зал. Там было уже много народу, некоторых Вредлинский помнил по новоселью, попадались и те, кого он знал получше, но большую

часть тех, кто посасывал коктейли в баре, толпился вокруг рулетки или сидел за карточными столами, он видел впервые. Его, напротив, многие узнавали — спасибо телевидению. Впервые, пожалуй, за многие годы Вредлинский чувствовал себя неуютно от своей известности. Прежде он, наоборот, страдал от того, что его никто не помнит и не узнает в лицо.

С трудом дождавшись момента, когда началось стрип-шоу и погасили свет, Вредлинский спустился в туалет. Там он все сделал по инструкции и после того, как фальшивая стена бесшумно приподнялась, удачно проскользнул в некий мрачный узкий коридор. Самое место такому было бы в Тауэре или в покойной Бастилии. Или даже в Эльсиноре, где принц датский повстречал тень своего отца.

Как только проход за спиной Вредлинского закрылся, он очутился в абсолютной темноте. Не успел он и шага сделать, как справа и слева его взяли под локти чьи-то сильные руки.

— Ступай с нами, новопосвящаемый брат! И да поможет тебе господь стать достойным среди достойных! — торжественно пробасил некто невидимый откуда-то справа.

Несмотря на то, что все шло согласно Пашкиному сценарию, Вредлинский в первый момент немного струхнул. Однако монолог человека-невидимки его разочаровал. Как-никак Эмиль Владиславович уже почти сорок лет работал для театра и кое-что понимал в актерском мастерстве. Даже он сам, не говоря уже о профессиональном режиссере, мог бы избавить эти фразы от монотонности и невыразительности, верно расставив акценты. Небось Пашка Манулов в Голливуде только финансирует кинопроизводство, а в творческий процесс не суется. Явно подрастерял навыки.

Тем временем «братья-невидимки», отпустив на несколько минут локти драматурга, набросили на него сверху что-то вроде мешка из легкой и гладкой ткани — не то шелка, не то атласа. Чуть позже, когда «братья» начали просовывать руки Вредлинского в широченные рукава, он сообразил, что на него надели просторный и длинный балахон с капюшоном наподобие куклуксклановского.

Потом «братья» повели Вредлинского дальше. Если б они не поддерживали его за локти, Эмиль Владиславович давно бы запутался в балахоне и грохнулся.

А вообще он испытывал весьма сложные, смешанные ощущения. С одной стороны, Вредлинский чувствовал себя участником дурно поставленного фарса, какого-то грубого юношеского розыгрыша, который в молодости легко прощается друзьям-приятелям, но в пожилом возрасте воспринимается как жестокое издевательство. Эмиль Владиславович догадывался, что Пашка тогда, в 1974-м, каким-то боком пострадал из-за того, что не сумел убедить Вредлинского эмигрировать. Может, ему пришлось пару лишних лет пожить в Израиле, а может, уже в Америке задержали предоставление гражданства. И вот теперь, он не столько благодетельствует, сколько мстит за свои прежние невзгоды и унижения... Сволочь!

С другой стороны, Вредлинского одолевали страхи и сомнения. Куда он попал? Реальны ли угрозы, которыми его страдал Пашка, или это так, «воспитательная работа»? Наконец, действительно ли Манулов и его братство столь всесильны? Не кончатся ли все эти сборища тем, что сюда наедет СОБР, ОМОН или служба физической защиты налоговой полиции, напинает всем по задницам, насует по мордам и отправит по камерам?!

Наконец, время от времени в душе Вредлинского проблескивали и более приятные мысли. Да, он пройдет через унижение, но в результате приобщится к истинной элите, тайной, неподвластной закону, обретет влияние и возможности, которые ему прежде и не снились...

«Братья» более-менее успешно, не уронив, по крайней мере, дотащили Вредлинского до

двери, слабо светящийся контур которой обозначился в конце коридора. Дверь была двустворчатая, «братья» одновременно распахнули обе створки и буквально втолкнули оторопевшего Вредлинского в небольшой, слабо освещенный зал с высоким сводчатым потолком. Через дыры в капюшоне, не очень точно совпадавшие с глазами, Эмиль Владиславович увидел, что справа и слева от него находится что-то вроде небольших трибун, то есть по три ряда кресел с высокими спинками, на которые можно было посадить человек шестьдесят. А прямо напротив него, на возвышении, напомиавшем сцену, стоял огромный стол, покрытый светло-голубым сукном. Над столом возвышались спинки пяти резных кресел, выполненных в готическом стиле из лакированного черного дерева, с замысловато изогнутыми подлокотниками. Подлокотники украшали изображения позолоченных орлиных голов, а спинки были увенчаны двумя позолоченными башенками с остриями, напоминающими по форме шпиль Петропавловской крепости. Между башенками находились большие медальоны, где сверкали позолотой барельефные изображения двуглавых орлов с поднятыми вверх крыльями. Непосредственно прилегающие к телам части спинок были обиты все тем же голубым сукном. Перед центральным креслом стоял маленький медный гонг, украшенный с одной стороны чеканным изображением двух переплетенных равносторонних треугольников, а с другой — всевидящего ока господня, то есть попросту глаза, вписанного в равнобедренный треугольник, испускающего во все стороны молниеобразные лучики.

На заднике сцены — Вредлинский чисто инстинктивно оценивал окружающую обстановку с точки зрения драматурга — буквально сияло, подсвеченное небольшими софитами, скульптурное изображение огромного двуглавого орла, распластавшего золотые крылья по небесного цвета шелковой драпировке, с нашитыми на нее многочисленными пяти-шестиконечными звездами из золотой парчи. «Несуразица какая-то! — подумалось Вредлинскому. — Имперский орел — и масонские звезды! Примерно то же, если б кто-то вставил в советский герб знак „\$“ вместо серпа и молота». Вокруг орла в овальных позолоченных рамах, немного напомиавших погребальные венки, увитые черно-желто-белыми лентами, висели портреты царей и императоров дома Романовых. Большая часть их располагалась полукругом, по часовой стрелке: Михаил Федорович, Алексей Михайлович, Федор II Алексеевич, Иоанн V Алексеевич, Петр I, Екатерина I, Петр II, Анна Иоанновна, Анна Леопольдовна, держащая на руках годовалого Иоанна VI Антоновича, Елизавета Петровна, Петр III, Екатерина II, Павел I, Александр I, Николай I, Александр II. Все эти портреты были одного размера. Вне этого ряда находились три более крупноформатных портрета последних представителей царской династии — Александра III и Николая II. Портреты Александра-Миротворца и Николая Кровавого висели по бокам, рядом с крыльями орла, и были выполнены в том же парадно-придворном стиле, что и прочие, отличаясь только размерами. А вот ниже их, примерно между лапами орла, держащими скипетр и державу, располагался портрет-икона, изображавший все того же расстрелянного Николая Александровича, но уже вместе с сыном, наследником-цесаревичем Алексеем Николаевичем, изображенным в матросской форме. Даже надпись «Штандартъ» читалась на ленте бескозырки. Оба, и царь, и наследник, были изображены с ореолами и нимбами, как святые великомученики.

Все кресла — и на «трибунах», и в «президиуме» — были пусты. Дверь, через которую Вредлинского втолкнули в зал, наглухо закрылась за его спиной. Ни единого человека в зале не было, и даже более того — непонятно было, откуда они могут появиться, ибо ни одной двери, кроме той, что находилась позади него, Эмиль Владиславович разглядеть не сумел. Возможно, конечно, что они скрывались за черными панелями из мореного дуба, которыми были отделаны стены позади «трибун».

Вредлинский был достаточно подробно проинструктирован Мануловым и в общих чертах знал, что должно произойти, так сказать, «по сценарию». Однако он непроизвольно вздрогнул, когда буквально из ниоткуда послышался громовой голос какого-то потустороннего

тембра:

— На колени, новопосвящаемый!!!

СВЯЩЕННАЯ ЦИТАТА

Конечно, Вредлинский не был дикарем из племени мумбо-юмбо, который впервые услышал человеческую речь, усиленную мощными динамиками, скрыто расположенными в разных углах зала, имевшего к тому же прекрасную акустику. Разумом он все это понял и оценил верно. Но эмоциональное восприятие этого звукового удара оказалось гораздо сильнее. Голос, даже не голос, а глас, мощно надавил на подсознание, и Эмиль Владиславович буквально рухнул на колени, скорее инстинктивно, чем обдуманно выполнив этот грозный приказ.

— Смири гордыню! Иди вперед коленопреклоненно! — повелел глас. Это означало, что Вредлинский должен был смиренно нагнуть голову, глядеть в пол и ползти на коленях вперед, пока его не остановят. Если учесть, что пол был выложен не слишком хорошо отшлифованным мрамором, а также возраст Эмиля Владиславовича, это было не самое легкое испытание. К тому же, глядя в пол, Вредлинский не очень хорошо ориентировался в пространстве и сильно беспокоился, что вскорости стукнется головой о возвышение. Да уж! Придумал друг Паша, как поиздеваться...

Впрочем, драматург знал, что, по идее, он не должен доползти до самой «сцены». Согласно обряду где-то на середине зала должен появиться стол с разложенными на нем открытками, каждая из которых содержала текст записи от определенного числа, взятой из дневника последнего государя. Вредлинский вспомнил, что ему по этому поводу объяснял Манулов:

— Посвящение в члены клуба предваряется гаданием на цитатах из дневников императора Николая II. Цитаты разложены на столе наподобие экзаменационных билетов. Новопосвящаемый должен взять наугад одну цитату и прочесть ее перед магистрами высшего совета братства. Им принадлежит право толковать скрытый, мистический смысл цитаты и определить, будешь ли ты принят в братство сразу как действительный член, как кандидат в действительные члены и будешь ли ты принят вообще. От того, какую цитату вложит в твои руки Провидение, будет зависеть очень многое...

— Даже жизнь, может быть? — спросил Вредлинский с иронией.

— Возможно, и жизнь, — ухмыльнулся Пашка. Тогда Вредлинскому показалось, будто Манулов шутит и нагоняет страху с единственной целью: заставить бывшего однокашника посерьезнее отнестись к ритуалу посвящения. Сейчас, когда он, скрипя всеми суставами и согбенным позвоночником, передвигал спутанные балахоном колени по шероховатому полу, ему было не до шуток. Более того, он все больше ощущал страх от того, что ему предстоит. Какой аллах ведает, по каким принципам магистры перетолкуют текст? Вредлинский читал дневники Николая и кое-что помнил почти дословно. Дневники эти, с точки зрения историка, были малоинформативным источником. И записи в нем содержались в основном бытовые, скучные, ничего, по сути дела, не содержащие. Что там вообще можно толковать?! Но это с обывательской точки зрения. А вдруг магистры-мистики, если Вредлинский вытянет запись о том, как государь от скуки стрелял в Кремле ворон, найдут в этом указание на то, чтоб уничтожить «новопосвящаемого»?!

— Остановись! — Вредлинский ждал этой команды, но она последовала внезапно.

— Поднимись с колен, но не поднимай глаз!

Эмиль Владиславович, кряхтя, поднялся на ноги и с удивлением обнаружил, что находится в двух шагах от просторного стола, на котором были разложены не менее сотни прямоугольных открыток голубого цвета, с овальными цветными портретами императора. Открытки лежали ровными рядами, наложенными друг на друга, и с расстояния казалось, будто стол накрыт неким лоскутным ковром.

Вот чудеса! Вредлинский был готов поклясться, что несколько минут назад, когда он только-только очутился в зале, этого стола тут не было. Конечно, его могли незаметно принести, пока Эмиль Владиславович полз на коленях, глядя в пол и не решаясь приподнять голову. Но откуда? Если из той двери, через которую вошел сам Вредлинский, то стол неизбежно должны были пронести мимо него — а он даже шагов не слышал! И впрямь, чертовщина какая-то, мистика!

Вредлинский выдернул из бумажного ковра, покрывшего обширный стол, голубой прямоугольничек. Внешне он ничем не отличался от десятков других.

Портрет последнего российского царя, восседавшего на троне с ореолом святого великомученика вокруг головы и атрибутами императорской власти в руках, означал, что данный масонский клуб придерживается монархического направления, а его небесным и астральным покровителем является Николай II, он же — Российский Гамлет. Так же, как и двуглавый орел — имперский герб на стене. Так объяснял Манулов на «инструктаже».

Пожалуй, Вредлинский мог бы еще тогда задать Пашке множество вопросов. Например, о том, что бывают масоны-монархисты, он в первый раз слышал. Неужели можно всерьёз надеяться на восстановление самодержавия или конституционно-монархического строя? Неужели огромная, пусть и «демократическая», российская правящая элита мирно-добровольно поклонится в ножки правнуку великого князя Кирилла Владимировича? Того самого, который в дни Февральской революции привел к Думе гвардейский флотский экипаж под развернутым красным знаменем. Тем более что этот правнук Георгий — потомок еще и грузинских царей Багратионов, и немецких императоров Гогенцоллернов!

Кроме того, Эмиль Владиславович не очень понимал, с чего это Николая II считают «Русским Гамлетом»? Под ситуацию принца датского более-менее подходил Павел I. Его отец был убит любовниками матери, и он мстил фаворитам Екатерины за убийство отца и совращение матери, хотя непосредственные организаторы переворота 1762 года уже давно покоились во гробах. А Николай вроде бы восприимчиво воспринял престол после вполне естественной кончины отца...

Но Вредлинский не стал задавать этих вопросов на «инструктаже», а сейчас, когда он держал в руках открытку, решавшую его судьбу, — тем более.

Он перевернул открытку дрожащей рукой и увидел отпечатанную золотым тиснением запись из царского дневника за 1916 год.

— Подними голову, откинь капюшон и читай священную цитату вслух! потребовал глас.

Эмиль Владиславович с удовольствием остался бы под прикрытием капюшона, даже в этом, как казалось поначалу, совершенно пустом зале. Хотя он прекрасно знал, что это ничего не изменит. Его запоминающийся дискант, столь часто звучавший в последнее время с телеэкрана, конечно же, в любом случае сорвет с него маску. Его узнают. А что, если среди здешнего братства найдется кто-то из коллег? В их богемной среде и без того хватает всевозможных грязных интриг. Разве мало у него врагов в писательской и актерской среде, которые и во сне повторяют слова уже составленной ими последней речи над его могилой?!

Когда Вредлинский поднял голову и откинул капюшон, то изумился еще больше. Там, на

возвышении под гербом и портретами, где несколько минут назад стояли пустые кресла, откуда-то взялись пять фигур, одетых в некое подобие судейских мантий из черного бархата, в длинных париках а-ля Александр Данилович Меншиков и одинаковых черных масках, закрывавших все лицо вплоть до подбородка. На шее у каждого было нечто вроде жабо, которые носили западноевропейцы в XVI веке, а на руках — голубые шелковые перчатки. Ни одного миллиметра собственной кожи этих господ Вредлинский не увидел.

Это тоже предусматривалось «сценарием» ритуала. Манулов так и сказал: «Потом появятся магистры высшего совета братства...» Но он не предупредил, как именно эти магистры появятся. Во всяком случае, не сказал, что они появятся как черти — неведомо откуда.

— «Восьмое октября. Суббота...» — прочитал вслух, как это требовалось по ритуалу, Вредлинский и умолк, ощупывая нервным взглядом лица, точнее маски, слушателей. Ему казалось, что уже после того, как он прочтет дату и день недели, в который была сделана запись, магистры как-то отреагируют. Тем более если он вытацит цитату со своим смертным приговором...

Но реакцию магистров было невозможно оценить. Каждый из них прятался под маской, скрестив руки на груди, и ни единым движением не выдавал своих эмоций. Они казались совершенно одинаковыми, будто их отштамповали по одному эталону. Вредлинский не сумел даже вычислить Манулова, хотя точно знал, что тот должен восседать среди пятерых магистров.

А вот сам Эмиль Владиславович стоял перед ними с открытым лицом, и магистры прекрасно видели, что он не просто волнуется, а пребывает в тихой панике. Между тем Манулов предупреждал, что вердикт магистров будет зависеть и от того, насколько гладко и безупречно будет прочитана цитата, а также и от того, как будет при этом смотреться новопосвящаемый. «Увидят, что волнуешься, предупреждал Пашка, — могут решить вопрос не в твою пользу...»

Боже мой, куда подевался столь хорошо поставленный голос Вредлинского, который так нравился телевизионщикам! У него пересохло во рту и язык прилип к нёбу. Испуганно моргая, Вредлинский в ужасе уставился на «президиум», ожидая чуть ли не грома небесного. Особенный страх вызывал тот, что сидел в кресле перед гонгом. Сейчас тукнет молоточком медной тарелочке — и решит вопрос «не в пользу»...

Но именно оттуда, именно с этого места подоспела поддержка запнувшемуся Вредлинскому. Оказалось, что там, перед гонгом, сидел Манулов. Поручавшийся за вступающего в монархическую касту масонов-мистиков, а поэтому отвечавший за гладкость процедуры, он вмешался вовремя.

— Провидение великого мученика святого Гамлета Российского, — торжественно произнес Манулов, и Вредлинский узнал его по голосу, — поистине безгранично. Оно выбрало претендента на звание хранителя священного барабана достойного кандидата. Именно под восьмым номером в списках нашего высшего совета значится эта почетнейшая должность. В ночь с тринадцатого на четырнадцатое января грядущего года состоится рассмотрение этого вопроса, и, бог даст, нашему новому брату снова выпадет удача. Почетная удача! Ведь барабан был одним из любимейших музыкальных инструментов нашего незабвенного императора. В детские годы, обучаясь в лицее, он настоял, чтобы его назначили не старостой класса, а барабанщиком. И позже, будучи государем, любил пройтись на войсковом смотре в той или иной роте его императорского величества имени впереди шеренг с барабаном на груди.

— Помните об этом, мой друг! — еще более возвысил басовитый зычный голос Манулов, резко повернувшись к Вредлинскому. — А теперь зачитайте священную цитату с самого

начала и полностью, ничего не пропуская.

От этого замечания Вредлинский еще больше занервничал. Лицо стало мокрым от пота, в глазах защипало. Его, пожилого и уважаемого человека, заставляют повторять чтение, будто первоклашку, допустившего ошибку!

К тому же в голову вдруг полезло то, что в данный момент вроде бы не имело первостепенного значения.

Ему никак не удавалось вспомнить еще одно условие, с которым его знакомил накануне собрания Манулов. Выбор цитаты определял сумму первоначального взноса в кассу братства. Пашка сказал, что он будет зависеть от датировки цитаты. Но вот от каких цифр — года, месяца или числа — не упомянул. А может, и упомянул, но Вредлинский пропустил это мимо ушей. В голове вертелось лишь то, что к обозначенной в цитате цифре нужно прибавить условно три нуля. Вот почему, лихорадочно подсчитав в уме, во что ему может вылиться первое же соприкосновение с могучим тайным обществом, он при чтении даты пропустил цифру, обозначающую год. Хотя прекрасно понимал, что эта детская уловка ничегошеньки не изменит.

Ведь если сумма взноса считается от года, то есть от числа 1916, то с прибавлением трех нулей получится 1 916 000! Почти два миллиона! Если даже это взнос в рублях, то у него и двух третей этой суммы не наберется. Придется «Мерседес» продать...

Вспомнилось и то, что в конце «инструктажа» Манулов дал ему подписать некие бумаги. Точнее, целую папку из более чем 30 страниц, отпечатанных мелким шрифтом на лазерном принтере.

По словам Манулова, это был некий конфиденциальный пакет документов, который в обязательном порядке подписывали все вступающие в братство. Почти все документы были на английском языке, поэтому плохо владеющий им Вредлинский просидел бы до утра, если б вздумал все прочесть и перевести хотя бы лично для себя. Поэтому он, прекрасно понимая, что, возможно, делает большую глупость, поставил-таки свои закорючки на всех этих листах. И только потом очень робко поинтересовался, что именно подписал.

— Ну, допустим, что ты мне душу продал! — нагло оскалился Пашка. — Устроит такое объяснение?

— Не шути так, пожалуйста! — пробормотал Вредлинский. — Я человек верующий...

— Не смейся мою задницу! Он верующий! То, что ты крестился в ознаменование 1000-летия крещения Руси, мне уже известно. Но это же не твоя вера. Твой папа поляк, и следовательно, католик, а мама хоть и записана русской, на три четверти еврейка. Твое место в костеле или в синагоге, но никак не в православном храме. К тому же и там ты бываешь от случая к случаю... Но все это — мелочи жизни. Насчет продажи души я действительно шучу.

— Ну и что же я подписал на самом деле?

— Не будь ты, Эмиль, Емелей-дураком! — иронично, но необычно сурово заметил Манулов, пряча только что подписанные документы в сейф. — По этим бумагам ты будешь числиться владельцем некоторой собственности в Штатах и ряде других стран. Помнишь, я говорил о сложностях с налогообложением? Каким-то людям, которых ты сто лет в глаза не видал, не хочется платить слишком много. Поэтому эти люди решили фиктивно поделиться с тобой, чтобы платить минимальные суммы налогов. Естественно, что тебе со всей этой фигни тоже будет кое-что капать. Как видишь, я с тобой очень откровенен. Но это накладывает на тебя очень серьезные обязательства. С этой минуты не говори ничего лишнего, а главное — не делай ничего против нас. Мы сильны единством и предателей не прощаем.

«Так по году, по месяцу или по дню? А может, по сумме этих цифр? Или как? — снова принялся за нервные мысленные расчеты Вредлинский. — Если по году, то ни фига себе! Около двух миллионов!..»

С трудом отогнав эти совершенно ненужные мысли, он попытался продолжить чтение.

— «Тысяча девятьсот шестнадцатый год. Восьмое октября. Суббота...» отрывисто прохрипел Вредлинский, начисто потеряв всю привычную певучесть и звонкость речи... И снова осекся.

Его обескуражило совпадение месяца и числа дневниковой записи с сегодняшней датой. «Опять восьмое октября! — Вредлинский испытал настоящий суеверный страх. — Правда, нынче пятница, не суббота. Но все равно, все равно!..»

Просто роковое совпадение! Написано, что Алике после завтрака поехала на прогулку, а автор цитаты прошелся с детьми по шоссе. Разве не так поступил он, Вредлинский, прихватив с собой по пути к Манулову сына и дочку? И это произошло после того, как его жена, тезка царицы, Александра, ушла к подруге. Именно вдоль шоссе прошелся нынешний кандидат в масоны-монархисты со своими чадами, которые проводили его до надземного «стеклянного» мостика-перехода.

Или такое: «...Поехали пить чай к дяде Павлу; у него очень хороший домик...» Навряд ли у Манулова особнячок похуже. Да и зовут голливудского эмиссара тоже Павел. Разница лишь в том, что он не дядя Эмилю Вредлинскому, а бывший однокашник по ВГИКу.

Приглядевшись к тексту, профессионал-литератор сразу заметил, что дневниковая запись приведена с купюрами.

«Интересно, что кроется за отточиями в цитате, за пропусками? — продолжал мучить себя догадками Вредлинский. -Обязательно потом сверю по царскому дневнику. Если выйду отсюда живым, конечно... Может, в этих-то пропусках и кроется роковая судьба?..»

Что же он делает?! Надо читать, а он рта открыть не в силах, голова от мыслей лопается!

Из оцепенения Вредлинского вывела резкая боль в локте, который кто-то крепко сжал сильными пальцами. Ба! Это напомнил о себе Манулов. Откуда он взялся, черт побери?! Ведь только что его голос звучал с председательского места за столом магистров. Неужели Вредлинский настолько отключился, что не сумел заметить, как он спускается с возвышения?!

— Брат наш волнуется, — извиняющимся тоном произнес Пашка из-под маски. Прошу простить его, господа магистры. Итак, еще раз, с самого начала! Пока вы полностью не озвучите священную цитату, вердикт не может быть вынесен.

Собрав всю волю в кулак, Вредлинский уже без сбоев зачитал то, что содержал своеобразный «экзаменационный билет». Когда же он произнес последние слова: «Читал у Алике, потом принял участие в игре в прятки в темном свитском вагоне», то ощутил, будто гора с плеч свалилась.

ВЕРДИКТ

Не успел Вредлинский утереть пот со лба и отдышаться, как кто-то, бесшумно подойдя сзади, набросил ему на лицо капюшон. Причем так, что прорези для глаз оказались где-то на лбу, и Эмиль Владиславович потерял способность что-либо видеть. Поэтому он не удивился, что

голос Манулова вновь послышался со стороны, где находился «президиум».

— На время совещания магистров высшего совета братства новопосвящаемый должен покинуть зал! — торжественно объявил он.

Крепкие руки вновь сцапали Вредлинского за локти. Должно быть, это были все те же «братья», что привели его сюда. Они буквально вынесли Эмиля Владиславовича обратно в коридор, закрыли дверь и поставили на колени. Да еще и лапищи на плечи положили, наверно, чтоб не сбежал. Но Вредлинский не только не собирался бежать, но даже пискнуть не решался, хотя все его существо так и протестовало против такого обращения с пожилым и заслуженным человеком.

Магистры совещались недолго — минут десять, наверное, но Эмилю Владиславовичу показалось, будто прошел час или даже два. Он уже полностью смирился с судьбой и даже размышлял, что когда-нибудь, и уже довольно скоро, все равно придется помирать. Неизвестно, будет ли естественная смерть от чего-нибудь сердечно-сосудистого или, того хуже, от рака менее мучительна, чем насильственная. Поэтому удар председательского гонга, донесшийся в коридор из зала, Вредлинский воспринял скорее с облегчением, чем с тревогой. Будь что будет, все в руках божьих!

На сей раз «братья» — Вредлинскому все время хотелось назвать их «братками»! — не стали впихивать его в зал, а довели под руки до того места, где стоял стол с открытками, и вновь установили на колени, пригнув головой к полу... Гестаповцы проклятые! Фаталистическое настроение мигом исчезло. Вдруг сейчас возьмут да и выстрелят в затылок? А потом бросят в печку, сожгут, размелют кости в порошок и удобряют клумбу во дворе особняка. Или сделают укол какой-нибудь дряни, создающей иллюзию смерти от инсульта или инфаркта... Ни один врач не усомнится в причинах смерти — возраст подходящий. За что, почему его могут убить? А хрен его знает! Просто не глянулся магистрам — и все.

Жуть, обуявшая Вредлинского в этот момент, была настолько

сильной, что он почти полностью отключился от внешнего мира и даже не обратил внимания на то, что со стороны боковых «трибун» слышится характерный негромкий шум — там появилась публика.

Еще раз прозвучал гонг, и Вредлинский услышал торжественный голос Манулова:

— Высокопочтимое братство! Высший совет магистров по воле провидения, содержащейся в священной цитате, в полном соответствии с древлеустановленными обычаями и традициями «Русского Гамлета», рассмотрел на совещании своем обращение сего господина, находящегося в центре зала. В вышеупомянутом обращении он выразил смиренное желание вступить в братство и предоставить судьбу свою в руки провидения святого великого мученика Гамлета Российского. При свершении ритуала провидение назвало сего новопосвящаемого возможным кандидатом на звание хранителя священного барабана. Однако при зачитании вслух священной цитаты новопосвящаемый дважды останавливался и лишь с третьего раза сумел прочитать ее так, как подобает. По рассуждению братьев-магистров, это обстоятельство свидетельствует, что новопосвящаемый подвержен воздействию астральных сил тьмы и не в полной мере соответствует высоким требованиям, предъявляемым к действительным членам братства. Поэтому высший совет магистров предлагает высокопочтимому братству принять данного новопосвящаемого кандидатом в действительные члены братства с правом пройти дополнительный ритуал через два дня, на следующем заседании братства. Есть ли несогласные с оглашенным вердиктом?

— Есть вопрос, — послышался незнакомый голос, — какова была последняя фраза в священной цитате?

— «Читал у Аликс, потом принял участие в игре в прятки в темном свитском вагоне», — отозвался голос Манулова.

— Bravo! — вскричало сразу несколько молодых голосов, а затем по залу раскатился смех.

— Вот как вы угодили братству своим судьбоносным выбором, господин новопосвящаемый!

— Манулов тоже ухмыльнулся и пошутил:

— Сейчас мы по телефону закажем отдельный вагон и прокатимся до Первопрестольной в электричке. Поступим так, как предписал нам наш великий покровитель!

Смех усилился, повергнув Вредлинского в удивление. У него опять появилось ощущение, что все это «масонское сборище» есть розыгрыш, точнее, хорошо поставленная клоунада, где роль «белого клоуна» — меланхолика Пьеро, которого колотят палкой, лупят по щекам и угощают пинками, — принадлежит ему, а роль «рыжего» — нахала-зубоскала Арлекина, который издевается над Пьеро для потехи почтеннейшей публики, — энергично, с фантазией и импровизацией играет Манулов.

— Итак, — разом остановил смех магистр-председатель, — к порядку, дорогие братья. Я спрашивал, возражает ли кто-нибудь против вердикта высшего совета братства? Если через минуту никто не выскажет несогласия, решение магистров будет считаться утвержденным.

На некоторое время в зале воцарилась гробовая тишина. Потом Манулов торжественно возгласил:

— Минута истекла. Решение вступило в силу! Поздравляй! вас, новопосвященный брат, и желаю успеха послезавтра, 10 октября, на дополнительном ритуале. Пока же позвольте вам вручить серебряный перстень кандидата в действительные члены клуба «Русский Гамлет». Надеюсь, что уже десятого числа, по воле провидения, вы смените его на золотой перстень действительного члена. Вручаю вам также фартук вольного каменщика и голубую маску. Всецело надеюсь, что послезавтра буду иметь честь вручить вам ритуальную шпагу с золотым эфесом, присвоенную действительным членам клуба.

Под аплодисменты братства Манулов — как он спустился с возвышения, Эмиль Владиславович опять не смог заметить — надел на средний палец левой руки Вредлинского увесистый перстень. Затем он опоясал чресла кандидата в действительные члены голубым полукруглым фартуком со звездочками и прямо поверх капюшона надел ему на голову еще и маску. После этого Вредлинский полностью перестал что-либо видеть и лишь подчинился «братьям»-конвоирам, которые под руки вывели его из зала.

На сей раз они обращались с ним заметно почтительней, но повели не к проходу, ведущему в неработающий туалет, а куда-то вправо по ответвлению коридора, о котором Вредлинский до сих пор не догадывался. Вскоре под ногами ощутились ступеньки, и Эмиль Владиславович понял, что его ведут вверх по узкой винтовой лестнице. Когда лестница кончилась, его еще немного провели по коридору, провели через какую-то дверь и относительно бережно усадили в мягкое кожаное кресло. После этого Вредлинский перестал ощущать лапы конвоиров на своих локтях, а еще через несколько секунд послышался щелчок дверного замка, и тут же зажегся свет. Вредлинский, немного помедлив, рискнул снять маску и капюшон.

Оказалось, что он находится в небольшой комнатке, где стояли два кожаных кресла и журнальный столик, а также маленький шкаф для одежды, похожий на те, в которые рабочие вешают спецовки, уходя с работы домой, только не жестяной, а деревянный, полированный. В комнате были две двери, одна напротив другой.

Освободившись от фартука и балахона, которые сковывали движения, Вредлинский подергал

обе двери — заперты. Значит, его еще не отпустили домой, и там, на даче, молодежь может спокойно продолжать свой «сейшен», «пати» или как еще по-современному называются подобные развлечения. Вероятнее всего, он просидит тут вплоть до завершения заседания. А потом сюда, верней всего, пожалует Манулов, чтобы еще раз промыть мозги кандидату в действительные члены... Сколько же эта заседаловка продлится? Между прочим, новопосвященный тоже человек, он и в туалет захотеть может!

Пока, слава богу, не хотелось. Зато неожиданно на Вредлинского напала сонливость. Должно быть, сказалось нервное напряжение. И то, что помаленьку накапливалось в последние дни и бессонные ночи, и то, что пришлось испытать сегодня. В общем, Эмиль Владиславович, откинув голову на спинку кресла, погрузился в дремоту...

КОЕ-ЧТО О МАСОНАХ-МОНАРХИСТАХ (штрихи к портрету российского масонства)

Зачинатели одного из самых таинственных среди разномастных масонских организаций орденового клуба-братства «Русский Гамлет» вели свою родословную со времен создания ордена «Орионийское посвящение», возникшего, по трактовке самих гамлетистов, в 1894 году, вскоре после смерти Александра III. Именно с Орионом — могучим в стати и крутым в делах мифологическим охотником — посвященные члены ордена сравнивали Александра-Миротворца. Вопреки официальной версии, они считали смерть императора внезапной и неестественной.

По мнению орионистов, причиной ранней смерти Александра III — он умер в возрасте 49 лет — послужило вовсе не беспробудное пьянство и развившийся на этой почве цирроз печени, а роковая паутина тайного заговора. Нити этого заговора вели не к народовольцам, с которыми царь-миротворец успешно справился, и уж конечно, не к марксистам (большевиков, меньшевиков и социал-демократов вообще в России просто еще не было).

Орионисты узрели в безвременной кончине государя мстительную руку благоверной супруги императора — царицы Марии Федоровны, в девичестве датской принцессы Дагмары-Софьи-Доротей, дочери короля Христиана IX.

Поначалу Дагмара числилась невестой великого князя Николая Александровича, старшего сына Александра II.

Нельзя сказать, что при их первом знакомстве да и после обручения Дагмара воспылала страстной любовью к тому, кого ей предназначили в мужья во имя династических интересов. Но принцесса с детства знала, что ради укрепления безопасности и авторитета маленькой Дании, на которую то и дело ра-г зевала пасть усилившаяся Пруссия, надо выходить не за того, кого любишь, а за кого папенька прикажет.

Впрочем, жених с берегов Невы показался Дагмаре не самым плохим. Умный, учтивый, хорошо образованный и галантный, настоящий европеец. Принцесса была вполне готова стать «супругой этого молодого человека».

Увы, заупокойная молитва по жениху опередила обряд венчания. «Цвел юноша вечер, а нынче умер». Не суждено было великому князю стать императором Николаем II. Судьбе было угодно, чтоб этой чести удостоился его племянник и полный тезка, сын его бывшей невесты. Ведь русско-датские отношения требовали, чтобы династический брак все же состоялся. У русского царя был второй сын, который на здоровье не жаловался. Под венец с датской принцессой пошел великий князь Александр Александрович — живой контраст старшему брату.

Взамен светской куртуазности и учтивости Дагмара приобрела в образе мужа настоящего русского медведя, гвардейскую силу, солдатскую грубость и простоту нравов. Став царем, Александр III даже из военной формы вышиб вольнодумный европейский дух, нарядив

солдат и офицеров «а-ля мужик», то есть в барашковые шапки, рубахи навыпуск с кушаками и широкие шаровары, заправленные в смазные сапоги-гармошки.

Новокрещеная Мария Феодоровна не скрывала своего страха перед мужем и неприязни к нему. Из придворных кругов ползли сплетни, что государь-де иной раз, пребывая во хмелю, поколачивал благоверную государыню, невзирая на ее тонкое европейское воспитание. И тогда, когда он долгие годы (до 36 лет) состоял «переростком»-наследником, и когда прослыл сильным самодержцем не только в России, но и в Европе. В годы его правления ни одна держава, даже могучая Британская империя во главе с королевой Викторией, хитроумными премьер-министрами Гладстоном и Дизраэли, не рисковала разговаривать с Россией с позиции силы. И ни одной крупной войны на территории Европы ни в 80-х, ни в 90-х годах XIX века не произошло. Потому что все охотники помахать кулаками и изменить существующие границы сразу же остужали пыл, когда задавали себе вопрос: а какова будет реакция России? Именно Александру III принадлежат уничижительные для Запада слова: «Европа может подождать, пока русский царь почивает...» Россия Александра III по международному авторитету и уважительному страху, который она внушала своей мощью всему миру, вполне сравнима с СССР времен Брежнева.

И вот в 1894 году царя-миротворца не стало. На троне оказался сын Марии Феодоровны, Николай II. Полный тезка своего покойного дядюшки, так и не связавшего судьбу с принцессой Дагмарой. Тоже вполне европеец по воспитанию, характеру и галантности, обожавший своих многочисленных дочек и единственного, безнадежно больного сына. Но он-то вошел в историю как Николай Кровавый. Его царствование началось с Ходынки, когда несколько сот человек передавили друг друга на торжествах по случаю коронации, а кончилось Февральской революцией и гибелью 300-летней династии. На правление Николая II пришелся карательный Китайский поход 1900 года, когда восемь сильнейших держав мира с беспримерной жестокостью подавили народное восстание, бездарно проигранная русско-японская война, когда цусимский разгром и череда поражений в Маньчжурии втоптали в грязь веками нажитую славу русского оружия, «Кровавое воскресенье», резня на Пресне, «столыпинские галстуки», Ленский расстрел и, наконец, Первая мировая, когда «немец бил патронами, а мы его — иконами». В общем, сын удался не в отца...

Орионисты не сомневались в том, что Мария Федоровна повинна в безвременной кончине царя-великана Александра III, подобно тому как мстительная древнегреческая богиня Артемида в гибели гиганта-охотника Ориона. Узкий круг устроителей ордена представлял собой, по сути дела, тайный следственный комитет по сбору информации о насильственном устранении с престола и из жизни своего кумира. Под видом изучения мистической литературы и спиритических опытов к этой строго законспирированной работе привлекались надежные люди, причем только те, кто мог бы располагать соответствующими сведениями. Зачастую новые члены, приближенные ко двору и царской семье, даже не подозревали об истинных целях общества, в которое вовлеклись, являясь вместе с тем ценными осведомителями о закулисных интригах вдовствующей императрицы Марии Федоровны и ее коронованного сына.

Деятельность орионистов так и осталась за семью печатями. Да и об их существовании мало кто знал. Даже спецслужбы. Сперва царские, потом советские. И лишь в апреле 1940 года в секретных архивах НКВД появились в официальном изложении первые записи о западнике для последнего российского царя.

В те дни подвергся аресту член верховного капитула, а точнее — руководства масонского ордена розенкрейцеров и гроссмейстер родственного братства розенкрейцеров-махиноистов Вячеслав Викторович Белюстин. Он-то после нескольких допросов, уточняя вехи своей непростой биографии, сообщил о тайном элитном обществе, угрозу от которого явственно ощущал подозрительный и мнительный Николай II и на след которого так и не смогли напасть многочисленные филеры Охранного отделения и Отдельного корпуса жандармов.

Белюстин был сыном сенатора. Потому-то еще в лицейские годы его приняли в существовавший при царском дворе масонский орден «Орионийское посвящение». Произошло это в 1916 году после проверки-стажировки в Русском мистическом обществе. Оно, можно сказать, являлось легальным филиалом подпольного ордена. Точно так, как оказывали услуги орио-нистам завсегдатаи религиозно-мистического кружка царской супруги Алике-Александры или спириты, вертевшие при свечах столы и вызывавшие души великих усопших под неусыпным оком великого князя Николая Николаевича и сестер-черногорок великих княжон Милицы и Анастасии. Не исключено-, что эта троица совместно с великим князем Александром Михайловичем и входила в число организаторов «Орионийского посвящения». По крайней мере, козней от них Николаю II учинилось немало.

По всей видимости, советского чекиста-следователя подобные детали не совсем интересовали, поскольку в протоколе допроса нашло отражение лишь название тайного ордена, а также пометка о том, что в него входили члены царской семьи, придворная знать и гвардейское офицерство.

В 1918 году, спешно убегая от Советской власти вместе со своей крестной мамой во масонстве Аделиной Шлейфер, юный сенаторский сын оказался в Крыму. В апреле 1920 года он вошел в состав белого врангелевского правительства, сменившего на мятежном полуострове деникинский режим. Служил Белюстин в Министерстве финансов и торговли, помогая чиновникам ведомства в общении с иностранными эмиссарами. Там же сошелся с профессиональным английским разведчиком, носившим русскую фамилию — Брюхатов. Его агентами и осведомителями значились сплошь и рядом офицеры штаба и правительственные воротилы, потерявшие, подобно Белюстину, чувство реальности и долга в чрезмерных увлечениях мистикой. Не миновала эта позорная и горькая участь бывшего ориониста. Он снабжал Брюхатова различной информацией, которую черпал в разговорах с коллегами по министерству и знакомыми офицерами.

Когда в Крым вошли части Красной Армии, Белюстин не сумел уйти с остатками врангелевских войск. В конце концов оказался под арестом. Отсидка, однако, длилась всего десять дней и кончилась, как ни удивительно, не расстрелом, а освобождением.

Оказавшись на свободе, блудный сын русского сенатора и бездумный почитатель греческого мифического героя, пригретый белой властью и помилованный красной, не торопился пристать к какому-нибудь берегу. Продолжал плыть по течению темной реки оккультизма. Тогда-то состоялось его знакомство с членами верховного капитула ордена масонов-розенкрейцеров Шмаковым и Мусатовым, а также руководителем братства Эмеш Редевинус Тегером.

Когда спустя двадцать лет, в 1940 году, он давал показания на допросе и следователь обронил фразу о жидо-масонах, поднатеревший в этих делах Белюстин рассмеялся чекисту в лицо.

— Жидо-масоны! — передразнил он. — Чушь собачья! А вы знаете, кто были мои первые учителя в масонстве? Вот Шмаков. Мало того, что его отец являлся известным черносотенцем, организатором нескольких еврейских погромов. Сынок-то, кроме увлечения масонством, возглавлял черносотенский студенческий союз. А кто бы смог уличить немца Тегера в симпатиях к жидовству? До двадцать второго года он имел германское подданство. Потом принял российское гражданство. Пардон советское. В течение десяти лет, вплоть до ареста в тридцать седьмом, вел в СССР активную пропаганду фашистских идей. Надеюсь, я сумел развеять ваши заблуждения?..

Даже в арестантской камере он выдерживал стержневую потаенную линию масонства — приобщаться к властным структурам, подчинять их своему влиянию, а поэтому вел хитроумную разъяснительную работу среди чекистов. Добился того, что прочитал

следователям целую лекцию о своем ордене, пытаюсь отвести от него всяческие подозрения в противостоянии новой власти. Говорил о безобидности его братьев-розенкрейцеров, занимавшихся только внутриорганизационной религиозной деятельностью, о том, что бытует извращенное мнение относительно названия ордена. Дескать, оно утвердилось по имени некоего воинственного и не очень-то просвещенного голландца Христиана Розенкранца.

— Не тут-то было, господа хорошие! — возмущался Белюстин, ; витийствуя перед слушателями-чекистами. И сразу же уточнял:

— Это я к ним, зарубежным талмудистам, обращаюсь. Может, у них там, в их загнивающим мире, и почитают за авторитеты сомнительные личности. Мы же, советские розенкрейцеры, считаем, что название наше нашло свое отражение и свой истинный смысл в эмблеме. Роза и крест! Вот что начертано в нашей эмблеме. Роза и крест! А это-любовь и покорность, любовь и послушание. Любовь к отечеству и покорность власти...

На подобные самостоятельные трактовки Белюстин имел в то время довольно широкие полномочия от собратьев по ордену. После того как в середине двадцатых годов Мусатов и Шмаков эмигрировали из СССР, он стал играть в ордене ведущую роль. А в 1926 году самолично создал и возглавил новую организацию розенкрейцеров-махиноистов.

Надо сказать, что ВЧК-ОГПУ в первые годы Советской власти масонов особо не трогали. Без них работы хватало. Кадеты, эсеры, монархисты, анархисты, националисты, наконец, обыкновенные уголовники, которые подводили под свои грабежи и убийства какую-нибудь идейно-теоретическую базу. Вся эта публика в годы Гражданской войны в той или иной степени была причастна к террору, диверсиям, шпионажу в пользу белых или интервентов, наконец, к организации мятежей и восстаний. Там все было понятно и просто: или ты их сегодня расстреляешь, или завтра они тебя убьют из-за угла. Попы и прочие служители культа тоже представлялись опасными, тем более что в большинстве своем, увы, не к смирению звали, а лезли в политику, вели прямую агитацию против Советов и коммунистов, наконец, даже пулеметы по алтарям прятали. А тогда уж тоже не до Христовых заповедей и не до всепрощения: ставь косматого к стенке — и вся недолга!

На этом лихом фоне масоны, всяческие там мистики и спиритуалисты казались просто придурками, которые в те дикие, сумасшедшие годы ушли от жуткой реальности в выдуманный эфемерный мир, где нет ничего, кроме пустопорожнего словоблудия. Они ведь каких-то массовых сборищ не устраивали — собирались кружками человек по пять-шесть, говорили какие-то малопонятные слова, вертели блюдца, вызывали духов, задавали им дурацкие вопросы... Смех один!

К тому же не надо забывать, что среди большевиков, особенно вышедших из интеллигентской или даже дворянской среды, было немало тех, кто в той или иной мере был знаком с масонством, так сказать, изнутри. Конечно, утверждать, будто Великая Октябрьская социалистическая революция была реализацией жидомасонского заговора, могут только господа с психическими расстройствами или те, кто, наоборот, считает всех россиян идиотами. Но тем не менее немало будущих большевиков, прежде чем прийти к марксизму, проходили какой-то путь исканий, сомнений, и этот путь зачастую приводил их в масонские ложи, братства или кружки. Как правило, эти контакты были недолгими и непрочными. Есть более-менее достоверные данные об участии в масонских организациях Л.Д.Троцкого, А.В.Луначарского, Ф.Э.Дзержинского, Г.В.Чичерина и А.М.Коллонтай. Возможно, что и это обстоятельство — неглубокое и поверхностное личное знакомство коммунистов с масонством послужило причиной того, что долгое время деятельность масонов считалась безобидным чудачеством.

Возвращаясь к Белюстину, стоит заметить, что он и до 1940 года неоднократно арестовывался, но всякий раз до суда дело не доходило. Обнаружить какую-то политическую

составляющую в его деятельности не удавалось, к тому же гроссмейстер розенкрейцеров клялся и божился, что никакого антисоветизма он не допустит, а если таковой начнет проявляться, то он своевременно проинформирует органы. Чекисты, поведшие с Белюстиным непростую игру, тоже оказались не лыком шиты. Противостояние карательных органов и тщательно законспирированной тайной политической организации, поставившей своей главной целью восстановление в России монархии с опорой на западное масонство, длилось около десяти лет.

В 1933 году члены братства, а точнее смешанного сообщества, были арестованы. Правда, вожак розенкрейцеров после двухмесячного содержания под арестом был освобожден. Подельникам Белюстина, в первую очередь из числа сестер-послушниц, было объявлено, что гроссмейстер считает всех своих сообщниц никчемными интриганками (это, кстати, соответствовало действительности), не способными ни на серьезное просветительство, ни тем более на политическую борьбу. Он, дескать, вне себя от того, что связался с таким несерьезным человеком, и прекращает всякую подпольную деятельность.

Ставка делалась на женскую амбицию. Расчет оказался верным. Некоторые сестры клюнули на чекистскую наживку.

— В мире существуют две враждебные, диаметрально противоположные силы! истерически выкрикивала арестантка Беринг, сильно обиженная на своего гроссмейстера. — Светлая и темная! Светлая — добро! Темная — зло!

Немного поостыв, она добавила фразу, которую от нее ждали чекисты:

— В астральном плане светлая сила, к которой принадлежит орден розенкрейцеров, ведет борьбу с темной силой. А таковой в данное время является Советская власть.

Гражданку Беринг поддержала ее духовная сестра Акулова:

— Наш орден является сторонником монархии. Острие своей борьбы он направляет против Советской власти, против марксизма, — заявила она с нескрываемым высокомерием. — А своему служке Белюстину передайте, что это он ничтожество. Если он от нас отказался, то и нам наплевать на него.

Признание — царица доказательств...

Несколько лет Белюстина держали на свободе, ведя за ним слежку. Долгое время он вел себя осторожно и лишь в начале 1940 года стал проявлять прежнюю активность, формировать новую организацию. Вот тут-то его и взяли — видимо, он выработал свой ресурс, как приманка для промонархических элементов. К тому же главным противником НКВД в 40-х годах стали отнюдь не монархисты, а гитлеровские спецслужбы. Розенкрейцерам в этой жестокой схватке места уже не нашлось.

Братство «Русского Гамлета» немало переняло от розенкрейцеров, учло их провальный опыт. По крайней мере, «гамлетисты» постарались не допускать в свои ряды дам, как персон излишне эмоциональных, амбициозных и не умеющих держать язык за зубами. Хотя, конечно, само по себе это еще не гарантировало полной конфиденциальности.

НЕПРИЯТНОСТИ

Вредлинский вышел из сонного состояния от того, что его крепко и бесцеремонно трянули за плечо. Нервно дернувшись и испуганно распахнув глаза, он увидел, что над ним нависает

массивная фигура Манулова.

— С добрым утром! — осклабился Пашка. — Как почивалось новопосвященному кандидату?

— Боже мой! — всполошился Эмиль Владиславович. — Я что, и правда до утра проспал? Меня же Аля со свету сживет! Да и дети волноваться будут...

— Успокойся, Емеля, — присаживаясь в свободное кресло, недобро усмехнулся Манулов. — Ты три часа проспал всего-навсего. По моим часам сейчас 23.15.

«Он явно чем-то недоволен!» — отметил про себя Вредлинский, а вслух озабоченно произнес:

— Все равно мне надо домой позвонить, время нынче беспокойное.

— Я уже позвонил, сказал твоей Матвеевне, что ты крепко принял со мной на пару и мирно спишь в теплой постельке... — зло скривив рот, с явной издевкой сказал Пашка. — Так что раньше утра тебя дома не ждут.

— Неужели нельзя было разбудить? — попенял ему Вредлинский, уже всерьез задумываясь над тем, отчего Павел Николаевич не в духе.

— Заседание завершилось всего полчаса назад. К тому же у меня появились кое-какие проблемы, которые затрагивают и твою персону.

Эмиль Владиславович окончательно проснулся и насторожился. Теперь он видел, что Пашка не просто рассержен, а разъярен, только покамест сдерживает эмоции. Вредлинский лихорадочно прокрутил в голове все последние разговоры, встречи и события. Нет, вроде бы он нигде и никому ничего лишнего не говорил, с малознакомыми и подозрительными людьми не общался. Да и событий никаких особенных, если не считать сегодняшнего посвящения, не происходило.

— Это как-то связано с сегодняшним ритуалом? — осторожно спросил Вредлинский.

— Нет, — сердито сопя, мотнул головой Манулов, — это связано с твоей домработницей. Где она сейчас находится, ты знаешь?

Голос Манулова все еще звучал достаточно спокойно, Вредлинский сразу почуял подвох.

— Это ты про свою протезешку, Василису?

— А у тебя есть еще домработницы?! Конечно, про нее! Куда ты ее отправил, а?

— Я? Отправил? Никуда я ее не отправлял! — уже печенкой чувствуя, что нарвался на крупные неприятности, пробормотал Эмиль Владиславович. — Она сама попросила дать ей отпуск на несколько дней. К родным съездить захотела, кажется. Причем отпрашивалась не у меня, а у Али.

— Эмиль! — строго поглядев в испуганно бегающие глазки Вредлинского, произнес Павел Николаевич. — Ты со мной полностью откровенен?

— Господи, да когда ж я не был с тобой откровенен? — уже с настоящим испугом в голосе пробормотал Вредлинский. — Припомни и скажи, когда я тебе врал?

— Да, в прошлом ты не врал, — кивнул Манулов, — но это вовсе не значит, что ты и сейчас не врешь.

— Послушай, Паша, — взволнованно пролепетал Эмиль Владиславович, — может, ты

объяснишь мне, в чем дело? Ты. Меня в чем-то подозреваешь?

— Я подозреваю, что ты куда-то послал Василису, а сейчас пытаешься это скрыть.

— Паша, ты же сам рекомендовал мне эту девицу, — в полном недоумении захлопал глазами Эмиль Владиславович. — Подумай логически! Если я, допустим, затеял какую-то авантюру против тебя, то зачем мне поручать ее твоей креатуре? В конце концов, я не семилетний мальчик, и мне с самого начала было ясно, что Василиса и Стас — это твои глаза и уши в моем доме. Нечто вроде военных атташе при посольствах, которые являются, так сказать, «легальными шпионами».

— То, что ты говоришь, выглядит убедительно, — кивнул Манулов, — но это-то как раз меня и смущает. Смотрится как «домашняя заготовка», понимаешь? Не нравишься ты мне, Емеля, ох, не нравишься...

Вредлинский почуял прямо-таки смертный холод. Ужасный тип этот Пашка! Какой он, к черту, продюсер и масон?! Бандит, мафиози, гангстер настоящий...

— Паша! Сейчас ты похож на следователя НКВД, которому дали план по врагам народа! — возопил Вредлинский. — Остается только пригласить костоломов, чтоб они выбили из меня признание в сотрудничестве с немецкой, японской и котт-дивуарской разведками! Конечно, если меня ударить по почкам, я сознаюсь даже в том, что работал на Сьерра-Леоне. Но в НКВД выполняли план, а ты, насколько я понимаю, хочешь знать правду.

— Да, очень хочу. Потому что получил чрезвычайно неприятные известия. То, что произошло, может поставить под удар и меня, и все братство, и все перспективы, которые здесь открывались... Хорошо, допустим, я тебе поверил. Припомни, может быть, Василисе кто-то звонил в последние дни? Или, может быть, приезжал к вам на дачу, разговаривал с ней о чем-то?

— Я лично ничего такого за последние дни не припомню. По крайней мере, в те дни, когда я находился на даче, к Василисе никто не приезжал. Насчет звонков — не знаю. Она довольно часто подходит к телефону, но, как правило, долго не треплется. А сама, по-моему, никуда не звонила. Но учти, я не сижу все время на даче — это раз, мне никто не давал указаний смотреть за служанкой и подслушивать, о чем она говорит по телефону, — это два. Наконец, Василиса у нас не на цепи сидела — это три. Ходила за продуктами, ездила в город. Что она там делала и с кем встречалась — я не знаю.

— Молодец, Емеля, классно защищаешься! — иронически похвалил Манулов. — Из тебя бы получился прекрасный адвокат. Наверняка у твоего Вадима генетическая предрасположенность к этой профессии. Жаль, что ты так неправильно себя реализовал. Писатель из тебя вышел так себе, а юрист был бы блестящий!

— Может, ты перестанешь надо мной измываться? Между прочим, ты меня на два года моложе, мог бы иметь какое-то уважение к возрасту.

— Зачем ты нервничаешь, Миля-Емеля? Я же с тобой говорю по-дружески!

— Когда говорят по-дружески, — несколько успокоившись, произнес Вредлинский, — то не давят на психику, не пугают всякими ужасами, а главное, более-менее откровенно объясняют ситуацию. Что ты мне сказал? Ничего. Василиса уехала и еще не вернулась — это я и сам знал. С чего ты взял, будто я мог ее куда-то послать, — непонятно.

— Хорошо. Сегодня вечером, еще во время заседания, мне сообщили, что Василиса находится, будем выражаться абстрактно, «в губернском городе N.». С ней там произошло несколько больших и мелких неприятностей, о которых я пока позволю себе умолчать. Но о

самой главной неприятности могу сказать. Василиса назначила встречу одному очень полезному для меня и всех нас человеку. Человек этот на встречу пришел, но вместо Василисы его ждали киллеры. Теперь его нет, и одна весьма перспективная программа, которую я намечал реализовать в этом городе, поставлена под угрозу срыва.

— Все это очень печально, но при чем здесь я? — пожал плечами Вредлинский.

— Я абсолютно не в курсе твоих коммерческих дел, даже в благотворительном фонде, где ты пристроил меня президентом, а точнее, зиц-председателем, грубо выражаясь, ни хрена не смыслю. Откуда мне знать, какие у тебя были программы в «губернском городе N.»? Я даже не знаю, какой город ты под этим «N.» подразумеваешь!

— Я давал тебе свою визитную карточку? — перебив тираду Вредлинского, резко спросил Манулов. — Я говорил тебе, что ее надо беречь пуще ока?

— Да, конечно, — удивленно ответил Эмиль Владиславович. — При чем здесь это?

— При том, что именно твоя визитка каким-то образом попала к Василисе.

«Вот оно что!» Вредлинский вспомнил разговор, состоявшийся ровно год назад, и предупреждение Манулова: «Береги как зеницу ока. Посеешь где-нибудь второй не получишь».

— Неужели это так серьезно? — пролепетал он упавшим голосом.

— Это очень серьезно! Почти как утрата партбилета! — саркастически оскалился Манулов. — Где она у тебя лежала?!

— В столе... Послушай, а ты уверен, что это именно моя карточка? Ты ведь, наверно, не один десяток таких раздал?

— Емеля, — произнес Пашка тоном умудренного опытом старца, наставляющего молодого тупицу, — если говорю, что она твоя, значит, она твоя, и ничья больше. Все эти карточки имеют номера, которые при обычном свете не видны, но высвечиваются на инфракрасном детекторе. И у меня в компьютере есть полный список всех, кто имеет эти карточки. Значит, ты держал ее в письменном столе и даже не запирали на ключ?!

— Я не предполагал, что кто-нибудь может ее стащить... — расстроено пробормотал Вредлинский. — У меня в том же ящике стола еще штук тридцать визиток лежит. В резной коробочке, я их на ребра поставил, как в картотеке, по алфавиту. Эта на вид ничем не выделяется...

— Вот это-то меня и смущает, дорогой мой! — прорычал Манулов. — Очень выгодно изобразить из себя лоха: дескать, положил в стол, решил, что и так сойдет, а стерва-горничная, подосланная врагами народа, стырила! Милая версия, очень удачная! Но только одно плохо сходится. Я лично не говорил Василисе, что эта карточка может, условно говоря, «двери открывать». Она вообще об этой карточке ничего не знала и не должна была знать. А вот ты, сукин сын, знал! На кого я еще могу подумать, кроме тебя?

— Не знаю! — простонал Вредлинский голосом умирающего Пьеро. — Ты сам рекомендовал мне принять эту девку, я у тебя ее не просил! Значит, ты сам плохо работаешь со своими кадрами, и нечего удивляться, что их перевербовывают.

— Опять хорошо придумано! — явно сдерживая себя, чтоб не врезать Вредлинскому по морде, заметил Манулов. — Но позволь мне и свое мнение изложить! А оно такое, что ты эту дуру послал в «город N.» специально, чтоб нас всех подставить! Не знаю, кто тебе это заказал, но только у меня есть чем это доказать.

Пашка выдернул из-под пиджака маленький диктофончик, положил на стол и включил воспроизведение. Должно быть, запись была запущена не с самого начала, потому что сперва прозвучал малопонятный обрывок фразы, произнесенной Василисой, при ответе на предыдущий вопрос, а дальше зазвучали слова, самым непосредственным образом касавшиеся Вредлинского:

«— Так, хорошо, — произнес незнакомый голос. — Значит, хозяин, у которого вы трудились служанкой, предложил вам немного подработать?»

— Да, — отозвалась Василиса, и ее голос Вредлинский узнал тут же, — Эмиль Владиславович сказал, что я могу сверх зарплаты получить пятьсот баксов. Ну, я, конечно, подумала сначала, что он на это самое намекает... В смысле, чтоб я его ублажила как-то. А он говорит: «Ты не беспокойся, ничего похабного делать не придется. Просто надо съездить в один город, позвонить по телефону, который я тебе дам, попросить Евсеева Бориса Витальевича и сказать, что, мол, я из Москвы, от Павла Николаевича. После этого он назначит тебе встречу. Ты пойдешь туда и покажешь ему эту визитную карточку. Тогда он тебе передаст для меня маленькую посылочку с лекарством. Положишь ее в сумочку, привезешь мне и получишь пятьсот баксов...»

Манулов выключил запись, а Вредлинский возмущенно заорал:

— Это оговор! Никуда я ее не посылал! Эта шлюха врет самым наглým образом! Никаких лекарств я не заказывал и, кто такой Евсеев, знать не знаю!

— Молчать! — рявкнул Манулов. — Не визжи, как свинья! Говоришь, что ты Евсеева не знал? Смотри сюда!

И Пашка выложил на стол немного помятую цветную фотографию, на которой Вредлинский с ужасом увидел самого себя в обществе двух представительных господ, поднимавших бокалы на каком-то фуршете. Более того, Эмиль Владиславович почти тут же понял, что это не монтаж, а фотография с натуры, и даже припомнил, где она сделана, по некоторым деталям интерьера.

— Вот он, Евсеев Борис Витальевич! — Манулов с яростью ткнул пальцем в более молодого господина, стоявшего в три четверти к Вредлинскому. — А вот этот — постарше — бывший «смотрящий» по тамошней области! То есть главный пахан, «Godfather», «крестный отец» тамошней мафии по кличке «Дядя Вова». Вор в законе! А знаешь, где и когда это снято?! В подпольном порнотеатре, куда Дядя Вова возил тебя и Евсеева в 1997 году. Оттянуться решили, мальчишки... Между прочим, эту фотографию ты дал Василисе якобы для того, чтоб она могла его узнать на месте встречи. На самом деле Василису, уже после того, как она назначила свидание Евсееву, должны были перехватить и убить, а фотография должна была послужить ориентировкой для киллеров. И все концы в воду, вот что славно! Василиса ничего не скажет, Евсеев ничего не скажет, и даже киллеры ничего не скажут, потому что их тоже убрали. Фотография-улика, естественно, уничтожается, господин Вредлинский остается чистым и честным, а вот господин Манулов, визитку которого находят рядом с трупом, попадает под внимание органов, и не МВД, а ФСБ, поскольку я американо-израильский гражданин — ЦРУ и МОССАД в одном флаконе! Даже если б мне удалось отмазаться, поскольку я ни на ЦРУ, ни на МОССАД никогда не работал, да и причастность к убийству доказать почти невозможно, — все мои дела в этой области летят к черту. А я, между прочим, под эти дела взял большой кредит. Меня даже убивать не надо — я становлюсь банкротом и иду на свалку бутылки собирать, чтоб не подохнуть с голоду, понял?!

У Вредлинского участился пульс, он почуял, что, даже если разъяренный Пашка его не убьет, есть хороший шанс помереть от инфаркта.

Впрочем, Манулов, как видно, вспомнил что-то очень важное. На его лице отразилась

какая-то злая досада, он даже зубами скрипнул. Хотя Вредлинский и был сильно напуган, да и вообще не умел достаточно точно определять настроение людей по выражению лиц, на сей раз, он, кажется, угадал верно. Похоже, несмотря на полную убежденность Пашки в том, что Вредлинский играет против него, убивать бывшего однокашника он не собирался. Точнее, он сделал бы это с превеликим удовольствием, но ему мешало некое серьезное препятствие. Какое — Вредлинский не знал, но, как видно, покамест он нужен был Манулову живым и только живым.

— Паша, — пробормотал Эмиль Владиславович, решив еще раз выступить в свою защиту, — я ни в чем не виноват! Все это провокация, большая подстава! Ну скажи на милость, на кой черт мне, всецело зависящему от тебя человеку, строить какие-то козни и пакости? Если ты разоришься или погибнешь, я свалюсь на самое дно! Сейчас кругом не люди, а волки. Матерые и клыкастые загрызают старых и беззубых. А я даже не волк, я старый и облезлый пудель. Единственное, что мне сейчас надо, — это мягкая подстилка на полу у камина! Неужели ты можешь поверить в то, что на старости лет я мог ринуться в авантюры?

Заискивающий лепет Вредлинского на сей раз попал в точку. Манулов явно поостыл и сообразил, что несколько переоценивает возможности старого приятеля. Да, он гораздо больше похож на неврастеника, чем на заговорщика-авантюриста. Скорее всего его тоже подставили, и может быть, именно в расчете на то, что Манулов, получив в руки умело подобранные факты, тут же с ним и разделается. Но тогда выходит, что люди, на которых Павел Николаевич пытался опереться в губернии, — это враги? Бог ты мой, что это за страна! Кому тут можно верить? Впрочем, чего было еще ожидать? Это те, калифорнийские боссы, которые его сюда намылили, наивно полагают, будто тут можно делать дела. Была бы Пашкина воля он бы держался от России подальше. Но кредиты и впрямь надо возвращать — иначе все, что нажито в Штатах за 20 с лишним лет, пойдет прахом. Манулов играет ва-банк!

— Ладно, старик, — огонь ярости в глазах Пашки погас, и голос стал неожиданно мягким. — На волка ты точно мало похож, да и на шибко хитрого лиса тоже. Не твоя это стезя — хищничать. Извини, что погорячился. Просто уж очень все красиво против тебя разложили... Похоже, нас и впрямь кто-то поссорить хочет... Подумай хорошенько, пройдишь мысленно по всем коллегам, друзьям-знакомым, вспомни, где и кто на тебя плохо смотрел или хотя бы искоса. Не сейчас, дома. Если что-то вспомнишь, пусть самое незначительное,

— сообщи мне. И лучше не по телефону, ладно?! Уговорились?!

— Разумеется! — повеселел Вредлинский. — Могу, в свою очередь, посоветовать кое-что. Припомни получше, откуда у тебя взялась эта Василиса? Ведь она наверняка не сама придумала то вранье, которое записано на пленке...

— Учту твоё пожелание, хорошо, что подсказал, — кивнул Манулов, который, конечно, додумался до этой версии гораздо раньше Вредлинского. — Да! Я ведь за всей этой болтовней позабыл кое-что сказать. По поводу твоего членства в нашем братстве. Я — твой брат-наставник, так что тебе оказана великая честь. О том, что ты должен мне повиноваться, напоминать не буду. Моя же обязанность состоит в том, чтоб знакомить тебя с нашими обычаями и традициями, ритуалами, обрядами и правилами поведения. На следующее заседание, то есть послезавтра, 10 октября, тебе уже не придется проходить через сортир. Войдешь через главный вход, покажешь охраннику свой серебряный перстень, и он пропустит тебя на второй этаж. Там будет еще один секьюрити, у входа в коридор. Пройдешь по коридору направо, свернешь за угол и доберешься до двери с номером 35. Дверь запирается на кодовый замок. Почти такой же, как в подъездах с домофонами. На внутренней стороне кольца твоего перстня выбиты три цифры. Набираешь сперва 35, потом нажимаешь на кнопку с изображением ключика, а затем те три цифры, что на перстне. После этого попадаешь в эту самую комнатку. Это нечто вроде театральной гримуборной. Тут в шкафчике будет храниться

твоя униформа: маска и фартук, а позже, когда станешь действительным членом клуба, — ритуальная шпага и клубный пиджак. Балахон больше не понадобится. Когда в магистры выбьешься парик и мантию сюда пристроишь.

— А вступительный взнос? — припомнил Вредлинский. На посвящении этот вопрос его сильно беспокоил, потом, когда речь пошла о жизни и смерти, он об этом резко позабыл, но теперь вновь припомнил.

— Поскольку сегодня восьмое, то с тебя восемь тысяч.

— Я готов! — облегченно вздохнул Вредлинский и вытащил из бумажника стопочку пятисотрублевых купюр.

— Долларов! Долларов, мой друг! — удержал его за локоть, снова причинив резкую боль, Манулов. — Мы «деревяшки» не принимаем...

— У меня столько при себе нет, — смутился Вредлинский. — Можно завтра принести?

— Конечно. Можешь и вовсе десятого заплатить, когда на заседание придешь. Брата-казначей завтра может и не быть. Только мой тебе совет: не мотайся с деньгами пешком и без охраны. И вообще, как говорили в старину, будь бдителен! Учти, возможно, что следующим ходом во всей этой игре может стать твое убийство...

Все это произошло позавчера. Сегодня календарь открыл десятый день октября, тот самый, когда Вредлинский должен был отправиться на очередное заседание «Русского Гамлета», чтобы стать полноправным членом братства. Манулов так толком и не объяснил, как это будет происходить, но, как думалось Вредлинскому, процедура будет идти по какому-то иному сценарию.

Больше всего еще накануне мероприятия Эмиль Владиславович переживал по поводу того, сумеет ли он вовремя найти деньги для уплаты вступительного взноса. В течение всего дня 9 октября Вредлинский под охраной Стаса ездил снимать свои рублевые вклады и менять их на доллары. Набрав, наконец, восемь тысяч баксов, они поехали к Манулову. Тот сам принял у Вредлинского взнос. Само собой ни о расписке, ни о какой-либо ведомости Вредлинский даже не заикался. Просто отдал эту весьма немалую для себя сумму — и все. В свою очередь, Манулов, несмотря на то, что в кабинете они сидели наедине, ни единым словом не помянул историю с Василисой и не стал справляться у Вредлинского, кого из своих коллег он может подозревать в организации подставы.

О предстоящем дополнительном ритуале Манулов и на этот раз ничего конкретного не сказал. Попросил знать наизусть тексты дневниковых записей Николая II за 8 и 10 октября 1916 года.

Вредлинский вызубрил оба текста, как актриса-дебютантка свою первую роль, хотя далось ему это нелегко. Память уже здорово ослабела, а кроме того, весьма беспокойные мысли насчет возможного исхода «дела Василисы» сильно его тревожили. Александра Матвеевна по поводу отсутствия домработницы особо не волновалась, хотя и несколько досадовала — все-таки отвыкла хозяйничать за эти месяцы. Насчет того, что Василиса вообще может больше не появиться, Эмиль Владиславович жене ничего не сообщил — решил не торопить события. В конце концов, еще неизвестно, какие решения примет его благодетель...

ОСНОВНАЯ РАБОТА

«Ниссан-Патрол», за баранкой которого восседал мощный Топорик, а на «штурманском» месте — не менее могучий Алик, проехал через ограду того самого элитного поселка, куда сутки назад «мамонты» во главе с Ляпуновым привезли Василису, бандюгана Клепу и неизвестного гражданина, которого Таран с Милкой среди бела дня похитили прямо на улице. Само собой, что и на сей раз самурайский внедорожник порулил в направлении той самой дачи-особняка, куда были доставлены пленники.

На сей раз, однако, ни капитана Ляпунова, ни Милки с Тараном в джипе не было. В салоне сидели персоны покуче— Максимов, Птицын и Колосова.

Когда Топорик вкатил тачку во двор, а затем заехал в подземный гараж и остановился, Максимов полушутливо скомандовал:

— К машине!

Тем не менее все эту команду выполнили, то есть вылезли из джипа.

— Сейчас 14.35, — объявил Кирилл Петрович, обращаясь к Топорику и Алику. Контрольное время — 17.00. К этому сроку вы должны пообедать, отмыть и дозаправить машину, покурить, оправиться и сидеть на своих местах. Кроме кухни, гаража и туалета — никаких хождений по территории дачи. О разговорах с девушками, походах за пузырями и прочем подобном вообще не напоминаю. Охрана здесь строгая и лишних слов не любит. Через ворота без моей санкции никого не пропустят, при попытке перелезть через ограждение — стреляют на поражение в область мягких тканей. Если чуть-чуть промажут и попадут туда, куда дедушка Ульянов в фильме «Ворошиловский стрелок», — не обессудьте.

— Жуть как строго! — иронически заметил Топорик.

— Разговоры! — рявкнул Птицын и строго глянул на подчиненного. — Распустил вас Ляпунов, я вижу! На «Серегу» откликается, по головке гладит и так далее. А работаете вы хреново! После того как ты, господин Топор, давеча рубанул не по тому месту, тебе надо надолго убрать язык в задницу. И сидеть тише воды ниже травы. Чтоб начальство позабыло о том, что ты напортачил. Может, тебе скучно у нас? Так прямо и скажи. Вон на той неделе областной ОМОН в Чечню отправляется. Есть желание — так я тебя в два счета устрою прикомандированным. Съездишь, разомнешься немного. Может, успеешь по второму разу Грозный штурмануть...

Топорик втянул голову в плечи. Нет, он не боялся ехать на Кавказ, тем более что зимой 1994/95 года и впрямь штурмовал Грозный. И погибнуть не боялся — семьи у него не имелось, и в плен попасть — «мамонты» живыми не сдаются, и даже покалечиться, потому что знал — при таком раскладе «мамонты» в беде не оставят. Боялся он другого — оказаться вне родного коллектива, пусть не навсегда, но перейти в чужую команду. Даже если командировка закончится благополучно и Птицын смилостивится, в течение полугода придется работать сержантом в учебной роте — восстанавливаться в звании «бойца». А то и вовсе начнут «омоновцем» называть. Жуткое оскорбление для «мамонта»!

— Виноват, товарищ полковник! — пробормотал Топорик самым покладистым тоном.

— Хорошо, хоть это понял, — бросил Птицын, в свою очередь решив, что воспитывать слишком долго не стоит. — Все указания Кирилла Петровича исполнять неукоснительно, как мои собственные. Вопросы?

— Нет вопросов! — дружно отозвались Алик и Топорик. Они остались у машины, а Максимов, Птицын и Колосова поднялись в дом.

— Ну что, сперва перекусим? — поинтересовался зам ген-директора «Кентавра», обращаясь

главным образом к Ирине, потому что Птицын был человек дисциплинированный и являлся для Максимова почти таким же подчиненным, как Топорик — для Птицына. То есть если начальник приказывал — должен был obedать, а если запрещал — сидеть голодным. А вот Ирина Михайловна — дама московская, представлявшая вышестоящую организацию. С ней в командном тоне беседовать не следовало. Для того чтоб послать Колосову на контакт в «Пигмей», Максиму пришлось испрашивать санкцию у ее московского руководства.

— Как скажете, — пожала плечами Ирина. — Если время терпит...

— Пока терпит, — кивнул Кирилл Петрович. Они поднялись на второй этаж особняка, в некую уютную комнату, отделанную по стенам дубовыми панелями, с охраняемой плечистым молодцом дверью. Будто из воздуха возникла рослая официантка в короткой юбке и передничке с кружевами, быстренько накрыла столик на три персоны, достав посуду из резного буфета с витражами из цветного стекла. Она подала хозяину и гостям меню, терпеливо дождалась, пока гости отметят там блюда, которые пожелают откусать, а затем молча удалилась, звонко цокая каблучками.

— Сервис — как в ресторане! — заметила Колосова. — И за бесплатно...

— Иной раз зарубежных гостей принимаем, — ухмыльнулся Максимов, приходится пыль в глаза пускать. В рыночную эпоху без этого нельзя — маркетинг того требует.

— Что ж, примем по 50 грамм для аппетита.

— Я — пас! — строго сказала Колосова, накрывая рюмку ладошкой. — Мне еще работать с вашим клиентом.

— Как скажете, — вздохнул Птицын, наливая из графинчика себе и Максиму. — Ну что, Кирилл Петрович? За нашу Советскую Родину?

— Не чокаясь, — предупредил Максимов. — Пусть земля ей будет пухом!

— Не рано ли схоронили? — прищурилась Ирина.

— В самый раз, — мрачно произнес Кирилл Петрович, закусывая свой невеселый тост. — Той, что была, уже не будет. Придется новую делать. Долго и упорно, как папа Карло, когда стругал Буратино. И не рубанком, а шерхебелем каким-нибудь!

— Пожалуй, для начала ее еще топориком тесать придется, — накалывая на вилку малосольную кету, заметил Генрих, всякие там сучки-корешки рубить по одному...

Появилась официантка, прикатила первое, в ее присутствии все разговоры прекратили. Когда девица уцокала за дверь, Кирилл Петрович налил себе и Генриху еще по 50 граммов, которые они опрокинули, чокнувшись, просто так, без тоста. Потом дружно стали хлебать наваристую солянку с лимоном и маслинами. Колосова ела заметно быстрее мужчин.

— Наверно, вам, Ирина Михайловна, не терпится приступить к работе? заметил Кирилл Петрович в интервале между ложками. — Мечете пищу прямо как солдатик-салабон, чтоб за двадцать минут успеть.

— Не по-женски как-то, — согласился Птицын.

— Извините, так приучилась, — проворчала Колосова. — У меня вся жизнь такая

— как на бегу. То с самолета на поезд, то с поезда на самолет. За этот год не могу припомнить, чтоб провела на одном месте хотя бы неделю.

— Интенсивно живете, — заметил командир МАМООНТа.

— Работа есть работа...

С этого момента разговоров на «производственные» темы не велось. Когда обед завершился, выкурили по сигаретке и рассказали пару приличных анекдотов. Официантка убрала посуду и быстренько удалась. Затем Максимов поглядел на часы и сказал:

— По-моему, пора, господа-товарищи. Половина четвертого.

Присутствующие встали и следом за Максимовым прошли в дальний угол столовой, к одной из дубовых панелей, ничем вроде бы не выделявшейся из общего ряда. Однако, когда Кирилл Петрович вытащил из кармана нечто похожее на электронный ключ от машины и нажал кнопку, панель сперва подалась назад, а затем отъехала вправо, открыв проход в какое-то неосвещенное помещение.

Когда все трое прошли через проход и оказались в этом помещении, Кирилл Петрович, немного пошарив по стене, нащупал тумблер. Щелк! — и дверь, замаскированная дубовой панелью, встала на место. С внутренней стороны ее закрыла еще и звукопоглощающая заслонка. Затем Максимов включил свет.

Помещение оказалось совсем небольшим, не больше четырех квадратных метров. Справа от двери, за металлической перегородкой вроде тех, что бывают в рентгенкабинетах, находилось нечто вроде пульта управления, с компьютерным монитором и клавиатурой, телефонной трубкой и несколькими панелями с кнопками и тумблерами. Слева от двери стояло кресло, напоминавшее одновременно и зубоврачебное, и электрический стул. Сходство с последним придавали висевший над креслом обруч-наголовник с подключенными к нему проводами — правда, низковольтными, соединенными в несколько толстых кабелей, а также металлические защелки на подлокотниках, спинке и подставке кресла. Защелки явно предназначались для того, чтоб фиксировать руки, ноги, туловище и даже шею того гражданина, которому выпадет судьба сидеть в этом кресле. А прямо напротив входа стоял большой стальной ящик или контейнер, выкрашенный шаровой краской, как военный корабль.

— Напоминаю, — строго произнесла Колосова, которая, судя по всему, в этой комнате становилась скорее хозяйкой, чем гостьей. — Последовательность работы со спецтехникой должна выдерживаться неукоснительно. В кабину заходим по одному, работаем за закрытой дверью, выполняем свою часть работы и выходим. Товарищ Максимов, вы первый.

Максимов вошел, закрыл за собой дверцу кабины, снял телефонную трубку на пульте управления, набрал цифры 362 и нажал кнопку.

— Девятый на связи, — отозвались из трубки.

— Ноль первый говорит, — объявил Максимов. — Подготовить объект 18 к работе.

— Принято!

После этого Максимов включил какой-то тумблер на одной из вспомогательных панелей, и кресло стало плавно опускаться куда-то под пол. Пока это происходило, Колосова нажала кнопку, запускающую компьютер. Через несколько секунд на черном экране засветилась мигающая надпись: «Your first code, please?» Под надписью в светящемся прямоугольнике мерцала черная горизонтальная черточка. Кирилл Петрович быстро набрал на клавиатуре число 630560 и нажал на клавишу ENTER. На мониторе появилась красная надпись: «First code ассерт». Продержавшись несколько секунд, надпись исчезла, а вместо нее возникла другая: «Next code, please?» Максимов вышел из кабины, и на его место в кабину зашел

Птицын. Миссия Генриха была совсем короткая. Закрыв за собой дверцу, он сразу же набрал на клавиатуре число 242212 и ввел в машину. На несколько секунд возникла надпись: «Second code accept», а затем заменилась на «Next code, please?».

Птицын вышел, и в кабину отправилась Колосова. Она тоже затворила за собой дверь и ловко настучала на клавишах третий код: 153430. Загорелась надпись: «Third code accept». Ниже ее засветился голубой прямоугольник с вопросом «OK? Are you sure?», а ниже в маленьких желтых прямоугольничках обозначились «yes» и «no». Колосова знала, что никакого четвертого кода нет, и, уверенно наведя стрелку «мыши» на «yes», дважды нажала на левую клавишу. Человек, который не знал этой маленькой хитрости, засомневался, нажал бы «no» и... мгновенно стер бы все программное обеспечение с жесткого диска.

После выбора «yes» на мониторе возникла крупная надпись «READY!». Колосова вышла из кабинки и обратилась к Максиму:

— Можете давать команду на подъем. Кирилл Петрович вновь вернулся за пульт, снял трубку и набрал 362.

— Девятый на связи.

— Я — ноль первый. Объект готов?

— Так точно.

— Начинаю подъем, — предупредил Максимов и щелкнул тумблером. Где-то под полом заурчали моторчики, на пульте загорелась красная лампочка, но Кирилл Петрович не стал дожидаться, когда кресло окончательно поднимется наверх. Он вышел из кабинки, вытянулся перед Колосовой во фронт и доложил не без иронии:

— Задание выполнено, пани генерал!

— Кирилл Петрович, Генрих Михайлович, вы свободны, — строгим голосом объявила Колосова и тоже пошутила под финиш:

— Разрешаю покурить и оправиться!

Максимов вновь отодвинул дверь, и они с Птицыным вышли из спецпомещения. Колосова закрыла ее тумблером изнутри, а это означало, что действие электронного ключа Кирилла Петровича блокируется. Теперь, если б Колосова отчего-то померла, дверь пришлось бы взрывать.

Оставшись одна, Колосова вернулась в кабинку и через узкое окошечко наблюдала за тем, как поднимается кресло. Теперь оно было не пустое. В кресле, намертво зафиксированный металлическими защелками и ошейниками, находился человек. Тот самый, которого Таран с Милкой среди бела дня затолкали в «Ниссан» поблизости от кафе-мороженого на улице Тружеников... Человек этот явно был жив, но вряд ли соображал, что с ним происходит.

На экране монитора, по-прежнему не мигая, горела надпись «READY!». Ирина Михайловна нажала на клавишу «ENTER», надпись заменилась на «GO!», внутри компьютера что-то загудело, зашуршало и даже слегка защелкало. Когда все унялось, монитор окрасился в голубой цвет и на нем возникло прямоугольное «окошко», заполненное какими-то абракадабрами из русских и латинских букв, цифр и малопонятных значков. Колосова набрала какую-то команду, и надписи внутри окошка преобразовались в более-менее понятные.

Колосова включила тумблер на вспомогательной панели, послышалось тихое жужжание моторчика, и обруч-наголовник с подключенными проводами стал плавно опускаться на

голову гражданина, зафиксированного в кресле. Второй тумблер заставил открыться крышку контейнера, стоявшего посреди комнаты. Из недр этого стального ящика поднялся какой-то странный прибор, механизм или аппарат, одновременно похожий на старинную фотокамеру, современный станковый гранатомет АГС-17, а также на космического робота из фантастических фильмов. К нему так же, как к обручу-наголовнику, уже утвердившемуся на голове похищенного гражданина, было подключено несколько кабелей, разветвлявшихся на множество низковольтных проводков. Любой человек, во всяком случае любой россиянин, мог бы с первого взгляда определить, что неведомый аппарат сделан не пришельцами из других миров или гостями из будущего, а трудом отечественных ученых, инженеров, техников, рабочих и, возможно, даже колхозников, потому что минимум одна из деталей поворотного механизма была отвинчена от старого зерноуборочного комбайна «СК-4».

Тем не менее общая неказистость таинственного прибора вовсе не означала, что он представлял собой вчерашний или позавчерашний уровень развития техники. Более того, Ирина Михайловна прекрасно знала, что подобного прибора не производят ни в одной шибко развитой и цивилизованной стране, и более того, там убеждены, что произвести его нельзя. По крайней мере, в XX веке и первой половине XXI. А он уже есть, выпущен в числе двух десятков экземпляров, безотказно работает и практически применяется. Правда, не государственными органами, а условно говоря, частной организацией. Более того, государство, как это ни парадоксально, даже не имело понятия о том, что на его территории производят нечто подобное, а Российская Академия наук объявила лженаучными даже физические принципы, лежащие в основе этого аппарата. Тем не менее аппарат существовал, действовал, а Ирина Михайловна уже в течение нескольких лет работала с такими же или более современными аппаратами в различных городах бывшего СССР.

Одной, но далеко не единственной функцией этого прибора, именовавшегося ГВЭП — генератор вихревых электромагнитных полей, — было прямое считывание информации с человеческого мозга. Вот это-то и было основной работой госпожи Колосовой...

ИНФОРМАЦИЯ

В 16.30 работа завершилась. Ирина открыла дверь в спецпомещение. Максимов зашел в кабину и дал команду тем, кто Хработал внизу, принять «объект 18» «на хранение». После того как пустое кресло было вновь поднято в спецпомещение, пульт отключили, комнату обесточили и вернулись в столовую.

— Какие будут указания? — вглядываясь в мрачноватое лицо Колосовой, почти без иронии поинтересовался Кирилл Петрович.

— Быстро подготовить СППК к работе, — ответила Ирина Михайловна. — Мне нужно срочно информировать Центр.

— А нас вы ни о чем информировать не намерены? — скромно спросил Птицын.

— Только после передачи информации Центру, в рамках его реакции на мое сообщение.

— Сурово! — вздохнул Максимов. — Работать будете, как обычно, из моего кабинета?

— Так точно, — подтвердила Ирина.

Все трое перешли в домашний кабинет Максимова, который находился на этом же этаже дачного особняка. Кирилл Петрович занял место за компьютерным терминалом и бодро

застучал по клавишам. Где-то на крыше особняка заворочалась «тарелка»-антенна, настраиваясь на нужный спутник. — Центр на связи, — доложил Максимов так, будто был сержантом-оператором.

— Спасибо! — Место Максимова заняла Ирина Михайловна, которая вынула из кармана жакета лазерный диск и вставила его в CD-ROM компьютера. Потом она ввела свой личный пароль, дождалась отзыва, который подтверждал, что на связи с ней именно те, кому положено, а затем меньше чем за минуту передала своему адресату все содержимое CD в упакованно-спрессованном виде. На экране в это время не появлялось ничего, кроме быстро удлиняющейся синей линии и периодически меняющихся цифр, отмечающих процент информации, отправленной «потребителю»: 25%, 50%, 75%, 100%.

После этого на мониторе возникла надпись: «Принято. Ждите ответа».

— И долго будем ждать? — поинтересовался Максимов.

— Это не от нас зависит, — отозвалась Ирина. — Но судя по тому, что не назначили время сеанса, — ответят оперативно.

Через пять минут СППК — спутниковый приемно-передающий комплекс — выдал на экран надпись: «Идет прием информации». Опять возникла синяя удлиняющаяся полоска с цифрами процента, но уже не переданного, а принятого текста. После того как полоска вытянулась до 100%, Ирина подала команды на распаковку и дешифровку сообщения.

— Так, — сказала она, увидев, что текст, возникший на экране, расчленился на три неравных абзаца, из которых только самый короткий, верхний, превратился в читабельный, а остальные два остались некоей абракадаброй из букв, цифр и значков. — Похоже, лично мне только вот это: «Ира, срочно вылетай в Москву. Борт от Генриха».

— Сделаем, — кивнул Птицын.

— Остальное дешифруйте сами, — Колосова встала из-за терминала, уступила место Максиму и отошла в сторону, демонстративно отвернувшись, чтоб не видеть, как Кирилл Петрович будет расшифровывать остальной текст.

Максимов уселся в кресло, нажал несколько клавиш, быстро прочитал второй абзац, который был несколько больше первого, и тут же стер его с экрана. Третий, самый большой абзац остался нерасшифрованным.

— Как видно, это для вас, сир! — саркастически произнес Кирилл Петрович, уступая место Генриху. — Прошу!

Птицелов хмыкнул, расшифровал свою часть сообщения, стер ее и поглядел на часы:

— Ну что ж, нам надо вас покидать, Кирилл Петрович. Дела торопят. Как раз до 17.00 уложились. В 18.00 идет борт до Щербинки. Успеем смотаться за вашими вещичками в гостиницу. За «девяткой» присмотрят «антаресы». Вас устроит, Ирина Михайловна?

— Вполне. Хотя в принципе можно и без спешки, с некоторым запасом по времени. Следующий борт когда?

— Следующий только в 20.30 примерно. Кроме того, там полетят офицеры из дивизии, человек пять. Нежелательно, чтоб они с вами контактировали. Лишние приметы, разговоры, вопросы...

— Глядишь, познакомиться захотят... — хмыкнула Колосова. — Ладно, вам карты в руки. Успеете, так успеете.

Через пять минут Колосова и Птицын уже сидели в «Ниссан-Патроле», а Топорик выруливал из гаража на свежий воздух.

Кирилл Петрович своих гостей не провожал. Он остался в кабинете. В то время, когда джип выкатывал наверх по пандусу, он уже отдавал кое-какие ЦУ по внутреннему телефону:

— Комплект 18-й — на утилизацию. 19-й — туда же. 20-й упаковать и вернуть поставщикам. Все ясно? Молодцы. Работайте!

Топорик до самого города гнал «Ниссан» со скоростью не ниже восьмидесяти. По улицам, правда, шел в пределах законных шестидесяти, чтоб не конфликтовать с ГИБДД, но все равно быстро. Поэтому дорога до гостиницы «Турист» заняла всего минут двадцать, не больше.

— Полчаса вам на сборы, — прикинул Птицын. — Успеете?

— Постараюсь, — буркнула Колосова, выскакивая из машины. Больше всего сейчас она боялась повстречать Ваню Муравьева. Он бы у нее точно минут пять украл. Даже если б Ирина резко его отшила.

Но обошлось, при входе стояли другие «антаресы», а Ивана поблизости не наблюдалось. Колосова быстро проскочила в лифт и стала подниматься на шестой этаж...

Теперь она знала все о том, что произошло в 511-м номере.

Гнатюк Петро Тарасович действительно не совершал суицида и не резал себе горло бритвой, запершись изнутри в совмещенном санузле своего одноместного номера.

Криминалистический дар у Муравьева был вполне приличный: он точно вычислил почти все обстоятельства этого убийства. Но самым важным было то, что убийство Гнатюка имело прямое и непосредственное отношение к той катавасии, которая вот уже несколько лет крутилась вокруг пресловутого 14-го цеха химкомбината в поселке Советский. Иначе говоря, оказалось, что и похищение Василисы с визиткой мистера Пола Н. Мэнулоффа, и смерть Евсеева, и убийство Гнатюка были тесно связаны между собой.

Правда, всерьез размышлять над этим она уже не имела времени. Да ей, строго говоря, и не положено было делать это. В ее задачу входила только добыча информации при помощи своего сверхсекретного аппарата, а не анализ фактов и уж тем более не принятие решений. Все, что она вытянула из господина Негошева — он же «объект 18» или «комплект 18», как именовал его Кирилл Петрович, — надо было записать на лазерный диск, передать в Центр и поскорее забыть. Во-первых, потому что подобные операции Ирина проводила уже многократно, в самых разных российских городах, в странах СНГ и даже в дальнем зарубежье. Даже если б она очень жаждала сохранить в памяти всю добытую информацию, то не смогла бы это сделать. А во-вторых, если б даже сотая доля этой информации, задержавшись у нее в памяти пусть и без злого умысла, а по чистой случайности, ушла не в те уши, то жизнь Колосовой прервалась бы намного быстрее, чем ей отмерил бог.

Лифт остановился, Колосова вышла из кабины и заторопилась к 611-му...

Через пятнадцать минут она со своей колесной сумкой уже загружалась в «Ниссан-Патрол», к великой радости Птицына:

— Отлично уложилась! Топорище, жми!

— Уложиться-то уложилась, — вздохнула Колосова, — только вот контору малость в расход ввела — номер-то у меня на неделю вперед был оплачен. Надо в таких случаях денежки обратно получать, а я не успела.

— Что, могут вычесть?

— Запросто. Им же не объяснишь, что гражданин начальник Птицын так торопился меня из области спровадить, что даже собраться толком не дал.

— Сами же приказали отправить срочно, ближайшим бортом, — хмыкнул Генрих.

— Насчет «ближайшего борта» в том сообщении, что пришло для меня, ничего не говорилось.

— Зато в том абзаце, который мне предназначался, говорилось.

— Я сослаться не смогу на это.

— Ладно, когда-нибудь сочтемся...

Топорик к этому моменту уже подъезжал к выезду из города.

— Немного не успеваем, товарищ полковник! — озабоченно заметил он. — Минут десять не хватает.

— Попрошу задержать на четверть часа, — проворчал Птицын. — Но больше — ни в коем случае!

— Успеем! — Топорик поддал газку.

Птицын тем временем нажимал кнопки на сотовом.

— Егор?! Здорово, это Гена. Сделай так, чтоб моя знакомая смогла успеть на московский борт. Нам еще минут 15 ехать. Ну и отлично. Спасибо!

Повернувшись к Ирине, Птицелов пояснил:

— Все нормально. Борт и так задержат. Что-то еще не погрузили.

Через КПП аэродрома «Ниссан» проехал без задержки.

— На восьмую стоянку, — подсказал Птицын Топорику. — Смотри только, еропланы не раздави... Вещь хрупкая!

— Постараюсь, — Топорик, как видно, немного рассердился на Птицына за недавнее внушение и шутки не поддержал. Тем не менее до восьмой стоянки, где уже прокручивал винты небольшой серо-голубой «Ан-26», доехали вовремя и без приключений. Птицын галантно подхватил Ирнины вещички, сопроводил Колосову до трапа, а затем передал сумки бортехнику, который понес их дальше уже внутри самолета.

«Ан-26» начал выруливать, а джип уже выкатил с аэродрома.

— На базу, товарищ полковник? — подчеркнуто официально спросил Топорик.

— Да, — отозвался Птицын. — А потом обратно сюда. Добровольцы в Москву лететь есть?

— А почему не прямо сейчас? — спросил Алик. — В женском обществе приятнее было бы.

— Потому что эта дама сама по себе, а мы сами по себе, — хмыкнул Генрих. Что же касается женского общества, то не скучай. Милочка с вами полетит. А также еще одна дама. Нежная и воздушная...

— ...Как «В-52», — договорил фразу повеселевший Топорик. — Но если добровольцем — я готов.

— Я тоже, — подтвердил Алик. — Если опять Милка, Юрка и Ляпунов за командира — запросто.

— Между прочим, там будет деликатное дело, — заметил Птицын. — Придется кое-кого прибрать, но очень тихо и без стрельбы. Причем с той стороны запросто могут стрелкнуть, и хорошим калибром.

— Надо постараться, чтоб не успели... — хмыкнул Топорик.

— Ну-ну, старайтесь... — кивнул Генрих.

МУКИ ТВОРЧЕСТВА I

Ночь накануне 10 октября Вредлинский провел на диване в своем рабочем кабинете, с пистолетом под подушкой.

То, что ничего ужасного в эту ночь не произошло, Вредлинского весьма приободрило. Да и погода поначалу обрадовала.

Поднявшись ни свет ни заря и подойдя к окну, Вредлинский любовался рассветом, проследив за тем, как яркие, но мелкие, вроде бриллиантов его дражайшей супруги, звезды медленно тают в постепенно розовеющем небе, как из-за вершин деревьев медленно всплывает красноватый солнечный диск, а свет зари плавно перетекает из розового в золотистый... Иней на траве искрился — красота! И облаков на приятно-голубом небе долгое время не показывалось.

В хорошем настроении у Вредлинского появлялось желание творить. Наскоро хлебнув крепкого чая, он уселся за компьютер и застучал по клавишам...

Из рукописи Вредлинского

Георгий-Георг был моложе Николая-Ники на три года.

Первый прослыл в семье умным, тихим, чутким. Второго считали странным. Но и Георг, и Ники, несмотря на столь явную разность в характерах, довольно часто разделяли вынужденное одиночество. Шумные детские забавы, заполнявшие комнаты и двор царских покоев и дворцов, ни того, ни другого не втягивали в свой неукротимый водоворот.

Георг любил сидеть за книгами или за спокойными играми-головоломками. Гонять по залам и закоулкам парка ему не позволяло здоровье. Он часто болел, отпугивая от себя детвору то надсадным кашлем, то кровотечениями из горла, то внезапно нападавшими на него головокружениями. «Добрый, но заразный», судачила между собой детвора дома Романовых, обегая хилого кузена стороной.

Не приглашали к играм и Ники, который ни с того ни с сего мог то замереть на месте, засмотревшись в одну точку, то из-за пустяка обидеться и надуться, то, высокомерно ухмыльнувшись, отвернуться от собеседника на полуслове.

Да он и сам сторонился шумных компаний. Возле Георгия же мог сиживать часами.

— Душка, Георг, прочитай вслух вон ту яркую книжицу! — просил Ники брата. Ты так выразительно читаешь! А еще лучше расскажи вчерашнюю сказку. У тебя так прекрасно получается говорить разными голосами!

Младший никогда не отказывал старшему в подобных просьбах, даже если чувствовал себя скверно. Он любил брата. Правда, несколько меньше, чем брата придуманного. Вернее, реального, но умершего в раннем младенчестве. Его образ сложился по рассказам маменьки. О нем в семье поговаривали, как правило, в очередную годовщину его смерти. Георг же вспоминал очень часто.

— Как жаль, что Александр не дождался нашего взросления, — с грустью делился он с Ники своим глубоким горем, употребляя маменькины или книжные выражения. — Он к этому времени столько смог бы увидеть, везде побывать. Представляешь, как интересно было бы слушать его рассказы?

Но случалось, что Ники угнетал Георгия своим странным поведением. В такие минуты он придвигался близко к братишке, тискал его до боли, горячо шептал в самое ухо:

— Георг! Душка! Какой ты миленький и славненький!.. Георг слабо вырывался, начинал плакать. Однажды братьев застала мать, императрица Мария Федоровна.

— Ники! Не мучай Георгия! — повелела она, окинув вспыхнувшего братолюбивого подростка пронзительным взглядом.

Больше ничего говорить не стала. Но в следующий раз, когда заплаканный Георг прибежал к ней и пожаловался на то, что Ники снова пристаёт и мучает его, Мария Федоровна решительно направилась к мужу.

Она знала, что за симптом одолел тринадцатилетнего наследника престола, знала, как этот симптом укротить, не ломая психику ребенка. В их Датском королевстве, где она именовалась принцессой Дагмарой, ее кузены при дворе лечились от ранней мужской «болезни» лишь мужскими средствами. Не то что в России, где в состоятельных семьях барчукам для взросления приводят белешеек или опытных в таких делах горничных. После подобных сеансов подростки то ли проявляют излишний нездоровый интерес к сестрам и даже матерям, то ли, опошлившись и развратничая, преисполняются к женской половине своей семьи неуважением и презрением.

Войдя в кабинет Александра Александровича, Мария Федоровна заговорила сухо и официально, словно вела речь о государственных делах:

— Ваше императорское величество! Ники повзрослел. Ему нужен мальчик.

— Да? — возмутился император. — А может, ему нужен Мещерский?

— Фу! Как грубо! — надула губки жеманная Мария Федоровна. Столица была преисполнена слухами о петербургском «короле извращенцев» князе Мещерском.

— А что? — вдруг оживился Александр Александрович. — Ему действительно нужен Мещерский. Только, извини, матушка, не для твоих датских глупостей, а для серьезного дела. Именно Мещерский станет для Ники хорошим воспитателем. Он отучит его волочиться за женскими юбками и по-настоящему приобщит к интересам престола. Ну а остальное — вздор Настоящего мужика глупостями с толку не сбить. Но настоящим нужно родиться. Вот Мещерский и проверит нашего Ники на прочность, устойчивость и настоящесть.

Так у наследника российского престола, которого мать-датчанка пыталась воспитать принцем Гамлетом, появился одиозный скандальный воспитатель, а также товарищ по играм, приученный, словно покладистый щенок, к непристойным княжеским забавам.

Ваня Мануйлов, раздобревший на частом обильном угощении, смазливый, полногубый мальчик, оказался почти ровесником Георгу и на два года моложе Ники.

Его пригрел не только редактор газеты «Гражданин» и известный петербургский издатель Мещерский, но и директор департамента духовных дел Мосолов. Они за покорность и ласки одаривали своего любимца и любовника деньгами, которые тот ценил пуще всего, дорогими подарками, возили по злочным притонам. Иногда князь приторговывал малолетним фаворитом, сдавая его в краткосрочную аренду нужным и состоятельным извращенцам. Взамен получал различные материальные вознаграждения, а также ценную информацию о доходных местах, проталкивал различные выгодные проекты.

Теперь Ваня Мануйлов пригодился для некой «мужской стажировки» царского наследника.

Вообще-то у него была двойная фамилия: Манасевич-Мануйлов. Но первую часть он всегда опускал, избегая разговоров о своем происхождении. По этой причине и в православие перешел по собственной воле.

Но иногда ему, когда он зарывался, а у него подобное получалось довольно часто, напоминали, кто он и откуда.

Как-то князь Мещерский застал Ваню и Ники в непристойном виде. Причем nepозволительную активность по отношению к царской особе проявлял его воспитанник.

Князь, ни слова не говоря, больно отхлестал фаворита розгой по животу, коленям и между ними.

После экзекуции грубо сжал упитанный подбородок мальчишки и прошипел в заплаканное лицо:

— Впредь знай свое место!

И только потом уже посоветовал-наказал наследнику престола:

— Князь, а тем более великий, в любой ситуации должен быть только сверху! Только! Негоже ему ложиться под купеческого сына. Не царское дело быть внизу. Только сверху! Только!..

Но для императора Александра III и такая ситуация, которую односложно, но образно сформулировал редактор «Гражданина», оказалась неприемлемой. Ники к двадцати годам стал проявлять особое пристрастие к загульным мальчишеским компаниям, наплевательски относился к учебе и государственным делам. Государь с такими наклонностями и подобным отношением к жизни и делам получится, решил Александр Александрович, никчемным.

— Слишком переусердствовали мы, мадам, с вашим датским лекарством, упрекнул император императрицу.

— Почему с моим? — обиделась та. — Вы же, сударь, принимали решение.

— Да, но кто первый возопил: «Ники нужен мальчик!»?

— Но вы же с этим согласились.

— Пусть так. Но теперь я решил: Ники нужна девочка. И у наследника появилась новая игрушка для исправления характера — взбалмошная, капризная и любвеобильная балерина Кшесинская.

Приобрел себе любовницу, и тоже из танцорок, Манасевич-Мануйлов. С наследником их пути-дорожки разошлись. Если и виделись изредка, то лишь на расстоянии. И все же бывший придворный фаворит и духовный брат Ники по голубому обществу князя Мещерского нет-нет да и находил повод приблизиться к высокородному знакомцу, перекинуться парой фраз.

Во время одной из таких ничего не значащих бесед Мануйлов шепнул Николаю:

— Ваше высочество! Поверьте, но от вашей балерины исходит угроза.

Наследник промолчал, но насторожился.

— За ней стал приухаживать великий князь Сергей Михайлович. И она это воспринимает благосклонно, — суетливо продолжил кляузничать приободренный высоким вниманием наушник. — Ходят слухи, что она в положении. Того и гляди, всю вину свалит на вас. Я же вам предлагаю тихую, скромную, молоденькую девочку. Она никогда не изменит вам и всегда будет молчать.

Интриган свел наследника со своей родственницей. Про это новое увлечение узнал Александр Александрович. Вызванный на откровенный разговор, Ники сознался во всем. Более того, сказал, что до безумия влюблен в юную еврейку и готов жениться на ней.

— Но ты же мой наследник! — удивился привыкший к Никиным странностям Александр Александрович.

— Что с того? Сегодня наследник, а завтра — родня наследнику. Думаешь, не знаю, что ты хотел бы видеть на троне Мишу? Сам слышал, как ты об этом говорил с маменькой.

— Не скрываю. Михаилу корону передал бы охотно. Но при живом старшем сыне не вправе это сделать. Увы, закон о престолонаследии от 1797 года, завещанный нам прадедом моим императором Павлом Петровичем, сего не позволяет. Конечно, нынче не 1825 год, когда женитьба Константина Павловича на полячке дала повод к мятежу, но все же и сейчас могут проявиться некие осложнения...

Обиженный подобным признанием и ревнуя к брату Михаилу, который был десятью годами моложе, Николай возразил:

— Так-то он, Мишка, и станет дожидаться какого-то там права. Вот он и сейчас тебя с трона смыкает.

Император сразу не понял, о чем Ники ведет речь, а догадавшись, на что намекает тот, расхохотался.

Неделей раньше он готовился к торжественному приему в Зимнем дворце. Только-только облачился в парадный мундир. Вертевшийся под ногами озорник и выдумщик Миша спросил его:

— Папенька, вы знаете, как можно без ножниц отрезать рукав вашего мундира, а без иголки пришить?

— Нет, не знаю.

— Хотите покажу?

— Оставь! Мне некогда заниматься глупостями...

— Но папенька! Я всего на одну минуточку вас задержу! Пожалуйста! Прошу вас!

Чтобы побыстрее отвязаться от прилипалы и любимчика, Александр согласился на неведомый эксперимент.

Миша усадил отца у самой двери на стул, выпростал одну его руку из рукава мундира, рукав же просунул в дверную щель. Сам, оставаясь за дверью, прихлопнул ее. Из приготовленного

кувшина наполнил пустой рукав водой, придерживая его двумя руками, поднялся на цыпочки на приготовленный тоже заранее стул.

— Готово! Открывайте! — крикнул шаловливый сын отцу.

Ничего не подозревавший Александр Александрович потянул дверь на себя и тут же был окачен холодной водой с головы до пят.

Сперва он разгневался. Но, услышав, как искренне огорчен мальчишка, что его не понимают, что даже не хотят смотреть, как он не повредил рукавного шва, засмеялся. Шутка ему понравилась.

Ники же в мальчишескую выходку брата вложил совершенно иной смысл,

— Точно, — шутливо согласился отец, улыбнувшись в бороду, — смыть хотел пострел государя с престола... Но это — баловство младенца, он еще дитя. А ты взрослый юноша. Ты — наследник-цесаревич. Думаю, что непристойнее швыряться тронном, чем смывать с него претендента.

И уже сурово повторил слышанную от князя Мещерского Николаем фразу:

— Не царское дело тронном пренебрегать!.. Пора тебе, брат, оторваться от столичной богемы. Пора мозги хорошенько проветрить. Пошлю-ка я тебя в морской поход...

Удалился императорский наследник от Петербурга надолго, и не за три моря, а гораздо дальше. Почти как в сказке, «в тридевятое царство, в тридесятое государство». Аж до Японии добрался!

Увы, чужеземные южные ветры-суховеи и дальневосточные муссоны с пассатами хоть и выветрили из него неустойчивые переживания о столичных зазнобах, но характер поправили не сильно. Тем более что рядом находился кузен по родству и брат по духу, похлеще князя Мещерского, греческий принц Георгий (Джорджи). Да и другие попутчики, вроде князей Барятинского и Ухтомского, которые при случае могли того же князя Мещерского за пояс заткнуть, поскольку годами были помоложе да на выдумки более горазды.

Эх, Александр Александрович, Александр Александрович! Правильный вы способ отторжения сына от прощельгства избрали, да не ту подобрали компанию!

В отсутствие высокородного полюбовника юная мещанка еврейка родила сына. Еще шестнадцати нет, а уже — мать. Потому-то ее сродственнику и своднику Ваньке, а точнее — Веньке Мануйлову не стоило большого труда отнять младенца от несостоятельной родительницы и пристроить его в небогатую, но приличную семью. Все обеспечение он взял на себя. Деньги добывать Мануйлов научился. Кроме того, Николай Александрович, убывая в дальнюю дорогу, положил на банковский счет Ивана Федоровича Манасевича-Мануйлова сверхприличную сумму, предназначенную для содержания несостоявшейся невесты.

Мануйлов добросовестно опекал подраставшего побочного отпрыска. Нет, глаза ему он не мозолил. Материальной помощью не обходил, предоставив воспитание и уход всецело приемным родителям. Чтобы оставить след свой в этом деле, но вместе с тем, если что, отмежеваться от него, оформил и соответствующий документ на незаконнорожденного царевича. В метрическом свидетельстве из фамилии Ивана-Вениамина очень хитро выпала буква «и», а последующая запись утверждала, что появившийся на свет младенец без родства и племени, сын неизвестных родителей, отныне будет именоваться Николаем Ивановичем Мануловым.

С годами из подкидыша получился примерный светский человек с завидным образованием и

достойным служебным местом в столичной судебной палате. Но когда кто-то пытался связать его родством с известным в Петербурге жуиром и скандалистом Манасевичем-Мануйловым, молодой человек раздражался и настойчиво повторял:

— Моя фамилия не Манулов с ударением на «у» и тем более не Мануйлов! Моя фамилия Манулов, с ударением на «а»!

С Манасевичем-Мануйловым же действительно редко кто, знающий о нем не понаслышке, решал вступать в близкое знакомство и деловые связи. Он был талантливым подлецом, способным и мерзким. Его жизненный путь настолько изломан, что даже самые крупные криминальные его дела не уместятся в рамки нескольких приключенческих романов. Он умудрялся попасть за решетку и при монархии, и при Временном правительстве, и при Советской власти. Он то представлял Россию как представитель государя и православной церкви в Ватикане, то числился в чиновниках-изгоях. Сегодня он вытаскивал в свет из петербургских трущоб спившегося купчишку, а завтра улаживал дела проворовавшихся царских министров или великих князей.

Но, пожалуй, самой примечательной чертой ярого разоблачителя масонства и не менее ярого пропагандиста масонских идей, агента царской охраны и агента нескольких иностранных разведок было его двойственное отношение к детям. Насколько он оказался надежным опекуном для чужого дитяти, настолько никчемным отцом двух дочерей собственных — от жены и от любовницы.

Вторая дочь о нем совсем ничего не знала как о родителе, поскольку он ублажал ее мать, сошедшую с подмостков балерину, редкими денежными подачками. Первую же, Веру, откровенно выживал из дому. Она обижалась, злилась, но в трудные для отца часы пыталась чем-нибудь помочь.

— Да что ты можешь сделать, мелочь ты этакая? Козьявка! — издевался над ней Иван Федорович. — И зачем мне твоя козьякина подмога. Я — непотопляемый. У меня знаешь кто спасательный круг? Вот там он, вот там! — И он тыкал пухлым пальцем, с нанизанными на него вычурными перстнями, куда-то в неопределенную высь. — Там мой спасательный круг! И когда он оттуда упадет, то меня поднимет, а моих недругов придавит.

Его предсказания и угрозы, как правило, сбывались. Но авантюра, затеянная Мануйловым, в 1916 году обошлась для него тюремной отсидкой.

Вера, чтобы хлопотать за отца, даже помирилась с мачехой, из-за которой вынуждена была в шестнадцать лет уйти из дому и начать самостоятельную жизнь.

Вместе где только они не побывали: в министерстве внутренних дел, у митрополита Питирима, у Распутина, у фрейлины Вырубовой. Ну а Вера сумела даже попасть на прием к императрице.

Девушке государыня показалась еще более блаженной, чем Вырубова.

Поначалу ей было не до личных впечатлений от царственной особы. Приблизившись к Александре Федоровне, Вера в порыве отчаяния и жалости к отцу, томившемуся в камере предварительного заключения, опустилась перед царственной дамой на колени и заплакала. Царица положила невесомую прозрачную руку на голову рыдающей девушки и по-французски стала вещать:

— Успокойтесь, дитя мое! Все будет хорошо. Ваш папа безвинно страдает. Я хочу верить этому,

Не поднимаясь с колен. Вера подняла глаза на вещунью и стала убеждать, что она тоже

считает именно так.

Взахлеб попыталась рассказать, что отец не присваивал эти злосчастные двадцать пять тысяч рублей, что он не отнимал их и не вымогал у Татищева. Тот сам вручил их ему на оплату статьи в парижской газете «Матэн». Эти деньги, убеждала Вера Александровну Федоровну, отец обязательно отправил бы по назначению, в редакцию газеты. Но ему не позволили это сделать. Его подставили. Сразу же, как только он принял деньги, которые оказались краплеными, нагрянула полиция, и отца арестовали.

Вере не позволили много говорить. Красноречивым жестом государыня прервала ее и голосом блаженной вещуньи промолвила:

— Я все знаю. Отец... — Она вдруг замолчала и воззрилась ввысь. После минутной паузы продолжила: — Отец мне все рассказал. Я все сделала, чтобы Ивана Федоровича освободили.

Вера попыталась благодарить государыню, но ее снова остановили:

— Не мне благодарность, а нашему отцу!

И снова возвела очи к небу.

Но обращалась не к богу, нет, а, как объяснила потом Вырубова, к Распутину, которого величала «отцом».

Дело с Мануйловым приобрело такую скандальную огласку, что, несмотря на высокое заступничество, его все же довели до суда. В день слушания дела на имя председателя Совета Министров с фронта, из царской ставки, пришла телеграмма за личной подписью государя. С монаршей выси Мануйлову был брошен давно ожидаемый им спасательный круг. Но он не раздавил недругов, а самого Ивана Федоровича лишь на время приподнял над затхлой водой заключения. Дело не прекратили. Лишь отложили его слушание на более поздний срок, временно выпустив на волю популярного арестанта, имитировавшего ко всему прочему приступ паралича.

Хлопоты дочери оттянули наказание. И, словно за это, он ей отомстил. Дочь, рано вышедшая замуж за подобного Ваньке-Веньке прощелыгу, только более мелкого масштаба, развода с ним добилась самостоятельно, но просила отца вернуть ей девичью фамилию. Иван Федорович уважил. При этом подговорил писарчука, выписывавшего новый паспорт, чтобы тот сделал незаметную ошибочку, за которую ярый блюститель закона смог бы приступить с претензией. Подкупил и нужного полицейского. Через пару дней Вера оказалась в участке, и отец «поспешил» ей на выручку.

— Папа! — встретила она отца со слезами. — Говорят, что с паспортом что-то не так.

— Разберемся, — пообещал пройдоха, притворяясь ничего не ведающим о сути происшествия. Потом разъяснил:

— Они правы, Верунчик. По закону ты не то лицо, за кого себя выдаешь. Ты утверждаешь им, что ты Мануйлова, а тут, посмотри, что написано — «Манулова».

Интриган повторил старый финт, который применил при регистрации высокородного подкидыша.

— Придется, Верунчик, заплатить штраф. И, знаешь что, плюнь ты на это хлопотное и ненужное переоформление. Как видишь, моя фамилия никакой радости тебе не приносит. Поверь, она нисколько не лучше, чем твоя супружеская. Так что будь Барковой, а обо мне забудь.

В тот же день он навестил и свою прежнюю любовницу. Вручил ей новый паспорт, который подвел Веру и который он отнял у родной дочери, кое-какие деньжата и повелел:

— Пусть твоя дочка берет вот эту паспортную карточку и уезжает куда глаза глядят. Чтоб она мне больше в столице на глаза не попадалась.

Так у царского побочного сына Николая Ивановича Манулова появилась сводная сестра.

Добился Иван Федорович, чувствуя, что это его последние деньки на воле, встречи со своим высокородным подопечным. Рассказал ему, кто он и откуда, снабдил письмами Ники к неизвестной досель подкидышу юной еврейке.

Под конец короткой встречи посоветовал ошарашенному молодому человеку:

— Не теряй времени, Николаша. Обратись к достойным людям: директору императорских театров Владимиру Аркадьевичу Теляковскому и директору Психоневрологического института Владимиру Михайловичу Бехтереву. Они в курсе дела. Они сделают из тебя Российского Гамлета.

Именно на этом месте Вредлинский поставил точку и уставился в окно, отдавшись во власть своих воспоминаний. О прожитой жизни, о своих взаимоотношениях с нынешним Павлом Мануловым, который доводился родным сыном Манулову Николаю Ивановичу и предоставил в распоряжение Эмиля Владиславовича кое-какие биографические материалы. Их надо было обязательно включить в новое издание книги. Причем, как наставлял Пашка, желательно подать их так, чтобы это выглядело пасквилем в адрес Манасевича-Мануйлова и побочного царского сына. Зачем это было нужно, Павел Николаевич объяснил крайне невнятно. Получалось, будто только для того, чтоб никто не обвинял Вредлинского в заказной публикации.

Конечно, к известию о том, что Манулов — внук Николая II, Вредлинский отнесся скептически. В постсоветской России уже не раз объявлялись «чудесно спасшиеся» Алексеи Николаевичи, а на Западе еще в 20 — 30-х годах оживали призраки Анастасии Николаевны. Обо всех этих самозванцах были написаны десятки статей, снято несколько кинофильмов и даже один мультфильм для детишек. Никакого особого ажиотажа вокруг всех этих художественных произведений не возникало, и ждаться, что публикация документально не подтвержденных сведений, которые Вредлинский по настоянию Пашки включил в свой роман, произведет сенсацию, было опрометчиво. И о том, что последний царь в юности имел бисексуальную ориентацию, тоже уже не раз писали. Поди проверь теперь, сто двадцать лет спустя!

А насчет того, что у Пашки Манулова есть желание претендовать на российский престол, Вредлинский и вовсе думал с Улыбкой...

К печали Вредлинского, уже в середине дня морозец ослаб, небо заполнили тяжелые, серые облака и заморосили нудным дождиком.

Работать сразу расхотелось, хотя прежде в такую погоду Эмиль Владиславович, напротив, трудился с энтузиазмом. Он почувствовал усталость, вновь улегся на диван и провел еще несколько часов на манер Обломова. В голове бродили смутные мысли, иногда начинал томить страх, предчувствие чего-то ужасного. Опять накатывали сомнения по поводу искренности Манулова — не верилось, будто он так легко поверил в непричастность Вредлинского к «делу Василисы».

Правда, от ухудшения погоды была и некоторая польза: дети со своими пассиями уехали пораньше, еще до обеда. Александра Матвеевна, сетуя на отсутствие Василисы, приготовила нечто из полуфабрикатов и, отобедав с супругом, вновь отправилась к подруге. Как видно, скучное общество Эмиля Владиславовича ее не прельщало.

В общем, дожив кое-как до вечера, кандидат в действительные члены масоно-монархического братства, подзубрив еще разок «священные цитаты» из дневника последнего императора, направил стопы к дому Манулова. Опять пошел пешком, правда, взяв с собой телохранителя Стаса. Свой «Мерседес» Вредлинский оставил в гараже, так как почему-то беспокоился, что, пока он будет заседать с масонами, кто-нибудь может установить под днище машины мину. Одежонку надел неброскую, напялил старые джинсы — вдруг опять придется на коленях ползать?! натянул на голову вязаную шапку. И отметил, что смотрится чуть немного лучше бомжа, а потому не привлечет ничьего внимания. Правда, никто не гарантировал, что Стас вместо того, чтоб охранять своего патрона, не пустит его в расход по тайному приказу Манулова. Именно по этой причине Вредлинский надел под куртку кобуру с пистолетом. Конечно, если Стасу понадобится застрелить своего номинального босса, то «глок-17» не поможет. Но все-таки как-то спокойнее на душе. Пути господни неисповедимы...

Итак, Вредлинский вышагивал по плотно утрамбованной снежной тропе, надежно прикрытой сверху густыми сосновыми ветвями. «Душа пела, голова скорбела», пришла вдруг ему на ум когда-то услышанная и пригодившаяся под настроение строка.

Душа его, как ни странно, так и рвалась на предстоящее собрание, поскольку там, по сути дела, должна была решиться его судьба. Если посвящение в действительные члены братства пройдет успешно, значит, Манулов за эти два дня смог убедиться в том, что Вредлинского умело подставили. Если посвящение отложат — это будет означать, что Манулов не доверяет своему бывшему другу. После этого может случиться и пожар дачи, и взрыв «Мерседеса», и похищение кого-то из детей. Свое собственное убийство Вредлинский рассматривал фаталистически — дескать, все равно помирать...

Голова же не могла успокоиться и прекратить подсчеты убытков, моральных и физических потерь от событий этих последних двух дней.

Голова помнила и цитату из дневника Николая II за десятое октября 1916 года.

Хотя отчего бы и душе, флегматичной, вечно дремлющей, словно разжиревший сом в тихой заводи, отчего бы ей петь да радоваться под впечатлением этой цитаты. Она, душа неисправимого мистика и символиста, тоже должна бы скорбеть.

«Стало холоднее, и день был дождливый», — писал император спустя два дня после своих заметок, которые Вредлинский вытянул в прошлый раз. И опять какие-то непрошенные аналогии полезли в голову.

«И у нас нынче не солнечные Канары...» — размышлял Вредлинский, поглядывая под ноги, чтоб не поскользнуться на скользкой и мокрой наледи.

При мысленном упоминании о Канарах в голове у него что-то законтачило, и вспомнилось, как в самом начале «демократических преобразований», когда одна за одной возникали финансовые пирамиды, некая «международная риэлтерская компания» сумела впарить мадам Вредлинской шесть своих акций по 500 баксов. Каждая из этих акций якобы дает возможность приобретения участка земли на Канарских островах. При этом «риэлтеры» утверждали, будто всего через месяц акции будут стоить уже по 10 тысяч долларов, а через два

— больше 50 000. Соответственно, сбыв через пару месяцев пять акций из шести, Александра Матвеевна заработает 250 тысяч долларов и сможет не только купить участок, но и виллу на нем отгрохать. Гуманитарий Вредлинский, увы, тоже не удосужился прочесть «Занимательную математику» Перельмана, а потому не смог подсказать супруге, что четверть миллиона долларов она никогда не увидит, а свои три тысячи потеряет наверняка. Даже при том, что деньги были лично его, Вредлинского.

Припомнив, как жену «кинули» с этими самыми Канарами, Вредлинский вдруг подумал: а не обыкновенный ли Пашка аферист? И сердце аж заныло в предчувствии невозполнимых непредвиденных и очень крупных денежных утрат. Даже палец заболел от тяжести серебряного кандидатского перстня. Ощущалось даже нечто вроде фантомной боли на том месте, где вчера Вредлинский прятал пачку из восьмидесяти стодолларовых купюр.

В самом деле: Манулов ведь позавчера проболтался, что влетел в большие долги. Если, допустим, ему удалось собрать в кассу «Русского Гамлета» хотя бы по восемь тысяч баксов с каждого «гамлетита» — а с тех, кто вытаскивал цитаты 30-го или 31-го числа, могли почти в четыре раза больше содрать! — то общая сумма получалась на уровне полумиллиона. Но это только вступительные взносы, а ведь кто-то ему и ежемесячные успел заплатить... Что ему стоит спровадить эту валюту на личный счет, а всех прочих оставить с носом?! ОБМАНУТЬ!

«Жук ты, Манулов! — мысленно обратился Вредлинский к своему бывшему однокашнику. — Манулов-Обманулов!»

Впрочем, эту не слишком взвешенную мысль Вредлинский скоро отогнал. Неужели все услуги, которые Манулов оказал ему, в том числе и устройство в президенты благотворительного фонда, служили ничтожной цели выцыганить у старого дружка жалкие восемь тысяч долларов?! Нет, Манулов, конечно, «жук», но более высокого полета, чем те кидалы-риэлтеры! Он в свой подмосковный дворец гораздо больше, чем полмиллиона баксов, вложил, а то, что у него в Калифорнии осталось, и вовсе пару миллионов стоит.

Далее в цитате из Николая II упоминался «архиерейский лес», где прогуливался император. И Вредлинский шел через лес. Правда, царю было проще. Перед ним не было перспективы снова увидеть разбойничью рожу Манулова...

«Поехали с прогулки на дачу Георгия, где пили чай...» — мысленно повторял цитату Вредлинский. И вновь почти произвольно стал искать аналогии.

«Что бы это значило? К какому Георгию мне придется идти пить чай? А-а! Понял! Возьму-ка да и заверну после заседания к Жорке Крикухе. У него, возможно, не только чайком побаловаться можно, но и сто грамм принять...» Вредлинский поймал себя на том, что разговаривает сам с собой и уже пробормотал что-то вслух.

Хорошо еще, что охранник Стас следовал за ним по установившемуся правилу метрах в пяти сзади и вряд ли что слышал. А то бы подумал, будто хозяин впадает в маразм...

«И то правда, пора с Жоркой повстречаться. Столько лет вместе трудились. Ведь львиную долю моих сценариев — почти двадцать штук! — довел до экрана именно он, режиссер Георгий Петрович Крикуха. Но вот месяц и не звонит, и не показывается. Хотя до этого то к себе зазовет с семьей, то от нас его не выгонишь. Понятно — давний вдовец-однолюб... И бездетный, скучно одному дома. К тому же говорил, будто в последнее время почти ничего не снимает, якобы нет хороших сценариев. На самом деле, поди-ка, дело не в сценариях, а в продюсерах...»

Это при Советах можно было ставить нравственные, умные, оптимистические фильмы без голых баб и стрельбы. Причем Крикуха умел найти в сценариях Вредлинского, которые тот чаще всего писал, ориентируясь на текущую конъюнктуру, некие идейные перлы, о которых сам Эмиль Владиславович не догадывался. И фильм, подчиненный той идее, которую Крикуха выцеживал из посредственного, а то и вовсе пустопорожнего сценария, в готовом виде выглядел вполне приличным, а иногда даже выдающимся. Но при этом Жора никогда не утверждал, будто это он «вытащил» фильм с никудышным сценарием. Напротив, прочтя сценарий и узрев в нем некую серьезную идею или тему (совершенно не подразумевавшуюся Вредлинским), он мог позвонить в два часа ночи и заорать в трубку:

«Старик, я тебя понял! Слушай, ты гений! Ты такое увидел...» После чего полчаса или час мог пересказывать зевающему сценаристу, что он, собственно, увидел в сценарии. Однако уже после этого, первого разговора Вредлинский как-то непроизвольно начинал думать, что с самого начала закладывал в сценарий нечто весьма умное и неординарное. А потом, выступая где-нибудь перед публикой, без ложной скромности присваивал себе авторство этой идеи.

Сейчас Крикухе было туго — можно не сомневаться. Если б хоть кто-то предложил ему сейчас самый дурацкий порнушно-бандитский сценарий, а самое главное — деньги на постановку, он бы наверняка сделал такую конфетку, что можно в Канны посылать, а то и на «Оскара» номинировать. Возможно, он втайне надеялся, что Вредлинский ему что-нибудь предложит или замолвит словечко перед Мануловым. Но сам просить и умолять не стал — должно быть, скромность не позволяла. Поговорить, что ли, с Пашкой? Может, есть какой-нибудь шансик?

«Да, но какое тут совпадение с дневником царя? — неожиданно озадачил себя Эмиль Владиславович. — Какая тут символика? Николай, согласно дневнику, ни перед кем не хлопотал... Полный маразм! Самодержец Всея Руси — и будет перед кем-то хлопотать?! Нет, надо срочно отвязываться от этих аналогий в голове! Иначе у меня, как выражаются Вадим и Лариса, „крыша поедет“...»

И все же отделаться от настырных, прямо-таки сверлящих мозги строк из царского дневника он не мог. Он настойчиво пытался расшифровать, что значат слова: «Аликс сидела в моторе», «Дочери играли в прятки», «Мордвинов был жертвой»?..

«Аликс сидела в моторе»... Позавчера он нашел аналогию между Александрой Феодоровной Романовой и своей законной Александрой Матвеевной. Аля, которая обычно в выходные любила поваляться после обеда, сегодня необычно рано убежала к подруге. Может, у нее любовник появился? Вполне реальная вещь, поскольку у нее предклимактерический период и муж, который уже почти ничего не стоит. Дети тоже укатили рано. Вот тебе и мотор, и прятки, и даже Мордвинов.

ПРИПУГНУЛИ?

Между тем лес закончился, и взору открылась большая поляна, а дальше за высоким забором маячил пятибашенный, красного кирпича мануловский дворец.

Здесь начиналась тщательно расчищенная асфальтовая дорожка.

Вредлинский уже ступил на блестящую черную ленту, но тут же застыл на месте. Метрах в двадцати перед собой, под кустом высокорослой сирени, он увидел светло-бордовый «Форд-Эскорт» с поднятым капотом и две внушительные фигуры в кожаных куртках. Один вроде бы копался в моторе, а второй вальяжно покуривал, облокотившись на крышу иномарки.

Странно, странно-курить в такую погоду приятнее в салоне, опустив боковое стекло. А тот, что у капота, похоже, просто смотрит на открытый мотор, но ничего не отвинчивает, даже ключа в руках не держит. Да и парни по фигуре, росту и весу не меньше Стаса. Либо милиционеры-оперативники, либо бандиты...

Вредлинский похолодел. Он боялся и тех, и других. Конечно, бандитов больше, потому что хорошо помнил предупреждение Манулова, что «следующим ходом во всей этой игре может

стать твое убийство...». Впрочем, может быть и так, что эти молодчики наняты самим Пашкой! Господи всеблагий, спаси душу грешную!

— Извините, папаша, можно вас на минуточку? — вежливо произнес тот, что стоял, облокотившись на крышу «Форда». Потом он выпрямился и, изобразив улыбочку, неторопливо двинулся в сторону Вредлинского. Сигарету детина выбросил и обе руки держал в карманах куртки. Остротой зрения Вредлинский не отличался, однако ему показалось, будто в правом кармане незнакомца обозначилось нечто угловатое... Пистолет?!

«Неужели меня? — Сердце уже молотило по 120 ударов в минуту, Вредлинский чуял, что может и до выстрела не дожить. — Неужели прямо сейчас?! Боже, мне же только 63! За что?!»

Он напрочь забыл про свой прекрасный австрийский пистолет, мощные «парабеллумовские» пули которого могли бы не только превратить в решето обоих молодцов, но и вывести из строя мотор «Форд-Эскорта». Куда там! Он даже двинуться с места не мог, рукой-ногой пошевелить. Мелькали перед глазами картинки из телевизионных репортажей о заказных убийствах. Окровавленные трупы на асфальте или на снегу... Аля, помнится, после первых подобных зрелищ ахала и охала: «Боже, зачем это показывают?!» А сам Вредлинский бодренько глядел не отворачиваясь, хорохорился. Все эти кровавые документальные видеосъемки воспринимались им почти так же, как игровые кадры из американских боевиков, поскольку лично его не касались. Теперь же жареный петух готов был клюнуть в темечко.

А тот, в куртке, не спеша, вразвалочку приближался. Притом улыбаясь! Дескать, не бойся ты меня, дедуля, я тебе ничего плохого не сделаю. Ну, разве что убью... Так ты ведь на этом свете зажился! В России мужикам положено до 58 лет жить согласно статистике, а ты уже пять лет перебрал...

Краем глаза Вредлинский разглядел, как тот, второй, что якобы копался в моторе, закрыл капот и сел за руль. Двигатель заурчал, и машина медленно покатила вперед, приближаясь к Вредлинскому.

Только тут Вредлинский вспомнил про Стаса. Где он, черт побери?! Или он заодно с этими?! Но обернуться Эмиль Владиславович не успел, времени не хватило.

Он только заметил, как тот, что приближался к нему от иномарки — до него оставалось меньше десяти метров! — внезапно изменился в лице и резко дернул руку из кармана. В ту же секунду что-то темное мелькнуло слева от Вредлинского, и от сильного толчка в плечо сценарист как пушинка отлетел в мокрые, еще не облетевшие кусты, росшие у края дорожки. В ту же секунду одновременно грохнули два выстрела — бах! бах! Вредлинский, упав носом в жухлую, мокрую траву, почувствовал солоноватый привкус и сухость во рту. В следующее мгновение он услышал короткий шелестящий звук — ш-шить! Господи, да это же пуля! Эмиль Владиславович захотел стать листиком, травинкой, камешком. Он ожидал, что сейчас оттуда, из иномарки, выскочат трое или пятеро с автоматами и начнут в упор поливать его очередями. Вредлинский уже почти физически ощущал боль от пуль, которых в него еще не выпустили.

Но никакой стрельбы больше не было. Вредлинский услышал, как хлопнула дверца «Форд-Эскорта», взревел двигатель, и шум автомобиля быстро удалился.

Приподняться Вредлинский не решался до тех пор, пока его не потормошили за плечо и не развернули лицом к небу. Открыв глаза, Эмиль Владиславович увидел Стаса.

— Вас не задело? — спросил бодигард. — Подняться можете?

— М-могу... — заплетаящимся языком выдавил Вредлинский и с трудом, как будто и впрямь

был ранен или контужен, поднялся на ноги, уцепившись за руку Стаса.

— Подвигайтесь, Эмиль Владиславович, — заботливо порекомендовал телохранитель. — Наклонитесь, пошатайтесь, попрыгайте немного...

— 3-зачем? — все еще заикаясь, спросил Вредлинский. Он прислонился к ближайшему от асфальта довольно толстому дубу, тесно прижавшись лицом к шершавому стволу. Сердце бешено стучало, никак не желая успокаиваться.

— Бывает, не враз разберешь, что ранен. Сгоряча не почувешь, а после так хватанет... — мрачно объяснил Стас, пристально оглядывая одежду Вредлинского и наскоро отряхивая ее от мокрых листьев, а также иного мусора. — У нас в Афгане был случай. «Духи» мину бросили, одного пацана волной по земле протащило. Очухался вроде, все ништяк, только поободрался малость. Встал, пошел, как все. А потом — фигак! — и повалился. Оказалось, осколок махонький, с ноготок, в печень зашел, под броник. Сверху вроде одна царапина, а внутри уж крови дополна натекло. Выжил, конечно, но помаялся.

— Пуля м-мимо прошла... — отстраняясь от дерева, пробормотал Вредлинский. Я слышал ее...

— Ну тогда слава богу! — Стас оскалил стальные зубы. — Если пулю слышал значит, не твоя. Не сердитесь, Эмиль Владиславович? Я ведь толкнул-то вас очень резко... Не ушиблись?

— Пустяки, — уже почти нормальным голосом отозвался Вредлинский. — За что сердиться? Ты мне жизнь спас.

— Все одно малость недоглядел. Мне бы надо раньше вперед выскочить, может, тот козел и вовсе не рискнул бы соваться. А так пришлось прыгать и сшибать вас — этот гад уже пушку дергал. Кто раньше шмальнул — я так и не понял. Он промазал, ну и я не лучше — вскользь по дверце саданул. Если б он по второму разу приложиться захотел, я б его завалил. Но этот хмырь, блин, сообразительный попался. Сразу прикинул, что стоит открыто, а я уже за дуб откатился. Прыткий, падла, оказался — сиганул через капот за машину. Был бы у меня ваш «глок» — я б их достал... А так он пригнулся, в дверцу — юрк! Водила по газам — фьють! Только их и видели. Номер грязью замазан — не рассмотрел.

— Ты молодец, молодец... — рассеянно произнес Вредлинский. — Прекрасно сработал...

— Ментов будем вызывать? — деловито спросил Стас. — Или домой пойдём?

— Нет, мне обязательно надо быть у Манулова! — с неожиданной твердостью произнес Эмиль Владиславович.

— Как скажете... — пожал плечами Стас, хотя, конечно, крепко удивился. Насколько он знал своего босса, тот отвагой не отличался. По идее, Вредлинский должен был со всех ног рвануть домой, запереться там и сидеть безвылазно.

До мануловского дворца они добрались без каких-либо приключений. Однако вот тут-то и последовала самая печальная для Вредлинского неожиданность.

Их даже не пустили внутрь ограды. Охранник — русский, но похожий на гориллу гораздо больше, чем те негры, которые обычно сопровождали Манулова, даже не поглядел на «кандидатский перстень» Вредлинского, который тот показал, просунув левую руку в маленькое окошечко-амбразуру, которое охранник открыл в калитке.

— Пал Николаич с утра в Нью-Йорк улетел, — сообщил он, почти не разжимая зубы. — Когда обратно будет — не сказал. Клуб закрыт до его возвращения. Всего хорошего!

И захлопнул «форточку», едва не прищемив Вредлинскому пальцы.

— Коз-зел! — прокомментировал работу коллеги Стас.

— «И пошли они, солнцем палимы...» — горько процитировал Вредлинский, отходя от калитки.

Впрочем, когда они уже удалились метров на двадцать от ворот, за спиной послышались торопливые шаги. Стас, сунув лапу за борт куртки, обернулся. Эмиль Владиславович тоже посмотрел в ту сторону. Их догонял какой-то темноволосый, кудрявый и худощавый юноша в коричневом плаще нараспашку.

— Господин Вредлинский! — окликнул юноша. — Будьте добры, задержитесь...

— Внимательней! — предупредил шепотом Стас. — Такие тоже иногда стреляют...

Но юноша стрелять не собирался. Когда он приблизился, то вручил Вредлинскому черный конверт, украшенный золотистым вензелем Николая II.

— Павел Николаевич просил вручить вам в собственные руки, — заявил юноша.

— По-моему, мы раньше никогда не виделись, — заметил Вредлинский, — вы уверены, что отдаете конверт тому, кому следует?

— Уверен, — ответил тот. — И больше никаких комментариев.

После этого кудрявый быстро убежал в калитку. Вредлинский на ходу открыл конверт, запечатанный сургучной печатью, и выдернул из него открытку с портретом Николая II — точно такую же, как те, на которых были оттиснуты золотом «священные цитаты». Однако на сей раз на развороте открытки находилось стандартное сообщение, что в связи со срочным отбытием магистра-председателя братства в Нью-Йорк очередное заседание переносится на 20 октября 1999 года.

— Вот тебе и прятки! — присвистнул Вредлинский и тут же решительно добавил:

— Но чай к Георгию пить все же пойдем! Как раз после прогулки по архиерейскому лесу...

Стас, конечно, вслух ничего не сказал, но посмотрел на своего босса с легкой тревогой. Не иначе, беспокоился, не повредился ли тот в уме после перестрелки на дороге.

Вредлинский заметил недоуменное выражение на физиономии Стаса и усмехнулся:

— Иногда я говорю странные вещи, но тебя это не должно волновать... Скажи лучше, как профессионал, эти типы еще вернутся?

— Те, что на «Форде»? Вам виднее. Смотря с кем ссорились и как, — хмыкнул Стас. — Прикиньте, кому должны, кто вам должен, не наезжал ли кто на вас... В принципе скажу как на духу: ежели вас захотят убить, то убьют. С одним отбойщиком не отмахнетесь. Надо еще пару, а то и трех. Хотя, если за вас совсем крутые взялись, и этого не хватит.

— Стас, — пробормотал Вредлинский, — ты уверен, что это охотились именно на меня?

— Не знаю, Эмиль Владиславович, всяко бывает. Напали ведь при свете, значит, лицо хорошо видели. Ночью — другое дело. Там по одежке обознаться могут, машину перепутать, не на тот дом нацелиться. А здесь — навряд ли. Другое дело, что работали они как-то слабенько...

— Что значит — слабенько?

— Ну, не так, как нормальные киллеры работают. Либо это барахольщики какие-нибудь, любители, либо вообще просто припугнуть хотели.

— Припугнуть?! Зачем?

— Опять же сами у себя спрашивайте. Один вариант могу подсказать. Охота, к примеру, ребятам навязать вам охранные услуги. Одни имитируют покушение: налетают, морду бьют или даже стреляют, но заведомо не до смерти. Через день-другой приезжают другие и говорят: «Командир, тебя братки — допустим, „коптевские“ — за что-то не полюбили. Но мы — к примеру, „солнцевские“ — тебя прикроем. Выделим тебе охрану, однако возьмем с тебя четыре штуки баксов в месяц. Плати аванс — и спи спокойно. Не заплатишь — копи деньги на похороны, ничем помочь не сможем». Самый смех, что они и не «солнцевские», и не «коптевские», а какие-нибудь «люберецкие» или «тушинские», а кроме того, и те, что наезжали, и те, что охранять предлагали, — из одной конторы.

— Ужас какой! — сорвалось с побледневших губ Вредлинского.

— Что делать — жизнь такая. Если знаете, кто на вас наезжает и чего просит, лучше заплатите с ходу. Так дешевле выйдет.

— В том-то и дело, что я понятия не имею, кому все это надо! — простонал Вредлинский. — Я же не миллионер! Что с меня можно взять?

— Если сами не знаете, то вам еще на этой неделе все популярно объяснят, пообещал Стас с твердой уверенностью. — Или по телефону позвонят, или сами приедут...

Вредлинский шел я думал уже не о мистических материях. Безусловно, Стас прав. На дорожке было достаточно светло, чтоб бандиты не смогли перепутать его физиономию с какой-то другой. Они ждали именно Вредлинского и никого иного. А раз так, то причастность к этому покушению Манулова становилась почти однозначной. Кто, кроме него, знал, что Эмиль Владиславович вечером пойдет на собрание братства? Никто! Конечно, кроме тех, кому он об этом сообщил. И хотя проклятый Пашка еще утром улетел в Нью-Йорк, он не стал звонить старому другу Миле-Емеле насчет того, что собрание переносится! Вполне бы мог сделать это хотя бы из машины по дороге в Шереметьево-2. Но не сделал. Правда, он какой-то конвертик с уведомлением оставил, но это курам на смех! Ждать, пока Вредлинский придет сам, чтоб вручить «в собственные руки»? Сущий кретинизм! Все тот же курчавый мальчик мог бы привезти это письмо прямо на дачу Вредлинского, благо тут и ехать-то всего ничего!

Все это означало только одно. Манулов поверил в то, что история с Василисой была разыграна по «сценарию» Вредлинского. Либо после получения каких-то дополнительных сведений в субботу, либо вообще еще с пятничного вечера, несмотря на то, что тогда он вроде бы отказался от обвинений в адрес Эмиля Владиславовича.

А что ему еще было делать? Убивать Вредлинского в своем «дворце»? Конечно, там можно было и труп надежно спрятать, и даже вовсе сжечь, но ведь Аля и дети знали: Вредлинский пошел к Манулову. Значит, нельзя исключить того, что перепуганная родня пропавшего без вести натравит на Манулова прокуратуру и милицию. Кто его знает, какие силы еще подключатся: ФСБ, ФСНП, ФАПСИ — и что все эти службы смогут накопать, даже если не найдут ни порошинки от исчезнувшего драматурга. Нет, в пятницу Манулов не мог позволить себе такой роскоши. Но и отпускать Вредлинского домой в неустойчивом состоянии было опасно. Во-первых, он мог сдуру покончить с собой, и Александра Матвеевна могла бы связать этот печальный финал с посещением Манулова. Во-вторых, Вредлинский мог очертя голову броситься в ФСБ и рассказать там что-нибудь лишнее. Наконец, если Вредлинский действительно был вовлечен в какую-то игру против Манулова, то мог сообщить своим боссам о том, что угодил под подозрение, и те приняли бы какие-нибудь экстренные меры

против Павла Николаевича...

Вот поэтому-то «мистер Пол» и решил сделать вид, будто поверил в чистоту и непорочность своего приятеля. Убедил в этом «Емелю», выиграл время на то, чтоб вовремя смыться. Во-первых, снял с Вредлинского, как с куста, восемь тысяч баксов безо всякой расписки и ведомости, во-вторых, заказал билет до Нью-Йорка, чтоб даже в случае провала операции против Вредлинского оказаться вне пределов досягаемости российского правосудия и бандитов, а в-третьих, нанял киллеров, которые должны были отправить бывшего однокашника на тот свет, когда тот, ничего не подозревая, пойдет на заседание братства...

Итак, некий виртуальный «прокурор», сидевший в голове Вредлинского, огласил свое обвинительное заключение. Однако сразу же после этого слово взял, опять же виртуальный, «адвокат».

Стержнем своей речи в защиту Манулова этот «адвокат» избрал предупреждение, которое Пашка сделал Вредлинскому в самом конце той самой острой беседы, которая происходила в пятницу. Привыкший к образному, драматургическому мышлению, Вредлинский даже нарисовал в своем воображении некую сценку, где роль «адвоката» почему-то играл его сын Вадим.

«Господа присяжные заседатели! — звонко произнес „защитник“. — Я обращаю ваше внимание на одну фразу, произнесенную гражданином Мануловым в беседе с потерпевшим:

»...Учти, возможно, что следующим ходом во всей этой игре может стать твое убийство...»
Безусловно, уважаемому обвинителю хочется трактовать ее как некую угрозу в адрес Вредлинского. Однако спешу напомнить вам, что до этого мой подзащитный упрекал потерпевшего в том, что тот его, выражаясь на специфическом жаргоне, «подставил». Цитирую:

«И все концы в воду, вот что славно! Василиса ничего не скажет, Евсеев ничего не скажет, и даже киллеры ничего не скажут, потому что их тоже убрали. Фотография-улика, естественно, уничтожается, господин Вредлинский остается чистым и честным, а вот господин Манулов, визитку которого находят рядом с трупом, попадает под колпак органов, и не МВД, а ФСБ, поскольку я американо-израильский гражданин — ЦРУ и МОС-САД в одном флаконе!»

Я спрашиваю вас, а вы спросите себя, господа присяжные, разве мог быть мой подзащитный заинтересован в смерти потерпевшего? Нет, нет и еще раз нет! Ибо тогда действительно реализуется ситуация «все концы в воду», которая в самом легком случае полностью подрывает деловую репутацию моего подзащитного, а в худшем — ведет его на скамью подсудимых. Ведь Вредлинский в принципе единственный человек, кто мог бы отвести от Манулова подозрения в организации убийства Евсеева...»

Насколько убедительно прозвучала эта речь для виртуальных присяжных, Вредлинский придумать не успел. Стас крепко сцапал его за плечо и вывел в жестокую реальность.

— По-моему, они от нас еще не отвязались...

ВТОРАЯ ПЕРЕСТРЕЛКА

— Что? — испуганно прошипел Вредлинский.

— Вон там, справа, видите?

Сумерки уже совсем сгустились, и над дорожкой засветились желтые огни светильников. Сам асфальт просматривался неплохо, а вот то, что лежало в стороне от него, погрузилось во тьму. Из тени выступали лишь два-три ближних к дороге ряда деревьев и кустов, а все прочее тонуло в непроглядном мраке.

Эмиль Владиславович, направив свой близорукий взор вперед, как-то непроизвольно стал высматривать силуэт «Форд-Эскорта». Но никаких машин на дорожке не было. Только впереди, там, где дорожка выходила к «стеклянному» трубчатому переходу, переброшенному через шоссе, мелькали фары и габаритные огни мчавшихся сплошным потоком автомобилей.

— Не туда смотрите! Я же сказал — справа! За деревом кто-то стоит... — с легкой досадой на своего шибко заумного босса Прошептал Стас.

Пока Вредлинский шагал, так сказать, «на автопилоте», проводя внутри собственной башки некие судебные слушания по делу о покушении на свою жизнь, Стас продолжал исполнять служебные обязанности. Он не расслаблялся, потому что хорошо понимал: публика с «Форд-Эскорта» может пожаловать еще раз. То, что он говорил Вредлинскому насчет «припугнули», было лишь не очень удачной попыткой успокоить хозяина. И насчет того, что киллеры будто бы вели себя непрофессионально, он тоже сказал так, от балды. Просто Стас понимал, что ему, а значит, и Вредлинскому отчаянно повезло. Промедли Стас еще чуточку — и тот улыбающийся бугай подошел бы еще на пару шагов ближе. Тогда бы он успел спокойно выдернуть пистолет и в упор просверлить умную и интеллигентную голову Эмиля Владиславовича. А потом, уже приняв киллера «на борт» и разогнавшись, «Форд-Эскорт» долбанул бы Стаса бампером, обеспечив ему как минимум пару месяцев травматологии. Впрочем, и добить могли бы, чтоб никаких свидетелей не осталось.

Стасу повезло потому, что он выхватил пистолет еще до того, как киллер достал свое оружие. Бугай заторопился, слишком резко дернул пистолет, и тот на несколько секунд застрял в кармане. Стас и впрямь мог бы положить налетчика наповал даже с десяти метров, но опасался, что Вредлинский в самый неподходящий момент рыпнется и угодит под пулю. Поэтому телохранитель не стал стрелять на опережение, а рискнул добежать до Вредлинского и оттолкнуть его в сторону примерно так, как рослый футбольный защитник берет «на корпус» не в меру прыткого и техничного нападающего. После этого последовал обмен выстрелами, от которого пострадала только дверца иномарки, киллер заскочил в тачку и был таков. По идее, надо было, добежав до мануловской дачи, срочно попросить охранников звякнуть в поселковое отделение милиции или даже в райотдел. Но он и не заикнулся об этом. Все пятерню с перстнем на пальце в окошко совал, придурок! Если б тогда позвонили и вызвали ментов, то второго налета вряд ли пришлось бы ожидать. По крайней мере, сегодня. Конечно, Вредлинский, возможно, считал, что менты обязаны приехать сами, едва услышав пару выстрелов. Если так, то он ужасно наивный человек! Менты себя так низко не ценят, чтоб срываться с места по поводу каждого громкого хлопка на территории поселка. Тем более что хлопки, один к одному похожие на пистолетные выстрелы, издают относительно безобидные китайские петарды, которые свободно продаются на рынках и в магазинах. Этих петард полным-полно в карманах у малолетних обитателей поселка, и они, особенно под Новый год, взрывают их десятками. Сейчас, правда, всего лишь начало октября, но кое-кто уже начал делать запасы для встречи 2000 года а заодно проверять, как работают эти хлопушки. Кроме того, у обитателей дач на руках немало оружия: и пневматического, и газового, и гладкоствольного, и нарезного. Кто и на какой даче решил пальнуть в воздух или по бутылке замучаешься искать, тем более что люди тут все важные, солидные и соваться к ним за забор — весьма стремно. Где постановление о производстве обыска? Вот бог, а вот — порог!

Другое дело, если б Вредлинский позвонил и заверещал, что, мол, на меня напали. Тут менты бы стали рогом землю рыть, а бандюганам пришлось бы валить отсюда полным

ходом. А он не позвонил. Еще понятно, если б Эмиль Владиславович был вором в законе или крутым авторитетом, которым запахло ментов в свои разборки вмешивать. Но он ведь не блатной, а творческий человек, писатель! Известный и в России, и за кордоном. В театр, правда, Стас отродясь не ходил, поэтому ни одной постановки по пьесам Вредлинского не видал, но кинофильмы, снятые по его сценариям, смотреть доводилось. Сознание, что он работает у человека, который эти фильмы «придумал», сильно возвышало Стаса в собственных глазах. Надо же, ему доверили такого умного беречь!

Поэтому в течение всего пути от мануловского дворца Стас крутил головой на 180 градусов. Хотя, конечно, понимал, что туго ему будет спасать хозяина в одиночку, да еще и с не самым лучшим оружием в руках. «Иж-71» — это даже не «макарон», хотя внешне похож один к одному. Калибр тот же, а патроны слабые. словно бы нарочно кто-то хотел, чтоб у бандита, которому закон не писан, было преимущество перед охранником. Конечно, у Вредлинского «глок», но он же из него в корову не попадет! Да и вытащить не успеет... Нет, надо поменяться пушками с боссом, иначе хана!

Когда в кустах по правую сторону дороги на секунду мелькнула какая-то подозрительная тень. Стас напрягся. После того как он сообщил Вредлинскому о своих наблюдениях и увидел, что босс явно струхнул, то еще больше укрепился во мнении насчет обмена оружием.

— Эмиль Владиславович, — шепотом попросил Стас, — передайте мне по-тихому ваш ствол. Иначе, боюсь, не отмашемся...

Он только что заметил, что сзади, теперь уже по левой стороне дороги, тоже шевельнулись кусты. Значит, их пасут минимум двое. То есть напасть могут и справа, и слева, и спереди, и сзади. Нет, пожалуй, лучше обе пушки иметь при себе!

Вредлинский упираться не стал и неловко достал «глок-17». Стас забрал оружие, но свой «ижику» Вредлинскому не отдал. Эмиль Владиславович не возражал. Он понимал, что куда лучше будет, если вся «огневая мощь» сосредоточится в руках профессионала.

— Если что, — наскоро инструктировал телохранитель, — сразу отскакивайте с дороги вправо, падайте наземь и ползите в кусты! Метров десять проползете от дороги, потом вскакивайте — и бегом к шоссе. В лесу темно, прицельно стрелять неудобно. А если выскочите на большую дорогу, они там навряд ли начнут стрелять...

Прошли еще несколько шагов. Стас окончательно засек место, где укрылся тот, что был впереди справа. Он стоял за толстым стволом старого дерева, в трех метрах от бордюра дорожки. Хорошо встал, гад! Учел расположение фонаря, куда ложится тень от этого ствола, и теперь прятался в этой тени. Нет! Дальше идти опасно. С двадцати метров этот тип, если он хорошо стреляет, может достать.

— Вправо! — Стас левой рукой сцапал Вредлинского за локоть и буквально вбросил в кусты. Ошалелый драматург не удержал равновесия, зацепился ногой за корень и, больно ушибив коленку, растянулся на покрытой мокрыми листьями траве. Но зато расчет оказался верен — Вредлинский разом выпал из поля зрения потенциальных стрелков. Стас тоже постарался не маячить на виду — с треском, будто лось-сохатый, проломился сквозь куст и упал рядом с толстенным пнем, должно быть, оставшимся от дерева, поваленного прошлогодним ураганом.

Эти внезапные действия Стаса явно обескуражили засаду. Похоже, они еще за секунду до этого полагали, будто остаются незамеченными, и готовились подпустить свои «объекты» поближе, чтоб открыть огонь в упор и наверняка. ан нет, оказалось, что «объекты» их заметили, ушли с открытого места, и теперь играть надо на равных, то есть выцеливать противника на темном фоне деревьев, кустов и травы, с которой первый снег к вечеру совсем стаял. А тут уж кому повезет...

Вредлинский, конечно, ползать по-пластунски не умел. Он даже в детстве не играл в войну, потому что во дворе, как считала мама, для него не было подходящей компании — одна шпана. Но даже если б умел, то проползти десять метров по мокрым и грязным листьям было выше его сил — по причине врожденной брезгливости. В результате он прополз всего пару метров на четвереньках, постанывая от боли в ушибленном колене, а потом поднялся на ноги и, охая, скорее заковылял, чем побежал в лес.

Стас приглушенно матернулся, но не стал ничего орать вслед — не захотел обозначать свое место. Тем более что Вредлинский и так ужас как громко шуршал кустами и трещал ветками.

Однако именно этот шум, как ни странно, сыграл положительную роль.

Тот тип, что находился позади, на другой стороне дороги, возможно, подумал, что оба «клиента» рванули в лес, бегом и без оглядки. А потому, чтоб не остаться вне игры, решил по-быстрому перебежать дорогу. Топ-топ-топ!

Стас, наблюдавший за деревом, где метрах в двадцати от него скрывался еще один молодчик, резко обернулся и увидел, как хорошо освещенную дорожку быстро перебегают детина с пистолетом.

Реакция у спецназовца была еще та — мастерство не пропьешь! Стас мигом сообразил, что если не успеет завалить этого бегуна, то окажется между двух огней — тогда пень не поможет и хана наступит неизбежно. Ствол «глока» в доли секунды переместился на движущуюся мишень с нужным упреждением. Двойное нажатие на крючок... Шарах!

— Ы! — коротко вскрикнул детина. Он буквально набежал на свою пулю. Стас рассчитывал угодить в бедро, но немного не рассчитал. Отдача у «глока» была помощнее, чем у хорошо пристрелянного Стасом «Иж-71», и ствол при выстреле чуточку задрало вверх. Поэтому пуля ударила «бегуну» в левый бок и, пробив ребра, вонзилась в сердце. Удар ее был настолько силен, что незадачливого киллера отшвырнуло метра на два, бросило на мокрый асфальт правым боком, а потом по инерции откинуло навзничь. Как лег, так и застыл с подвернутой под себя левой ногой. Стас мог констатировать смерть не хуже любого доктора...

Впрочем, ему было не до медицинских наблюдений. Тот, что лежал на асфальте, даже если еще дышал, стрелять однозначно не мог. А вот второй, от которого Стаса прикрывал пень, как видно, заметил вспышку выстрела. Бах! Ш-щек! — пуля с треском отсекла от пня здоровенную щепку с куском коры, Стас инстинктивно пригнулся. Хорошо пальнул, гад, с двадцати метров, в темноте, а почти попал! Пожалуй, если Стас малость выставится из-за пня, то может очень не хило словить в лобешник... Хреново!

Телохранитель озабоченно прислушался к удаляющемуся треску веток в той стороне, куда драпанул Вредлинский. Нет ли еще кого третьего в компании этих братков? А то, пока тот, что за деревом, будет сковывать Стаса, не давая ему высунуться из-за пня, этот третий догонит Эмиля Владиславовича тихо, без стрельбы и кровопролития свернет ему шею.

Однако никаких лишних шорохов и тресков, свидетельствующих о том, что некто погнался за Вредлинским, чуткие уши Стаса не услышали. Зато они услышали шорохи и трески, характерные для работы УКВ-радиостанции. Чего-чего, а этих хрюков и писков Стас поверх головы наслушался и в Афгане, и в Чечне, и в разных других местах, куда заносила его буйную головушку прежняя служба.

Несомненно, тот, что прятался за деревом, с кем-то связывался и что-то бубнил в рацию. К сожалению, говорил он тихо, и разобрать все полностью Стасу не удавалось. Впрочем, Стас и так догадывался, о чем может идти речь. Не иначе, браток просил страхующих корефанов, чтоб подскочили на машине к шоссе и перехватили Вредлинского у обочины. Впрочем, он и сюда мог машину запросить чтоб забрать подстреленного, а заодно разобраться со Стасом.

Именно благодаря этому последнему предположению Стас не стал дожидаться конца радиосвязи. Он быстро сообразил, что ежели этот гад говорит по рации, то держит пистолет только одной рукой, к тому же раз он говорит тихо, значит, держит рацию близко от лица и либо вообще не смотрит в сторону пня, либо поглядывает изредка. Стало быть, если сейчас Стас резко и быстро выскочит из-за укрытия, то среагировать бандюга сможет лишь через пару-тройку секунд.

Все у Стаса вышло четко. Сжавшись как пружина, он молниеносно распрямился и одним махом перепрыгнул за дерево, стоявшее в паре метров от пня, — р-раз! А затем веретеном перекатился по траве за густую купу кустов — два! Бах! Бах! спохватившийся стрелок срезал пару веток, но Стаса не задел. А вот Стас в момент засек точку, где мигнула оранжевая вспышка, и тут же три раза подряд нажал спуск.

— Уй-я-а! — истошно взвыл тот, кого достал Стас, но телохранитель уже стремглав несся сквозь лес в сторону дороги.

Путь, который Вредлинский проковылял за пять минут. Стас проскочил меньше чем за десять секунд и левой рукой подцепил за локоть испуганно ойкнувшего драматурга.

— Это я! — выдохнул Стас. — Вы не ранены, Владиславович? Чего хромаете?

— Колено ушиб... — пожаловался тот. — Еле иду!

— А надо быстрее! — жестко сказал Стас. — Бегом бежать надо! Хватайтесь за шею!

Вредлинский немедленно выполнил это указание, Стас подхватил его под тощие коленки и легко взгромоздил на свою могучую хребтину. Хоть Вредлинский и имел астеническое телосложение, но дистрофиком не был и весил не менее шестидесяти кило. Однако Стас не только не уронил своего седока, а еще и припустил бегом во весь дух, яростно сопя и матерясь без конкретного адреса.

«Дает же бог людям силу!» — искренне позавидовал Эмиль Владиславович. Конечно, он, даже передвигаясь на чужих плечах, жутко боялся. Например, того, что Стас споткнется и он, Вредлинский, разможжит себе голову о какое-нибудь дерево. Или о том, что если сзади прилетит пуля, то непременно вонзится ему в спину.

Ничего подобного не случилось. Стас уже почти дотащил Вредлинского до оживленного шоссе, шум машин уже слышался совсем рядом, а в просветах между деревьями то и дело мелькал свет фар.

Стас выбежал на небольшую прогалину, с разгона пересек ее и вновь нырнул за деревья, Вредлинский пискнул — его больно хлестнуло по лбу веткой.

— Ничего, — подбодрил Стас, — добежим!

Однако откуда-то сзади отчетливо послышался треск кустов — кто-то явно догонял Стаса, бежавшего отнюдь не налегке. Стас, услышав нарастающий топот, сообразил, что выскочить к дороге не успеет. Он остановился, присел, свалил Вредлинского со спины и пропыхтел, отдуваясь:

— Уходите сами, тут метров тридцать осталось! Дуйте за шоссе, туда не полезут!

Вредлинский — колено у него уже прошло — неуклюже потрусил в сторону шоссе. Краем глаза он увидел, как из-за деревьев на оставшуюся позади прогалину выскочил человек с пистолетом и навскидку выстрелил. Ш-шить! — уже знакомый свистяще-шелестящий звук пули, прошедшей где-то в стороне, бросил Вредлинского на землю. Однако он не стал лежать неподвижно, а на карачках пополз к дороге.

Кусты затрещали еще в двух или трех местах. Стас понял, что связался с очень крутыми людьми, которые от своего не отступятся. Если они готовы шмалять в двух шагах от проезжей дороги, по которой и ДПС, и ГНР катаются,

— значит, не больно-то их боятся.

Тем не менее Стас, плюхнувшись за куст и резко откатившись за ближайшее дерево, решил взять «на психику»:

— Стоять! — заорал он зычным басом. — Бросай оружие! Стреляю на поражение! Первый предупредительный!

И пальнул в воздух. А тут, как по заказу, со стороны шоссе донеслось пиликанье милицейской сирены, и в промежутках между деревьями засверкали сполохи милицейской мигалки. Вообще-то, эта машина просто-напросто проехала мимо, но преследователи этого не знали.

— Менты! — завопил кто-то за кустами. — Валим отсюда! После чего послышался дружный топот нескольких пар ног, быстро бегущих прочь от шоссе.

Воспользовавшись этим, Стас, чтоб они еще шагу прибавили, несколько раз выстрелил вслед, благо в «глоке» было еще полно патронов. Затем он, укрываясь кустами и петляя, бросился к шоссе.

Уже совсем рядом с кюветом Стас неожиданно наткнулся на дерево, около которого обнаружился его подзащитный.

— Я же, блин, сказал: за дорогу перебегай! — прорычал Стас, забывая о субординации и обращении на «вы» к хозяину. — Тупой, что ли?!

— Я не могу... — пролепетал Вредлинский. — У меня нет сил... Стас хотел обmaterить этого плаксу пожилого возраста, но не успел. В потоке машин, постоянно проносившихся по шоссе, он каким-то шестым чувством учуял опасность. Точно! Знакомый «Форд-Эскорт» пролетел мимо них всего в нескольких метрах и прижался к кювету метрах в двадцати. Из него выпрыгнул парень в кожанке, одним махом перескочил через кювет и нырнул в лес.

— Ну, екалэмэнэ! — вырвалось у Стаса. Теперь перебегать шоссе было поздно — запросто могли бы срезать. Этим отморозкам, похоже, все по фигу! Если сейчас еще и те, что ментов напугались, вернутся — кранты!

А из машины уже выскочил второй вооруженный человек и тоже перепрыгнул кювет. Сейчас один будет прижимать огнем, а другой подберется сбоку и лупанет в упор... Ну и лопух же он был, когда согласился охранять этого старого козла! Во втравил в разборку, дедуля! И менты хороши — пальба рядом с шоссе, а им хоть бы хрен! Неужели и впрямь думают, будто это детишки с хлопучками балуют?!

Стас грубо свалил оторопелого Вредлинского на землю.

— Лежи и не рыпайся! Убьют!

Вскоре печальный прогноз Стаса начал сбываться. Те двое, что вылезли из иномарки, начали атаку. Один пальнул в сторону сосны, за которой укрылись Стас и Вредлинский, пуля прожужжала, словно запоздалый блудный шмель, где-то совсем рядом. Потом послышался глухой топот по жухлой траве и опавшим листьям чух-чух-чух! Потом снова — бах! Звук выстрела слышался сильнее, к тому же опытный Стас мог бы дать голову на отсечение, что стреляли из пистолета другой системы. А раз так, значит, два пистолета палили в их сторону. Один стреляет, другой перебегает, все по науке...

Еще раз вжикнула пуля, прошуршали, осыпаясь, ошметки коры, за шиворот свалились дождевые капли, сбитые с веток. Нет, если они так и будут лежать, то пропадут оба... А что, если рискнуть и дать пистолет этому недоделку? Пусть лежит и пуляет с закрытыми глазами в белый свет как в копеечку, а он, Стас тем временем попробует обойти этих гавриков...

Одной рукой он сжал плечо подопечного, а другой подал ему пистолет.

— Бери свой пугач, — приказал он Вредлинскому.

— С-стрелять? В-в людей? — в ужасе пролепетал тот. — Нет! Я не могу! Я не попаду!

И тут произошло то, чего Стас никак не ожидал. Вредлинский легко сбросил со своего плеча тяжелую руку Стаса — а еще врал, будто силы не имеет! — и рванул что было мочи куда-то назад, вдоль придорожного кювета. Тотчас грохнули два выстрела, но пули ударили в стволы деревьев.

Никогда еще Эмиль Владиславович не бегал так быстро. Стрельба за его спиной то возобновлялась, то затихала, он слышал не то шесть, не то восемь выстрелов. Когда он добежал почти до самого мостика-перехода, перекинутого через шоссе, то больше пальбы не слышал,

По инерции он направился к надземному переходу. А потом лишь плюнул в его сторону и, словно пацаненок, съехал на «пятой точке» в придорожный кювет. Ему не хотелось вползать внутрь этого гигантского уродливого червя, что вздыбился над шоссе прозрачным трубчатым чревом. Даже не потому, что боялся нарваться там на бандитов. Он и прежде жуть как не любил эти переходы, которые в последние годы расплодились по подмосковным дорогам, как выползши после ливня. То ему казалось, будто этот переход непрочный и слишком хрупкий для русской природы, то ему казалось, будто он уподобляется чему-то неэстетичному и неаппетитному, ползущему по полупрозрачной кишке... Поэтому пользовался он этим новшеством только здесь, да и то под истеричным контролем сына и дочери. Те несколько раз видели из-за кустов, как он нарушает правила безопасности дорожного движения, а потом начинали донимать его упреками, что, мол, он пренебрегает собственной жизнью... Может быть, если б Вредлинский был убежден, что они искренне переживают за его судьбу, это не раздражало бы его так сильно. Но он хорошо знал: будь у них сейчас вдоволь денег, хорошие собственные квартиры и дачи, новые иномарки и прочее барахло — они б ему и напиток не подали... Еще драться и стрелять друг в друга будут, когда начнут делить наследство после его кончины! Просто он им еще нужен, как источник всяких там «дотаций» и «инвестиций» в их будущее счастье.

Дерьмо!

Вскарабкавшись по мокрому скользкому откосу, Вредлинский выскочил на дорогу. Даже забыл осмотреться. Его счастье, что поток автомобилей на пару минут иссяк, и единственная машина появилась справа, когда Вредлинский уже почти пересек шоссе. Но какая!

Он услышал гул мотора совсем рядом. Успел оглянуться, но нипочем не сумел бы отскочить... Вредлинского буквально парализовало: прямо на него несся знакомый светло-бордовый «Форд», должно быть, развернувшийся через осевую и ринувшийся на свою жертву.

И тут откуда ни возьмись явился Стас. Сколько метров оставалось до смертоносного бампера — Вредлинский, уже зажмурившийся от ужаса, конечно, не успел заметить. Не видел он и того почти невероятного, не то оленьего, не то тигриного прыжка, который совершил его бодигард. Собственно, Эмиль Владиславович и самого Стаса не заметил — уже очутившись в кювете, залитом жидкой грязью, Вредлинский решил, будто «форд» все-таки ударил его, но не бампером, напрямую, а лишь вскользь чиркнул гладким кузовом по плечу.

Но это было не так. Стас, совершив свой фантастический прыжок, буквально вышиб остолбеневшего хозяина из-под удара бешеной иномарки. Правда, толчок оказался настолько сильным, что Вредлинский, улетев в кювет, на несколько секунд потерял сознание.

Когда Эмиль Владиславович очухался и сумел подняться на ноги, то увидел озабоченную рожу телохранителя.

— Вы целы? — побеспокоился Стас, позабыв или не желая вспоминать про все глупости, совершенные трусливым и эгоистичным патроном.

— Это не важно. Мне и мертвому надо туда, за архиерейский лес. Потом обязательно пойдём к Георгию чай пить. Там, надеюсь, вся разгадка. Узнаем, кто в моторе сидит, кто в прятки играет, а кто Мордвинова обижает, — пробормотал мистик.

Молчаливый, никогда ничего не переспрашивающий и не уточняющий Стас, телохранитель-профессионал, бывший спецназовец с элитной подготовкой, и на этот раз не изменил своей привычке. Лишь искоса поглядел на шефа, словно интересуясь, не повредил ли тот голову, ударившись об асфальт. «Творческий человек, япона мать!» — подумал Стас не то с уважением, не то с жалостью...

О ЧЕМ НЕ ЗНАЛ ВРЕДЛИНСКИЙ (штрихи к портрету российского масонства) (продолжение)

Еще одним духовным предшественником орденового луба-братства «Русский Гамлет» была «Великая ложа Астреи». Странные и противоречивые отношения связывали ее с властями...

Накануне Первой мировой войны полиция, Охранное отделение, Отдельный корпус жандармов и контрразведывательное отделение Генерального штаба — то есть практически все спецслужбы Российской империи, имевшиеся в наличии, — самым активным образом вели наблюдение за масонскими организациями. Более того, были даже произведены аресты некоторых второстепенных членов всевозможных «лож», «братств» и «орденов». Эта «забота» была вызвана тем, что масонские общества обладали обширнейшими международными связями, которые, как справедливо предполагали господа, отвечавшие за безопасность престола и отечества, могли быть использованы иностранными разведками для сбора секретной информации военного, политического и экономического характера. Кроме того, тогда же возникло понимание серьезной угрозы государственному строю России, исходящему от масонских лож.

Речь шла отнюдь не о подготовке пролетарской или хотя бы буржуазно-демократической революции, а о том, что теперь принято называть «коррупцией власти».

Столыпинские реформы и промышленный подъем 1910 — 1913 годов, которые подаются в качестве доказательства того, что Россия якобы могла бы добиться гораздо большего экономического успеха без революции 1917 года, на самом деле нанесли Российской империи смертельный удар. Более того, они до некоторой степени предопределили и вступление России в империалистическую войну на стороне Антанты, и ожесточенный ход Гражданской войны, и участие в ней иностранных интервентов, и раскулачивание, и даже репрессии 1937 года. Но самым ближним последствием реформ Столыпина был колоссальный рост коррупции в органах власти и выход коррупционных отношений на качественно иной уровень.

Мздоимцы в России были всегда. Дача взятки чиновникам всех уровней, начиная с сельского старосты и кончая премьер-министром, считалась почти узаконенным явлением во все века. Нельзя было только «брать не по чину», то есть больше, чем твой непосредственный начальник. Ну и, конечно, нужно было делиться с начальством, чтоб оно закрывало глаза на все злоупотребления.

Однако в достопыпинскую эпоху взяточдатель был всего лишь униженным просителем, который буквально вымаливал у облеченного властью чиновника некое полезное для себя действие или бездействие. В годы реформы и промышленного подъема взяточдатели, попросту говоря, взяли нужных чиновников на содержание и рассматривали их уже не как «благодетелей», а как наемных служащих, которые обязаны были делать то, что нужно тому, кто платит им «жалованье», во много раз превышающее официальное, получаемое от казны. Вот это и был качественный скачок в развитии коррупции.

До некоторой степени был коррупционером и сам Николай II. Пять миллиардов франков заем, полученных от Франции на ликвидацию последствий революции 1905 года, отказ Великобритании от претензий на Среднюю Азию и соглашение о разделе Ирана на сферы влияния в 1907 году, а также обещания удовлетворить русские претензии на Галицию и турецкие проливы были своего рода «подкупом». И лукавая Марианна, и коварный Джон Буль дали «Хозяину Земли Русской» небольшую взятку за то, чтоб «кузен Ники» предал «кузена Вилли», то бишь германского императора Вильгельма II. Эфемерные блага — проливы Босфор и Дарданеллы, как выяснилось позже, только посулили, а отдавать не собирались! — были обещаны за вступление в войну против Германии и Австро-Венгрии. Россия не воевала против них аж с 1813 года — больше ста лет. Конечно, бывали и обострения отношений — например, во время Крымской войны 1853 — 1856 годов или в 1879 году, когда немцы и австро-венгры помешали Александру II в полной мере воспользоваться плодами победы в русско-турецкой войне, но до войны дело не доходило. Зато выгод от союза с центральными державами было несравненно больше. И Наполеона в 1813 1814 годах били дружно, и с крамолой 1830 — 1831, 1848 — 1849 и 1863 — 1864 годов (во многом инспирированной англичанами и французами!) боролись вместе. Большая часть русских кораблей, сумевших пережить русско-японскую войну, отстоялась в нейтральном порту Циндао — немецкой колонии в Китае. Наконец, ни одна европейская нация, кроме германской, не подарила России столько выдающихся имен, которые прославили империю. Одни фамилии моряков чего стоят: Крузенштерн, Беллинсгаузен, Литке, Врангель! А были еще многочисленные генералы разных эпох, драматург Фонвизин, партизан Фигнер, художник Брюллов, «добрый доктор» Гааз, поэты Дельвиг, Кюхельбекер и Фет... Наконец, Екатерина II Великая! Все это, как и спокойствие западной границы

— никто не вторгался через нее с 1812 года! Николай II обменял на посулы и заем, который мы по его поручению не выплатили. Останься, он дружен с «кузеном Вилли» — глядишь, и спас бы свою династию от падения.

Конечно, мы утрируем ситуацию. Хотя окончательное слово принадлежало императору, соглашения с Антантой готовились большими коллективами сотрудников МИДа. Неужели там сидели наивные профаны, не понимавшие, что Россию втягивают в гигантскую бойню за англо-французские интересы? Ой ли! Неужели в Военном и Морском министерствах не было — толковых специалистов, которые понимали, что Россия намерена вести наступательную войну, не имея в достатке тяжелой артиллерии и даже годичного запаса снарядов и патронов, что у России почти нет современных линкоров и линейных крейсеров, мало подводок, что авиация состоит из устарелых «иномарок», а свои собственные самолеты производятся полукустарным способом на велосипедных заводах? Наконец, неужели развитая агентурная сеть разведки русского Генштаба не докладывала о том, что немцы, австро-венгры, болгары и турки вовсе не собираются атаковать мощную линию крепостей на русских границах? Ведь несмотря на то, что войну объявили немцы, это русские первыми вторглись в Восточную Пруссию и Галицию...

Нет! Были и трезвомыслящие дипломаты, и военные специалисты, и разведчики, но им навесили ярлык «прогерманской» партии, в газетах кем-то умело раздувалась антинемецкая кампания, позже приведшая к погромам немецких магазинов, предприятий и даже самого посольства в Петербурге, конфискации собственности германских подданных, наконец, к высылке их в Сибирь и северные районы Европейской России. Сталин, увы, к этим акциям

никакого отношения не имел...

За всей этой предвоенной возней стояли люди, которых позже стали именовать «темными силами». Правда, этот термин употребляли прежде всего в отношении Распутина и его окружения, но на самом деле это была лишь верхушка айсберга. Подковерную борьбу между собой вели крупные финансово-промышленные группы России, связанные с иностранным капиталом. Одни, ориентировавшиеся на Германию, стремились воздействовать на царя с целью удержать его от вступления в войну, другие, проантантовские, напротив, всемерно поддерживали милитаристские настроения в обществе, спекулируя на святах для многих россиян идеях славянского братства. О том, что ради защиты братьев-сербов и вызволения из «швабской неволи» братьев-галичан придется убивать братьев-болгар, а также поляков, чехов, словаков, хорватов, словенцев, боснийцев и русинов, одетых в австро-венгерскую форму, ничего не говорили.

Увы, те, что раздували военный пожар, оказались в большинстве. Слишком большое обогащение сулили военные заказы!

Масонские организации приняли самое активное участие в тайной предвоенной борьбе. Именно через ложи и братства устанавливались контакты высших чиновников с олигархами, выдвигались кандидатуры на роль «агентов влияния», разрабатывались проекты решений, которые позже принимали правительственные инстанции.

Естественно, что и среди самих лож произошел некоторый раскол на, так сказать, преимущественно проантантовские и преимущественно прогерманские объединения, хотя во многих случаях какой-либо четкой позиции масоны не занимали, предпочитая быть тем ласковым телком, который сосет двух маток сразу.

В то самое время, когда Николай II и его сыскной аппарат рвали и метали в поисках тайных масонских обществ, разлагавших и захватывавших в плен души царских высших чиновников, царское же Министерство иностранных дел активно сотрудничало с «Великой ложей Астреи», надеясь получить наиболее объективную информацию об обстановке на Балканах именно с помощью агента-масона. Агенту предстояла поездка в Сербию и Болгарию с целью прощупать настроение оппозиционных кругов в этих странах по отношению к России и возможной войне.

Поручение, которое выпало представителю ложи Астромову-Астрошову, отличалось особой тонкостью. Ведь Сербия и Болгария — две южнославянские православные страны, долгое время рука об руку боровшиеся против турецкого ига, говорящие на языках, между которыми не больше различий, чем между русским и украинским, в 1913 году стали непримиримыми врагами. Причем произошло это всего через несколько недель после того, как победоносно завершилась 1-я Балканская война 1912 — 1913 годов, когда Сербия, Болгария, Черногория, Греция и Румыния, совместно выступив против Турции, окончательно покончили с господством Османов на Балканском полуострове. И вот, когда, казалось бы, надо жить да радоваться, между Сербией и Болгарией разгорается ожесточенный конфликт из-за крохотного клочка земли — Македонии. Как по команде, бывшие союзники по 1-й Балканской (плюс оправившаяся от разгрома Турция) набросились на болгар и нанесли им поражение. Россия, имевшая огромное влияние и в Сербии, и в Болгарии, вполне могла бы примирить спорщиков, не доводя дела до крови. Но она не сделала этого, потому что на болгарском троне сидел австро-венгерский ставленник, и употребила свое влияние в поддержку Сербии, дабы «наказать» болгарского царя. Кто это «умное» решение подсказал?! История помалкивает. Но фактом остается то, что в 1915 году Болгария вступила в мировую войну на стороне центральных держав и именно ее удар по сербам привел братскую славянскую страну к разгрому.

В 1914 году о таком развитии событий мало кто догадывался. Полагали, будто Болгария все

же не рискнет вступить в войну на стороне Германии и Австро-Венгрии. Однако наиболее дальновидные и осведомленные люди знали, что за территориальным спором из-за Македонии стоит отнюдь не Вена, а Лондон. Именно там, в недрах Форин Оффис, была поставлена сверхзадача: исключить возможность каких-либо «полюбовных» соглашений между Россией и Австро-Венгрией в балканском вопросе, расколоть единство славянских и православных стран на полуострове, подтолкнуть Болгарию к союзу с ее извечным врагом Турцией и максимально осложнить действия России на пути к Босфору и Дарданеллам — тем самым проливам, которые были обещаны ей за вступление в войну на стороне Антанты. Этой же самой цели послужили почти беспрепятственный пропуск англичанами через Средиземное море крейсеров «Гебена» и «Бреслау» в 1914 году и неудачная Дарданелльская операция 1915 года, когда союзники решили явочным порядком захватить проливы.

Все эти события были еще впереди, но уже до начала войны царский МИД много знал о тех тайных пружинах, которые приведены в действие на Балканах «доблестными друзьями-союзниками». Этому в немалой степени поспособствовала миссия Астромова-Астрошова. Организатором миссии был, как это ни удивительно, вовсе не дипломат и не разведчик, а казалось бы, совсем далекий от международных проблем человек: в миру — директор Императорского психоневрологического института Владимир Михайлович Бехтерев, а в масонстве один из лидеров «Великой ложи Астреи». Впоследствии, уже при Советской власти, он, по демократическим данным, обнаружил у Сталина признаки прогрессирующей паранойи, а затем скорострительно скончался, якобы отравленный Ягодой.

Но это так, к слову...

ЧАЕПИТИЕ У ГЕОРГИЯ

— Ох, извозились же мы с вами, Эмиль Владиславович! — озабоченно заметил Стас, когда они с Вредлинским уже приближались к даче режиссера Крикухи. Особенно вы. Не иначе, когда в кювет бултыхнулись... Может, все-таки сперва домой зайдем? Неудобно же будет: к уважаемому человеку — и в таком ухрюканном виде...

— Предрассудки! — отмахнулся Вредлинский. — Мы с Жоркой — старые друзья. И обсушимся, и глину ототрем, и рюмкой чая погреемся.

— Воля ваша, — покачал головой Стас, подумав про себя, что, будь он на месте Крикухи, то нипочем не пустил бы таких на порог. Даже если б это были его лучшие друзья. Дача Георгия Петровича выглядела не лучшим образом, хотя когда-то смотрелась неплохо. Столбы, на которых держался забор, местами подгнили и покосились, соответственно накренив и сам забор. Красили этот забор не иначе еще при Советской власти. Остатки темно-зеленой краски сохранились на серых досках в виде какой-то полуоблупившейся шелухи-коросты. При свете уличного фонаря можно было разглядеть и крышу, скорее ржавую, чем выкрашенную суриком. В доме горел свет, поэтому Вредлинский решительно постучал в запертую калитку.

За забором послышался внушительный собачий лай. Стас, который здесь прежде не бывал, подумал про себя, что с таким псом шутки плохи, и предположил, что ежели хозяин все-таки не захочет принимать гостей, то эта зверюга поможет ему остановить и более многочисленную делегацию.

— Валдай! — позвал Вредлинский. — Валдаюшка! Хорошая собачка! Где Жора? Позови мне Жору, пожалуйста!

Стас сразу изменил мнение о собаке. Дерьмо это, а не сторож, если позволяет чужому звать себя по имени! Да он, Валдай этот, должен был пуще прежнего загавкать, начать на калитку бросаться, а не подобострастно скулить и выполнять приказы человека, который ему не хозяин. Взял да и потрусил, дуrolом, к дому, взбежал на крыльцо и стал дверь скрести: дескать, слышь, хозяин, до тебя пришли...

Скрипнула дверь, на крыльце в световом прямоугольнике появился человек в наброшенном на плечи брезентовом дождевике с капюшоном и, сопровождаемый Валдаем, пошел открывать калитку.

Отпер, даже не спросив, «кто там?», хотя калитка была сплошная и высокая, а потому разглядеть через нее даже двухметрового Стаса было невозможно. Если бы гости бандитами оказались — и пикнуть не успел бы...

На Стаса и Вредлинского пахло долговременным перегаром, они увидели поросшее щетиной, багроватое и опухшее лицо, даже скорее рожу, а также трепаные и перепутавшиеся седые патлы, выбивавшиеся из-под капюшона дождевика.

Но на рожке этой почти сразу же засияла немного щербатая и гнилая улыбка.

— Милька! — пьяно хохотнул Георгий Петрович. — Не забыл, значит, не загордился? Ну, заходи, заходи...

Даже и не спросил, кто это с тобой, дорогой дружок? Стас, всю жизнь проживший как на стреме, потому что его и лучшие друзья кидали, и любимые девушки, и даже брат родной очень удивился такой простоте. Даже позавидовал этим стариканам, что вот так, запросто, могут друг с другом общаться.

Действительно, все вопросы об «ухрюканном» внешнем виде очень быстро отпали. Мокрые штаны и куртки, обляпанные глиной, Георгий Петрович повесил сушиться на печь, ботинки с носками тоже пристроил, а вместо них выдал сухие тренировочные и теплые тапки. При этом, опять-таки к удивлению Стаса, ни разу не поинтересовался, где это гости так извозились и промокли. Похоже, что он радовался самому факту того, что к нему пришли люди и хоть на какое-то время прервалось тоскливое стариковское одиночество. Правда, Стас, когда переодевался, сумел незаметно для хозяина припрятать пистолеты под свитер и даже кобуру у Вредлинского забрал.

На столе появилась бутылка, соленые грибочки, огурцы, черный хлеб, а также сковородка с жареной картошкой и тушенкой с луком.

Крикуха разлил веселое зелье в граненые стопки и, сияя, произнес:

— За встречу!

Все осушили залпом, и настроение сразу поправилось. Крикуха, как уже говорилось, был просто рад хорошей компании, Вредлинский и Стас снимали стресс.

Под первый хмель пошли воспоминания. Конечно, первым взялся ворошить историю Георгий Петрович. Вредлинский, конечно, поддержал эту тему, хотя в голове у него по-прежнему зудели мистические аналогии — чаепитие у Георгия, Алике, «мотор», игра в прятки, Мордвинов-жертва и прочее. Но Эмиль Владиславович, вопреки сомнениям Стаса, вовсе не сошел с ума, чтоб интересоваться этим напрямую. К тому же ему отчего-то верилось, что все предопределено, и тайный смысл цитаты из царского дневника непременно откроется ему именно здесь, в ходе общения с Жоркой. Поэтому Вредлинский охотно вспоминал о том, как они с Крикухой работали над фильмами, как порой жестоко спорили, особенно по поводу того, какой актер подходит на ту или иную роль, а какой нет, как перезванивались по ночам,

дабы сообщить друг другу те гениальные идеи, которые их вдруг осеняли... Да, были времена когда-то!

Стас, как уже отмечалось, многие фильмы, о которых шла речь, видел и в кинотеатрах, и по телевизору. Конечно, он в беседу не вмешивался, ибо его еще в детстве бабка наставляла:

«Помолчи, за умного сойдешь!» Однако, несмотря на свою полную неграмотность в области киноискусства, он не ощущал скуки. Надо же, блин, рядом с ним, за одним столом, сидят люди, которые несколько десятков фильмов зашурудили! И каждый из этих фильмов посмотрело несколько десятков миллионов человек. Эмиль Владиславович, тот, кого он охраняет, придумал и написал из собственной головы героев и то, что они в фильме будут делать, а Георгий Петрович подобрал актеров, натуру и этих самых придуманных, существовавших только на бумаге людей превратил в живых. То есть, строго говоря, в образы, запечатленные на пленку. Конечно, вроде бы все разумом знают и понимают, что это не настоящая жизнь, а игра, но сердцем все равно переживают за тех придуманных людей, которых играют актеры. И даже плачут по-настоящему, если киношный персонаж погибает, и злятся, допустим, на то, что главная героиня влюбляется не в того, в кого надо.

И еще одна вещь поразила Стаса. Раньше ему никогда не

доводилось думать, что киношники, снимая актеров в фильмах, по сути дела, дарят им бессмертие. Чарли Чаплин сто лет назад снимался и уж лет сорок как помер. А над фильмами, где он играет и хохмит, все еще весело смеются, даже кассеты и видеодиски покупают, хотя они черно-белые и без звука. Конечно, не все фильмы такие, многие, наверно, даже через десять лет после премьеры не станешь смотреть, а какие-то и вовсе больше одного раза видеть неохота, но все-таки... Даже при том, что сейчас каждый мало-мальски состоятельный человек может видеокамеру купить и снимать все семейные праздники, путешествия, похороны и даже трудовые будни — то есть самую настоящую жизнь, — это совсем не то. Уж сколько лет, как нет на свете и настоящего Чапаева, и артиста Бабочкина, и настоящего Петьки, и артиста Кмита, а анекдоты про «Василия Ивановича» все рассказывают и рассказывают. И фильм по-прежнему смотрят, хоть его теперь не больно часто показывают.

Бутылка под хорошую беседу и закуску усиделась в три тоста. Как ни странно, никто не захмелел, хотя поначалу Стас был убежден, что его боссу при хилом здоровье и телосложении даже сто грамм — много, а они как-никак 750 на троих расхлебали. И насчет Георгия Петровича сомневался, потому как тот еще до них причастился, и лишняя четвертинка могла «сдетонировать». Спокоен Стас был только за себя — ему и пару пол-литр доводилось загружать.

Хозяин пробежался до холодильника за второй бутылкой. Стас скромно заметил:

— Может, перерывчик сделаем, Эмиль Владиславович? А то еще Александра Матвеевна ругаться будет... Давайте лучше чайку хлебнем.

Вредлинский, вспомнив, что Николай II 10 октября 1916 года ходил к Георгию пить чай, а не водку, неожиданно поддержал своего охранника:

— Верно! Годы у нас не те, чтоб злоупотреблять. Отгуляли свое...

— Ну, чай так чай! — согласился и Крикуха, должно быть, вовремя вспомнив, что бутылка у него в доме последняя и завтра, чтоб похмелиться, придется ни свет ни заря вскакивать и бежать в круглосуточный магазин.

В общем, бутылку он убрал, поставил чайник на электроплитку, а сам вернулся к столу.

— Что мы, Жора, все о прошлом да о прошлом? — подперев ,рукой щеку, спросил

Вредлинский. — Неужели все у нас там, в туманной дали невозвратной?

— Да вроде бы не все, — хмыкнул Крикуха. — Пашка тебе не рассказывал, что предложил мне у него в Голливуде поработать?

— Не-ет... — с искренним изумлением произнес Вредлинский. — И давно он это предложение сделал?

— Самый смех, что буквально вчера. Зашел эдак, как вы сейчас, поглядел на мое запустение, покачал головой. Дескать, до чего же, мать твою за ногу, довели заслуженного артиста РСФСР! И когда узнал, что я на киностудию хожу только пособие по безработице получать, ни с того ни с сего заявил: «Жорик, я этот бардак прекращу! Завтра лечу в Нью-Йорк, мне там надо кое-какие переговоры провести. Если там все будет о'кей, считай, что контракт с „Гамлет энтертеймент“ у тебя в кармане!» Я говорю: «Паша, ты что, шутишь, что ли?» Он отвечает: «Нет, ни фиги не шучу! Я именно под тебя эту программу закручиваю да еще под Милю Вредлинского!» Так что, я думал, ты в курсе. Вы ж с Пашкой опять не разлей вода...

— Нет, — покачал головой Вредлинский, — ничего он мне не сказал, хотя я вчера с ним виделся. И про то, что он в Нью-Йорк собирается, даже не намекал. Я вон сегодня к нему в гости пошел, а он, оказывается, уже улетел с утра.

— Ну, он же теперь янки! — хихикнул Крикуха. — «Тайм из мани!» Небось позвонили по спутниковому часиков в шесть вечера, пригласили на переговоры к банкиру какому-нибудь: мол, приезжайте, сэр, рассмотрим ваше предложение по поводу фильма. А он, скажем, ко мне забежал, а к тебе не успел... Тем более что про тебя он и так все знает, а про меня, видишь ли, только вчера вспомнил. Может, и в живых застать не надеялся? Хе-хе!

— Ну а что за фильм, он тебе не объяснял? Идея-то какая?!

— Ты знаешь, обнадежил только, что это не порнуха! — Режиссер оскалил сильно поредевшие и давно не чищенные зубы. — Сказал, что сценарий напишешь ты, у тебя, дескать, уже целый роман готов, останется только переработать. Ну а постановку, если не врет, на меня возложит... Даже не верится!

— Я бы тоже не поверил, — нахмурился Вредлинский. — У меня же роман о последних Романовых — извиняюсь за «масло масляное». Сценарий, конечно, сляпать можно, только неужели Пашка надеется, что под такой проект кто-то даст деньги? В Штатах про Николая и Александру уже столько наснимали — правда, в основном сплошную «клюкву» развесистую, — что удивить никого не удастся. Разве что придумать, будто Ленин был отвергнутым возлюбленным Александры Феодоровны, а потому велел расстрелять ее и счастливого соперника!

Стас оглушительно заржал, а Крикуха, наоборот, нахмурился.

— Я лучше здесь от голода сдохну или сопьюсь окончательно, но «клюкву» снимать не буду. Кинофильм, ясное дело, не учебник истории, но глумиться над прошлым — омерзительно. Тем более над такой драмой. Попробовал бы кто из французов такую «клюкву» про Наполеона снять! Да его бы пресса на куски разорвала, да еще и исками бы завалили за оскорбление национальной святыни. Хотя Наполеон по тем временам был настоящее «корсиканское чудовище». Или шведы, допустим, своего Карла XII тоже не позволят оскорблять. Помнишь, как у Станислава Куняева: «А все-таки нация чтит короля, безумца, распутника, авантюриста...»?

— Да погоди ты! — перебил Вредлинский эту гневную тираду. — Шуток не понимаешь?! Никакой «клюквы» в моем романе нет, и если напишу сценарий, то там ее тоже не будет. Но в том-то и дело, что фильм по такому сценарию наверняка не окупит затраты. Американцы

даже своей собственной историей мало интересуются, не говоря уже о нашей. Я-то знаю, когда лекции в университетах читал, то приходило сто китайцев, двадцать латиносов и четверо-пятеро белых. Один из профессоров тогда сказал, на мой взгляд, очень занятную фразу:

«Слишком хорошее знание истории заставляет возненавидеть род человеческий». По-моему, это их идеологическая установка. Поэтому даже блестяще поставленную картину на тему русской истории там ждет печальная судьба. Не знаю, на что Пашка надеется?!

— Ему виднее, — пожал плечами Крикуха, — чего загодя гадать? Посмотрим, с чем он из Нью-Йорка прилетит... Я, конечно, понимаю, почему Пашка решил меня приспособить: фирмушка у него по голливудским масштабам — дрянь, мелочь пузатая. Во всяком случае, не «Парамаунт пикчерс» и не «ХХ век — Фоке». На то, чтоб Тарантино или Копполу пригласить, у Пашки явно миллионов не хватит. Думаю, что даже наши Михалковы-Кончаловские ему не по карману. Вот он и решил сэкономить. Ну, и тебя, наверно, по тому же принципу пригласил — ты хоть и побогаче моего, но с его точки зрения — нищий... Даже если он нам по двадцать тысяч баксов заплатит — завизжим от восторга.

— Увы, ты прав! — вздохнул Вредлинский, а про себя подумал: «Интересно все-таки, почему Пашка ничего не сказал мне? Ни насчет задуманного фильма, ни насчет своего полета в Америку... Почему-то сказал Жорке, с которым после возвращения в Россию мало общался, и ничего не сказал мне, человеку, который уже во многое посвящен. Хотя, казалось бы, сперва пишется сценарий, а уж потом в дело вступает режиссер. И потом, какие можно вести серьезные переговоры о финансировании фильма, если еще нет сценария? Неужели у Пашки такой высокий авторитет и честное имя, что ему ссудят деньги, так сказать, под „кота в мешке“? Тем более что он ведет переговоры в Нью-Йорке, а не в родной Калифорнии. Может, потому и усвистал на другой конец Штатов, что в Сан-Франциско и Лос-Анджелесе уже в курсе Пашкиных долгов? Наверяд ли, там связь хорошая. А нью-йоркские банкиры — „акулы с Уолл-стрита“ — небось на всю Америку базу данных имеют. И ежели узнают, что Манулов в долгу как в шелку, то скорее всего без долгих разговоров покажут ему на дверь».

Тут Вредлинского опять начали терзать подозрения. Может, Пашка себе просто алиби создавал? Специально пришел к Жорке, которого до того знать не хотел, и наврал с три короба, будто собирается снимать фильм по сценарию Вредлинского. Зачем, дескать, мне убивать столь нужного человека? Можете спросить заслуженного артиста Крикуху — он вам подтвердит, что я собирался их задействовать на этой картине. Вредлинский, который к тому времени будет трупом, ничего опровергнуть не сможет. Головорезов вместе с «Форд-Эскортом», конечно, никто не найдет, а сам Пашка вообще ни при чем, он в момент убийства летел на самолете или уже приземлился в Нью-Йорке.

Вредлинскому показалось, будто мистический смысл слов об «игре в прятки» ему уже открылся. Насчет «Мордвинов был жертвой», как ему показалось, речь могла идти о ком-то из тех, кого подстрелил Стас. Однако оставалось неясным, в каком «моторе» сидела «Алике», с которой у него однозначно ассоциировалась Александра Матвеевна. Уж не в том ли «Форд-Эскорте»?!

Эта, на первый взгляд совершенно немыслимая версия в течение нескольких секунд завладела сознанием Вредлинского.

А почему бы и нет? То, что они прожили вместе двадцать шесть лет и не развелись, как многие их знакомые, вовсе не означает, что у Александры не могло возникнуть — на почве приближающегося климакса, например! — безумное желание сжечь корабли и мосты. Ведь он, Вредлинский, по большому счету — старик. Аля же в 48 лет все еще ощущает себя молодой женщиной: красится, стрижется, делает все эти маникюры и макияжи, меняет наряды — словом, расходует массу времени на то, чтобы понравиться мужчинам. Не

законному супругу, а мужчинам вообще. И кто знает, может, она уже нравится какому-то конкретному господину.

Вредлинский и сам не больно блюл супружескую верность, и за Алей в прежние годы особо пристально не следил. Они считали себя современными людьми, которые свободны в выборе временных партнеров, но должны соблюдать при этом интересы семьи. То есть не водить любовников в дом и не давать детям повода для пересудов. При этом считалось, что если они найдут нужным разойтись, то лишь тогда, когда Вадик и Лара вырастут.

Все это казалось вполне разумным и логичным, да и действительно помогло им прожить столь долгую совместную жизнь, избежав серьезных скандалов. И вот дети выросли, почти устроены и, судя по всему, вот-вот вступят в браки. Казалось бы, можно и освободиться от брачных уз, как пролетариату от своих цепей, но...

Теперь вопрос перешел из морально-нравственной сферы в область экономики. Теперь было что делить, даже с учетом потерь от дефолта. Ведь за последний год с помощью Манулова Вредлинский неплохо подзаработал. Аля же — практически ничего. Впрочем, терять половину от нажитого было жалко и ему, и ей.

Напитавшийся алкоголя мозг Эмиля Владиславовича вдруг вообразил, будто его законная решила, что ей пора овдоветь. А почему бы и нет? О том, что супруги заказывают убийства своих половин, даже в газетах писали. Возможно, Але подвернулся какой-то хлыщ из числа «новых русских», у которого появилось желание быстро подзаработать. Охмурить стареющую, но все еще жаждущую безумств бабу этот тип смог бы без проблем. И он, пригласив «отмороженных» дружков, решил ускорить процесс старения Вредлинского. Через месяц-другой, а то и раньше богатая вдова перестанет рыдать и выйдет замуж за молодого и свежего, потом завещает ему все нажитое совместно с Вредлинским имущество — никуда не денется, он ее зашантажирует соучастием в убийстве! — ну, а через год-полтора и сама отправится в мир иной, ибо молодой супруг сочтет, что больше не нуждается в ее услугах.

Наверно, если б не та четвертинка, которая циркулировала в организме драматурга и сценариста, он оценил бы ситуацию более трезво. Во всяком случае, не стал бы считать супругу непроходимой душой. Но голова разогрелась быстро, а фантазия у Вредлинского, как у всякого писателя, была развита хорошо. Что же касается мистического восприятия цитаты из царского дневника за 10 октября, то оно тут тоже сыграло не последнюю роль.

Вредлинский сразу вспомнил, что супруга была осведомлена насчет его визита к Манулову. И дорогу знала хорошо. Из дома Аля ушла раньше, чем Эмиль Владиславович, а куда именно она отправилась: к подруге или в другую сторону, Вредлинский не отслеживал. Вполне могла сесть в тот самый «Форд-Эскорт» и показать наилучшее место для засады. У этого «мотора» были темные, тонированные стекла, и ни сам Вредлинский, ни даже Стас не смогли бы ее разглядеть. Очень может быть, что первое нападение решили не доводить до конца специально. Просто сделали выстрел в пустоту, а затем умчались, чтобы высадить свою сообщницу-наводчицу. Выгрузили ее где-нибудь, она мирно вернулась домой и стала ждать появления Стаса, которого, возможно, собирались оставить в живых или легко ранить — специально для того, чтоб он мог дать показания, подтверждающие алиби мадам Вредлинской.

— Что ты посмурнел, Миля? — отметив озабоченность, проступившую на лице приятеля, спросил Крикуха.

— Да так, — потупился Вредлинский. — Надо бы жене позвонить... Наверно, волнуется уже. У тебя ведь есть телефон на даче?

— Сохранился, — утвердительно кивнул Георгий Петрович. — В кабинете стоит. Конечно, позвонить надо. Золотая у тебя жена! Ее грех расстраивать...

Насчет того, какая у него «золотая жена», Вредлинский возражать не стал. Он прошел следом за Жорой в его дачный кабинет, который выглядел совершенно заброшенным. Должно быть, Крикуха за свой письменный стол давненько не садился — на полированной поверхности лежал густой слой пыли, чуть-чуть вытертый локтями поблизости от телефона. Вредлинский, стараясь не запылиться, осторожно набрал номер.

Уже нажимая на кнопки этого старого польского телефона-в 70-х годах это был последний писк моды! — Эмиль Владиславович вдруг засомневался. Точнее, он просто не знал, что, собственно, может выяснить при помощи этого звонка. Если Для уже дома, это вовсе не значит, что она наводила на него киллеров, а если ее дома нет, это не означает, что она мирно сидит у подруги и треплется на какие-нибудь сугубо бабские темы.

Тем не менее кнопки были нажаты, зазвучали длинные гудки, а затем Вредлинский едва рот не открыл от удивления.

— Але! — прозвучал из трубки певучий голосок Василисы.

СНОВА ДОМА?

— Ты уже вернулась? — постаравшись говорить как можно более спокойно, спросил Вредлинский.

— Да, Эмиль Владиславович, уже приехала. Машину включила, белье стирается, а я пока на кухне посуду мою... — бойко доложила домработница.

— Александра Матвеевна пришла? — подавляя целую кучу вопросов, которые так и рвались с языка, скромно спросил хозяин.

— Нет, пока еще не пришла, — отозвалась Василиса. — Я своими ключами отпирала.

— Ну, ладно. Если она появится, скажи ей, что я сейчас у Георгия Петровича и через полчаса буду дома.

— Обязательно передам! Больше ничего не передавать?

— Нет, — Вредлинский повесил трубку.

Мысли у него в голове закружились, будто вьюга. Неужели эта дрянь, которая кому-то там попала в связи с убийством очень нужного для Манулова человека, а потом наврала, будто ее послал Вредлинский, каким-то образом из всего выпуталась? А потом осмелилась вернуться в Москву и явиться к Вредлинскому? Ведь она же самым наглым образом его оклеветала! Вредлинский своими ушами слышал диктофонную запись ее лжи!

— Не переживай ты так, — подбодрил его Георгий Петрович, полагая, что друг Миля расстроился из-за того, что супруга отсутствует. — Заболталась просто, и все. Время-то еще не больно позднее.

— Да-да, конечно... — рассеянно произнес Вредлинский. — Но все-таки, пожалуй, мы пойдем. Одежда уже, наверно, подсохла.

— Я вам щетку дам, чтоб вы глину отчистили, — засуетился Крикуха.

Минут через десять, приведя одежду в относительно благопристойный вид, Вредлинский и

Стас отправились восвояси.

На сей раз никаких приключений судьба им, похоже, не уготовила. Свет в окнах своего жилища Вредлинский воспринял с каким-то трепетом душевным, будто моряк, впервые за полгода или год увидевший огни родной гавани. Хотя на самом деле их со Стасом путешествие заняло всего несколько часов, включая посещение Крикухи, но пережитого страха и на год вперед хватило бы.

— Во трудяга Василиса! — подивился Стас, обратив внимание на то, что асфальт на дорожке, ведущей к гаражу, недавно подметен. — Не умеет баба без дела сидеть... Все листья сгребла, будто и листопада не было!

— Да, работница она примерная! — скупой похвалил Вредлинский, не желая торопить события. И вдруг подумал: а что, если все, начиная с визитной карточки, якобы украденной Василисой, и кончая магнитофонной записью с «разоблачениями», было подстроено Мануловым? С одной целью — запугать Вредлинского, чтоб он сидел и трясся, не говоря уже о том, чтоб ему не приходила мысль пойти в ФСБ и настучать о деятельности американского гражданина Манулова. Ведь тогда, дескать, моментально всплывет история с убийством Евсеева, и еще неизвестно, не признают ли тебя, Миля-Емеля, заказчиком... В конце концов, именно он, Манулов, рекомендовал Вредлинскому эту милую служанку. И Стаса тоже он рекомендовал. Может, и нападение, которое доставило Эмилю Владиславовичу столько волнений, было всего лишь отлично поставленной инсценировкой в духе голливудских боевиков? Да, стреляли не холостыми, пули свистели, но ведь не попадали! Нет, после выстрелов Стаса, кажется, кто-то падал, но ведь ран Вредлинский не видел. Могли эти статисты понарошку упасть, как на киносъёмке? Могли! Что стоит Манулову для этого спектакля нанять группу профессиональных каскадеров? Боже! Ведь Стас стрелял из «глока-17», который зарегистрирован на имя Вредлинского, а Эмиль Владиславович где-то слышал, что у милиции есть специальная пулегильзотека, в которой хранятся пули и гильзы от всех зарегистрированных пистолетов и даже от незарегистрированных, но где-то стрелявших. Вот еще один повод для шантажа! Манулов может сказать: «Емеля, ты, конечно, извини, но твой охранник одного или двух нападавших завалил. Если их трупы где-нибудь случайно найдутся, то их ведь и на тебя повесить могут — хрен докажешь, что ты их мочил в пределах необходимой обороны, а Стас свои отпечатки сотрет и скажет, что твоего пистолета вообще не трогал... Не слабо будет, если ты попадешь в одну камеру с кем-нибудь из дружков этих „невинно убиенных“!»

Именно об этом размышлял Вредлинский, когда входил в дверь, услужливо открытую приятно улыбающейся Василисой.

— Пришла Александра Матвеевна? — спросил он, снимая обувь и влезая в родные домашние тапочки.

— Пришла, пришла! — радостно закивала Василиса. — Она на втором этаже, очень просила, чтоб вы к ней поднялись.

Вредлинский стал подниматься наверх по скрипучей деревянной лесенке, а Стас отпер свою каморку, находившуюся рядом с прихожей. Он решил, что и впрямь нужно разобрать, почистить и смазать оружие, и пострелявшее, и побывавшее под дождем.

Войдя в полутемную комнатушку, освещенную только через дверь из прихожей, Стас ничего необычного не заметил. Однако, едва он потянулся к выключателю, чтобы зажечь верхний свет, как услышал слабый шипящий звук — пшик! — и ощутил легкий укол в спину. Уже через секунду после этого охранник почувал, что ни руки, ни ноги его не слушаются, веки наливаются тяжестью, будто он три ночи не спал. Потом еще и голова закружилась, Стас понял, что вот-вот упадет, инстинктивно стал искать точку опоры. Краем глаза, перед тем, как потерять

сознание, он еще успел заметить какие-то тени, бесшумно выскользнувшие чуть ли не из стен каморки. Однако эти тени оказались вовсе не призрачными и бестелесными, а очень даже крепкими. Во всяком случае, они ловко подхватили 100-килограммового охранника и не дали ему надеть шума, грохнувшись на пол.

«Инопланетяне!» — успел подумать Стас, и глаза его сомкнулись.

Тем временем Эмиль Владиславович уже вошел в спальню, освещенную только ночником с оранжево-розовым абажуром. Судя по всему, Аля была не в настроении, ибо она возлежала на супружеской кровати, почти с головой укрывшись просторным пледом, и даже не повернула голову, когда скрипнула дверь.

— Аленький! — трепетным голосочком позвал Вредлинский, осторожно приближаясь к роскошному ложу, приобретенному в додефолтные годы. — Я уже пришел! Не сердись!

Под пледом произошли какие-то неясные шевеления, но жена по-прежнему не желала поворачиваться в сторону законного супруга.

— Ну что ты дуешься? — проныл Вредлинский. — Я же был у Жорки Крикухи. Ну, выпили совсем немножко, поговорили... Неужели ты считаешь, что я даже на это не имею права?!

Он подошел к кровати вплотную и осторожно потрогал мадам за плечико. Вот тут-то и произошло то, от чего беднягу Вредлинского едва не хватил инфаркт. Дама, лежавшая на кровати, резко повернулась и одним махом накинула на Вредлинского плед. Эмиль Владиславович успел понять, что под пледом находилась вовсе не Аля, а какая-то огромная темноволосая баба. Вредлинский и пикнуть не успел, как это чудовище с борцовскими лапами спеленало его пледом как младенца, так что он не мог и пошевелиться. Потом неизвестно откуда — то ли под кроватью прятался, то ли в стенном шкафу? — выскочил некий здоровенный парень, который ловко заклеил Вредлинскому рот куском лейкопластыря. Парень тоже был темноволосый, и Эмиль Владиславович с ужасом подумал: «Чеченцы!» Сейчас утащат, положат в какую-нибудь машину, увезут в горы, а потом запросят выкуп... Жуть! Но как же они сюда проникли?! Почему их не заметил Стас? Неужели он и Василиса заодно с налетчиками?!

Тем временем, пока леденящие душу мысли носились в мозгах Вредлинского, ему в уши вставили некие затычки типа «беруши», от которых он полностью потерял слух, а на голову надели шлем-маску из плотной черной ткани, имевшую прорезь только для носа. Через нее даже свет не проникал, и Вредлинский на время ощутил себя слепоглухонемым. Он лишь почувствовал, что поверх пледа его обмотали веревкой, как вареную колбасу, а потом подхватив за ноги и за плечи, поволокли куда-то.

Сперва Вредлинский еще мог прикинуть по памяти маршрут. То есть он хорошо знал, что его надо вытащить из спальни и пронести вниз по лестнице — никакого другого пути не было. По идее, дальше его должны были вынести во двор через прихожую, то есть, едва спустившись с лестницы, идти прямо и никуда не сворачивать.

Однако после лестницы Вредлинского, будто покойника, ногами вперед, потащили направо, в гостиную, а потом еще раз направо, то есть в кабинет. Дальше никакого пути вроде бы не было, и Эмиль Владиславович даже подумал, будто похитители ошиблись дверью. Однако в этот самый момент Вредлинский ощутил прохладу и даже сквозняк. Окно! Эти негодяи открыли окно и вытащили хозяина дачи, будто ворованный ковер. После этого его пронесли на руках еще несколько шагов, повернули головой вперед, приподняли, передали в другие руки и, судя по запаху бензина, затащили в грузовик. Затем Вредлинского довольно бережно уложили спиной на нечто твердое, но не очень жесткое — скорее всего на пустой картонный ящик. Потом еще какое-то время повозились

— это Эмиль Владиславович чувствовал по мелким вибрациям и сотрясениям от шагов внутри кузова. Еще через пару минут кузов задрожал от работы мотора, и Вредлинский понял, что его увозят прямо с родной дачи в какую-то жуткую неизвестность.

Так или иначе, но Эмиль Владиславович ничего не мог этому противопоставить, и ему оставалось лишь покориться судьбе. Конечно, страх пронизывал его насквозь, но он даже не мог разжать заклеенные губы, не то что дернуться в своей «упаковке». Оставалось только лихорадочно размышлять, что ждет его впереди.

Самое удивительное, Вредлинский почти не боялся смерти. Даже наоборот, он прямо-таки молил о ней всевышнего. Конечно, он не желал, чтоб его застрелили, зарезали, отравили или задушили. Ему хотелось просто уснуть и не проснуться. Или проснуться, но уже на том свете. Правда, Эмиль Владиславович имел все основания сомневаться в том, что количество грехов у него не превышает предельно допустимой нормы, которая позволит ему угодить хотя бы в чистилище. Но господь милостив! Авось простит, если покаешься. Кроме того, Вредлинский неожиданно вспомнил о вере в реинкарнацию, то есть в переселение душ.

Вспомнилось, как некогда, в ужасно далекие семидесятые годы, Вредлинский попал на некую артистическую вечеринку, где присутствовал Владимир Высоцкий, и услышал там в его исполнении забавную песенку: Кто верит в Магомета, кто в Аллаха, кто в Иисуса, Кто ни во что не верит, даже в черта назло всем. Хорошую религию придумали индусы, Что мы, отдав концы, не умираем насовсем!

Тогда Вредлинскому было чуть-чуть за сорок, а Высоцкому и сорока не было. Но Высоцкий дожил только до Московской олимпиады-80, а Вредлинский и сейчас, в 1999-м, коптит небо. Интересно, было ли у Высоцкого настоящее предчувствие близкой смерти или он просто ерничал и посмеивался над призраком «курносой»? Сам Вредлинский тогда был не в фаворе у судьбы, но помирать не собирался, и песенку воспринял исключительно как шуточную.

Сейчас, увязанный в «кокон» из пледа и веревок, не имея возможности ни видеть, ни слышать, ни даже орать от страха, Вредлинский отчаянно хотел, чтоб индусы оказались правы и реинкарнация оказалась реальностью.

Разве плохо было бы родиться вновь, но уже не здесь, в этой омерзительной стране, а в какой-нибудь благословенной Швейцарии, где восхитительные горы с уютными шале, чистейшим снегом на горнолыжных трассах, нежный сыр, прелестный шоколад и приятные, вежливые люди, а над всем этим искристо-голубое небо с разноцветными монгольфьерами и парапланами?!

А еще лучше было бы родиться сто, двести или даже триста лет спустя, может быть, даже в России, но уже давно превратившейся в подобие Швейцарии, где никто не бедствует, не ворует, не пьет и не пытается устроить революцию!

Мечтать, конечно, не вредно, но и пользы от этого никакой.

Реальность, увы, все время напоминала о себе. И веревки, и плед, опутавшие Вредлинского, никуда не делись. Душа не собиралась отделяться от тела и переселяться в Швейцарию или в далекое будущее. Соответственно Эмиль Владиславович вынужден был задуматься над сугубой прозой жизни. Как ни странно, ему удалось найти в своем весьма незавидном положении кое-какие обнадеживающие моменты.

То, что его похитили, это, конечно, плохо. Но ведь не убили, это уже приятно. Из этого, кстати, следовало, что похитители и те, кто нападал в лесу, преследовали разные цели. Тем, что гоняли на «Форд-Эскорте», нужен был труп (мысль о том, что это было не настоящее нападение, а инсценировка, Вредлинский задвинул в архив). Тем, кто его похитил, несомненно, нужен был живой Вредлинский. Эмиль Владиславович, задним числом оценивая

действия похитителей, должен был признать, что они действовали исключительно осторожно. Ведь могли бы просто оглушить ударом по голове, прыснуть в морду парализантом из баллончика, сунуть кулачищем поддых... ан нет, скрутили аккуратно, не прибегая к таким средствам, какие могли бы невзначай спровадить Вредлинского на тот свет. Они даже позаботились о том, чтоб он не простудился, раз завернули его в плед и уложили в кузов на картонные коробки.

Что могут эти самые похитители иметь с живого Вредлинского?

Во-первых, выкуп. Сначала эта версия показалась Эмилю Владиславовичу наиболее реальной. Допустим, если этим бандитам не изменяет чувство меры и они достаточно серьезно готовились к операции, то запрашивать какие-либо сумасшедшие суммы они не станут, так как четко знают — миллион долларов с Вредлинского не сорвешь. Запросят тысяч сто, которые при желании Аля и дети смогут собрать...

Правда, тут Вредлинский опять вспомнил о своих подозрениях в отношении Александры Матвеевны. А что, если все это затеяла она, змея подколодная?! Снюхалась с каким-нибудь бандитом и предложила ему похитить надоевшего супруга. Вредлинский пришлет ей реквизиты валютных счетов, доверенность я на продажу машин и недвижимости, а потом, когда вся сумма перейдет в руки бандитов, Эмиля Владиславовича убьют. И злодейка вместе со своим крутым хахалем на его, Вредлинского, кровные денежки умотает в ту же прекрасную Швейцарию или в Майами-Бич. Единственное, что утешало Вредлинского в вышеописанном варианте, так это то, что гипотетический бандит-любовник, заполучив денежки, быстренько отделается от мадам Вредлинской, и она окажется жертвой собственного коварства.

Второй вариант, который рассматривал Вредлинский, был еще менее утешителен. Эмиля Владиславовича могли похитить для того, чтоб раздобыть какую-то информацию. Например, о Манулове и его тайном братстве. Это сулило почти неизбежные пытки и избиения. Причем долгие и мучительные, несмотря на то, что Вредлинский был готов уже сейчас выложить абсолютно все, что он знал о Манулове и «Русском Гамлете». В свое время, когда Вредлинский во времена перестройки и гласности сочинял пьесу о 1937 году, то ему довелось побеседовать с несколькими бывшими репрессированными. И от них он узнал весьма любопытную вещь: те арестованные, которые были готовы сразу же, не дожидаясь мордобоя, признаться во всем, что им шили ежовские следователи, отнюдь не спасали себя от дальнейших пыток. Их начинали «колоть» гораздо интенсивнее, стремясь выбить как можно больше фамилий. В результате каждый такой слабодушный утягивал с собой в омут еще не один десяток ни в чем не повинных людей.

Конечно, разница между следователями, выполнявшими план по «врагам народа», и теми гражданами, которые захотят иметь реальную информацию о Манулове, весьма существенная. Но ведь если Вредлинский, пытаясь избавиться себя от пыток, сразу же начнет рассказывать все, что знает, то похитители подумают, будто он сообщает им заранее продуманную ложь. И чтобы проверить показания, начнут его молотить. А если, наоборот, станет запирается и утверждать, будто ничего не знает, все равно будут мучить... Безвыходная ситуация!

Но самое печальное состояло в том, что мучения эти завершатся лишь тогда, когда господа похитители поймут, что ничего полезного из Вредлинского больше не выбьешь. После этого он сразу станет ненужным человеком, и его пристрелят...

В этих тягостных размышлениях, пропитывавших все его существо полной безысходностью, Эмиль Владиславович почти полностью потерял чувство времени и своего положения в пространстве. В самом начале своей вынужденной поездки он еще пытался время от времени запоминать, сколько поворотов сделал грузовик (когда грузовик поворачивал налево, Вредлинского прижимало к картонным ящикам левым боком, если направо —

правым). Потом сбился и бросил эти подсчеты. Точно так же он не мог определить, сколько времени находится в пути грузовик, на котором его везли. Иногда казалось, что час, иногда — что три или четыре. А эта разница была очень существенной, ибо за час Вредлинского даже за пределы Московской области было невозможно вывезти, а вот за четыре, при желании, можно было доставить и в Ярославль, и в Тулу.

Конечно, у Вредлинского теплилась надежда, что бандитский грузовик где-нибудь остановят и досмотрят правоохранители. Но ДПС, как назло, мышей не ловила. Ни на одном посту ГИБДД машину не остановили. Остановилась она только в конечной точке своего путешествия, то есть там, куда похитители должны были привезти Вредлинского с самого начала.

Когда машина остановилась, Вредлинского вынули из кузова и вновь потащили куда-то на руках. Возможно, на место будущих мучений. Вредлинского трясло мелкой дрожью, хотя он не чувял холода, а душа маялась от зависти к Манулову. Вот скот! Сидит сейчас в Нью-Йорке, пьет виски и в ус не дует! А несчастный Вредлинский должен за него отдуваться?! Вот сволочь Пашка!

Часть III. АЛЛИГАТОР

ЗНАЛ БЫ, ГДЕ УПАСТЬ

Манулову часто снилась всякая дрянь, кошмары и жуть, особенно под утро.

Прежде эти кошмары через какое-то время воплощались в сценарии для фильмов ужасов, которые Павел Николаевич довольно успешно продавал голливудским компаниям второго и третьего сорта. Так и нажил помаленьку на собственное дело. Впрочем, не нажил бы он ни хрена, если б не нашлись умные люди, которые подсказали, что в Америке только глупые курицы кладут все яйца в одну корзину. И еще объяснили, что по-настоящему большие деньги делают те люди, которые продают «drugs», а те, кто помогает им их отмывать и укрывать от налоговой службы, имеют от этого свой процент. В общем, с кино лично Манулов практически завязал. Правда, «Hamlet entertainment» выпускала в год почти десяток фильмов ширпотребного содержания, которые крутились в дешевых кинотеатрах, куда народ забредает от скуки. Удавалось также размножить и распродать по несколько тысяч видеокассет и CD. Помимо этого, «Гамлет» тайком и втихаря, само собой не под своей торговой маркой, снимал и выбрасывал на рынок куда более доходные кассеты и диски, содержание которых тянуло на XX и даже XXX (то есть особо крутую порнуху). Но даже это не составляло главного дохода. Манулов завел хорошие знакомства в «Чайна-тауне» города Сан-Франциско, откуда тянулись ниточки к гонконгским «триадам», а от них еще дальше, в «Золотой треугольник» Юго-Восточной Азии, учредил несколько «благотворительных фондов» на подставных лиц — примерно таких же, как тот, где зиц-президентом состоял Вредлинский, и стал одним из звеньев, связывающих американско-китайскую мафию Западного побережья с нью-йоркской «русской» мафией. Конечно, это было не самое удобное положение, ибо оно напоминало положение человека, подвешенного между двумя огромными жерновами, которые каждую секунду могут стереть его в порошок, но Манулов хорошо знал, что, кто не рискует, тот не пьет шампанского.

В Россию он вернулся отнюдь не по собственной инициативе. Сам по себе Манулов еще сто лет не поперся бы в эту страну.

Тем более что знал ее много лучше, чем его калифорнийские боссы. Во-первых, он прекрасно понимал, что там придется играть по совсем другим правилам, ибо у русских эмоциональное довлеет над рациональным. Иными словами, есть хороший шанс словить пулю не за реальный коммерческий обман, а просто за слово «козел», произнесенное по чьему-то конкретному адресу даже в сугубо дружеской компании и даже в отсутствие объекта подобной критики. Во-вторых, Манулов знал, что российский чиновник — вещь невероятно продажная и чрезвычайно быстро перекупаемая. Даже выплачивая ему тысячи долларов, нельзя быть полностью уверенным в том, что это «твой человек». Он за полчаса может перепродаться тому, кто заплатит больше и пообещает поспособствовать его служебному продвижению. К тому же, даже располагая горами компромата которые в Америке помогли бы держать в узде хоть губернатора, хоть президента, в России нельзя быть уверенным даже в том, что сможешь воздействовать хотя бы на третьего помощника референта заместителя главы администрации. Потому что этот третий помощник может оказаться старым другом областного прокурора, с которым они когда-то от души гудели на комсомольских учехах.

Было еще и «в-третьих», и «в-пятых», и «в-десятих», что превращало грядущую «командировку» в подобие прыжка на дно колодца, где шевелится клубок змей. Но отказаться Манулов не мог — тогда «жернова» непременно бы его размолоти. Наверно, можно было попробовать скрыться, удрать в Австралию, Полинезию или еще куда подальше, но это означало превратиться из уважаемого бизнесмена в какого-нибудь ничтожного портье третьеразрядной гостиницы или вообще в мойщика автомобилей. Причем возможно, что его и там не оставили бы в покое, ибо Манулов слишком много знал. Ну, и конечно, свою роль возможно, решающую! — сыграл тот самый кредит, который боссы выделили «мистеру Полу» для исполнения задуманной миссии...

Кошмар, который приснился Павлу Николаевичу нынешним утром, представлял собой нагромождение неких невероятных образов, не снившихся небось самому Сальвадору Дали и прочим сюрреалистам.

Манулов даже не запомнил, с чего все начиналось и чем все закончилось, ибо некоторые видения были очень расплывчаты и размыты, а кроме того, некоторые эпизоды кошмара повторялись несколько раз. Правда, с некоторыми не очень явными различиями, как будто невнимательный монтажёр по ошибке вклеил в киноленту несколько разных дублей одного и того же эпизода.

Наиболее четко отложились в памяти три картинки.

Манулов видел себя за рулем автомобиля, несущегося не то по гладкой, как стекло, скоростной трассе на соляном озере Солт-Лейк, где отчаянные гонщики преодолевают звуковой барьер, не то вообще по морю, аки посуху. При этом Павел Николаевич отчетливо сознавал, что его сумасшедшая гонка непременно должна закончиться катастрофой, и стремился остановить машину, но никак не мог сделать этого, потому что все время вместо тормоза давил на акселератор. В конце концов трасса отвесно обрывалась в пропасть чудовищной глубины, и Манулов вместе с автомобилем летел вниз.

Однако разбивался только автомобиль, а сам «мистер Пол» оказывался в окружении каких-то омерзительных чудовищ — не то змей, не то осьминогов, не то гигантских червей или пиявок. Все они напоззали на Манулова с разных сторон, обвивали и опутывали его своими отвратительно-холодными, липкими и скользкими одновременно телами и щупальцами. Чудища уже готовы были вонзить в него ядовитые клыки, сдавить горло или, припнявшись, начать сосать кровь, как вдруг откуда-то с небес падал огромный, как птица Рух из «1001 ночи», двуглавый орел. Монстры мигом исчезали, но зато орел крепко хватал Манулова в свои огромные когтистые лапы и уносил куда-то вверх.

Орел при ближайшем рассмотрении оказывался больше похож не то на дракона, не то на

двухголового птеродактиля.

Потом обнаруживалось, что он вообще не живое существо, а какая-то летательная машина или робот-трансформер из золотистого металла. Эта непонятная штуковина сперва несла Манулова над грязно-белыми облаками, а потом сбрасывала в некий огромный, ослепительно сверкающий кратер, на дне которого лежало что-то бесформенное, коричневое и очень страшное. Долетев до дна, Манулов опять-таки не разбивался, зато по самые уши вонзался в это «страшное коричневое», и оказывалось, что «кратер» представляет собой чудовищных размеров унитаз, где лежит огромная куча дерьма. Затем неизвестно кто включал слив, и зловонный поток уносил Манулова в канализацию. После нескольких минут тьмы и ужаса Павел Николаевич вновь оказывался в автомобиле, и все повторялось сызнова.

На каком месте сон прервался, как уже говорилось, Манулов толком не запомнил. Больше того, уже открыв глаза и обведя мутными глазами окружающий интерьер, он сперва подумал, будто кошмар продолжается.

Ущипнув себя за локоть и протерев глаза, Павел Николаевич с трудом поверил в то, что предстало его взору.

Он лежал на какой-то облупленной железной койке советско-армейского образца, положив голову на тощую подушку с не стиранной сто лет наволочкой, укрытый линиялым байковым одеялом. На противоположной от изголовья спинке висел его шикарный костюм от покойного Джанни Версаче — за 1500 долларов, между прочим.

Помещение, где Манулов провел ночь, больше всего походило на тюремную камеру-одиночку. Два метра в ширину, три с половиной в длину. Серые, с потрескавшейся штукатуркой стены, высокий, метра четыре, потолок с лампочкой без абажура, маленькое зарешеченное окошко с замазанным белилами стеклом под самым потолком. Наконец, дверь — тяжелая, прочная, стальная, с окошком-форточкой, явно запертая снаружи. Из мебели, кроме койки, имелись только столик и нечто вроде табурета. Они были сооружены из стальных уголков, вцементированных в стену, — согнутые рамки в виде буквы П были вбиты в стену, заложены решетчатой арматурой из стальных прутков, а потом залиты цементом. А в углу, рядом с дверью, имелось что-то вроде бетонной ступеньки с круглой дырой. Запах оттуда шел куда крепче, чем в мануловском кошмаре.

На бетонном полу рядом с койкой Павел Николаевич увидел свои прекрасные, мягкие и легкие полуботинки ценой в 250 баксов. Чья-то предусмотрительная рука выдернула из них шнурки.

Это сразу навело его на мысль провести, так сказать, «инвентаризацию». Оказалось, что, кроме шнурков, у Манулова изъяли бумажник с американским паспортом, международными водительскими правами, кредитными карточками и весь «кэш» в размере 150 баксов. Кроме того, из пиджака исчезли микрокомпьютер и сотовый телефон. Ну, и галстук с шеи сняли — опять же версачевский, за 200 гринов, а также подтяжки.

Только после этой «инвентаризации» Манулов стал всерьез разбираться в собственной памяти, чтоб понять, каким образом он дошел до жизни такой.

Есть такое затертое сравнение: «Мысли бились, как мухи о стекло». Но ничего лучше для описания размышлений Манулова придумать нельзя. Павел Николаевич прекрасно помнил все, что происходило в субботу вечером и воскресенье утром, но дальше следовал абсолютный провал в памяти.

Итак, еще в субботу, получив «вступительный взнос» от Вредлинского, он был убежден, что 10 октября состоится очередное заседание братства. Однако примерно в 23.30 пришел

«e-mail» из Нью-Йорка. Формально его действительно очень вежливо приглашали на коммерческие переговоры и даже просили уведомить, если он почему-либо не сможет прибыть к назначенному сроку. На самом деле вежливое приглашение было жестким приказом, который Манулов проигнорировать не мог. Послание обязывало его прилететь как можно быстрее. Даже если б он на момент получения «емели» тяжело болел или находился в коме.

Естественно, что Манулов тут же распорядился насчет билетов на ближайший рейс до Нью-Йорка. Поскольку лететь он должен был не один, а вместе с секретарем и несколькими телохранителями, да еще требовалось позвонить нью-йоркскому агенту, чтоб обеспечил машину к трапу, и отдать массу деловых распоряжений своим здешним служащим на период отсутствия босса в Москве, Павел Николаевич как-то позабыл про грядущее заседание братства «гамлетитов». В конце концов он все же вспомнил, но шел уже первый час ночи. Решили, что оповещение возьмет на себя один из магистров, которого Манулов нашел по сотовому в ночном клубе.

Кое-как выспавшись, Павел Николаевич с сопровождающими лицами погрузился в «шестисотый» и направился в Шереметьево-2. Какую-то часть пути — в основном по МКАД — Манулов запомнил. Ехали по часовой стрелке, и последним указателем, который запал в память, был поворот на Минское шоссе. Что произошло дальше неизвестно. То ли Манулова сморил сон, то ли его каким-то образом вырубил — но так или иначе Павел Николаевич не мог вспомнить ничего, чтоб хоть как-то объясняло его пробуждение в этом некомфортабельном месте.

Оставалось только строить умозрительные догадки. В том, что ему не удалось улететь в Америку, Манулов был убежден на сто процентов. Бетонный толчок заставлял вспоминать слова поэта-юбиляра: «Там русский дух, там Русью пахнет». Павел Николаевич, слава богу, не сподобился прежде побывать ни в одной из российских тюрем, но в данный момент впервые пожалел, что не является рецидивистом, который прошел все московские СИЗО. Тот уже по интерьеру камеры давно догадался бы, куда его упаковали. Впрочем, после нескольких минут размышлений Манулов начисто отринул мысль, что его арестовали какие-либо государственные спецслужбы. Задержать американского гражданина, пусть даже российского происхождения, без каких-либо веских оснований — это чревато большими неприятностями. Оружие охранников ввезено в Россию по всем таможенным правилам, оно официально зарегистрировано, на него выписаны разрешения. Никаких материалов, которые можно было бы принять за шпионские, в машине не было. Ни одного миллиграмма наркотиков — тоже. Что ему можно инкриминировать? Может, это отголосок истории с Василисой и визитной карточкой? Наверяд ли. Ведь Василиса угодила не в милицию и не в ФСБ, а к совсем другим людям...

Отсюда следовал весьма неутешительный вывод: его, Манулова, сцапали бандиты. Этим в принципе начхать на все международные скандалы, на права человека и прочие условности. Захотят — будут бить и пытаться, захотят — убьют и не поморщатся.

Мозг Манулова начал со скоростью компьютера перебирать все скользкие места в своих отношениях с международной мафией. Нет, он по всем понятиям, даже по китайско-гонконгским, ничего выходящего за рамки дозволенного не сделал. А уж здешним браткам и вовсе никак не задолжал. Может, дикие залетные, которые толком не знают, кого захватили? Но как им удалось это сделать?

Павел Николаевич изо всех сил напряг память, но ничего, кроме указателя поворота на Минское шоссе и фантастических видений из кошмарного сна, оттуда не выплыло. Неужели он не запомнил момент нападения? Да и в том, что нападение могло произойти на МКАД, да еще не поздней и темной ночью, а утром, когда уже светло и по Кольцевой едет лавина из множества машин, Манулов сильно сомневался. Впрочем, даже если б дело происходило в

темном и непроезжем переулке, захватить Манулова живьем было бы очень сложно. Он ведь не поспешил на бронирование машины и стекол, которые, как он лично убедился, выдерживали даже обстрел из «АКМ» калибра 7,62, а легкие пули от русского «АКС-74» калибра 5,45 или американской «М-16А2» калибра 5,56 и вовсе были ему как слону дробина. Конечно, если б по «мерсу» ударили из гранатомета, то броня не помогла бы, но тогда Манулов вряд ли сумел бы проснуться, а если б и проснулся, то скорее всего с ожогами третьей степени и множественными ранениями от расплавленных осколков металла. Ну а если б бандиты просто прижали «мерс» к бордюру и наставили пушки, то негры-бодигарды Манулова, вооруженные мощными «береттами», непременно доставили бы им массу неприятностей. Стреляли охранники прекрасно.

Конечно, Манулов не был бы Мануловым, если б напрочь исключил возможность предательства. Такой вариант сразу мог объяснить многое. Если предположить, что некие люди смогли подкупить и секретаря, и охранников, и шофера, то они могли усыпить своего шефа каким-либо медленно действующим снадобьем — например, подсыпав его в кофе, который Павел Николаевич пил утром перед поездкой, — а затем привезти его, сонного, так сказать, «заказчикам».

Однако для того, чтоб подготовить такой заговор, требовались время и очень большие деньги. По крайней мере такие, которые могли компенсировать всем спутникам Манулова потерю столь высокооплачиваемой работы. Кроме того, секретарь и шофер были россиянами, нанятыми здесь, на месте, а телохранители американцами, привезенными аж из Калифорнии. Негры говорили только по-английски, а шофер — только по-русски. Конечно, при посредничестве секретаря, знавшего оба языка, они могли бы как-то сговориться, но это требовало бы длительной подготовки. Ее невозможно было бы осуществить за одну ночь, а до 23.30 никто, даже сам Манулов не знал, что предстоит поездка в Штаты.

И потом, что собирались делать заговорщики после «продажи» хозяина? Лететь в Нью-Йорк по билетам, заказанным Мануловым? Такое можно предположить, правда, только в отношении секретаря и охранников. У первого имелась многократная американская виза, у вторых — паспорта с «иглом» на корочке. Шофер не смог бы полететь по билету и паспорту Манулова, ибо его рожа и отдаленно не была похожа на хозяйскую, а пограничники в Шереметьеве хлеб даром не едят. О том, что у этого парня нет даже российского загранпаспорта, Манулов был уверен на сто процентов. Но даже если чисто теоретически допустить, что эти вопросы были решены за одну ночь, пока Павел Николаевич мирно почивал и в ус не дул, то действия гипотетических заговорщиков выглядели до ужаса наивно.

Ведь они же прекрасно знали, что босса будут встречать. А раз так, то их появление в аэропорту Кеннеди без Манулова не пройдет незамеченным. У них потребуют объяснений и вряд ли поверят байке, будто «мистер Пол» пошел в самолетный туалет и провалился в очко. Наименьшее, что им будет грозить после этого, — официальное преследование по закону и лет 20 тюрьмы за соучастие в киднеппинге. Однако если окажется, что люди, вытребовавшие Манулова в Нью-Йорк, будут не заинтересованы в широкой огласке, то все четверо после интенсивного допроса с применением любых средств, развязывающих языки, окажутся на дне Гудзона в бочках с цементом или вообще растворятся в серной кислоте.

Поверить в то, что все четверо «заговорщиков» рассчитывали остаться в России или махнуть в какую-нибудь третью страну, Манулов тоже не мог. Если в отношении секретаря и шофера он еще допускал такой вариант, то телохранители вряд ли поступились бы американским гражданством ради сиюминутной выгоды. К тому же все четверо прекрасно понимали, что за Манулова с ними рано или поздно рассчитаются в любом районе земного шара.

Так или иначе, но все рассуждения Павла Николаевича приводили его в тупик. Оставалось только ждать, когда появятся те, кто его сюда притащил, и объяснят ему в той или иной форме, зачем он им понадобился...

КРУТАЯ ПРИНЦЕССА

Довольно далеко от того места, где пребывал в заточении Манулов, в одном из престижных дачных поселков, примерно в эти же часы происходили события, имевшие косвенное отношение к тому, что произошло с Мануловым в воскресенье утром, и прямое — к тому, что пережил Вредлинский в воскресенье вечером.

«Новые русские», жившие в этом поселке, мало общались с соседями, если их не связывали какие-то общие интересы, и, разумеется, старались особо не совать нос в чужие дела. По крайней мере, до тех пор, пока не ощущали, что кто-то ими интересуется. Это было своего рода «джентльменское соглашение». То, что далеко не все дома в этом поселке принадлежат тем, кто в них проживает, тоже было в порядке вещей. Многие владельцы, особенно пострадавшие после дефолта, предпочли перебраться в городские квартиры, а загородную жилплощадь сдавать внаем.

Поэтому на то, что некоторое время назад в один из особняков средних размеров въехала пожилая, но явно не бедная дама с какими-то домочадцами, мало кто обратил внимание. Дама, в свою очередь, тоже никому не навязывала свое общество и появлялась на людях крайне редко, как правило, только в поселковой церкви, построенной на пожертвования «новых» во имя св. Николая Чудотворца. Постоянные прихожане, в отличие от остальной публики, которая появлялась во храме главным образом по случаю свадеб, крестин или похорон, друг друга хорошо знали. При этом старушки — в прошлом комсомолки 40 — 50-х годов! — скрупулезно примечали, кто верует истово, а кто только так, для блезиру. Пожилая дама, арендовавшая особнячок, числилась у них в разряде последних. Никто из бабок не помнил, чтоб эта мадам отстояла всю обедню или вечерню. Как правило, она заходила в церковь минут на пятнадцать-двадцать, ставила свечку и уходила, сопровождаемая двумя стриженными под бок плечистыми молодчиками в кожаных куртках.

Разумеется, бабки и мамы нуворишей — среди них, как ни удивительно, многие имели рабоче-крестьянское происхождение — не могли не обратить внимание на свою сверстницу, которая одевалась не по возрасту ярко, мазалась дорогой косметикой и щеголяла в разноцветных париках. Кроме того, наиболее внимательные и сведущие разглядели на шее следы пластических операций — кожу на морде подтягивала, чтоб не морщинилась. Не остался без внимания и заметный акцент, а также славянское, но не русское имя престарелой красавицы — Власта Дмитриевна.

Все попытки заговорить и познакомиться с ней Власта Дмитриевна пресекала одним взглядом, который безмолвно говорил: «Куда ты лезешь, хамка? Я с черню не общаюсь!» Наверно, если б она произнесла это вслух, а обидевшаяся бабуля довела подобные слова до ушей своего крутого сына или внука, то госпожа Власта нажила бы серьезных врагов. За слова принято отвечать, а лозунг: «Не забуду мать родную!» еще не утратил актуальности. Однако Власта Дмитриевна вслух ничего не произносила, а за косою взгляд на Руси еще не режут.

Наверно, этой даме было трудно осознать, что попытки обмануть время бессмысленны, и сколько ни штукатурь физиономию, истинный возраст все равно проглянет. Макияжные ухищрения выглядели иногда смешными, а иногда жалкими, попытки расхаживать в сапогах и платьях, рассчитанных максимум на сорокалетних, — тоже. Но Власта Дмитриевна с упорством, достойным лучшего применения, пыталась вышагивать прямо, сохранять горделивую осанку, прикрывать черными чулками синие и тощие до костлявости ноги. С точки зрения нормальных советских старух, это был выпендрей. За глаза они прозвали Власту

Дмитриевну «крутой принцессой», употребляя вошедший во всенародный обиход эпитет в сочетании с « „титолом“, который применительно к даме, чей возраст приближался не то к семидесяти, не то к восьмидесяти, звучал явно издевательски. Само собой, бабки сходились во мнении, что в молодости „крутая принцесса“ была натуральной шлюхой, если даже не по профессии, то уж точно по убеждениям.

Конечно, набожные старушки ввиду отсутствия реальной информации вынуждены были строить свои догадки на песке. Некоторые, наиболее отсталые, полагали, что Власта — народная артистка на пенсии, и даже припоминали фильмы, в которых она якобы играла. Потом выяснялось, что ее путали с Любовью Орловой, Людмилой Целиковской, Мариной Ладыниной и другими до— и послевоенными советскими кинозвездами. Более продвинутые бабки считали, что она иностранка, но советская шпионка, которая провалилась на Западе и сумела сбежать в Россию после того, как ее предал то ли генерал Калугин, то ли Суворов-Резун. Еще более сведущие старушечки были убеждены, что Власта никакая не иностранка, а только косит под нее. На самом же деле она— блатная маханя, под которой стоит чуть не пол-Москвы.

Наверно, если б эта последняя группа бабулек каким-то образом оказалась свидетельницей сцены, происходившей в подвале арендуемого дома утром 11 октября, то поди-ка окончательно утвердилась бы в своем мнении.

Впрочем, если б бабульки и впрямь оказались бы в этом подвале, наполовину заваленном старой мебелью и тряпьем, то для начала бы дружно перекрестились, заохали бы: «Свят! Свят! Свят!», а затем, бормоча молитвы, бросились бы наутек. Потому что приняли бы свою соприхожанку за исчадие ада или за злую ведьму, одержимую бесами. Так оно, фигурально выражаясь, и было.

Власта Дмитриевна бесновалась.

Куда только подевались ее осанка, манеры и язык принцессы, истинный аристократизм, которыми она некогда блистала на европейских курортах и в эмигрантских монархических салонах?!

— Ну ты, козел вонючий, за что я тебе плачу зеленые? За то, чтобы ты вгонял меня в зеленую тоску? Да? Отвечай, пидор!

«Крутая принцесса», стоя над валявшимся на затертом до дыр и вылинявшем ковре насмерть перепуганным детиной, время от времени с недюжинной силой топтала его острыми каблуками-шпильками. Причем не просто топтала, а каждый раз пыталась попасть в пулевую рану на ноге, отмеченную багровым пятном, расплывшимся на простреленной штанине джинсов. Рана вообще-то была перевязана, через дыру белел грязный бинт, но каждый удар каблуком по перевязке заставлял детину охать от резкой боли, иногда даже выть. Но он даже ногу отодвинуть боялся, не то чтоб защититься как-то.

Ох, и страшна же была эта ведьма в данный момент! Любая Баба Яга из советских фильмов-сказок по сравнению с Властой выглядела бы сущей милашкой. Особенно в исполнении Георгия Милляра. А тут — жуть кошмарная!

Узкая курносая мордочка, искореженная гневом, смотрелась гораздо хуже, чем у старой самки шимпанзе. Все морщинки, столь тщательно скрывааемые под многослойным макияжем, так и лезли на глаза. Щеки пошли пятнами, под кожей обозначились лиловые и синие капилляры. От пота растеклись и размазались тени и тушь, которые черными ручейками ползли по мятым щекам. Власта хищно оскалила тонкогубую, но густо намазанную алой помадой пасть, полную фарфоровых, выточенных не у лучшего мастера зубов, который сделал ей слишком длинные клыки, то и дело царапавшие язык. Конечно, клыкам этим было далеко до тех, какими обладают вампиры в американских ужастиках, но страдальцу,

валявшемуся на ковре, они казались именно вампирскими. Он не удивился бы, если б эта озверелая старуха вонзила клыки ему в шею и принялась сосать кровь...

То ли Власте Дмитриевне надоело топтать детину шпильками, то ли она просто пятки себе оттоптала, но ведьма на несколько секунд прервала избиение своей жертвы.

— Ты должен был его убить! — прошипела она, задыхаясь. — Я должна была увидеть его труп! Ты понял это, скотина поганая?! Понял или нет? Понял?

Теперь вопросы сопровождались пинками. Остроносые туфли долбили верзилу то по спине, то по ребрам, то по ногам. Вообще-то, даже будучи раненным, он мог бы очень крепко отоварить эту не знавшую удержу каргу, даже дух из нее вышибить с одного удара. Но если он не делал этого, то отнюдь не из уважения к старости. Просто тут, в подвале, кроме Власты Дмитриевны, присутствовали три паренька с квадратными мордами. Молодцы в процесс допроса — или скорее экзекуции! — не вмешивались, только стояли, скрестив руки на груди, с каменными лицами. Но, разумеется, ежели бы подвергавшийся избиению детина попытался бы рыпнуться, то Властыны тумачи и пинки показались бы ему ласковыми шлепками. Вот он и постанывал, не сопротивляясь, только пытался повернуться на бок, подтянуть колени к животу, чтоб не пинала поддых, да изредка прикрывал рукой лицо.

Наконец Власта Дмитриевна выдохлась и, тяжело дыша, уселась на драный, пыльный диван, стоявший в двух шагах от ковра, где валялся детина.

— Нет, никому нельзя верить! — взвизгнула фурия и запричитала в полуистерике. — Что, я сама должна заниматься этим делом? Боже, я же совсем больна!

— Да сделали мы его, сделали... — пробормотал разбитыми губами «виновник торжества».

— Я сказала, что, пока не увижу его мертвым, буду считать его живым. Почему ты мне не доставил труп? Почему?! Я хочу знать!

— Он был с охранником, — подал голос лежащий на полу.

— Уже слышала! Мы все уже слышали! Охранник был один. Вредлинский не стрелял вообще. А вас, дармоедов, было пятеро.

— Да кто же знал, что этот жлоб так стреляет?! — Это уже кричал второй «подследственный», пристегнутый наручниками к бетонному столбу, на который опиралось перекрытие подвала. У этого морда тоже была разбита в кровь. — И нюх у него, блин, и реакция, как у Рэмбо. Пахома он на перебежке подловил наповал. Горгоню вообще на звук достал — еле кровь из бедра остановили. А тут еще, е-мое, менты рядом проезжали... Короче, еле успели Пахома с Горгоней в машину сунуть. А Князь ваш, блин, из-за баранки не вылезал, чистюля гребаный!

— Знай свое место, хам!

Это произнес еще один присутствующий, поднявшись из потрескавшегося от старости кожаного кресла, стоявшего в углу подвала, куда не доходил свет тусклой лампочки. Этот высокий, остролицый, чисто выбритый пижон средних лет утверждал, будто доводится правнуком князю Мещерскому, некогда воспитывавшему последнего российского императора и его наследника. Правда, Мещерским он числился только по французскому паспорту, а в российском, польском и израильском у него стояли совсем другие фамилии. Как и на какой Малой Арнаутской он сумел получить все эти ксивы, история умалчивала.

— Конечно, еще не хватало, чтобы благородный Князь выполнял за вас грязную работу! — аристократически процедил гражданин четырех государств, а затем подошел к пристегнутому

«штрафнику» и произнес, уже не кривляясь, стальным голосом:

— Но именно я, паскуды, ее за вас и выполнил! Я, Князь, этих козлов бампером забодал. А вы, четверо чурбанов с пушками, ни хрена не сделали. Пахом повел себя как лох — и схлопотал маслинку. Туда ему и дорога. Горгоня проморгал, гаденыш, тоже получил, только жалко, что не в лобешник, а по ходулям! А от вас с Федосом, фуфлыжников поганых, вообще один базар и никакого дела, в натуре...

— А у шоссе-то? — завизжал пристегнутый. — Сам-то, блин, в машине остался, когда мы на перехват побежали!

— Заткнись, рыло! — Князь совсем не по-аристократически ткнул оппонента кулаком под ребра. И добавил чуть ли не с французским прононсом:

— Вы, Власта Дмитриевна, разбаловали эту чернь донельзя. По-моему, они оборзели до крайней степени.

— Не балагурьте, Серж! Не до этого! — резко оборвала его руководительница разборки, однако в ее скандальном уличном голосе появились нотки светской учтивости. — По-моему, вы сами действовали недостаточно энергично.

— Так вы что, мадам, согласны с этой мразью? — возмутился Князь с истинно аристократическими интонациями. — Вы тоже полагаете, что Князь должен был шмалять, мочить и брать на себя 105-2а? С перспективой пожизненного на острове Огняный? Гран мерси, мадемуазель, сейчас я имею 109-ю, это по максимуму пятерка, мон плезир. Народ не уважает мокрушников, мон амур!

— Пуркуа па, мон шер? Если ситуация складывается, что нельзя по-иному, надо стрелять. Мой батюшка, — Власта снова вошла в роль, стареющая мегера-гетера опять превращалась в молодящуюся принцессу, — великий князь Дмитрий Павлович, не чета вам, князюшка, но самолично свел со свету подлеца Гришку Распутина. Так что можно и должно ради святого престола и великой истины!

КОЕ-ЧТО О ВЛАСТЕ МАНУЛОВОЙ

Мещерский поморщился: не хватало еще, чтоб эта выжившая из ума лахудра еще разок пересказала историю своего высокородного происхождения. Великая княгиня, с понтом дела!

Эмигрантка!

Насчет того, что Власта Дмитриевна — законная дочь члена царской семьи, Серж иллюзий не питал. Это всякие лохи-тупари, которых он набрал в команду, могут поверить, что стали «особами, приближенными к императрице». Ну, и сама Власта, находящаяся на грани маразма, уже почти всерьез поверила в собственную брехню.

А Князь — деловой человек, кандидат блатных наук как минимум. Он все об этой стерве знает — от и до. Из очень достоверных источников. Фамилия ее Манулова, папаша у нее был вроде бы русский, если не еврей, а мать — чешка. Карга и впрямь старая — аж 1927 года рождения. Во время войны жила на Украине и при немецкой оккупации всю крутила с фрицами. За это ее спровадили лет на пять в Казахстан — как видно, не нашли доказательств, что она в гестапо постукивала и потому не шлепнули. Когда выпустили, она, зараза, кем только не была: и проституткой, и наводчицей, и аферисткой, но ни разу крупно не попалась. Задерживали несколько раз, однако почему-то не посадили. Князь мог с

гарантией сказать — стучала, сука! Опять же удивительно, что блатные при этом ее не раскололи и не почикали. Но самое интересное состояло в том, что ей удалось при таком образе жизни сохранить шикарную внешность. И на эту самую внешность клюнул во время Московского фестиваля 1957 года один братский чех. Власта сразу вспомнила, что от хохляцкой чешки происходит, — и усвистала с мужем поближе к западной границе Варшавского Договора. Тридцать лет было — а смотрелась, как картинка, Князь фотку видел свадебную.

Чех этот самый был нужен Власте только для того, чтоб выбраться из Союза. При Хрущеве браки с иностранцами, тем более с социалистическими, криминалом уже не считались. К тому же она еще в Москве, должно быть, прослышала, что у суженого-ряженого есть родня в нейтральной и социал-демократической Австрии, а сам будущий супруг нет-нет да и ездит в Вену по приглашению любимой тетушки. Ну а у тетушки имеется сыночек, то есть двоюродный брат счастливого супруга.

Что было дальше — ясное дело. Власта быстренько охмурила тетушкиного сынка, разругалась с мужем, развелась — и стала австриячкой. Годик пожила, выучилась шпрехать на «хохдойче», а потом развелась и с австрийцем. Из Вены пришлось уехать, и пристроилась она на горнолыжный сезон официанткой в гостиничном ресторане. А как известно, горные лыжи — «спорт миллионеров». Вот тут-то Власта и ухватила свою жар-птицу за хвост. То есть хомутнула очень богатенького Буратино, правда, не из Италии, а из Франции, так что скорее Полишинеля или там Гиньоля.

«Гиньоля», или как его там в натуре звали, незадолго до того овдовел, на баб ему не больно везло, тем более что он уже начинал седьмой десяток, — а Власте еще и 35 не было. В общем, эта международная тварь очутилась в Париже.

Тут она себя вела намного приличнее — от добра добра не ищут. Тем более что прямых наследников у «Гиньоля», кроме нее, не оказалось, а деньжищ у него было немерено. Правда, старикан от своего большого бизнеса сильно устал и здоровьем ослабел. Само собой, Власта быстро скумекала, что он будет не в претензии, если всеми делами станет ворочать она, стерва прожженная. Образования у нее было — с гулькин нос, но ведь не боги горшки обжигают. В два счета, безо всякой Сорбонны, сообразила, как тут можно делать деньги, и пошла крутиться.

Постепенно она завела шашни и с эмигрантами разных «волн». Натуральные беляки по большей части к тому времени уже вымерли, но кое-какие есаулы, корнеты и поручики еще ковыляли помаленьку, а бывшие юнкера и кадеты совсем браво смотрелись. Власта именно к ним тянулась, к «первой волне», потому что среди «второй», то есть всяких там власовцев, полицаев и других прохиндеев, запросто могли попасться землячки, которые ее немецкой подстилкой помнили, а среди «третьей», то есть диссидентов-триссидентов, фарцовщиков, спекулянтов и других узников совести, можно было невзначай встретить граждан, которых Власта крепко кинула во время своих послевоенных афер.

Вначале Власта на тусовках «первой волны» появлялась просто как приложение к своему супругу. А его все бывшие князья и графья страсть как уважали за толстый кошелек. Конечно, добиться от прижимистого француза спонсорской поддержки, взноса в благотворительный фонд и даже краткосрочного кредита под небольшой процент было не так-то просто. Но все очень быстро обратили внимание, что ежели сперва побеседовать с мадам Властой и сделать ей пару комплиментов, то шансы разжиться халявой или одолжить денег на приемлемых условиях резко повышаются.

Один из таких просителей, представившийся как князь Валерий Куракин, вице-президент и генеральный директор компании «Принс адорабль», занимавшейся поставками в Европу тропических фруктов, пряностей, ароматических добавок и фармацевтического сырья из

заморских департаментов Франции, сказал в качестве комплимента, что у мадам Власты, несомненно, были аристократические предки, а ее лицо ему кого-то неуловимо напоминает. Князь свой кредит получил, а потом невзначай вспомнил, будто мадам Власта похожа на великого князя Дмитрия Павловича, который в 1916 году совместно с князем Юсуповым и депутатом IV Госдумы Пуришкевичем расправился со «святым чертом» Гришкой Распутиным.

Власта о своем родстве с фамилией Романовых вспоминать не торопилась. Во-первых, потому, что не видела в этом большого проку — до 1991 года было еще далеко, и никто даже по— думать не мог, что он наступит. Наоборот, в те дни весь мир любовался тем, как янки и их сайгонские приспешники драпают из Вьетнама, хватаясь за хвосты торопливо взлетающих вертолетов. У старичков-белячков даже слезы навернулись — это было так похоже на весенний драп из Новороссийска в Севастополь и на осенний драп из Севастополя в Константинополь в 1920 году! Солженицын даже писал в те годы, будто Америка проиграла третью мировую войну, а натовские стратеги спорили, дойдут ли русские танки до Рейна за 48 часов или только за 49.

Во-вторых, Власта была не дура и понимала, что покамест еще живы многочисленные аристократы, гвардейцы и прочие белоэмигранты, которые хорошо разбираются в генеалогии.

Впарить таким туфту нипочем не удалось бы.

Однако времена изменились. Ушли в мир иной под Гимн Советского Союза Брежнев, Андропов и Черненко, началась перестройка и гласность. Мадам Власта к этому времени овдовела и стала единовластной хозяйкой над многими миллионами долларов и франков. Само собой, что множество молодых и не очень молодых прохиндеев стали увиваться вокруг шестидесятилетней красавицы. Но бывалую аферистку взять на «фуфу» было невозможно, потому как она сама пробилась к деньгам именно таким способом.

Конечно, Власта понимала, что на тот свет она ничего не возьмет. Детей она не имела и иметь не могла, а потому после ее смерти все солидное наследство неизбежно должно было перейти к родственникам ее покойного мужа, которых оказалось не так уж и мало. Они тоже засуетились вокруг «тетушки», явно надеясь заполучить ее расположение — дескать, отломит в завещании кусок побольше. Но были и такие «родственнички», которые пытались пакостить, даже возбуждали в суде дела насчет того, что, мол, покойный «Гиньоля» был к моменту составления завещания не в своем уме или что Власта слегка помогла ему отойти в вечность.

Вот тут-то и пригодилась добрая дружба с князем Куракиным, который наряду с пряностями и тропическими фруктами поставлял в Европу кокаин и марихуану. Кроме того, «directeur in-chef» содержал где-то на Мартинике небольшую лабораторию, где разрабатывались синтетические наркотики и изучалось их воздействие на организм человека/Специфика такого бизнеса состояла в высокой конфиденциальности, и у князя имелось некоторое число активных стволов, которые эту конфиденциальность помогали обеспечивать. После того как несколько наиболее неумных родственников покойного «Гиньоля» ушли из жизни при не очень ясных обстоятельствах, число желающих оспорить права Власты на наследство сократилось до нуля. Претенденты на руку и сердце немолодой, но богатой невесты, сообразив, что жизнь дается один раз, тоже подрассосались. В обмен на эти маленькие услуги Куракина мадам вынуждена была учредить благотворительный фонд помощи индейцам Французской Гвианы, через который «принс Валери» потом помаленьку мыл деньги.

Зато в числе лиц, приближенных к Власте, появился князь Серж Мещерский, которого ей рекомендовал Куракин.

Официально, по соглашению между князем Валерием и Властой, его миссия состояла в том, чтоб ублажать стареющую миллионершу, сопровождать ее на различные элитные тусовки, а также охранять имущество от посягательств. Конечно, Власта прекрасно знала, что берет в дом соглядатая от «Принс адорабль», который к тому же ставит перед собой все ту же цель: заполучить наследство, правда, не для себя лично, а для Куракина. Первоначально предполагалось, что ежели Мещерскому удастся убедить хитрую бабку составить завещание в пользу души-Сержа, то ему отстегнут десять процентов за услуги, а остальные девяносто отойдут к «Принс адорабль». Поскольку Мещерский был кобель могучий и небрезгливый, то Куракин считал, будто дело в шляпе.

Но старая пройдоха прекрасно понимала, что ежели она поддастся эмоциям, то проживет гораздо меньше, чем ей отпущено богом. Она подарила Мещерскому пару автомобилей, скромный особнячок на Лазурном берегу, но насчет завещания в его пользу и не заикалась. Более того, стерва вычислила, что договор между «князьями» носит неравноправный характер. А потому стала усердно вбивать клинья между Куракиным и Мещерским.

С одной стороны, она начала исподволь внушать Мещерскому, что он сущий лох, который может иметь все, но наверняка вынужден будет поделиться с Куракиным. При этом она, словно бы издеваясь, говорила, будто князю Валерию вполне хватило бы и 10 процентов комиссионных. Мещерский, естественно, не стал рассказывать, что предполагается дележ по обратной пропорции, но крепко призадумался.

С другой стороны, ведьма в приватной беседе сообщила Куракину, что ей бы хотелось оставить завещание на двоих, то есть разделить наследство «фифти-фифти» между «возлюбленным» и «старым другом», а также полушутя, погрозив костлявым пальчиком, попросила не отбирать у «милого мальчика» ни сантимчика из его законной доли. «Иначе, мон принс, — игриво пообещала Власта полиция может кое-что узнать...»

Вот так этой стерве удалось стравить между собой Куракина и Мещерского. Куракин подумал, будто Мещерский накопил на него компромат, и стал искать, кто и что именно продал Сержу. А Мещерский, узнав от верных людей, что Валерий Васильевич под него копает, подумал, будто тому и десяти процентов жалко стало.

Серж, вообще-то, к тому времени уже много чего знал о деятельности «Принс адорабль» и понял, что его жизнь повисла на волоске, хотя никакого компромата на Куракина отродясь не собирал. Он уже приготовился рвануть когти, но тут произошло нечто неожиданное: Куракина обнаружили с перерезанным горлом на небольшой вилле, принадлежавшей чете молодых эмигрантов из России, Пьеру и Вере Князефф. Сами молодые, вместе с грудным ребенком, служанкой Любой и некой мадемуазель Элен Шевалье, сотрудницей «Принс адорабль», бесследно исчезли. Спустя какое-то время похожих людей видели где-то на Гваделупе, но дальнейшие розыски ничего не дали.

Мещерский мог мамой поклясться, что не заказывал Куракина, но кто бы в это поверил? На его счастье, в руководстве фирмы пошли разборки по поводу того, кто будет по жизни «верхним», и Мещерский благополучно улетел из Парижа в Киев, на вильную, самостийную и незалежную Украину. У него там имелись старые друзья. А Власта, которую разборки в «Принс адорабль» никоим боком не колыхали, осталась во Франции.

То ли от скуки, то ли от приближающегося маразма Власта вспомнила о том, что ей говорил покойный Куракин, — о ее сходстве с великим князем Дмитрием Павловичем. И ею овладела идея-фикс: сделать себя великой княжной.

До настоящего маразма Власте, конечно, было далеко. Голова у нее варила неплохо, и задумывать авантюры она отнюдь не разучилась.

К делу превращения в принцессу она подошла глубоко и вдумчиво, можно даже сказать, на

научной основе. Сначала она изучила все, что было возможно прочитать об этой персоне, полазила по Интернету, благо не отставала от жизни и прекрасно владела компьютером. Именно из мировой сети она выудила фотографии Дмитрия Павловича и по одной из них, переснятой из «Нивы», заказала художнику-копиисту парадный портрет маслом. На формат не поспешила — портрет получился примерно 2х1 метр.

Потом Власта через своих прихлебателей распространила слух, будто она доводится Дмитрию Павловичу родной дочерью, которая не афиширует своего высокородного происхождения. Слухи стали циркулировать среди потомков аристократии, и количество визитов к Власте разных титулованных особ заметно возросло. Конечно, все они замечали портрет Дмитрия Павловича, висевший у Власты в гостиной, и задавали осторожный вопрос, почему Власта выделяет великого князя из прочей когорты Романовых. На это старая кокетка отвечала загадочно: «О, господа, у меня к нему особое отношение!» А когда некоторые замечали, что у нее есть заметное сходство с портретом — оно и вправду просматривалось, за это художнику-халтурщику заплатили лишних 5000 франков! Власта скромненько улыбалась: «Вам виднее, месье...» Наконец, когда какой-то потомок графов Шереметевых решился спросить, не состоит ли мадам Власта в каком-либо родстве с Дмитрием Романовым, она ответила весьма неопределенно: «Пока этот вопрос для меня неясен...»

Наверно, если бы Власта прямо в лоб объявила: «Я дочка великого князя и прошу обращаться ко мне ваше высочество!», хрен бы ей кто поверил. Но бывалая аферистка прекрасно знала психологию публики, с которой имеет дело. Потому что, ежели кто орет во всю глотку: «Я — царица!», то ясное дело — самозванка. А вот ежели скромничает и не признается — значит, бесприменно настоящая великая княжна!

Очень скоро отдельные граждане стали в конфиденциальном порядке, лаская старушечье тщеславие, именовать ее «принсес», а некоторые даже «гран дюсесе», ибо по-французски «принцесса» — это всего лишь «княгиня» или «княжна», а «великая княгиня» приравнена к «великой герцогине».

Впрочем, конечно, ни о каких серьезных претензиях на престол Власта Дмитриевна и не думала. Она все-таки была слишком опытной авантюристкой, чтоб поверить в то, что православный народ пригласит царствовать бывшую фашистскую подстилку и блатную сыроежку. Наверяд ли МВД и ФСБ повыбрасывали ее прежние досье.

Но тут совершенно неожиданно, после более чем годичного отсутствия, во Францию вернулся Князь, он же Серж Мещерский.

Князь привез потрясающее известие: оказывается, на одном из российских химзаводов, в бывшем режимном цехе, где раньше производились боевые ОВ, существует некое опытное производство каких-то суперновых синтетических наркотиков или психотропных препаратов, которые якобы способны полностью подавлять человеческую волю и надолго, если не вообще навсегда, превращать людей в биороботов.

Мещерский узнал об этом через своего давнего кореша — Петро Гнатюка, который давно и плодотворно сотрудничал с братвой из данной российской области. Гнатюк, конечно, и сам был не прочь приобрести эти снадобья, но, как и в известном фильме «Свадьба в Малиновке», у батки не имелось золотого запаса. Точнее, кое-какие золото-валютные запасы у Петра Тарасовича были, но их не хватало даже на треть от той суммы, которую просили владельцы за свое «ноу-хау». Конечно, Гнатюк предлагал им продать ему посильную партию готового товара, а «ноу-хау» оставить при себе. Ему ответили, что лохов пусть ищет в другом месте. При современном уровне развития аналитической химии на Западе определить формулу препарата и разработать технологию его производства будет нетрудно, даже имея всего один пузырек этого зелья. Впрочем, Гнатюку предложили поискать потенциальных покупателей в дальнем зарубежье, пообещав ему, как посреднику, 10

процентов комиссионных от общей суммы сделки. Учитывая, что областные братки, возглавляемые в те недавние времена великим и мудрым Дядей Вовой, ломили за «ноу-хау» 30 миллионов долларов и говорили, что это предельно низкая цена, но никто не мешает Гнатюку найти покупателя, готового заплатить втрое или вчетверо дороже, Петро призадумался. Наиболее надежный выход на Запад у него был через Мещерского, который жил на Украине по польскому паспорту на имя Юзефа Мизевецкого.

Князь, хорошо знавший, какие дела крутит «Принс адорабль», быстро скумекал, что на этой сделке можно немало выгадать. Во-первых, выведя преемников Куракина на эту сделку, он сумеет купить себе прощение, если его все еще подозревают в организации убийства «вис-президана». Во-вторых, он прекрасно знал, что если препараты именно такие, как описал Гнатюк, то начинать торг с французами за «ноу-хау» надо не меньше, чем со 120 миллионов баксов. Конечно, дадут эти прижимистые лягушатники не больше чем половину, но и это будет вдвое больше той смешной цены, которую просил Дядя Вова. А поскольку сделка, по понятным причинам, пройдет неофициально, без лишних бумажек и по очень сложной схеме, включающей несколько банков и благотворительный фонд помощи индейцам Французской Гвианы, возглавляемый Властей, то есть шанс отстегнуть в свою и Гнатюка пользу немножко побольше, чем десять процентов. Чуть-чуть, миллионов десять примерно. Даже если Вова и его братве придет 50 «зеленых лимонов», они не будут в претензии — все больше, чем 30. Наконец, в-третьих, можно будет слегка отстегнуть Власте, возобновить отношения и продолжить охоту за наследством «Гиньоля». Конечно, спать с воблой, которой без малого 73 года, это не самый кайф — геронтофилией Князь никогда не страдал! — но перспектива когда-нибудь поиметь не только эти кости и дряблоту, но и разную наличность-недвижимость на сумму в 80 миллионов баксов возбуждала Мещерского покрепче всякой «Виагры».

Вначале все действительно складывалось удачно. Власть восприняла возвращение Князя с большим энтузиазмом и помогла ему провести мирные переговоры с представителями «Принс адорабль».

Как выяснилось, на месте Куракина теперь заседает весьма обаятельный месье Жак Саркисян, который с самого начала заявил о том, что новое руководство фирмы после проведения собственного расследования выяснило полную непричастность Мещерского к гибели Куракина. А когда Серж выложил свой главный козырь — выход на сделку по приобретению «ноу-хау» с завода в поселке Советский, то Жак выдал ему все полномочия на ведение переговоров.

Подключили к делу и Власту Дмитриевну. Возглавляемый ею фонд помощи индейцам Французской Гвианы переориентировался с Запада на Восток и создал дочерний фонд в России под ничего никому не говорящим, но очень красивым названием «Эмеральд» («Изумруд»), в уставные задачи которого входило оказание помощи лицам, потерявшим здоровье от работы на химических производствах.

Мещерский не собирался полностью посвящать Власту в курс дела. Больше того, он надеялся, что, заполучив препарат, первым делом испытает его на своей хозяйке. Тогда проблема с завещанием решилась бы очень быстро. Но провести старую пройдоху было невозможно.

Во-первых, предоставив свою территорию для переговоров Мещерского с Саркисяном, бабка приказала своей службе безопасности — она у нее была весьма профессиональная! — оборудовать ее прослушкой. Поэтому весь доклад Мещерского насчет сделки с Гнатюком и Дядей Вовой Власть прослушала одновременно с Саркисяном. Во-вторых, она прекрасно поняла, что если этот препарат угодит в руки к Мещерскому, то она окажется первой жертвой и отдаст свои 80 миллионов просто так. Наконец, в-третьих, она увидела в этих препаратах свою личную выгоду. Именно известие о снадобьях, превращающих людей в биороботов,

породило в ошипанной головенке Власты Дмитриевны безумную, авантюристическую идею: сесть на Руси императрицей!

ДЬЯВОЛЬСКИЙ ПОРОШОК

Нельзя сказать, что Мещерский с самого начала поверил в эту идею. Ясное дело — маразм крепчает. Однако, когда Власта пригласила его на беседу тет-а-тет и объяснила, что знает абсолютно все, в том числе и о том, что Князь строит против нее коварные планы, обладатель четырех паспортов подумал было, что жизнь дала необратимую трещину. Тем более что охранники милой старушки были где-то поблизости и вполне могли обеспечить ему вечный отдых от жизни.

Но «гран дюшесе» оказалась женщиной милостивой. Она сказала, что все понимает и предлагает Сержу подумать над ее предложением, которое сулит неограниченные возможности. Князь сообразил, что это дает некоторую отсрочку от возможного купания в Сене, и терпеливо выслушал все, что Власта придумала насчет своего царственного происхождения. К концу речуги старуха принялась излагать конкретные предложения.

Они состояли в том, чтоб купить не только «ноу-хау» на препараты, но и весь цех, где они якобы производятся, а затем заняться постепенной обработкой населения матушки-России, которая должна встретить единодушным ликованием новую, законную государыню. За это Мещерскому был обещан титул великого князя и наследника-цесаревича.

Жулик-рецидивист лихорадочно заработал мозгами. Перспектива в случае согласия сделаться всея Руси самодержцем, несмотря на жуткий авантюризм, выглядела очень даже реальной. Перспектива в случае отказа смайнать в Сену и поплыть по течению в направлении Гавра — даже более чем реальной. Конечно, Князь отказываться не стал.

Но Власта не верила на слово, потому что прекрасно знала Мещерского. Она заставила его подписать письменный отказ от претензий на наследство «принцессы», в случае если не будет реализовано особое секретное условие, хранящееся в запечатанном конверте. Условие это состояло в том, что Мещерский сможет получить права на все движимое и недвижимое имущество Власты Дмитриевны лишь в том случае, если она на момент смерти будет являться российской императрицей. С точки зрения формально-юридической, подобное условие было вполне законно, но, с точки зрения житейской, выглядело примерно так: «Получишь наследство, когда рак свистнет».

Наверно, если б Серж к этому времени уже не увидел в натуре нескольких людей, подвергшихся инъекциям таинственного препарата, то предпочел бы отказаться от бабкиных условий. В общем, другой бы, даже узнав, что этот препарат существует, нипочем бы не согласился, а просто попытался бы рать куда подальше, подписав для отмаза нужную бумагу. В конце концов, свет клином на Властных миллионах не сошелся.

Но Мещерский был авантюрист божьей милостью. Украсть — так миллион, любить — так королеву. «Любить», конечно, это сильно сказано, потому как Серж Власту любил ровно настолько, насколько положено хорошо оплачиваемому альфонсу. Однако возможность прибрать к рукам не только миллионы, но и ничем не ограниченную власть — прямо-таки пьянила эту забубенную головушку.

Когда Серж с Гнатьюком летом 1998 года впервые приехали в область, где роль «теневого губернатора» выполнял Дядя Вова, их с завязанными глазами усадили в белую «Ниву» и каким-то кружным маршрутом отвезли в некое потайное место, о местонахождении которого

Мещерский и сейчас не имел представления. И он, и Петро порядком трусили, опасаясь, что речь пойдет не о продаже «ноу-хау», а попросту о взятии в заложники. Конечно, Серж больше волновался, ибо Гнатюк тут был почти свой человек, а он— «заграничный», за которого, глядишь, хорошие бабки можно срубить.

Но Вова в данном случае подличать не собирался. Просто ему надо было подстраховаться и соблюсти коммерческую тайну. Предварительные переговоры с Вовиной стороны проводил Туз — правая рука и личный телохранитель областного пахана. Вместе с ним присутствовал еще один тип, которого Мещерскому никак не представляли. Запомнился этот гражданин впечатляющим шрамом в виде буквы V на правой щеке и отсутствием безымянного и среднего пальцев на левой руке.

Демонстрацию действия препарата проводили в некоем мрачноватом сооружении, напоминавшем не то средневековую подземную тюрьму, не то российское бетонное овощехранилище. Да так оно и было, просто Дядя Вова переделал бывшее овощехранилище в подземную тюрьму. Там он обычно содержал заложников, лиц, упорствовавших в выплате дани или иным образом задолжавших, а также своих же братков, которые подозревались в крысятничестве, подставах, стукачестве и других серьезных нарушениях блатного законодательства. Об этом краткий комментарий дал сам Туз, скромно намекнув, что те, кто сидит здесь сейчас, осуждены на смерть, но Вова из милости своей предложил использовать их в демонстрационных целях.

Бр-р-р! У Мещерского и сейчас кровь стыла в жилах. Он на всю жизнь запомнил эти бетонные плиты на потолке, цементный, во многих местах потрескавшийся пол и два ряда бетонных столбов, подпиравших потолок. А в промежутках между столбами были установлены поржавевшие уже решетки из толстой стальной арматуры, с проделанными в них тоже решетчатыми дверцами. За этими решетками, в разгороженных бетонными стенками отсеках-камерах сидели шесть человек. Наверху стоял жаркий июнь, а они тут мерзли в телогрейках.

С Тузом тогда были два жлоба — Филимон и Дрынь, которые принесли две бутылки водки, стограммовую мензурку с клювиком и коричневую аптекарскую банку с притертой пробкой. В банке находился белый порошок, по кондиции нечто среднее между сахарной пудрой и песком. Насыпав пять чайных ложек порошка в мензурку, Туз залил ее водкой, разболтал и перелил раствор в бутылку. Потом еще бутылку потряс, закрутив пробку.

Поскольку вся эта процедура проходила на глазах обреченных, все шестеро подумали, будто их хотят травануть, и пили зелье без особого энтузиазма. Точнее, очень даже упирались. Поэтому процесс приема раствора проходил бесцеремонно: Дрынь с Филимоном заходили в камеры, где поодиночке были рассажены «испытатели», заваливали их на пол, надевали наручники и насильно раскрывали рты, куда Туз наливал водку из мензурки.

Пятерым «испытателям» он налил ровно по сто граммов из этой бутылки, шестому, «контрольному» — триста из второй бутылки, в которую порошок не добавляли. Те, которые пили водку с порошком, почти сразу же отключились, а последний вел себя так, как положено человеку, принявшему три стопки на голодный желудок. Пел, хихикал, и так полчаса, пока не очнулись остальные.

Но именно этому, шестому, пришлось хуже всего. Он хоть и забалдел от выпитого, но не потерял способности ощущать боль и страдать душой. А вот пятеро «подопытных», когда открыли глаза, превратились в настоящих зомби. Правда, не совсем похожих на тех, каких американцы в ужастиках показывают, типа «оживших мертвецов». Нет, эти не помирали, ясное дело. У них внешне почти ничего не изменилось, только лица стали малоподвижные и глаза какие-то бесстрастные.

Ну а потом начались чудеса. Вот от них-то Серж и ощутил мороз по коже, но в то же время проникся полным убеждением, что сможет когда-нибудь сесть царем на Руси.

Уже то, как выходили из камер «подопытные» и «контрольный», показало большое различие между ними. «Контрольный», даже будучи под хмельком, понял, что ему предстоит муки, и его только силой выволокли из клетки. А те пятеро вышли сами по первой же команде Туза и встали как столбы, не порываясь никуда бежать и не меняя выражения лиц.

Для начала отчаянно сопротивлявшегося «контрольного» прикрутили проволокой к решетке, привязали к концу и яйцам контакты от старого полевого телефона, где, чтоб позвонить с такого, надо было покрутить ручку. Ну, и стали до него «дозваниваться». Вроде немного — 50 вольт на звонок, а орал «контрольный» во всю глотку.

А остальным, уже видевшим, как визжит и корчится их собрат по несчастью, Дрынь просто раздал наручники, и они сами себя пристегнули к решеткам камер. Без слов, без сопротивления — и ни один мускул на лице не дрогнул. И когда их тоже стали по очереди «прозванивать», они даже не дергались. Мещерский, хоть и не был спецом в медицине и биологии, но четко знал еще со школьной скамьи, что от электротока даже лапа, отрезанная у мертвой лягушки, начинает дергаться, потому что мышцы непроизвольно сокращаются. Туз просто сказал им: «Вы не чувствуете тока! Улыбаться!» И они стояли со счастливыми, хотя и немного искусственными улыбками на лице.

Мещерский не поверил. Он подумал, будто его дурачат — дескать, на первого по-настоящему ток дали, а на остальных нет. Сам лично проверил провода и контакты, покрутил ручку для пробы, чтоб увидеть синюю искорку, прицепил контакты на пытаемых и убедился — разряд был, а эмоций — ноль. Тогда Мещерский решил, что все дело в Тузе. Дескать, он экстрасенс-гипнотизер, типа уже позабытых Кашпировского и Чумака, которые всем мозги пудрили лет десять назад.

Туз только поржал и приказал Филимону нагреть электрический паяльник. «Контрольный», когда ему накаленное до красноты острие паяльника приложили к груди, взвыл белугой — на месте ожога осталась черная, треугольная ямка — ожог третьей степени. А все пятеро «зомби» продолжали по-дурацки улыбаться, будто их не жгли раскаленным металлом, а гладили влажной тряпочкой. Причем на сей раз Туз вообще ни слова не говорил и даже вышел из овощехранилища вместе с Дрынем, Филимоном и Гнатюком. Так что в роли палача оказался сам Мещерский. Гнатюк клялся и божился, что они отошли метров на пятьдесят по подземному коридору, курили и говорили о футболе. Тем не менее Мещерский и тут не поверил.

«Ну, хорошо, братан, — усмехнулся Туз, — допустим, я экстрасенс. А ты сам как, петришь в этом деле? В смысле, можешь Филимошу или Дрыня загипнотизировать?»

«Нет, конечно! — удивленно ответил Серж. — Если б я умел, то такие дела бы крутил — ни прокуратура, ни ментура не раскопали бы!»

«Короче, ты это не умеешь, — констатировал Туз. — Но думаешь, будто я всему причиной, а порошок просто ради понта в водку добавил. Ладно. Приедешь через три дня. Они от этого кайфа отойдут и станут вполне нормальными людьми. Ни меня, ни Дрыня с Филимоном и даже Гната здесь вообще не будет. Возьмешь с собой пару своих бойцов для охраны, получишь бутылку водки с нашим раствором, запрешь за две двери, облазишь все углы и дырки, убедишься, что ни телекамер, ни микрофонов нет, по которым я могу вас контролировать, — и вперед. Сам выбирай, кого поить, кого нет. Учти, они после порошка подчиняются первому, кто к ним обратится. То есть если ты сам скажешь: „Встать!“ — то они будут только тебя слушать. Если же кто-то из твоих корешков распорядится — они будут ему подчиняться до тех пор, пока он не скажет: „Подчиняйтесь Сереге!“

«А если я им скажу — рвите друг друга на части?» — спросил Серж.

«Можешь делать с ними все, что захочешь, — ответил Туз, — они уже и так, считай, что жмуры. Уморишь — проблем не будет. Ну, и еще одно. Если ты всю эту мутню затеял только для того, чтоб отлить сто грамм этой заразы и незаметно вынести, — лучше сразу вали отсюда и больше здесь не появляйся. Потому что предупреждаю сразу: после этого „эксперимента“ мы такой шмон вам устроим, что дай боже. Мы ведь люди ушлые, все блатные хитрости знаем. И если поймаем — вы отсюда уже ни хрена не уедете».

Мещерский понял, что так и будет, а потому, когда приехал через три дня, и в мыслях не держал попытку похищения таинственного раствора. Тем не менее шмон и ему, и обоим браткам (которых так же, как и его опять, привезли в «тюрьму» с завязанными глазами) устроили классный. Вплоть до клистира и промывания желудка. Но это было уже после того, как он убедился, что дело вовсе не в том, что Туз — великий экстрасенс, а в том, что невиданными свойствами обладает эта самая спиртовая микстура.

Повязки им на сей раз сняли где-то в бетонном туннеле, у стальной двери, вроде тех, что бывают в бомбоубежищах, и показали, что если ее запереть изнутри, то снаружи она уже не откроется. Потом вручили бутылку с зельем и ключ от второй двери, располагавшейся непосредственно перед овощехранилищем, метрах в пятидесяти от первой.

Заперев за собой первую дверь, Мещерский и его ребята досконально осмотрели весь коридор от одной двери до другой, но никакой потайной двери или лаза не обнаружили. Потом открыли вторую дверь и принялись изучать непосредственно «тюрьму», где облазили все стены и потолки, но ничего похожего на телекамеры или микрофоны не нашли.

На роль подопытного на сей раз выбрали того, который три дня назад был «контрольным». Он, конечно, и на этот раз упирался, но сто граммов ему все-таки влили.

Мужик этот вырубился точно так же, как те, что в этот раз оставались трезвыми. Полчаса ждали, пока он откроет глаза. Глаза он открыл, но лежал не двигаясь и даже почти не моргая. Один из подручных Сержа — тот самый Горгоня, которого нынче ранило в перестрелке со Стасом, — пнул лежачего ногой, но тот никак не отреагировал. Тогда Горгоня гаркнул: «Вставай!», и закайфованный поднялся на ноги. Роба у него выглядела точь-в-точь так, как у тех пятерых три дня назад. И встал, как столб, ровно и неподвижно, даже не качаясь.

Для пробы Мещерский попробовал ему приказать, хотя прекрасно помнил наставления Туза. Ни хрена не получилось — мужик не шелохнулся и даже не отреагировал на команду, будто был глухой от рождения. Тогда Серж потребовал, чтоб Горгоня покомандовал немного. Для проверки. Ежели Туз экстрасенс-телепат, который с большого расстояния умеет мысленные приказы отдавать, то небось настроился на него, Мещерского. А если он сейчас на Горгоню перестроится, то потом Серж примет команду и сам проверит, так или нет.

Горгониной фантазии хватило только на то, чтоб отдавать армейские команды: «Напра-во! Нале-во! Шагом — марш!» и так далее. Все это исправно выполнялось и ровным счетом ничего не доказывало. Однако после того, как Горгоня, отдав команду «шагом марш!», позабыл вовремя скомандовать: «Стой!», а управляемый им субъект пересек проход между клетками и уперся в прутья решетки на противоположной стороне, произошло неожиданное.

Подопытный не остановился, а попытался убрать с дороги препятствие, мешающее ему идти дальше. Сначала он просто несколько раз толкнул решетку с нарастающей силой, но потом сообразил, взялся руками за толстые вертикальные прутья — по сантиметру, а то и полтора в диаметре! — и растянул их в стороны, будто они были из резины. При этом сам мужичок был и в лучшие времена не амбалом, а тут в этой незаконной тюрьме вообще исхудал почти до дистрофической кондиции. Иначе ему бы нипочем было не пролезть в ту дырку, которую он проделал, раздвинув прутья. Перебравшись в камеру, где сидел один из

бывших «испытателей», крупногабаритный мужик самой блатной внешности, этот доходяга замаршировал дальше. Наверно, если б он дошел до бетонной стены камеры, то попытался бы долбить ее головой, лишь бы выполнить приказ Горгоны.

Но вышло все иначе. У стены, прямо напротив того места, где кайфованный раздвинул прутья, мирно сидел на тюфяке постоянный обитатель камеры. В тот день он выглядел совершенно нормальным человеком и, похоже, ничего не помнил том, что с ним самим творилось три дня назад. Во всяком чае, он недоуменно спросил: «Ты что, сбрендил, что ли?»

Однако дистрофан и ухом не повел, а все так же продолжал маршировать и в конце концов наступил грязным башмаком на пузо «хозяина» камеры. «Куда прешь, мудака!» — заорал тот, вскочил на ноги и оттолкнул дохляка от своей постели. Тот отлетел к решетке, крепко приложился о прутья затылком — по прикидке Сержа, любой другой на его месте минимум потерял бы сознание! — но после этого вновь двинулся вперед, выполняя приказ Горгоны.

А Горгоня, развеселясь и, может быть, даже не соображая, что его слова для мужичонки будут звучать как приказ, подзудил: «Ну-ка, дай ему в пятак, толстому! Выруби его! Шею сверни!» И заржал от души.

Вот только тут Мещерский окончательно уверовал в силу таинственного препарата. Когда «дистрофик» изо всех сил врезал детине по носу, да так, что тот мигом с копыт слетел и кровью залился, это показалось какой-то нелепой случайностью, но уже через пару секунд и Мещерскому, и Горгоне, и ныне покойному Пахому, который тоже участвовал в этой экспедиции, стало ясно препарат десятикратно умножил слабенькие силенки полудохлого доходяги.

Не теряя ни секунды, он надел на опешившего верзилу и с чудовищной силой стал молотить кулаками по голове своего противника, пока тот не потерял сознание, а затем, ухватив одной рукой за затылок, а другой за подбородок, молниеносно рванул в противоположные стороны. Только позвонки хрустнули...

А потом доходяга застыл с каменным, ничего не выражающим лицом, сидя верхом на мертвце. Должно быть, ожидая дальнейших приказаний. Биоробот в точности выполнил всю программу, которую, сам того не желая, заложил в него Горгоня: дал в пятак, вырубил, а потом свернул шею.

«Ну ты здоров... — пробормотал в нешуточном испуге Горгоня. — А если я тебе помереть прикажу? Сдохнешь?»

«Сдохну», — безо всяких эмоций произнес этот тип.

«Ну, давай!» — опять же, не подумав, подзадорил Горгоня. А мужик в тот же момент повалился на окровавленный труп своей жертвы. Сердце остановилось.

Остальные детали были для Сержа уже не важны. Он представил себе, как открывает где-нибудь в России на бабкины деньги водочный завод, поит водярой с порошком всяких нужных людей, которые после этого начинают делать только то, что он приказывает, потом по его наущению издают указ, чтобы все пили только эту, «Мещерскую» водку, и постепенно вся Россия станет управляемым роботом, которая в едином порыве проголосует за восстановление абсолютной монархии во главе с царицей Властой, которая тоже будет беспрекословно подчиняться ему, Сержу Мещерскому, назначит его своим преемником, отдаст свои жалкие 80 миллионов за так, а потом почиет в бозе. Просто по команде Сержа. И тогда воцарится на Руси император Сергей I...

КОНКУРЕНТЫ

В общем, после всего, этого упоения грядущими перспективами Серж решил, что может пообещать сорок миллионов баксов за это «ноу-хау» Вовиной конторе. Протокола о намерениях, конечно, подписывать не стали, хотя Туз — до Вовиной персоны Мещерского не допустили — посоветовал не тянуть резину. По его словам, на ихнюю «заразу» есть еще покупатели, только вот жмутся, даже 30 миллионов платить не хотят. Но ежели узнают, что есть люди, готовые 40 выложить, — могут и на полета раскошелиться. Уговорились, что хозяева Сержа, то есть «Принс адорабль», обсудят и решат вопрос через три недели, где-то в середине июля.

Серж, конечно, пользуясь своей монополией на переговорный процесс, доложил Жаку Саркисяну, будто за такой товар Дядя Вова просит 120 миллионов. Не преминул он и сообщить о наличии конкурентов, которые готовы выложить 50, пригодилось сообщение Туза! Саркисян, которому Мещерский рассказал во всех подробностях о том, что видел своими глазами, тут же сказал, что может дать 70 миллионов и переведет их на счета Властиного «Эмеральда» во Франкфурт-на-Майне, откуда кредитная линия потянется до Москвы. При этом щедрый месье Жак заметил, что если Серж привезет ему «ноу-хау» неизвестного препарата, то он не будет интересоваться, какой процент Князь оставил себе за комиссию. Главное, чтоб через три недели вся документация была лично у него, Саркисяна, на столе. «А если не будет, — оскалил свою платину Жак, перейдя на русский язык, — я тебя под землей найду!»

Впрочем, самого Жака, как оказалось, кто-то и за что-то искал. Подозревали, что он крепко кинул какого-то иранца по фамилии Парвани и что это было как-то связано с поездкой Саркисяна в Россию, где он держал какую-то фирмушку. Так или иначе, но вдребезги разбитый и начисто выгоревший изнутри «Ситроен» с обугленными, но поддающимися опознанию телами Саркисяна и трех его сопровождающих обнаружили под откосом горной дороги недалеко от уединенной и никому не принадлежащей фермы во Французских Альпах. Это случилось буквально через неделю после того, как Мещерский доложил ему о результатах поездки к Дяде Вова. Следствие установило, что вроде бы водитель был нетрезв и не справился с управлением на мокрой дороге.

Серж к этим разборкам никакого отношения не имел. Но тихо обрадовался тому, что случилось. После гибели Жака внутри «Принс адорабль» пошла возня и грызня, поэтому сложилась идеальная ситуация, чтобы хапнуть «ноу-хау» самому, хотя и за счет миллионов «Принца», переведенных во Франкфурт.

Однако именно тут произошел облом. Когда Князь уже собирался ехать на второй этап переговоров, неожиданно объявился Гнатюк и сообщил с глубоким прискорбием, что Дядя Вова со своей конторой приказали долго жить. Толком никто ничего еще не знал, кроме одного: Вова поссорился с прикрывавшим его полковником из РУБОПа, на контору наехал СОБР, похватал почти всех, а сам Вова исчез бесследно. Туз, Дрын, Филимон — то есть почти все, кого знали Мещерский и Гнатюк, — погибли. Правда, никто так и не знал, отчего да почему. То ли менты их постреляли, мстя за своего полковника, взлетевшего вместе с дачей (а заодно оберегая его память и свои должности от грядущего служебного расследования), то ли их почикал Дядя Вова, чтоб замести следы. Грешили также и на Трехпалого, который тоже исчез из поля зрения.

Все это привело было Сержа к мысли, что его затея накрылась медным тазом. Тем более что, по информации Гнатюка, Трехпалый был сторонником того, чтоб продать «ноу-хау» тем таинственным конкурентам, о которых упоминал покойный Туз. Единственное, на что он надеялся, так это на то, что Вова жив и где-то прячется, а Трехпалый выведен в тираж. Увы,

это предположение опроверг все тот же Петро Гнатюк, когда сообщил, что в августе следствие добралось до одной заброшенной деревеньки и обнаружило там гнилой колодец, где находились четыре трупа со следами 9-миллиметровых пуль. В том числе там был и Бовин труп. Сведущий человек, уже сидевший в СИЗО, которому и так помилось пожизненное, решил, что терять теперь нечего. Он сообщил, что там, в этой деревеньке, у Дяди Вовы была «лежка», и там же он хранил все самое ценное: личную записку от областного общака, а также некие важные документы. Каким образом эти сведения пришли к Гнатюку, от ментов или от прокуратуры, Мещерский не интересовался, но не верить им не имел основания.

Тем временем о Серже вспомнили господа из «Принс адорабль», которые утвердились у руководства компанией. Мещерского взяли за жабры и скромно поинтересовались, где пакет «ноу-хау», который он обещал покойному Саркисяну. Князь с некоторым трудом, но все же сумел объяснить, что сделка сорвалась ввиду форс-мажорных обстоятельств. Решающим аргументом стало то, что 70 миллионов баксов так и остались на франкфуртских счетах и никуда не уехали. Наверно, если б Серж успел израсходовать хотя бы миллион, его бы заподозрили в желании присвоить колхозные деньги и пустили на корм карибским акулам.

Но все обошлось относительно благополучно. Гнатюку удалось в конце концов выйти на контакт с Трехпалым, который на некоторое время занял Бовину «экологическую нишу». Дело было уже в январе 1999 года. Трехпалый согласился встретиться с Мещерским, но переговоры повел с большой неохотой. Ссылки на то, что с Дядей Вовой, точнее с Тузом, было уже все оговорено, его не волновали. «У Вовы не спросишь, у Туза тоже, — бурчал обладатель шрама в виде буквы V. Дадите аванс в десять „лимонов“ „зеленью“ — поговорим дальше, а если нет пардон муа, валите на хрен! Покупатели уже есть».

Мещерский объяснил, что он вовсе не так богат, чтоб давать деньги за воздух, но за ним стоят серьезные партнеры, которыми надо протереть этот вопрос.

Серж взял тайм-аут главным образом для того, чтоб навести справки о том, кто еще положил глаз на препарат и не блефует ли Трехпалый насчет того, что пакет у него.

Однако на сей раз забрать все дело в свои руки ему не удалось. «Адорабли» взяли Князя под жесткий контроль и потребовали, чтоб на следующее свидание с Трехпалым он взял с собой кого-то из старых «куракинцев». Мещерский быстро сообразил, что, едва этот кадровый дядя напрямую закончат с Трехпалым, его миссия, как и миссия Гнатюка, может быстро закончиться. Причем в лучшем случае Сержа и Петра просто ототрут от этой сделки, сулившей хорошие комиссионные, а в худшем — вообще вырубят, чтоб не мешались и не распространяли лишнюю информацию.

Поэтому Мещерский постарался убедить своих шефов, что к дополнительному переговорщику Трехпалый отнесется с недоверием и заподозрит, что имеет дело не с французами, а с ФСБ. Тогда стали требовать, чтоб Серж свел их хотя бы с Гнатюком.

На это дело Мещерский после некоторых колебаний согласился, потому что упираться дальше было уж очень стремно. Однако перед тем, как организовать встречу с парижским эмиссаром в Киеве, Серж объяснил Гнату общую ситуацию, и тот прекрасно понял старого приятеля.

На первую встречу с Гнатюком Серж привез своего «надзирателя», некоего месье Зильберштейна, который вообще-то был французом только по паспорту, но зато хорошо знал столицу бывшей Советской Украины, откуда уезжал в Израиль. Встречу провели в Дарнице, арендовав на денек квартиру одного из друзей Петра Тарасовича, который через неделю должен был ее продать. На этой встрече Гнатюк около получаса полоскал мозги этому «надзирателю», утверждая, будто ему не с руки ввязываться в дело постороннего человека.

Мол, Сержа он знает от и до, а Зильберштейн для него темная лошадка. Но Зильберштейн оказался ужас каким занудным и все же добился того, что Гнатюк назначил ему следующую встречу, на которую парижский гость должен был прийти без Мещерского. При этом, когда Серж отлучился в сортир, Петро скромно намекнул своему бывшему земляку, что в отсутствие «москаля» они легче договорятся. Дескать, отошли его обратно в Париж, а мы, «кияне», сами все оговорим. Естественно, что Зильберштейн уже на следующее утро велел Сержу садиться в Борисполе на самолет и лететь во Францию прямым рейсом. Серж улетел, хотя долго и настырно отговаривал своего «надзирателя» не ходить в одиночку к Гнатюку, ибо мужик он острый, непредсказуемый и от него можно дожидаться чего хошь. Самое главное было не переборщить, так как главной задачей Сержа было укрепить Зильберштейна во мнении, что на эту встречу надо идти одному.

Когда два дня спустя Зильберштейн приехал в Дарницу, имея при себе пять тысяч баксов наличными, которые надеялся вручить Гнату «для облегчения дальнейших переговоров», разговор продлился всего пять минут. На шестой «месье Жильбер» (так рекомендовался Зильберштейн Гнату) получил крепкий, но несмертельный удар по башке резиновой дубинкой и надолго потерял сознание.

Очнулся он в некоем таинственном подвале, где на стене висело черно-червонное знамя, большой портрет Степана Бандеры, а также лозунг: «Хай живе вольна Укража без жідав, москалів, ляхів та комуністів!» Зильберштейн сразу понял, что влип очень крепко, и тут его будут бить не по французскому паспорту, поскольку в лозунге про «жідав» упоминалось в первую очередь.

Когда в этот подвал пришли некие люди в камуфляже, черных масках, полностью закрывающих лица, и стали не очень сильно, но больно лупцевать клиента дубинками — в основном по ногам и по заднице, чтоб мозги не вышибить и почки не отбить, — «Жильбер» готов был сообщить любую информацию и сознаться даже в подготовке заговора против президента Кучмы, хотя этого от него и не требовали. Поэтому, когда палачи удалились и вместо них пришел Гнатюк, объявивший себя полковником УПА, Зильберштейн рассказал все, от и до, что знал, про «Принс адорабль», рассчитывая, должно быть, будто его сразу после этого убьют и не станут подвергать дальнейшим пыткам. Но его вовсе не убили, а приложили к морде тряпку с хлороформом, влили сто граммов горилки для запаха и в усыпленном состоянии отвезли на вокзал, загрузив в поезд Киев Одесса.

Когда «Жильбер» очухался, поезд уже приближался к конечному пункту. Кое-как он вспомнил, как дошел до жизни такой, но о том, как лишился пяти тысяч баксов, память ничего не сохранила. Кроме того, у него вытряхнули и все остальные деньги, даже гривны. Чтоб вернуться в Киев, ему пришлось продать в комиссионке ондатровую шапку. Но самое интересное было потом, когда Зильберштейн, созвонившись с киевскими знакомыми, решил разобраться с Гнатюком. Оказалось, что знакомая квартирка в Дарнице уже продана и никакого Петра тут никто не знает. Когда же «Жильбер» вернулся в Париж, то его ждал еще более неприятный сюрприз. В полицию поступила аудиокассета, на которой были записаны его показания насчет деятельности «Принс адорабль» в области торговли наркотиками. Причем поступила она не как-нибудь, а через Интерпол от МВД Украины.

Поскольку сразу после этого полиция провела несколько операций, полностью подтвердивших правоту «Жильбера», все руководство «Принс адорабль» и заодно банковские счета компании арестовали. А вот франкфуртские счета «Эмеральда» остались вне поля зрения. Это дало возможность Мещерскому и Власте, которые формально не числились сотрудниками «Принс адорабль», избежать вызова в следственные органы даже в качестве свидетелей.

Тем не менее Князь решил, что пора покинуть гостеприимную Францию и отправляться на историческую родину, то есть в Россию. Ибо теперь, как ему казалось, уже никто не помешает

им договориться с Трехпалым.

Но, увы, последовал очередной облом. Трехпалый бесследно исчез из области, а вместе с ним, по справкам, наведенным через Гнатюка, испарились и пакет с «ноу-хау», и вся готовая продукция, и установка, на которой она производилась, и даже сырье, употреблявшееся для изготовления порошка. Казалось, что облом этот полный и окончательный. Все нити, ведущие к обладанию средством, дающим неограниченную власть, оказались обрубленными. Теперь кто-то другой должен был заполнить эту власть. Мещерский впал в запой и пару раз был готов застрелиться.

Правда, вскоре удалось узнать, что незадолго до своего исчезновения Трехпалый вел переговоры с неким Антоном из Москвы. После некоторых розысков, длившихся почти полтора месяца, вопрос прояснился. У этого Антона обнаружилась фамилия — Соловьев и отчество — Борисович. Он оказался бизнесменом, который до 17 августа числился среди очень крутых, а после — во всяком случае, для налоговой инспекции — стал числиться «средним». Оказалось, что от него тянется ниточка все в тот же Франкфурт-на-Майне, к немецкому бундес-бюргеру Рудольфу фон Воронцоффу. Оттуда конец тянулся дальше, за океан и упирался в некую малозаметную компанию по производству и продаже прохладительных напитков «GAMPK Limited». Это тихое и скромное американское ТОО оперировало примерно там же, где и погоревшее на Зильберштейне «Принс адорабль», — в Карибском бассейне, и тоже жаждало удивить потребителей крэка и обычного кокаина чем-нибудь новеньким из синтетики. Разница между компаниями состояла только в том, что французская действовала сама по себе, а американская довольно тесно сотрудничала с ЦРУ, которое закрывало глаза на то, что взгляды руководства компании на торговлю наркотиками не всегда совпадают с официальной позицией американского правительства.

Все эти сведения добрались до ушей Сержа из разных источников, достоверных и не очень, а кроме того, были крайне отрывочны. Уточнить те или иные факты было просто невозможно. Кроме того, информация отнюдь не вселяла оптимизма. Мещерский отчетливо представлял себе, с какой чудовищной силой ему придется тягаться. И поскольку никогда не ощущал себя доблестным рыцарем, готовым сражаться с девятиглавым драконом, очень захотел пристроиться к конторе Соловьева. Но как подступиться — не знал.

К великому удивлению — радости, он, правда, поначалу не испытывал! «соловьевцы» сами вышли на Мещерского. И, что было особенно приятно, не стали мочить Князя. Для начала ему вполне вежливо объяснили то, что он уже и сам знал. То есть что ловить ему нечего и шанс сохранить жизнь у Сержа

только один — добросовестное сотрудничество с Антоном Борисовичем. Мещерский развел руками и сказал, что сотрудничать он всегда готов, как юный пионер, но, увы, не знает, что может предложить господам, которые и так имеют на руках все козыри.

Представитель Соловьева — некий Магнус — в свою очередь, удивился. Сначала он даже зарычал на Сержа: «Не пудри мозги, Князь! Ведь ты порошок притырил!»

Это недопонимание сторон могло, вообще-то, дорого обойтись Мещерскому. Если б он не воскликнул в отчаянии: «Вам что, Трехпалый так сказал?», то его скорее всего стали бы очень больно допрашивать. Но этот крик души оказался спасительной соломинкой. Магнус, как видно, сразу понял, что «подследственный» ни хрена не в курсе дела.

Оказалось, что Трехпалый вовсе не ушел к «соловьевцам» и даже не был ими похищен. Напротив, Соловьев и компания были убеждены, что Трехпалого похитили Гнатюк с Мещерским, которые заодно уперли и пакет с «ноу-хау», и банку с готовым препаратом, и все прочее, вплоть до экспериментальной установки.

Кроме того, грешили и на одного из старых друзей Трехпалого, некоего Магомада. Дело в

том, что Магомад слегка накинул цену на свой товар, и Трехпалый сразу оказался в худшем положении по сравнению с конкурентами. Из кругов, близких к Трехпалому, шли слухи, будто он сильно огорчился и ответил тем, что по его наводке двух племянниц Магомада забрали в милицию. Когда расстроенный дядюшка прилетел вывозить девушек, его самого посадили за попытку дачи взятки следователю. Понимая, что земляки Магомада, дознавшись, что и как было, могут испортить Трехпалому не только бизнес, но и последние восемь пальцев почикать, тот решил организовать Магомаду побег, но при этом договорился с «соловьевцами», что они отделаются от Магомада и его баб, когда их привезут в Москву. Отсюда и пошла легенда, будто Соловьев похитил Трехпалого и Магомада. На самом деле никто из них в Москву не прилетел. Из тех, кто участвовал в операции по освобождению Магомада и его племянниц, удалось найти только водителей санитарной «уазки», на которой дядю и племянниц вывезли из ИВС, и белой «Нивы», на которую они собирались пересесть и доехать до озера, куда должен был прилететь военный вертолет. Но тут-то и начались разночтения. Водила с «уазки» клялся и божился, что высадил кавказцев точно рядом с «Нивой», а водила «Нивы» утверждал, что прождал полтора часа, но никакой «уазки» не дождался. А вертолетчиков, которые в нарушение воинской присяги взялись за высокооплачиваемую работенку, подряжал некий Буба, телохранитель Трехпалого. Кроме него, никто этих летунов не знал, а сам Буба и его напарник, сопровождавшие Трехпалого, исчезли бесследно. Команда Трехпалого после исчезновения вождя рассыпалась, пошли разборки и дележ территории.

В общем и целом, до мая Мещерский кое-как заслужил у «соловьевцев» доверие. Но тут произошло нечто неожиданное: какие-то вооруженные до зубов люди в камуфляже и масках похитили самого Антона Борисовича. После этого контора Соловьева тоже приказала долго жить. Насколько капитально — неизвестно, но Магнус Князя больше не беспокоил. То ли лег на дно, то ли на кичу засел. К тому же в одной из телепередач про криминал Серж увидел, как соборвцы раскладывают по асфальту некую оргпреступную группировку, и когда бойцы правопорядка, вцепившись в волосы задержанным, приподнимали им головы, чтоб запечатлеть морды на видео, Мещерский рассмотрел две-три знакомых физиономии. Он и сам только чудом не попал в поле зрения РУБОПа и примерно месяц не появлялся в Москве. Единственное, что крепко волновало его в то время, не угодил ли в ментовку Магнус и не попал ли к ментам номер «сотки», зарегистрированной на имя пана Юзефа Мизевецкого.

Правда, этот месяц он провел в той самой «нужной» области и нашел хороший контакт с заводделом областного департамента здравоохранения Борисом Витальевичем Евсеевым, который уверял, будто он кое-что знает о том, что производилось в бывшем 14-м цехе химкомбината...

Увы, очень скоро стало ясно, что господин Евсеев тоже не спешит продавать «ноу-хау», ибо в конкурентную борьбу вступил новый игрок — американский гражданин Пол Мэнулофф, он же Манулов Павел Николаевич, кузен Власты Мануловой и... соперник в борьбе за престол!

ЗАСАДА

— Юрик, подъем! — по-отечески скомандовал капитан Ляпунов, и Таран мигом проснулся. Повертел головой, глянул на свои «тайваньские» — 9.00, как в аптеке. Законные четыре часа, начиная с пяти утра, Юрка проспал. Пора службу нести.

Калейдоскопом промелькнули перед внутренним взором сумасшедшие события вчерашнего дня. Воскресенье называется, мать его так!

Обычно Птицын давал Тарану отгулять выходные, не всегда, конечно, но давал. Потому что

считал: молодой отец должен хоть два дня в неделю общаться с сыном. Ясно, что это правило без исключений не бывало, но, ежели по ходу работы в «выходные» Юрке приходилось крепко потеть и рисковать, Генрих давал ему отгулы в рабочие дни. К тому же так, чтоб сразу, с одного задания на другое, случалось редко.

А вот на нынешней неделе все пошло именно так. Сперва сами похищали какого-то типа на улице Тружеников, потом вели перестрелку с похитителями Василисы, потом возили Ирину на встречу в «Пигмей», после чего была погоня со стрельбой. Жутко веселая и интересная жизнь! И все без передыху.

В субботу вечером, уже когда стемнело, Ляпунов построил Тарана, Милку, Топорика и Алика, велел экипироваться по гражданке, садиться в «Ниссан» и ехать на аэродром. Туда же подъехал на своей личной «Фелиции» Генрих Птицын в сопровождении «бойцовского» сержанта Толяна и... Василисы. Ее привезли с завязанными глазами и сразу же провели в самолет, где рядом с ней посадили Милку — для полного спокойствия, должно быть, чтоб за борт не выпрыгнула. Впрочем, прыгать премудрая прачка, похоже, вовсе не собиралась. Когда с ее мордашки сняли повязку, то выяснилось, что она выглядит очень даже неплохо, те синяки, которые ей поставили бандюки, были аккуратно заштукатурены, а новых, как видно, ей не поставили. От всяких негативных впечатлений, пережитых в сарае на карьере, Василиса уже вполне отошла, держалась бодро, даже глазки Милке состроила. Инструктаж от Птицына получал только сам Ляпунов, да и то очень короткий — пяти минут не прошло. Погрузились быстро, тем более что грузить, кроме самих себя, было нечего.

Долетели меньше чем за час. В пути помалкивали, даже Василиса тишину не нарушала, хотя вообще-то любила поболтать.

Прямо из самолета пересели в микроавтобус, где, кроме водителя, никого не было, и поехали на ту же самую дачу, где минувшим летом Таран провел несколько дней в обществе ныне покойного Коли, Ани Петерсон и Фроськи. Фроська и сейчас присутствовала, но выглядела намного серьезнее, поскольку чуяла, что имеет дело с очень крутыми людьми и лучше лишний раз не строить глазки. Василису поселили под контролем Милки в малой комнате, а мужики устроились в большой. Впрочем, Тарана с Топориком тут же выставили на струю, точнее, как выразился Ляпунов, «контролировать обстановку». Через три часа их заменили сам Ляпунов и Алик.

Часов около семи капитан объявил общий подъем. Наскоро подкрепились макаронами с тушенкой, которые соорудила Фроська, а затем сели в машину, но уже не в микроавтобус, а в небольшой фургончик, и куда-то поехали. Правда, не все: Василиса и Милка остались на Фроськиной даче. За рулем сидел тот же шофер, что и вчера. Он ни имени, ни фамилии не сообщал, отзывался на обращение «шеф» и почти ни слова не сказал за все время поездки.

Задание оказалось очень простым и в принципе настоящей «мамонтской» квалификации не требовало. Просто заехали во двор небольшого мебельного магазина и погрузили через заднюю дверцу какой-то продолговатый картонный ящик вроде тех, в которые упаковывают высокие и узкие шкафы-колонки из кухонных стенок. Потом переехали с одного конца Москвы на другой, перетащили ящик в крытый кузов «Газели», стоявшей во дворе некоего склада, сели в свой фургончик и поехали обратно на дачу. Зачем и почему все это делалось, никто, конечно, не спрашивал, все переговоры в обоих пунктах вел только Ляпунов.

Проездили не так уж и долго, часов до десяти. С этого момента почти до восьми вечера ничего не делали, если не считать того, что пообедали. А вот незадолго до 20.00 Ляпунов, обменявшись с кем-то по сотовому несколькими малопонятными фразами, велел срочно садиться в фургончик.

На сей раз работа тоже оказалась легкой, хотя ее уже нельзя было считать «непрофильной».

Фургон добрался до престижного дачного поселка, расположенного впритык к Кольцевой дороге, остановился на неосвещенной улочке, а затем из него высадились Ляпунов, Милка и Василиса. Через некоторое время Ляпунов дал команду шоферу, и тот подъехал уже к открытым воротам дачи. Затем ворота закрыли, а фургон, объехав дачу, спрятался на заднем дворе. Только после этого Ляпунов объяснил, что в их задачу входит быстрый и бесшумный захват всех лиц, которые появятся на даче в течение этой ночи. Таковых лиц, по данным разведки, может быть трое, но не исключено и появление кого-то еще.

Алик и Топорик заняли позицию в маленькой комнатке на первом этаже, Таран с Милкой — на втором, в спальне, «шеф» остался при машине, а Ляпунов с Василисой должны были встречать хозяев. То есть встречать должна была Васька, ибо она, оказывается, работала у здешних господ, а Ляпунов — смотреть, чтоб универсальная служанка вела себя прилично и не пыталась сделать глупость.

Первой появилась хозяйка, которая очень обрадовалась Василисе. Судя по тому, что долетело снизу до Юркиных ушей, Александра Матвеевна — так звали хозяйку — уже намеревалась придумать для своей служанки массу дел, которые, должно быть, накопились за время Васькиного отсутствия. Пока она давала ЦУ, Ляпунов осторожно подкрался и усыпил представительную даму шприц-иглой из хорошо знакомой Тарану стреляющей авторучки. После этого Александру Матвеевну осторожно загрузили в мешок, перевязали веревкой и погрузили в фургон. Фургон уехал, но очень быстро вернулся, должно быть, передав пленницу на какую-то другую машину.

Затем некоторое время пришлось подождать, пока придет хозяин в сопровождении телохранителя. Телохранителя обработали Алик и Топорик, а хозяина, оказавшегося тщедушным старикашкой, почти без вмешательства Тарана скрутила пледом Милка. Их тоже погрузили и вывезли на фургоне.

После этого Ляпунов приказал отдыхать Василисе, Милке, Топорику и Алику, а себя и Тарана назначил на дежурство до пяти утра. Потом разбудили на вахту Топорика с Аликом, а сами залегли дряхать. Теперь вот настало время подъема...

— Десять минут на ополаскивание морды, туалет и прочую моральную подготовку, — объявил капитан. — После чего — шагом марш менять Топорика.

— Может, его покормить сперва? — предложила Василиса, выглянув из-за плеча командира.

— Ничего, — сказал Ляпунов, — пару часиков поголодать в таком возрасте не смертельно. Вот Топорика и Алика надо сейчас подпитать. Они службу несли, калории тратили. Вы с Милкой тоже покушайте.

— А сами кушать не будете?

— Пока нет. Надо приглядывать помаленьку. Сегодня могут более серьезные гости появиться.

— Это вы про Вадика и Лару? — спросила Василиса. — Они сегодня не приедут. У них рабочий день.

— Нет, я не о них. Могут такие приехать, что большой шум подымет. И даже стрельба, — сурово произнес Ляпунов. — Так что, как говорил товарищ Сталин, будем держать порох сухим.

Боевой пост Тарана находился в мансарде дачи. С некоторым изумлением Юрка обнаружил, что с того момента, как он в первый раз дежурил, тут кое-что поменялось. В частности, появился некий телевизор или монитор, которого раньше не было. От монитора кабель

уходил куда-то на крышу, через специально просверленную дыру. Где-то там, похоже, стояла малозаметная телекамера, которая медленно поворачивалась, оглядывая окрестности дачи в секторе 180 градусов сперва по часовой стрелке, потом — против.

— Смена пришла! — объявил Таран. — Идите жрать, пожалуйста, гражданин Топорик.

— Служу Советскому Союзу! — по старинке ответил тот и добавил, щелкнув ногтем по экрану:

— Поглядывай!

Юрка с интересом поглядел на экран и все-таки не удержался от вопроса:

— А откуда эта техника взялась?

— Подарок доблестных союзников! — ухмыльнулся Топорик. — Привезли под утро, еще темно было, и установили. Класная штука! Ты все видишь, а тебя не видно. Но ты изредка и сам в окошко посматривай. Говорят, что и при железной дороге нельзя забывать двуколку. Если заметишь, что кто-то несколько раз туда-сюда мимо дачи прошелся или машина одна и та же раза три мимо дачи проехала на малой скорости, — сразу жми вот на эту кнопку. Это переговорное устройство. Чуть что — сообщай Сереге.

После этого Топорик спустился вниз, где его, должно быть стали «подпитывать», а Таран остался «приглядывать за техникой».

Первый час прошел донельзя скучно. По улице прошло всего шесть человек и проехала лишь одна машина — «Мерседес-300», которая быстро прокатила мимо дачи и исчезла за поворотом. Ни один из прохожих обратно не вернулся, и «мере» тоже, как видно, не собирался кататься взад-вперед. И еще полчаса миновали, но в поле зрения телекамеры по-прежнему ничего подозрительного не просматривалось.

Таран начал помаленьку расслабляться, и мысли его постепенно переключились на предвкушение скорой смены и приема пищи. Тем более что снизу, из кухни, в мансарду повеяло ароматом гречневой каши и чего-то мясного. Да еще и кофеек, кажется, заварили. Само собой, внимание стало сильно рассеиваться, а душа прислушиваться к революционным маршам, доносившимся из желудка.

Поэтому Юрка мог бы и вовсе не обратить внимания на светло-бордовый «Форд-Эскорт», который проехал мимо дачи, а затем свернул в узкий тупичок между заборами и остановился, заглушив мотор. Из-за угла его почти не было видно, и в глаза он не бросался, тем более что и во дворах, и рядом с заборами было припарковано немало машин.

Однако Тарану все-таки повезло. Во-первых, потому, что в тот момент, когда «Форд» сворачивал в тупик, объектив телекамеры был направлен как раз в эту сторону, а во-вторых, потому что и сам Юрка в это время смотрел на экран.

К этому времени Таран уже пригляделся к телевизионному оборудованию, нашел тумблер, которым можно было остановить вращение телекамеры, и задержал картинку именно на этом автомобиле.

Станным — а значит, и подозрительным! — Юрке показалось то, что из машины долгое время никто не выходит. О том, что там, куда свернул «Форд», находится тупик, Таран знал. Стало быть, те, кто приехал на этой машине, не могут уйти куда-то иным путем, как через улицу. Заборы тут высокие, да еще и с проволокой, не враз перелезешь. К тому же кто будет средь бела дня через забор лезть? Разве что алкаши или накуренные какие-нибудь... А они на таких тачках не ездят.

А почему люди так долго не выходят из машины? Любовью занимаются? Для этого обычно в середину людного поселка не приезжают. Тем более при свете, пусть даже с тонированными стеклами. Бывают, конечно, всякие извращения, но на этот ' случай все равно не похоже. Допустим, просто беседуют. А зачем за угол заехали?

В общем, Таран нажал кнопку переговорного устройства и услышал голос Ляпунова:

— Что у тебя, Юрик?

— Машина за углом стоит. «Форд-Эскорт» с темными стеклами. По-моему, стеклят за дачей.

— Спасибо, молодец. Проверим!

Через некоторое время Юрка увидел, как с внешней стороны к воротам дачи подходит Милка. Таран немного удивился, как такое могло быть, но потом понял, что «Королеву воинов» не иначе выпустили за забор с задней стороны дачи, скрытой от наблюдателей с машины. Заодно она, возможно, поглядела, нет ли каких супостатов с тылу.

— Василиса-а! — по-деревенски зычно окликнула Милка. — В магазин пойдешь?

— Сейчас! — отозвалась блондинка с крыльца, и вскоре Таран увидел на своем мониторе, что Милка и Василиса движутся в сторону «Форда». Под ручку, как шерочка с машерочкой. Василиса тащила в руке пустую хозяйственную сумку, а Милка — крепкий пластиковый пакет, рассчитанный на солидный груз. Юрка сразу понял, что это и есть проверка. Не иначе баб, вроде бы снарядившихся для похода в магазин или на базар, послали поглядеть, «кто-кто в теремочке живет?», точнее, кто в «Форде» сидит.

Когда парочка поравнялась с машиной, Василиса безмятежно пошла вперед, а Милка приблизилась к «Форду» и постучала в заднее стекло. Таран передвинулся к окну мансарды, и до его ушей долетел хрипловатый басок Милки:

— Мальчики, спичек не будет?

Дверцу приоткрыли, Милка прикурила от зажигалки, сказала что-то вроде «мерси» и, покачивая своими могучими бедрами, двинулась следом за Василисой.

В тот момент, когда дамы скрылись из виду, в мансарду поднялся Топорик и сказал:

— Так, юноша, топай, поправляй здоровье, пока не остыло. Каша — класс! Я б на этой белобрысой запросто женился.

Само собой, что Юрку два раза упрашивать не пришлось...

В ГОСТЯХ У ГЕНЕРАЛА

Первое, чему удивился Вредлинский, так это тому, что он жив, цел и невредим. Затем он удивился тому, что находится не в каком-то подвале или яме, а в комнате с относительно свежим воздухом и даже с окном без решетки. Ни кляпа, ни пластыря, ни ушных затычек не было. Глаза тоже вполне свободно смотрели на мир, насколько им позволяли близорукость и астигматизм. Впрочем, очки лежали поблизости, на небольшой тумбочке. Обстановка в комнате напоминала скорее гостиничную, чем тюремную: деревянная кровать, платяной шкаф, кресла, даже телевизор.

В отличие от Манулова, который не запомнил даже самого момента похищения, Эмиль Владиславович прекрасно сохранил в памяти все, что предшествовало его появлению в этой комнате. И то, как проклятая Василиса отправила его наверх, и то, как вместо Али на супружеской постели оказалась какая-то баба огромных размеров, которая спеленала его как младенца, и то, как откуда-то выскочил чернявый парень, и то, как утащили в машину... Не запомнил Вредлинский только одного: каким образом его доставили в эту комнату. Должно быть, его усыпили, но этого момента в памяти не отложилось. Вредлинский не запомнил даже, как его раздели и уложили в кровать, заботливо накрыв теплым ватным одеялом.

Как уже говорилось, воздух в комнате был свежий, но не холодный. Нацепив очки, Вредлинский разглядел стоящие у кровати шлепанцы и еще раз удивился, потому что это были не чьи-нибудь, а его собственные тапочки, которые он надел в прихожей всего за несколько минут до похищения. Шлепанцы, как известно, на ногах удерживаются слабо, тем более если человека в них куда-то тащат. Эмиль Владиславович был очень рад, что похитители оказались настолько корректны, что не потеряли их. Как многие пожилые люди, Вредлинский испытывал чувство некой мистической привязанности к старым вещам, которые служили ему на протяжении многих лет. Если такая вещь вдруг портилась, приходила в негодность или терялась, он сильно расстраивался. Иногда ему даже казалось, будто это какой-то знак свыше, предупреждающий его о близости собственной кончины.

Надев тапочки, Эмиль Владиславович первым делом подошел к окну. Не то чтоб Вредлинский прикидывал возможность побега, но все же надо было хоть чуточку осмотреться.

Увы, ничего такого, что бы как-то намекало на то, где он находится, Эмиль Владиславович не увидел. Его глазам предстал всего лишь прямоугольный внутренний двор серого шестиэтажного здания. Во дворе был сквер с еще не облетевшими, мокрыми деревьями и кустами, парковалось несколько автомобилей. На небольшой детской площадке копошилось с десятков малышей, и несколько бабушек и мам степенно прогуливались поблизости. Выехать из этого двора можно было только через арку, находившуюся на противоположной от Вредлинского части дома. Но что там, за этой аркой, он не видел, потому что находился на шестом этаже — угол был слишком острый. Так или иначе, но таких дворов полно в Москве, есть они и в Питере, и в десятках других российских городов. Впрочем, есть такие дворы и в других странах, особенно ближнего зарубежья и бывшего соцсодружества.

После этого Эмиль Владиславович потрогал дверь, и вот тут у него впервые возникло ощущение несвободы. Дверь была заперта снаружи — стало быть, те, кто его похитил, не хотели, чтоб Вредлинский куда-то вышел из этой комфортной камеры. Тем более что туалет и умывальник тут тоже имелись.

Поскольку разгуливать в нижнем белье Эмиль Владиславович не хотел, то принялся разыскивать верхнюю одежду, опасаясь, что похитители ее не оставили. Однако тут он ошибся, ни, разумеется, не стал из-за этой ошибки расстраиваться.

Вся верхняя одежда обнаружилась на плечиках в платяном шкафу. Правда, карманы были абсолютно пусты. Обнаружились даже куртка и ботинки, которые вообще-то были оставлены им в прихожей. Так или иначе, но Эмиль Владиславович оделся и уселся в кресло. В его положении оставалось только ждать, когда появятся хозяева здешнего заведения, и надеяться, что они не изменят к нему своего корректного отношения.

Вредлинский включил телевизор. Не просто так, от скуки, а все с той же целью: выяснить, куда его увезли. Поэтому, когда он стал переключать каналы и оказалось, что они родные, московские, на душе стало чуть-чуть полегче.

Некоторое время он просидел в кресле, глядя обрывки фильмов и передач на разных

каналах. Каждый рекламный ролик, перебивавший эти самые фильмы и передачи, его раздражал. Вредлинский подозревал, что 90 процентов жителей бывшего Союза делают то же самое, и коммерческий эффект от рекламы ничтожный. Если кто покупал порошок «Ас» и нашел его приличным, то и без «тети Аси» будет им пользоваться, а тот, кто не покупал «Миф-лимон», то все равно его покупать не будет, несмотря на все потуги «Мойдодыра». Ну, а дамы, которые «открыли для себя прокладки», и вовсе могут отдыхать...

Совершенно неожиданно на Вредлинского нахлынула ностальгия по прежним, советским временам, когда был всего один, потом два, потом три и уж под самый финиш — пять каналов. И был главный, первый канал ЦТ, который говорил все, что было положено знать людям, — в 18.00 «Новости», в 21.00 — «Время». И жить было в общем приятно и спокойно, потому что ни об убийствах, ни о грабежах и изнасилованиях, ни о коррупции чиновников там не говорилось. Была для этого другая передача: «Человек и закон», в которой, однако, ни обгорелых и расчлененных трупов крупным планом, ни катастроф, ни слез не показывали. Но зато уж если говорили, что такой-то чиновник берет взятки, а директор магазина ворует, то все могли быть уверены — их наверняка посадят. Это звучало на всю страну, и основная масса людей была уверена, что справедливость восторжествовала.

Вредлинский прежде считал, что таким образом народ обманывали, заставляя верить в то, будто у нас почти идеальная страна. Сегодня, полюбовавшись на то, как одни телеканалы, принадлежащие одной группе супербогачей, поливают грязью своих оппонентов с других телеканалов, принадлежащих другим супербогачам, он вдруг глянул на всю эту катавасию совсем по-иному.

Как ни странно, он не мог припомнить ни одного случая — по крайней мере, в догорбачевскую эпоху, — когда телевидение открыто лгало. Оно просто ничего не говорило, должно быть, считая, что все, кому интересно, так и так узнают нужную информацию из передач Би-би-си или «Голоса Америки». Теперь же многочисленные каналы, повествуя о тех или иных событиях или фактах, словно бы соревновались в том, кто кого перевернет, даже не очень заботясь о том, что их уличат во лжи. Причем если в советское время можно было сделать достаточно близкие к истине выводы, если смешать то, что говорили государственные СМИ, с передачами «вражеских голосов», то есть, условно говоря, «белое» с «черным», то теперь черное вранье лилось из всех источников. Политиков обвиняли во всех смертных грехах, но... почему-то не сажали. Журналистов вроде бы постоянно ловили с поличным на клевете, но тоже оставляли на воле. Какая уж тут вера в справедливость и правовое государство?

Вредлинский, откровенно говоря, сильно удивлялся, что Россия, наслушавшись и насмотревшись всех этих гадостей про своих недавних кумиров, еще не встала на дыбы и не пошла все крошить и потрошить, как в 1917 году. Нет, он этого не хотел и боялся больше смерти, потому что знал — не только ему, ежели что, но и детям-внукам отрыгнется та сытая и обеспеченная жизнь, которую они устроили себе за чужой счет. Так и звенела в голове цитата из Маркса, выученная еще во ВГИКе на занятиях по политэкономии: «Бьет час капиталистической эксплуатации. Экспроприаторов экспроприируют». А Эмиль Владиславович очень не хотел, чтоб его экспроприировали. Было что терять! Но ведь эти идиоты телевизионщики, похоже, не понимают, что, поливая друг друга и своих боссов, которые всем известны, они могут разжечь не только социальную, но и национальную вражду. Ведь громить пойдут не олигархов, тем более что они всегда найдут время смыться, а ту же самую несчастную и паршивую интеллигенцию, к которой принадлежал Вредлинский...

Размышления Эмиля Владиславовича прервал звонкий щелчок замка входной двери. Нервно обернувшись, Вредлинский увидел перед собой высокого и плечистого мужчину в строгом сером костюме, при белой рубашке с галстуком и... в черной шапочке-маске, раскатанной до самой шеи. Даже глаз через прорези видно не было, потому что их закрывали темные очки. И на руках у жутковатого незнакомца — он мог бы придушить Вредлинского одной левой! —

были черные перчатки. То ли он их надел для того, чтоб скрыть какие-то особые приметы на руках, то ли просто для того, чтоб было бить сподручнее.

— Здравствуйте, Эмиль Владиславович! — донеслось из-под маски. — Рад вас видеть в хорошем расположении духа.

Последняя фраза прозвучала с налетом сарказма, ибо, разумеется, расположение духа у Вредлинского было вовсе не хорошим, а скорее хреновым, если не употреблять более крепких эпитетов на букву «х». Впрочем, голос, несмотря на утробную басовитость, звучал вполне интеллигентно, без свойственной нынешнему поколению приклатненности. Кроме того, Вредлинский интуитивно определил, что человек, скрывающийся под маской, явно не молод, несмотря на подтянутость фигуры. В том, что неизвестному либо уже стукнуло шестьдесят, либо около шестидесяти, Вредлинский был убежден.

— Здравствуйте, — сумев придать голосу некоторую твердость, произнес Эмиль Владиславович. — К сожалению, не имею чести вас знать, тем более что вы от меня замаскировались...

— Приношу свои извинения сразу за все, — сказал великан. — В первую очередь за то, что привез вас сюда без вашего согласия. Во-вторых, за то, что не представляюсь и не показываю вам своего лица. Можете называть меня «Генералом», даже без обращений «господин» или «товарищ», — я не обижусь.

— «Генерал» — это звание или кличка? — полюбопытствовал Вредлинский.

— Это несущественно, Эмиль Владиславович, — снисходительно ответил Генерал.

— Во всяком случае, мои возможности до некоторой степени сопоставимы с генеральскими. И даже слегка превосходят их...

— Вероятно, потому, что вы действуете вне рамок закона? — спросил Эмиль Владиславович.

— Опять-таки я не стану ни подтверждать, ни опровергать ваше предположение.

— Если вы похищаете ни в чем не повинного человека, — произнес Вредлинский желчно, — и увозите его буквально из дома, без предъявления каких-либо постановлений прокурора — это преступление, даже если вы — министр внутренних дел.

— А кто вам сказал, что это было похищение? — ухмыльнулся Генерал. — Мы вас не похищали, а насильственно эвакуировали. Для того, чтоб спасти от убийц. Ведь вы вчера вечером подверглись нападению, не так ли? И судя по тому, что с обеих сторон было произведено больше десятка выстрелов боевыми патронами, вряд ли это была ребяческая игра в «войну». Ваш телохранитель, бесспорно, заслужил прибавку к жалованью. По моим данным, у ваших оппонентов один убитый и двое раненых. Но не исключено, что налет на вас может повториться. Вот мы и приняли превентивные меры.

— Я понимаю, — пробормотал Вредлинский с максимальной деликатностью в голосе, — что в моем положении не стоит задавать лишних вопросов и интересоваться, кого вы подразумеваете под словом «мы». Но позвольте хотя бы знать, являетесь ли вы государственной или частной организацией?

— В принципе я мог бы и не отвечать на ваш вопрос, — сказал Генерал, — но думаю, особой беды не будет, если вы узнаете, что мы не работаем на нынешнее правительство. Тем более что это был последний вопрос, который я вам разрешил задать...

— Но меня волнует судьба семьи! — рискнул перебить его Вредлинский. — У меня жена и

двое взрослых детей! Что будет, если бандиты попытаются выместить на них свою злобу?

— Уверяю вас, господин Вредлинский, вашим близким ничего не угрожает. Те, кто устроил на вас охоту, руководствуются не чувством мести или какими-то маниакальными мотивами, а вполне конкретными и рациональными соображениями. Хотя, как мне кажется, несколько наивными и авантюристическими. Какими именно, я поясню вам несколько позже. А пока мне надо будет задать вам несколько вопросов. Желательно, чтобы вы проявили максимальную искренность, ибо от степени достоверности того, что вы скажете, будут зависеть стиль и характер наших дальнейших отношений. В конечном итоге — ваша жизнь, здоровье и благополучие ваших родственников. Вы меня понимаете?

— Конечно, я понимаю... — пролепетал Эмиль Владиславович.

— Очень хорошо. Итак, сейчас вы перескажете мне всю историю вашей дружбы с Павлом Николаевичем Мануловым. Начиная со ВГИКа и кончая последними днями. Желательно максимально подробно поведать о вашем вступлении в масонский клуб «Русский Гамлет». Прошу.

Вредлинский начал рассказывать. Генерал включил карманный диктофон и слушал, почти не перебивая. Может быть, пару раз останавливал Вредлинского, задавая уточняющие вопросы. Причем совершенно спокойно реагировал на многочисленные малоизвестные широкой публике фамилии, которые вскользь упоминал Эмиль Владиславович, повествуя о своих отношениях с Пашкой. Казалось бы, дотошному человеку надо бы переспросить, кто да что, тем более что многие из этих граждан играли довольно существенную роль в событиях, но Генерал ими не интересовался. Создавалось впечатление, будто он уже сейчас знает о Вредлинском всю подноготную и его интересует исключительно то, собирается ли Эмиль Владиславович рассказывать все как на духу или же желает о чем-то умолчать. Естественно, что вежливое замечание по поводу того, что от искренности Вредлинского будут зависеть «стиль и характер» отношений с Генералом, Эмиль Владиславович мимо ушей не пропустил. И быстренько сделал вывод, что надо говорить правду, только правду, и ничего, кроме правды, иначе его пересадят из комфортабельной «камеры» в какой-нибудь подвал, а вместо корректного и почти интеллигентного генерала ему придется иметь дело с какими-нибудь костоломами.

Именно из этих соображений Вредлинский постарался не утаить ничего, хотя не раз испытывал сомнения. Разумеется, отнюдь не морального плана. Сначала он вдруг подумал, что как только он все расскажет, то станет ненужным, и этот самый интеллигентный генерал отправит его на тот свет. Тихо и без пролития крови, попросту свернув шею.

Потом, уже в середине повествования, Эмиль Владиславович на несколько секунд испугался, что Генерал, записав его устные показания, через какое-то время принесет их в виде протокола допроса и предложит подписать. А потом, когда господин драматург и сценарист поставит свою закорючку под словами «с моих слов записано верно», скажет: «Ну вот, вы и признались, гражданин Вредлинский. Вам предъявляется обвинение по следующим статьям Уголовного кодекса РФ...» По каким именно статьям, Эмиль Владиславович точно не знал, но почему-то был убежден, что состав преступления в его деятельности непременно содержится. Что дальше? А дальше тюрьма, суд, зона, откуда Вредлинский при своем слабом здоровье уже никогда не выйдет.

Наконец, уже под самый финиш своей исповеди Эмиль Владиславович испугался самого страшного. Он представил себе, как в эту комнату с нехорошей улыбочкой на лице войдет Пашка Манулов и скажет: «Ну что, Миля-Емеля, значит, ты все-таки сукой оказался? А ну-ка, Генерал, сделай этому козлу пару переломов!»

Тем не менее Вредлинский все-таки довел рассказ до конца. И даже испытал некое

облегчение, когда окончательно выговорился. Теперь-то, по крайней мере, все станет ясно.

— Ну что ж, — произнес Генерал, не останавливая диктофона. — Значит, вы вчера побывали у Георгия Петровича Крикухи и узнали о том, что Манулов намеревался вас задействовать при работе над каким-то фильмом?

— Да, — кивнул Вредлинский, — хотя мне лично об этом проекте Манулов еще не говорил.

— Но фильм должен был сниматься по вашему сценарию?

— Судя по тому, что мне сообщил Крикуха, — да. Однако сам Манулов мне почему-то ничего не сказал.

— Расскажите мне подробнее все, что вы знаете о Крикухе. Не только о совместной работе, но и вообще о том, что это за человек. Я слышал, будто он крепко пьет в последнее время. Это правда?

— Выпивает, — кивнул Вредлинский. — Я бы не назвал его законченным алкоголиком, но если ему не удастся в ближайшее время взяться за работу — он допьется до белой горячки. Творческое бездействие — это тяжкое состояние. Я тоже неоднократно переживал нечто подобное, но мне, как и другим литераторам, гораздо проще. Нам, условно говоря, для творчества нужны только перо и бумага, а кинорежиссеру без больших денег никак не обойтись.

— И что, он, при своей-то известности, не может найти спонсора для будущих картин?

— Во-первых, спонсоры на дороге не валяются и редко навязывают свои услуги,

— желчно произнес Вредлинский. — Они предпочитают, чтоб их, выражаясь по-старинному, «просили слезно» и валялись в ногах. А во-вторых, они понимают в киноискусстве гораздо меньше, чем чиновники Госкино. Последних волновало соответствие задуманного фильма последним постановлениям ЦК и Совмина, а кассовый успех был не столь важен. Нынешние воротилы ни за что не дадут вам денег, если вы не пообещаете им, что картина соберет минимум столько же, сколько «Титаник». К тому же глубокие и серьезные мысли, содержащиеся в киносценариях, их не волнуют. Главное, чтоб было побольше стрельбы, драк и секса. А Крикуха — очень щепетильный человек. Он, как и Нина Андреева, «не поступается принципами».

— Понятно, — Генерал кивнул своей замаскированной головой, а затем выключил диктофон и встал с кресла.

— К сожалению, Эмиль Владиславович, я исчерпал лимит на разговор с вами. Поэтому мне, очевидно, придется еще раз навестить вас, возможно, ближе к вечеру. Честь имею кланяться!

РАЗМЫШЛЕНИЯ В ТАЙМ-АУТЕ

Когда Генерал вышел и Вредлинский остался в одиночестве, на Эмиля Владиславовича роем налетели мысли. Точнее, целая туча вопросов, на которые он хотел бы получить ответ.

Конечно, его больше всего волновало, кто этот самый Генерал и какие цели преследует. От этого, в свою очередь, зависело, какая судьба ждет Вредлинского.

Самый печальный исход, видимо, ждал Эмиля Владиславовича в том случае, если этот Генерал является одним из подручных Манулова, устроившего проверку для новопосвященного кандидата в действительные члены «Русского Гамлета». Тут двух мнений быть не может — Вредлинский раскололся от и до, изложил не только всю историю своей давней дружбы с Мануловым, но и самые последние сведения, даже процедуру посвящения описал, а значит, нарушил тайну организации. Такому одна дорога — на тот свет.

Ненамного лучшим выглядел и вариант, при котором Генерал — доверять его заявлению насчет того, что он не работает на правительство, не стоило! оказывался сотрудником какой-либо спецслужбы. Манулов — американский гражданин, к тому же он сейчас где-нибудь в Нью-Йорке, если уже не перелетел в родную Калифорнию. Выцарапать его в Россию, даже при наличии каких-либо соглашений о выдаче преступников, будет сложно. Да и что предъявить в качестве криминала? Ведь само по себе членство в тайном масонском обществе, как и создание такой организации, согласно нынешнему российскому законодательству не является преступлением. Конечно, если будет доказано, что «Русский Гамлет» проводил враждебную деятельность против Российской Федерации, то его прикроют, может быть, кого-то и посадят. Но это еще доказать надо. А из показаний Вредлинского прямых улик против «Гамлета» не набиралось. Во всяком случае, для Госдепа США их будет маловато. Ну а если окажется, что Пашка все же работал на ЦРУ, то и при самых убойных уликах его никто не отдаст. Так что посадят при таком раскладе самого Вредлинского, если то, что он рассказал Генералу, не сочтут «добровольным и своевременным сообщением органам власти». Даже сам Эмиль Владиславович сильно сомневался в том, что его сообщение было добровольным. Конечно, Генерал явно действовал незаконно, но кто знает, какие теперь веяния в стане спецслужб, ежели сам премьер обещает кое-кого замочить в сортире...

В общем, Вредлинскому об этих двух вариантах очень хоте» лось забыть и поверить в то, что Генерал его не обманывает.

Эмиль Владиславович охотно верил в то, что у Пашки могут быть сильные и могущественные враги. Люди с большими деньгами всегда имеют много врагов, причем не только из числа ограбленного ими пролетариата.

Вполне возможно, что Генерал — один из конкурентов Пашки Манулова. Навряд ли по части кинобизнеса, но наверняка у мистера Пола здесь и другие интересы имеются. Ясно, что в той губернии, куда моталась Василиса, стянув из письменного стола Вредлинского злополучную визитку, и где после Васили-синого приезда ухлопали какого-то чиновника, весьма полезного для Манулова, речь шла именно о тех, «других» интересах «мистера Пола». Именно под реализацию этих интересов Паша получил такие большие кредиты от боссов, что в случае провала вынужден будет расстаться со всем своим миллионерским достатком и идти на свалку собирать бутылки вместе с американскими бомжами.

Что же это за интересы такие? Нефти в той области нет, газа тоже, леса немного, железная руда лежит южнее. Что еще можно вывозить из России и получать хорошую прибыль? Оружие? В этой губернии что-то похожее производят. Но кто даст иностранцу проехать мимо «Росвооружения»? Тем более — американцу. А может быть, там, в области, на каком-нибудь полусдохшем оборонном заводе лежит-вылеживается некая секретная технология, которая не имеет аналогов в мире? Соответственно Паша выступает как чистой воды шпион, только работает не на ЦРУ, а на какую-нибудь частную компанию «Трах-Бах инкорпорейтед», которая, запатентовав советскую секретную технологию, возможно не защищенную даже российским авторским свидетельством на изобретение, мигом станет ее собственником и начнет зарабатывать миллиарды долларов.

Но, как видно, и ребятам, которые стоят за спиной Генерала, эти миллиарды не лишние. Не иначе они тоже положили глаз на это изобретение и хотят его заполучить. Или для себя, или

для того, чтоб кому-то перепродать. Может быть, тем же самым калифорнийским боссам. А возможно, есть и какая-то третья сила, у которой свои планы в отношении этого гипотетического «ноу-хау».

Ничего приятного лично для себя из этих умозаключений Вредлинский не вынес. Возможно, его захотят использовать в качестве агента против Пашки, если вчерашнее нападение на Вредлинского действительно организовал не Манулов, а некая «третья сила». Или свидетеля обвинения, если, допустим, покушение было все-таки его рук делом. Но потом, если Пашку все-таки удастся тем или иным способом «нейтрализовать», Вредлинский станет совсем ненужным человеком... Печально, но факт.

Эмиль Владиславович попытался утешить себя тем, что все люди смертны и помирать от старости в течение нескольких лет, возможно, менее приятно, чем в одно мгновение от пули. Но это было бы хорошим утешением только в том случае, если б точно знать, что смерть — это конец всем мукам. Для того чтоб иметь такое убеждение, надо быть по меньшей мере святым, истово верующим в безграничную милость всевышнего и свою собственную непогрешимость. Или, наоборот, закоренелым атеистом, каким был Вредлинский во времена комсомольской юности. Но, увы, теперь он и от старых взглядов на религию отошел, и новыми не до конца проникся.

Кое-как он отвлекся от печальных мыслей, переключив свои размышления на то, что говорилось в последние минуты его беседы с Генералом. Иначе говоря, его несколько озадачило, что, получив информацию о такой солидной фигуре, как Манулов, Генерал вдруг проявил интерес к Крикухе, личности, в данный момент весьма незначительной и изрядно за последние годы «девальвированной». Тем более что Генерал и без Вредлинского неплохо знал, что Крикуха медленно спивается.

Может, мимоходом сообщив Генералу о том, что он побывал у Жорки, Эмиль Владиславович подставил своего давнего творческого соратника под удар? Ведь Жорка и его собака, строго говоря, последние живые существа, которые видели Вредлинского и Стаса вчера вечером. Похитители и Василиса, действовавшая с ними заодно, — не в счет. А вот Георгий Петрович, если Вредлинского начнут искать, может кое-что сообщить. Хотя бы о том, что тот поздно вечером приходил к нему меньше чем через полчаса после стрельбы в окрестностях поселка и к тому же весь перемазанный в грязи.

Впрочем, разве это существенные сведения? Ну, зашли измазанные, посушились, погрелись водочкой и чайком, почистились да и пошли. От Стаса, правда, порохом пахивало, но навряд ли Крикуха это мог унюхать. Навряд ли он даже мысленно связал то, что друг Миля извалялся в грязи, с недавней перестрелкой, звуки которой долетели до ушей Крикухи.

И только тут Вредлинский подумал, что, в сущности, очень мало знает о том, что представляет собой Жорка Крикуха в настоящее время. Что он будет рассказывать Генералу? Да только то, что Жорка сам о себе рассказывал. То, что Крикуха нынче одет и побрит как бомж, не говорит ровным счетом ни о чем. Ходит в рванье, а водочку пьет качественную, дорогую. Может, они совместно с Мануловым уже давным-давно столкнулись, а Вредлинского держат в игре за болвана? Знать бы, что это за игра? Может, Генерал сам объяснит, зачем ему нужен Крикуха?

Но, увы, даже если б Эмиль Владиславович рискнул задать эти вопросы, то почти наверняка не получил бы никакого ответа. Пришлось самому ломать голову.

Чисто логически проще всего было ответить на третий вопрос, потому сразу приходило на ум то, что он уже обдумывал еще в гостях у Жорки. Получалось, будто все дело в том самом фильме по еще не дописанному роману Вредлинского. И все-таки, почему Манулов уже сообщил о своей задумке Жорке и ничего не сказал «Миле-Емеле»? Ведь ясно же, что

переделать роман в сценарий — это не самая простая работа. Конечно, если сразу же подключить Крикуху, то они сумеют справиться с этим за пару месяцев или даже быстрее. Но ведь Жорка даже не знал толком, о чем роман Вредлинского. Манулов ему только сказал, что это не порнуха, — «обнадежил», по выражению самого Крикухи. Между тем Пашка, если у него и впрямь на уме был фильм, а не попытка создать себе алиби по организации убийства своего старого друга, должен был как можно подробнее посвятить Жорку в свои планы. Да ему только дай тему для размышления — он весь фильм в голове снимет!

Как ни странно, именно после этого умозаключения Вредлинский сильно засомневался в своем убеждении, будто покушавшиеся на него были посланы Мануловым. Просто Пашка знал, что успех фильмов Крикухи по сценариям Вредлинского был обеспечен Жорой и Милей в пропорции 9:1, то есть 90 процентов этого успеха обеспечила режиссура, а 10 процентов — то ценное, что было заложено в сценарии, да и то в большинстве случаев это ценное сам Эмиль Владиславович не заметил. Может, именно поэтому господин продюсер и начал разговор о фильме с Крикухи. Если б тот отказался, то и разговор с Вредлинским не имел смысла.

Конечно, если дело действительно идет о фильме, то Пашка подобрал хорошую компанию. Деньги он пробьет, даже если сидит по уши в долгах. Уж в чем, в чем, а в умении пролезать без мыла во все узкие места Манулову не откажешь

— спец! Он в голливудских дебрях свой человек, так что сможет и каких-нибудь «звезд» законтрактовать, конечно, не «супер», но с хорошо раскрученными именами. А это значит, что фильм сделает кассу в Штатах, даже если эти «звезды» еще только восходящие или, наоборот, уже закатывающиеся. Даже если им придется играть русских. Вредлинский может написать сценарий на любую тему и точно в указанный срок — как ту самую первую пьеску, положившую начало его карьере. Ну а Жорка даже по очень плохому сценарию может сделать, что называется, «смотрибельный» фильм.

Однако навряд ли из всего этого получится шедевр киноискусства Вредлинский никогда не был розовым оптимистом. Хорошая ремесленная поделка вот что будет на выходе. Ее посмотрят, соберут в кассу десяток миллионов долларов и забудут. Что в ней особенного? Почему она заинтересовала такого, судя по всему, очень серьезного и могущественного человека, как Генерал? И кто он вообще? На обычного бандита совсем не похож, по крайней мере, по голосу. Даже если он не действующий чекист, то по меньшей мере отставник — в этом Вредлинский был убежден почти на сто процентов. Заявление Генерала о том, что он-де не работает на нынешнее правительство, можно было воспринять двояко. С одной стороны, это могло означать, что речь идет о какой-то частной спецслужбе, которая обеспечивает силовую поддержку неких коммерческих интересов, с другой — о политической силе, ведущей нелегальную борьбу против власти.

Но в обоих случаях, как казалось Вредлинскому, рядовой художественный фильм, снятый к тому же на материале довольно давней истории, не должен был привлечь такое пристальное внимание Генерала. В чем же дело?!

Загадка казалась неразрешимой. Волей-неволей Эмиль Владиславович вынужден был обратиться к памяти. Что ж он там такого понаписал в своем романе?

Из рукописи Вредлинского

Каждый октябрь — вот уже в течение двадцати лет— действовал на государя Николая Александровича угнетающе. Особенно вторая половина месяца.

Дворцовая челядь, начиная с гардеробщика Мартышкина или писца Кирпичникова и кончая начальником военно-походной канцелярии графом Орловым или министром императорского двора бароном Фредериксом, знала о царской осенней меланхолии. Поэтому все срочные

указы, высочайшие повеления и соизволения готовились загодя, до начала периода I императорской хандры. Заинтересованным лицам, добивавшимся аудиенции у государя, сведущие люди рекомендовали повременить несколько недель и не являться к царю со всевозможными прожектами, просьбами, жалобами. Разумеется, ежели не желали по той или иной причине отрицательных для просителя решений.

Близкие относились к таким перепадам в настроении обычно сдержанного и умевшего владеть собой Николая II с пониманием. Связывали их с давним морским путешествием, в котором Николаю Александровичу, в то время еще наследнику престола, пришлось пережить драматические минуты покушения на его жизнь. Путешествие, в ходе коего будущего императора несильно рубанул саблей японский городовой, начиналось именно 23 октября.

Все это было верно, но лишь отчасти. Тем более что кризис нынче затянулся.

Никто не ведал о том, а царь ни с кем не делился истинными причинами своих внутренних переживаний, что с недавних пор, точнее с прошлогодних октябрьских дней в Крыму, ему и во сне, и призрачно наяву начал являться покойный отец. То в странных образах и ситуациях, то с ужасающими речами.

Впервые это случилось во время вполне безмятежной прогулки.

В среду, 16 октября, Николай Александрович с небольшой компанией оказался в горах. Преодолели пешком гурзуфскую седловину, взобрались на пуп — вершину Роман-Кош. Так шутили по поводу высшей точки Яйлы — главного хребта Крымских гор. И повеселились изрядно. Погода расчудесная, вид во все стороны распрекрасный. Если бы не голод, то и спускаться вниз не хотелось бы. Внизу, под буковыми деревьями, их ждал полдник. Тут же стояли два автомобиля. Перекусили под хохот и шутки. Через час тронулись в путь. Николай Александрович сел вместе с моряками, Злебовым и Бутаковым, а сухопутчики, Дрентельн и Комаров, разместились отдельно от них во втором автомобиле. Флотские офицеры увлекли государя своим незлобивым, но остроумным спором о достоинствах двух царских яхт — «Штандарт» и «Цесаревич». Доказывали один другому, на какой посудине преподобный Ной согласился бы, выпади такая оказия, пережить всемирный потоп. В конце концов Бутаков, сидевший рядом с императором на заднем сиденье, повернулся к нему и в порыве подобострастия, а может, и впрямь увлекся шутливой дискуссией, запальчиво признался:

— Не знаю, какую шхуну выбрал бы Ной, но, ручаюсь, экипаж (заметьте: гвардейский экипаж!) «Цесаревича», где я имею честь, ваше императорское величество, служить по вашей милости старшим офицером, желал бы видеть на командирском мостике не Ноя, а своего государя!.. И еще так скажу, вот на Балтике есть порт имени императора Александра Третьего. Но почему бы на Черном море не иметь порт, названный в вашу честь? Не думаю, что вы менее достойны. И всемилостивейше прошу не гневаться, но не уверен, что ваш достойнейший отец удостоил бы нас, мало именитых мореманов, сидеть с их величеством в одном моторе...

Бутаков как-то не заметил, что вокруг них вдруг сгустился неведь откуда появившийся туман. Он продолжал развивать свою верноподданническую идею о порте (пусть на месте Феодосии, пусть Одессы или даже самого Севастополя) имени императора Николая II и тогда, когда машина остановилась и ко9 гда Злебов, явно недовольный Бутаковым, пошел разведать дорогу.

Николай Александрович долго потом не мог понять своего состояния. Вроде бы и не спал, слушал не в меру разговорившегося старшего лейтенанта, только вдруг откуда-то из непроницаемого густого марева раздался глухой перебой корабельного колокола, а в самое ухо дохнул горячим шепотом басовитый отцов голос:

— На моей яхте катаешься!..

Вздрыгнул, посмотрел в ту сторону, а там, на том же черном, колышущемся непрогляде, возникают и исчезают отцовы фотографии, да все больше с похоронной процессии.

Все это длилось такое короткое мгновение, что он даже не успел испугаться или осмыслить увиденное и услышанное. А когда попытался испугаться и осмыслить, то уже увидел перед собой затылки шофера и Злебова.

Снова вокруг прекрасный вид горного пейзажа, сзади чуть слышно пофыркивает автомобиль с сухопутными генералами. И лишь Бутаков сидит рядом какой-то поникший и встревоженный. А может, тоже вздремнул и никак не прогонит сонное состояние.

Он и решил, что это был кратковременный сон, поэтому с Бутаковым объясняться не стал. А вскоре совсем забыл бы об этом случае, да не позволил это сделать все тот же Бутаков.

По приезде их встречал дворцовый комендант Дедюлин. Николай Александрович услышал, как Бутаков горячо и громко шептал Дедюлину о своем странном сне в дороге, дескать, покойный государь Александр III ругал его на чем свет стоит.

— А что ж удивительного, — улыбнулся комендант. — В пути холодными закусками угощались? Угощались! На полный желудок частенько кошмары видятся. К тому же почивший в бозе государь Александр Александрович, царствие ему небесное, мог не только поругать, но и прибить под горячую руку. Строг был, даже лютовал, случалось. Нынешний по сравнению с ним — агнец божий!

Это уже говорилось, конечно, откровенно для императорских ушей, но Николай Александрович и на сей раз отмолчался перед этой не слишком назойливой лестью.

Вечером перед сном его почему-то потянуло разбирать старые фотографии и наклеивать их в альбом, чего уже он давно не делал.

Плотный, синеватый картон напоминал стену тумана, а снимки отцовы так и тянулись к нему в руки.

Долго боялся ложиться спать и вспомнил о том, что ровно двадцать пять лет назад их семья попала в железнодорожную катастрофу. Болезненное воображение рисовало медвежистую фигуру отца, поддерживающую на могучих руках и плечах крышу полуразрушенного вагона. Не дождись тот в таком положении помощи, быть бы им или раздавленными, или искалеченными.

— ... А ты меня не спас! Не отвел руку злодеев!.. Пособлял убийцам! жуткий, потусторонний глас императора-миротворца и сейчас, белым днем, леденил кровь.

Это обвинение прозвучало в кошмарном сне, который мучил венценосного сына всю ночь. Николай просыпался в холодном поту, с бешено колотящимся сердцем, с трудом успокаивался. Но стоило вновь забыться — и отец, огромный, бородатый Атлант, держащий на могучих плечах не то многопудовую крышу вагона, не то вообще самое небо, готовое обрушиться и похоронить под собой всю огромную Российскую империю, вновь вставал перед глазами.

Вставал и бросал в лицо сыну тяжкое, безжалостное обвинение...

Вновь следовало пробуждение с ощущением ледяного ужаса, будто пропитавшего собой все поры души, — и все повторялось сызнова, по новому кругу. Лишь напоследок, перед самым утром, сводящий с ума цикл распался. Но как!

— Ты вор, Николашка! — прогудел призрак Александра III. — Отцеубийца и вор! Мне полсотни лет не было, когда меня не без твоего ведома изверги ядом напоили. Я б по ею

пору жить мог, и править Россией, и разума еще не утратить. Да правил бы так, что Русь оставалась великой и несокрушимой. А ты, негодяй, корону уворовал до срока! Украсть-то украл, но не по тебе сия ноша — не удержишь! Понимаешь ли ты это, датский выродок?!

И вновь Николая выбросило из сна. На сей раз уже при свете утра, но леденящий ночной страх не проходил. Мысли, то беззаветно-покаянные, то дерзновенно-адвокатские, так и роились в голове. Но и каяться по-настоящему, и защищать себя перед собственной совестью Николай не мог. Он почти физически ощущал ту чудовищную, невероятную тяжесть, которую держал на могучих плечах его отец. И наяву, когда спасал их от гибели в вагоне, и в недавнем сне, когда привиделся Атлантом. Только теперь эта невидимая тяжесть лежала уже на его, Николая II, царственных плечах, украшенных погонями полковника лейб-гвардии. Увы, совсем не таких могучих, как у богатыря-родителя. А где-то в мозгу даже сейчас, солнечным утром, нет-нет да и слышался отчетливо глас царя-миротворца, то гневный, то издевательский:

— Ну, и каково тебе, сын мой богоданный, нести бремя правления? Чаю, не удержать его тебе! И ростом тебя бог обделил, и телесной силой, и духовной. Обречен еси!

Утром и днем Николай изнурял себя длительной прогулкой по жаркому даже в октябре крымскому солнцу, многочисленными партиями в лаун-теннис и бессодержательными продолжительными разговорами с бароном Фредериксом. Специально нагонял усталость, чтобы, добравшись до постели, спать, спать и спать без всяких жутких видений.

Как будто помогло. Кошмар не повторился, Николай будто провалился в сон и проснулся поздно. Едва поднявшись с постели, обратился к иконе Чудотворца и благодарил небесного покровителя за то, что избавил его от кошмара на эту ночь. Впрочем, отчетливо понимая, что помощи от сил небесных вряд ли дождется, и надо сызнова прибегнуть к самоизнурению.

Увы, с гор потек непроглядный туман, прогнав Николая Александровича от моря, где он набивал ноги пешей прогулкой от Ливадии до Ореанды. Угнетенное состояние вернулось. Пришлось снова маяться на теннисном корте, в компании двух офицеров с яхты и двух казаков. Под вечер долго молился, боясь очередной встречи с отцом, но в ночь на 19 октября тоже обошлось без кошмаров. Казалось, будто душевные муки оставили его надолго.

Приободрил и отличный ясный день. Но вот что-то дернуло любоваться своим портретом, который художник Бобров написал с натуры, переодев государя в форму какого-то испанского полка, где Николай числился августейшим шефом.

Вот тут-то и пришла нежданная галлюцинация. Николай вглядывался в свое изображение, а видел отцовское лицо. Да еще привиделось, будто испанский мундир на полотне стал лопаться по швам. Наяву, при электрическом свете! Наконец в глубинах мозга зазвучал голос...

— Тесноват, тесноват для настоящего мужика и государя мундирчик! раскатисто хохотал Александр III. — А вот тебе ворованная вещь великовата...

Николай Александрович дрожащими руками потянулся к голове, которую пронзила, обожгла внезапная боль. Будто на голову надели раскаленный металлический обруч. Боже, что это?!

В ответ из глубин его собственного мозга прозвучал тот же издевательский хохот:

— На воре-злodee и корона горит!..

Хотя на голове у Николая не было ни короны, ни даже легкой солдатской фуражечки, которую он привык носить в теплое время года, он принял как должное эту аллегория.

Потом все пропало. Резко повернулся, холодно кивнул головой напряженному Боброву и пошел прочь.

А вечером снова потянуло к фотографиям, которые водили вокруг него изнуряющий хоровод до самого рассвета. На них все больше высвечивалось мученическое отцово лицо в день его смерти, ровно девятнадцать лет назад.

Так и не сомкнув глаз, Николай Александрович вынужден был отправиться на панихиду, хотя не желал никого видеть и слышать. Затем исповедался в молельне, не притронувшись перед этим к еде за обедом, и поднялся к себе в спальню. Думал под святой защитой скорее погрузиться в спасительный сон.

Провалился сразу. Только не в благодный отдых, а в страшное светопреставление.

В кошмаре он увидел, как по гурзуфской седловине мчится поезд. И в одном вагоне едут все они, Романовы, причем не только здравствующие, но и умершие, те, кого Николай Александрович помнил лишь по портретам. Однако среди них не было отца, государя Александра Александровича.

Вроде бы все веселились, шутили, смеялись, но царевича Ники терзала тревога, предчувствие катастрофы. И вот вагоны сошли с рельсов, один за другим стали валиться в пропасть (Крики ужаса, лязг, грохот крушения слышались как наяву).

Но тут невесть откуда возникла огромная, невероятных размеров тень Александра III и выхватила из окна искореженного спального вагона все императорское семейство, за исключением Ники. Не юноши, каким был Николай II во время реальной катастрофы, а совсем маленького ребенка. Ники заплакал, закричал: «Папа! Папа! А как же я?!», но какофония катастрофы сделала его голос неслышимым даже для него самого.

Ники казалось, что он неизбежно разобьется и умрет, но тут вагон внезапно испарился, а царевич остался цел и невредим. Он оказался внизу, на гурзуфском шоссе, по которому клубился то ли горячий дым от пылающего поезда, то ли холодный, слоистый туман. И Ники стоял на этом дыме или тумане, будто на твердой почве, а перед ним, на горе, гораздо более высокой, чем Роман-Кош, возвышалась гигантская — не менее версты в высоту!

— фигура отца.

Отец ли это был? Или же облик Александра III принял сам божественный судия?

В вытянутой руке гигант держал огромные весы Фемиды. Его чудовищная длань поочередно поднимала со склона горы членов императорской фамилии. И маленький Ники откуда-то знал, что Александр должен решать, кого надлежит посадить в правую чашу весов, откуда праведникам открывался путь к вечной жизни и блаженству, а кого в левую, обрекавшую грешников на вечные муки.

Первым он поднял и поместил на правую чашу весов своего покойного брата Николая, умершего в ранге жениха датской принцессы Дагмары, доставшейся в жены ему, Александру. Так же поступил и со своим первенцем-сыном, упокоившимся во младенческом возрасте, а поэтому получившим от отца только его полное имя. Рядом с невинным дитятей нашлось место третьему после Саши и Ники Александрову чаду — Георгию, подверженному тяжелой хвори с детских лет. Подумал, подумал царь-судия да и посадил рядом с третьим сыном четвертого, Михаила, любимчика, хотя тот сумел и насмешить династию, и навредить ей, и нагрешить перед всевышним. Внучат же, четверых девочек и болезненного Алешеньку, нынешнего наследника, осторожненько, любовно перенес в правую чашу без всякой паузы. Зато их мамашу, жену Ники, с силой швырнул в левую, в компанию к собственной вдове, Марии Феодоровне.

— У, змея подколотная! — прорычал громогласно. Затыжным монологом сопроводил полет туда же своего младшего брата, тоже покойного великого князя Владимира Александровича:

— Ты, Володька, чудовище! Самый крикливый и самый наглый среди своры нечестивцев. Возомнил себя Владимиром Первым в роду Романовых. Пожелал по примеру нашего деда перескочить через очередь. Деду это удалось. Он сумел застрашать братца Константина, обойти его, стать Николаем Первым. Но я-то — не таковский! Теперь вот твои сынки вместе с мамашей-интриганкой к трону окольными путями пробираются. Так что весь ваш род — на казнь!..

Остальную, амбициозную и жадную великокняжескую свору Александр Александрович бросал налево молча и без разбору.

Ники-Николай какое-то время наблюдал за этой ужасающей сценой снизу, с горной дороги, а потом вдруг ощутил себя тоже среди тех, кого тень Александра III приговорила к казни. И голос отца услышал над собой.

— Тебя англичане нарекли Гамлетом! — издевался над наследником-пигмеем родитель-великан. — Знают, собаки, чья кошка мясо съела. Знают про мою насильственную смерть. Только не ведают того, что с твоего согласия она приключилась. Вот и думают, что ты, как Гамлет, разыщешь убийц, отомстишь за отца... Ну так вот они, убийцы! Мсти им! Напои их тем же ядом, которым меня поили!..

А Николай Александрович и впрямь будто мстительный акт затеял. Начал распихивать руками и ногами своих соседей. Только не мстил, нет, выбирался из западни. Вот он уже на краю огромной чаши. Вот уже карабкается, срывая ногти и кровавая ладони, вверх по толстой скользкой цепи.

— Какая в тебе жажда жизни! — восхитился непритворно отец. — Ну, что ж, коли так, то выбирай: жизнь или трон?

При этих словах Александр III занес свою свободную правую руку над головой отцеубийцы. Ждал его решения, а заодно приготовился к тому, чтобы сбросить Ники щелчком вниз, как муравья, или же помочь подняться.

— Жизнь, батюшка! Только жизнь! — завопил что есть мочи Николай Александрович. — Жить хочу!..

— Живи! — разрешил Александр Александрович и протянул к сыну свой огромный палец, за который тот ухватился, как бывало в детстве, двумя руками. — Но ты согласен отречься от престола? Согласен пойти по миру, замаливая грехи, как это сделал отцеубийца Александр Первый?

— Согласен, батюшка!..

Николай Александрович продолжал с остервенением ползти подальше от греховной чаши теперь уже по отцову персту. Он в эти минуты и черту все, что угодно, пообещал бы. . — Ну так передавай свои царские полномочия вон ему...

Николай II снова оказался внизу на дороге перед незнакомым молодым человеком.

— Кто это?

— Николай Третий. Я очередность соблюдаю, — отвечивал сверху отцов голос.

— Это твой брат? Он ведь умер давно!

— Нет, не он. Тому по закону, не случись несчастье, быть бы Николаем Вторым. Да вот братец Володька, твой дядя, с чумовой родней со свету изжили. Потом отравили меня. Знай, и тебя в покое не оставят. Они тебя в страхе держали перед моей смертью?

— Нет, папенька! Это все Вильгельм! Он меня запугал! Он мне Алиску подсовывал и корону взамен твоей смерти, а моей жизни. Теперь вот ты взамен жизни корону отнимаешь.

— Что ж, и Вильгельму воздается.

— Так кто же он, этот незнакомец? — продолжал допытываться, отодвинув смерть и несколько успокоившись, Николай II.

— А ты, сын мой, грешил с женщинами до женитьбы? — послышался встречный вопрос.

— Да, отец мой, — выдал из себя признание отрекающийся от власти самодержец, вспоминая свои интимные связи.

— Тогда считай, что перед тобой твоя кровинка. Пусть это была и морганатическая связь. Пусть! Но ведь и наш великий предок Петр Первый тоже поднял из солдатской и мещанской грязи до величия престола низкородную женщину. Ты отыщи свою любовницу! Возвеличь ее! Она подарила тебе твоего

первенца. Ему и быть Николаем Третьим. Отрекайся в пользу сына от престола и присягай сыну на верность!

— Клянусь и присягаю! — прохрипел низложенный монарх и увидел перед собой фотографию с лицом, похожим на него самого. Разве что вместо шишечки на самом кончике носа изогнулась небольшая птичья заостренность.

— Властью, данной мне богом, прощаю тебе все твои грехи! — послышался уже другой голос, не отцовский, громовой, всезаглушающий, а чей-то напевный, дискантовый.

Сразу после этого Николая Александровича будто подхватило ураганным ветром и вынесло из сна в явь, в солнечное ливадийское утро...

ВТОРОЙ ВИЗИТ ГЕНЕРАЛА

Вредлинский, разумеется, не помнил дословно весь текст своей рукописи, но образная память у него была неплохая. Часть того, что было написано в процитированном отрывке, он взял из дневников Николая II, а содержание императорских кошмаров, естественно, придумал «от и до». Сделал он это отнюдь не по авторскому произволу, а в определенной степени по заказу Пашки Манулова. Можно не сомневаться, что если б взялись делать фильм, то этот эпизод был бы несомненно включен в сценарий. Жорка его наверняка сумел бы поставить весьма впечатляюще.

Этот отрывок в прежних изданиях романа отсутствовал. На включении его настоял «мистер Пол», вкратце объяснив «Миле-Емеле», что ему желательно там увидеть. Он даже принес с собой хорошую ксерокопию с фотографии своего покойного отца, сделанную в 1909 году, и Вредлинский не мог не согласиться, что молодой Николай Иванович Манулов действительно имел сходство с последним императором. Когда Эмиль Владиславович сочинял «заказной эпизод», ксерокопия лежала перед ним на столе, и фразы относительно «шишечки» и «птичьей заостренности» он взял отнюдь не с потолка.

Итак, Манулов утверждает, будто он — незаконный внук Николая II. Может быть, это привлекло внимание Генерала к писанине Вредлинского и к грядущему участию Крикухи в работе над фильмом? Но это же, право, смешно!

Каким бы выдающимся ни получился художественный фильм он не может являться юридическим основанием для предъявления претензий на престол. Тем более что эпизод с отречением Николая Романова в пользу Николая Манулова — это чистой воды вымысел Вредлинского. Всем известно отречение Николая II от 5 марта 1917 года, стало быть, до этого момента он продолжал считать себя императором и никаких реальных документов об отречении в пользу своего незаконного отпрыска не подписывал.

Впрочем, Вредлинский хорошо знал, что с чисто юридической точки зрения и подлинное, всем известное, отречение Николая было осуществлено с нарушениями действующего законодательства. Эти нюансы Эмилю Владиславовичу растолковал его собственный сын-юрист.

Дело в том, что в России с 1797 года действовал закон о престолонаследии, введенный еще Павлом I. Согласно этому закону престол переходил от отца к старшему сыну, при отсутствии у императора сыновей — к его младшему брату. Если у почившего императора не было братьев, то на царство садился старший из его дядьев и так далее.

Но у Николая II на момент отречения был жив его родной законный сын наследник-цесаревич Алексей Николаевич. И отречься в пользу кого бы то ни было, кроме него, самодержец был не вправе. Конечно, Николай имел право отменить закон 1797 года и издать новый или просто внести поправку в прежний. Однако это требовало определенной процедуры.

В России как-никак уже имелся парламент — Государственная Дума и Государственный Совет, учрежденные манифестом 17 октября 1905 года. Чтобы выработать новый закон о престолонаследии или хотя бы поправку к старому, надо было созывать старую, IV Госдуму, которую царь распустил в декабре 1916 года, или проводить выборы в новую. А после Думы нужно было еще заслушать новый закон в Государственном Совете и лишь после этого писать утверждающую визу: «Быть по сему. Николай».

Ни одна из этих формальностей соблюдена не была, а потому на 5 марта 1917 года продолжал действовать закон 1797 года. Отречение Николая в пользу великого князя Михаила Александровича, таким образом, явилось филькиной грамотой. Точно такой же, как и отречение Михаила в пользу Временного комитета Госдумы. Далее все, что инициировал Временный комитет и созданное им Временное правительство, с формально-юридической точки зрения, было нелегитимно. Вплоть до выборов в Учредительное собрание. И сама «Учредилка» была столь же нелегитимна, сколь и матрос Железняков, который ее разогнал...

Само собой, что большевики, учредившие Советскую власть, сделали это нелегитимно. Однако демократы, пришедшие к власти через нелегитимные Советы в 1990 — 1991 годах, а затем разогнавшие эти самые Советы в 1993-м, вообще повисают в воздухе! С чисто юридической точки зрения, конечно.

Над этими правовыми казусами Эмиль Владиславович только хихикал. Потому что прекрасно понимал: в России прав тот, у кого больше прав, а права эти определяются чаще всего количеством активных штыков или стволов. Ну, и до некоторой степени количеством денег, на которые эти стволы и штыки покупаются.

Поэтому, даже если Пашке Манулову удастся доказать путем генетических исследований, что он потомок Николая II, найти подлинный текст отречения императора в пользу Николая Ивановича Манулова, написанного, допустим, в Тобольске или Екатеринбурге, инициировать, провести и выиграть референдум о восстановлении монархии в России, то шансов

заполучить корону у него все равно будет ноль целых хрен десятых. Поскольку при всех своих миллионах, которые к тому же взяты в долг у банковских магнатов, Пашке вряд ли удастся закупить на корню и Вооруженные Силы, и МВД, и ФСБ, и все прочие силовые ведомства... А есть еще множество гражданских бюрократов, республиканские президенты, губернаторы, депутаты разных уровней, прокуратура, СМИ всех мастей! Олигархи, наконец, которые пользуются огромным влиянием и по дешевке не продаются. Каких средств это потребует? Господи, какой идиот придумал, будто большевики свою революцию провернули на деньги германского генштаба?! Или что демократы пришли к власти исключительно за счет средств ЦРУ... Нет, увы, оба раза иностранные «инвестиции» играли только вспомогательную роль. Сперва перемен желал Его Величество Народ. Прямо как у покойного Володи Высоцкого: «Уж если я чего решил, то выпью обязательно!» Народ выпивал чашу, буянил от души, ломал-крушил, а после чесал в затылке, наподобие незадачливого толстяка-электромонтера из телерекламы шоколадных палочек «Твикс», который ради того, чтоб починить свет у милой старушки, гасил его во всех соседних домах:

«Е-мое, чего ж я сделал-то?!»

Нет, убедить народ российский в том, что восстановление монархии принесет какую-то пользу, — дело почти невозможное. Тем более что у Манулова в лице слишком много семитских черт. Гораздо больше, чем у его отца. А это на Руси большой минус, хоть и воспитывали нас семьдесят лет в духе пролетарского интернационализма.

К тому же, чтоб взять власть или хотя бы побороться за нее, нужна команда, а еще лучше — массовая партия, «рука миллионопалая». Иначе для того, чтоб остановить всю эту монархическую возню, будет достаточно одного-единственного снайперского выстрела. Был претендент — была проблема, нет претендента — нет проблемы.

Эмиль Владиславович мог во многом упрекнуть Пашку Манулова, но только не в отсутствии здравого смысла. Конечно, он до некоторой степени авантюрист, но вовсе не безумец, ставящий перед собой заведомо невыполнимые задачи. Затея с фильмом, где отец Манулова объявлялся незаконным сыном Николая II, не могла рассматриваться как серьезная заявка своих претензий на русский престол.

В лучшем случае фильм должен был, по разумению Вредлинского, привлечь внимание американской публики к личности генерального продюсера «Гамлет энтертейнмент», поднять его рейтинг среди владельцев мелких и средних кинокомпаний, которых в дебрях Голливуда хоть пруд пруди. Конечно, если Жора выложится без остатка, то есть мизерный шанс номинироваться на «Оскара» за лучшую режиссуру, хотя скорее всего дальше этого — в смысле до получения самой статуэтки — дело не дойдет. Киноакадемия все-таки американская и вряд ли присудит «Оскара» американскому фильму, который режиссировал русский. Чтоб этого достичь, Пашке понадобится израсходовать кругленькие суммы на раскрутку своего произведения в прессе, заказать хвалебные статьи более-менее авторитетным кинокритикам, вытащить Вредлинского с Крикухой на солидные, общенациональные каналы телевидения, да ч еще и немало заплатить пиарщикам, чтобы гости из России произвели на американскую аудиторию положительное впечатление. А у Пашки с деньгами явно не фонтан. Если даже ему удастся прилично одолжиться в Нью-Йорке — Вредлинский все еще полагал, будто Манулов вчера утром улетел в Америку, — то это не значит, что полученных там сумм будет достаточно. Не говоря уже о том печальном варианте, когда уолл-стритовские «бароны» просто укажут ему на дверь или предложат краткосрочный кредит под такой высокий процент, что Пашка вылетит в трубу, еще не закончив съемки.

Таково примерно было содержание размышлений Эмиля Владиславовича в течение тех нескольких часов, что он пребывал в полном одиночестве, сидя в комфортабельном заточении. Уединение его нарушали только дважды. В первый раз минут через десять после

ухода Генерала появилась некая молодая, коротко стриженная баба гвардейских статей, одетая в синюю униформу с непонятной нашивкой на нагрудном кармане «СБ ЦТМО». Эта гренадерша — она была минимум на голову выше Вредлинского — прикатила столик с завтраком, состоявшим из тарелки геркулесовой каши, чашки кофе с молоком и сахаром, трех бутербродов с сыром и стаканчика с клубничным йогуртом. Из этого Вредлинский сделал весьма скромный, но обнадеживающий вывод: его не собираются морить голодом. Правда, баба, прикатив и сгрузив завтрак для «узника», не произнесла даже «здрассте!» и все время хранила каменное выражение лица, будто ее только что привезли из приазовских степей, где древние скифы в незапамятные времена поставили немало подобных изваяний. Эмиль Владиславович не рискнул задавать «каменной бабе» каких-либо вопросов, даже насчет того, что означает аббревиатура «СБ ЦТМО». Потом эта же баба появилась около двух часов дня, прикатив для Вредлинского обед — салат, куриный суп с лапшой, котлеты с макаронами и кетчупом, а также компот. Сгрузив обед, супердама забрала посуду, оставшуюся от завтрака. Вредлинский перед тем, проявив инициативу, ополоснул тарелки в раковине и сдал чистыми, хотя дома посуду мыл крайне редко. Увы, на «каменную бабу» эта услужливость никакого впечатления не произвела, и она величаво удалилась, не произнеся ни единого слова.

Отобедав, Вредлинский прилег вздремнуть, позволив себе немного поломать голову над значением букв «СБ ЦТМО». Первые две буквы можно было расшифровать либо как «Служба быта», либо как «Служба безопасности». Приемлемым казалось и то, и другое, поскольку то, что баба развозила питание, наводило на мысль о «Службе быта», а ее габариты и каменная физиономия — на мысль о «Службе безопасности». Последующим четырем буквам — «ЦТМО» — Эмиль Владиславович никакого вразумительного объяснения так и не придумал, хотя у него и проскальзывали какие-то неубедительные расшифровки типа «Центр торговли Министерства обороны» или «Центральное телевидение Московской области».

Утомившись от размышлений Вредлинский задремал и безмятежно проспал пару часов. Проснулся он за полчаса до того, как вновь щелкнул дверной замок и на пороге возникла загадочная фигура Генерала.

— Я не помешал вашему отдыху, Эмиль Владиславович? — заботливо спросил Генерал.

— Нет, нет, — поспешно заявил Вредлинский. — Я вполне нормально отдохнул.

— К пище у вас нет претензий?

— Что вы, что вы! Кормят, как в санатории.

— Рад за вас, — усмехнулся Генерал. — Тем не менее, я думаю, вам не хотелось бы продлевать свое пребывание в нашем заведении?

— Безусловно, — кивнул Эмиль Владиславович, — в гостях хорошо, а дома лучше. А что, есть возможность уехать отсюда?

— Есть такая возможность, — подтвердил Генерал, — хотя для того, чтоб она реализовалась, вам придется соблюсти некоторые условия.

— Любопытно... — пробормотал Вредлинский, наскоро пытаясь предугадать, что это будут за условия. — Надеюсь, мне не придется совершить ничего противозаконного?

— Давайте немного повременим с рассмотрением этой проблемы, — предложил Генерал. — Для начала я бы хотел продолжить разговор о вашем друге Георгии Петровиче Крикухе. Он когда-нибудь рассказывал вам о своих родителях, ближайших родственниках, более дальних предках?

— Ну, — наморщил лоб Вредлинский, — иногда кое-что рассказывал. Правда, по большей части в нетрезвом или вовсе в пьяном виде. Справедливости ради могу добавить, что и я в те часы тоже был несколько подшофе, а потому мало что запомнил.

— Понятно. Тем не менее попробуйте вспомнить хотя бы, что у вас удержалось в памяти.

— Позвольте спросить, зачем вам это надо? — осторожно поинтересовался Эмиль Владиславович. — То есть зачем надо все это спрашивать у меня? Я думаю, что будет проще, если вы поговорите с самим Крикухой. Ведь вам, как я полагаю, ничего не стоит доставить его сюда и побеседовать с ним столь же тепло и радушно, как со мной. Конечно, Жора воспримет подобное перемещение в пространстве не столь философски, как я, но если узнает, что речь пойдет всего-навсего о генеалогии рода Крикух, то охотно расскажет все, что пожелаете. Особенно если разговор пойдет за рюмкой чая.

— Вы знаете, Эмиль Владиславович, для начала мне бы хотелось послушать вас. Хотя бы для того, чтобы правильно оценить возможные варианты вашего поведения.

— Что вы под этим подразумеваете? — слегка струхнул Вредлинский. — Вы хотите проверить меня на откровенность?

— До определенной степени. В конце концов, нам небезразлично, с кем мы имеем дело. Упаси бог, если мы в вас ошибемся... Кстати, те люди, которые вас атаковали вчера вечером, могут пожаловать и к вашему другу Георгию Петровичу. Чем откровеннее вы с нами будете, тем больше шансов, что мы сможем ему помочь.

— Вы знаете, господин Генерал, — осторожно произнес драматург, — у меня создается впечатление, что вы уже сейчас знаете о Крикухе гораздо больше, чем я. Может, вы зададите мне какой-нибудь наводящий вопрос?

— Согласен. В таком случае скажите, вам известно, где работал отец Георгия Петровича?

— По-моему, он был врачом, — наморщил лоб Вредлинский.

— Гражданским или военным?

— Об этом Жора никогда не упоминал. К тому же он никогда не видел его живым. Его репрессировали в 1937-м, когда Жоре было полтора года. Мне только в последние годы стало понятно, насколько повезло в этом отношении моей семье. Ни убитых на фронте, ни расстрелянных. А в целом наше поколение

— сплошная безотцовщина...

— А Георгий Петрович не пытался поднять вопрос о реабилитации?

— Вы знаете, он мне как-то сказал, что реабилитация — это, увы, не реанимация. Тем более если считать, что большевизм был преступным режимом, то невинность перед ним не прибавляет заслуг.

— Оригинальное суждение... Так, а о своем деде Крикуха что-нибудь упоминал? Кстати, как звали его отца по отчеству?

— По-моему, Степанович. Да-да, именно так. Крикуха Петр Степанович. Что же касается упоминаний о деде, то Жора говорил о нем еще меньше. По-моему, он погиб еще в гражданскую.

— Погиб или умер? — уточнил Генерал.

— Неосведомлен, к сожалению. Может, погиб, а может, умер от испанки, тифа или голода. Какое это имеет значение?

— Сейчас, соглашусь, никакого. Но в те годы это было существенно. Одно дело

— герой, павший в боях за власть Советов, другое — нейтральный обыватель, третье — белогвардейская шкура. Надо думать, что это сказывалось и на потомстве...

— Вы намекаете, что Петра Степановича расстреляли из-за отца?

— Нет, я просто предполагаю, что мог быть и такой вариант. Хорошо. Сейчас я вам покажу одну фотографию. Кто это?

Генерал вынул из-за пазухи свежую фотокопию, явно переснятую с какого-то довольно старого снимка. Оригинал, вероятнее всего, был переснят с группового фото, но перед пересъемкой на него была наложена маска, закрывшая все лица, кроме одного. Лицо это Вредлинскому показалось знакомым. Если б не белый халат и торчащий из-под него воротник гимнастерки с петлицами, то Эмиль Владиславович не задумываясь признал бы Жорку Крикуху в молодости. Может, это он в гриме на каких-нибудь съемках? Жорка ведь не только снимал фильмы, но и сам частенько играл, если считал, что сделает это лучше, чем кто-либо другой.

— По-моему, это Крикуха... — наконец решился сказать Вредлинский.

— Правильно, — кивнул Генерал. — Это Крикуха. Петр Степанович Крикуха. Вот оригинал, видите?

И достал пожелтелое фото, с которого была снята копия.

— «Группа сотрудников спец. лаборатории ОГПУ с Г. Ягодой. 1932 г.», прочитал Генерал надпись на обороте снимка, сделанную химическим карандашом.

— Я был не в курсе, — поспешил заявить Вредлинский.

— Охотно верю, — кивнул Генерал. — И вполне готов поверить, что даже сам Георгий Петрович не знал, где работал его отец вплоть до самого ареста. Тем более понятия не имел о том, чем он конкретно занимался.

— И чем же он занимался? — не утерпел Вредлинский.

— Вообще у этой лаборатории было два наиболее существенных направления в работе. Первое — психотропные препараты, позволяющие подавить волю субъекта и управлять его поведением. Например, при допросе или на судебном процессе. Второе — особо изощренные яды, позволяющие имитировать смерть от естественных причин. Например, от инфаркта, инсульта, прободной язвы, цирроза печени и так далее. Из всех товарищей, изображенных на снимке, до 1940 года не дожил ни один. Правда, все они погибли не от ядов, а от пуль в затылок. Слишком много знали, должно быть. Но лаборатория своего существования не прекратила.

«Наверно, и сейчас существует?» — Этот вопрос Вредлинский вслух произнес, побоялся, что его тоже сочтут человеком, который слишком много знает.

— Так вот, — отчеканил Генерал. — Есть основания предполагать, что Крикуха Петр Степанович был принят на работу в ОГПУ благодаря тому, что в отрочестве активно помогал своему отцу Степану Пантелеймоновичу Крикухе, мещанину города Тульчин бывшей Подольской губернии. Этот господин на вполне легальных основаниях содержал аптеку, но при этом занимался разработкой всякого рода самодельных препаратов, которые с выгодой

реализовал среди малограмотного населения. Частично это была чистой воды шарлатанская продукция типа всяких приворотно-отворотных зелий, но вот в деле создания труднораспознаваемых ядов Крикуха-дед достиг значительного прогресса. И постепенно обрел весьма солидную клиентуру как среди преступного мира, так и среди аристократических верхов. В особенности среди женской части этих кругов. Каким-то образом эти сведения дошли — минуя Охранное отделение или нет, вопрос не существенный — до ушей императрицы Марии Федоровны. Отрывок из вашего будущего романа, где живописуется «посмертный суд» Александра III над своими домочадцами, свидетельствует о том, что вы в курсе того, что было дальше...

— Надо думать, что вы залезли в мой компьютер?

— К несчастью, да, — саркастически посетовал Генерал.

— Надеюсь, вы не подозреваете меня в причастности к убийству царя-миротворца? — спросил Вредлинский.

— Нет, конечно. Более того, я уверен, что этот эпизод вы включили в роман по заказу Манулова. В первых изданиях его ' не было.

— В семействе Мануловых есть легенда, что они происходят от незаконного сына Николая II. Я думаю, не будет ничего ужасного, если тщеславие моего друга Паши будет удовлетворено хотя бы в художественном произведении.

— Допустим... — произнес Генерал. — Значит, вы видите в этом... хм!.. художественно-историческом допущении только одно тщеславие Павла Николаевича?

— Исключительно. Неужели вы думаете, будто роман или художественный фильм можно рассматривать как предъявление претензий на престол в государстве, которое уже восемьдесят с лишним лет обходится без наследственной монархии? Надеюсь, вы не считаете Манулова безумцем?

— Нет, — мотнул головой Генерал, — по-моему, он редкостный прагматик...

ОБЛОМ ДЛЯ КНЯЗЯ

Власта Дмитриевна наводила макияж, а Князь полулежал в мягком кресле, по-ковбойски уложив ноги на полированный журнальный столик, и ловил кайф от настоящей гаванской сигары. Кроме пепельницы, куда Мещерский стряхивал пепел, на столике лежал включенный сотовый телефон. За окном темнело.

— Что они медлят, Серж? — капризно спросила кандидатка в императрицы. Может быть, вам стоит их поторопить, мон шер?

— Нет, мадам, — мотнул головой потенциальный наследник. — Раньше полуночи нам не следует этого делать. А сейчас еще детское время. К тому же они явно настороже. Кроме служанки, никто из дома не выходил. Да и та пригласила с собой за покупками какую-то необхватную подругу. Они даже заглянули в наш «Форд». Эта толстуха попросила прикурить у наших ребят и очень удивилась, когда увидела там двух тощих очкариков. Тем не менее она наверняка запомнила номер машины и сообщит о нем Вредлинскому. Они, конечно, сосредоточат все внимание на засветившемся «Форде» и, когда он уедет, вздохнут с облечением. Вот тут-то мы и нагрянем.

— Но ты уверен, что Вредлинский не уехал с дачи? Может, он так напугался, что сразу же укатил в Москву?

— Ма шер, мы все это предусмотрели. Ребята еще вчера взяли под наблюдение подъезд дома, где проживают его сын и дочь. Туда он не приезжал.

— Однако он мог спрятаться у кого-то из друзей.

— У него нет друзей, ма шер. По крайней мере, таких, которые пустят его к себе, узнав, что за ним охотятся. А как еще объяснить ночной приезд?

— И все же, мон принс, вы допустили ошибку, что не установили наблюдение за домом еще ночью.

— Какую ошибку, Власта? — вскипел Князь. — У меня народу наперечет, машин тоже всего три штуки. Одну вы забрали, чтоб в театр съездить, вторую я послал на городскую квартиру Вредлинских, а третья — тот самый «Форд». Причем у нас на борту был Пахом с дырой в башке и Горгоня с простреленной ногой. И в дверце дыра от пули. Мы что, должны были всю ночь сидеть рядом с трупом? Или ждать, пока на Горгонин вой все менты сбегутся? Опять же, когда мне позвонили насчет того, что он жив? Утром! Уже после того, как ты Горгоню отмудохала. Склероз одолел, что ли?

Серж хотел сказать что-то еще, но тут телефон весело затюлюкал.

— Слушаю, — отозвался Мещерский. То, что он услышал, его явно не обрадовало. Власта так и вперилась намазанными глазами в его физиономию, пытаясь угадать, что именно и где стряслось.

А услышал Князь всего-навсего о том, что его старый друг Петро Гнатюк скоростижно «вмер». Судя по хохляцкому акценту, звонили из Киева. Кое-кого из тамошних друзей Гната Мещерский хорошо знал, но голос звонившего был ему незнаком.

От этого впечатление, произведенное звонком, немного смазалось, но все же не перестало быть ошеломляющим. Если Гнатюк и впрямь от чего-то скопытился, то почти все честолюбивые планы Власты — а заодно с ней и Мещерского! накрываются медным тазом, если не сказать грубее.

Конечно, Князю очень хотелось не поверить этому звонку. Мало ли какому хрену с горы захотелось подсунуть ему дезу. Или вообще разыграть, хотя это очень фиговые шуточки, за которые отвечать надо. Но утешать себя такими предположениями — занятие дурацкое. Примерно то же, что по-страусиному совать голову в песок. Но и сознавать, что все провалилось, — неприятно.

Серж долго не опускал руку с телефоном, и глуховатая Власта, не слышавшая коротких гудков из трубки, некоторое время полагала, будто разговор еще не окончен. Однако едва Мещерский закрыл крышку аппарата, как старая карга буквально засыпала его вопросами:

— Кто звонил? В чем дело? Почему ты так расстроен?!

— Можно не так быстро? — попросил Мещерский, стараясь скрыть раздражение. — Мне надо осмыслить полученную информацию...

— Осмыслять информацию лучше всего вместе, мон шер. Но прежде мне ее надо знать! — понастырничала Власта.

— Ах, оставьте! — театрально воскликнул Серж, припомнив, что нечто подобное говорил некий аристократ в каком-то телефильме из господской жизни.

Но у Власты не было настроения играть в «императрицу и фаворита», она быстренько перешла на жесткий современный язык.

— Ты мне мозги пудрить собрался, сынок? — строго прищурилась Власта. Думаешь, бабка старая и из ума выжила? Ну, быстро колись, засранец, что у тебя обломилось?

— Все... — пробормотал Князь. — Все начисто! Тебе легче стало?!

— Что значит «все»? Мир перевернулся?!

— Ну, не совсем так, но около того... Тут телефон зазвонил снова.

— Слушаю! — нервно отозвался Князь.

— Сколько еще ждать, командир? — пробасили из трубки.

— Столько, сколько нужно! — рявкнул Мещерский. — Пока не скажу. Может, вообще отбой дам.

И нажал на сброс.

— Что я слышу? — вскинулась Власта. — Какой отбой? Ты в уме?!

— В уме, в уме. Просто теперь это может оказаться ненужным. Изменились обстоятельства, ма шер!

— Конкретно!

— Сказали, будто Гнат, с которым мы корешились, приказал долго жить...

— Это можно проверить? Ты хорошо знаешь того, кто звонил?

— Проверить недолго. Того, кто звонил, я не знаю вовсе, но вряд ли бы стали при живом Гнатишке шутки шутить.

— Если он сам не захотел «пошутить»... — зловеще предположила Власта.

— Это как понимать, ма шер? — насторожился Князь.

— Да очень просто. Перекупил кто-то твоего дружка-корешка. Прямо на корню и с листьями. А чтоб ты его не искал и не пытался ему кишки на перо вымотать, решил «умереть»...

— Что-то не верится... — Мещерский почувал, что на его лбу выступила испарина. — Так кинуть — это не шутки!

— Бывает, и хуже кидают. Как у вас теперь говорят? «В кругу друзей хлебалом не щелкают...» Так?

— Примерно... — не стал поправлять ее Мещерский. — Ну и что теперь делать? Ты умная, подскажи!

— Прежде всего доделать дело с Вредлинским и моим родственничком Пашкой. Это я могу взять на себя. А ты, мон шер принс, возьми пару толковых братков да съезди в губернию и разберись, что там и как.

— Ладно, допустим, я поеду. Что, прямо сейчас?

— Именно так. Как говаривал пращур мой, блаженный и вечнодостоинный памяти император

Петр Великий: «Промедление смерти подобно!»

Серж, несмотря на всю серьезность момента, чуть не хмыкнул. Бабка, похоже, намертво поверила в то, что сама придумала, — свое родство с домом Романовых.

— Хорошо, — кивнул он. — Допустим, я уже укатил. А что ты будешь делать?

— Закончу дело с Вредлинским. Он будет убит, а Манулов подставлен. Большого нам не потребуется.

— Ну а дальше что? Если Гната перекупили, все равно мы пролете. Ну а если убили — тем более. Тогда это полный... облом. Других выходов на эти «микстуры» у нас не будет.

— Ты не забыл насчет условий завещания? — осклабилась ведьма. — Это все всерьез. Ты должен крутиться, мой мальчик. Иначе так и сдохнешь голодранцем!

Мещерский скрипнул зубами: вот стерва! Убить заразу — и то нельзя! И даже показать ей, что рассержен, — опасно...

— Вот ты говоришь, что сумеешь доделать это дело с Вредлинским и Мануловым,

— произнес он, сдерживая эмоции. — А вдруг у тебя ничего не выйдет? Ведь если спалишься — туго тебе, старой, на русской зоне придется.

— Не беспокойся, мон шер. Я найду способ, как сдохнуть пораньше. Я старая, не то что ты, — мне помирать не страшно. Зато хоть рискну напоследок!

— Ты идиотка! — не выдержал Мещерский. — Башню сорвало? Ты что, сама пойдешь Вредлинского мочить? Флаг тебе в руки!

— Может быть, и пойду! — грозно заявила старуха. — И будь спокоен — от меня он не уйдет. Я не то, что ты! Не ты ли тут разорялся: «Я его бампером забодал!»? А оказывается, твой покойник в это самое время чай гонял с Крикухой. Жаль, что мы только утром об этом узнали...

— Господи, не смейте людей, бабуля!

— Это мое дело, — железным голосом проскрежетала Власта. — Еден дас зайне! А тебе — десять минут на сборы! Ищи своего дружка, живого или мертвого, ищи тех, кто его знал, но при этом помни, что только от тебя зависит, будешь ты богатым и здоровым или бедным и больным! Вон!

Любой другой стерве за такое поведение Серж врезал бы по роже без всякого снисхождения к возрасту. Возможно, большинство мужиков его круга в данной ситуации наплевали бы и на все материальные последствия, а поступили бы так, как подсказало горячее сердце. Однако Мещерский, хоть и не принадлежал к славному племени советских чекистов, все же придерживался того мнения, что поступать надо так, как подсказывает холодная голова. То есть по уму.

Поэтому Князь не позволил себе даже обматерить драгоценную бабку. Он просто сделал аристократический кивок, подсмотренный в каком-то фильме «про дворян», и вышел из комнаты. Даже телефон свой сотовый забыл на столике.

Власта тут же подскочила к телефончику и нажала на кнопочку «*», то есть, не набирая заново номера — она его и не знала вовсе! — соединилась с последним абонентом Сержа. То есть с тем басом, который спрашивал, сколько еще ждать.

— Алло! — прогудело из телефона.

— Это Власта, — старая кокетка представилась без отчества. — Можете начинать, господа...

— Понял! — радостно ответил бас.

СЮРПРИЗ

Ляпунов переключил телекамеры на инфракрасное наблюдение — уже совсем стемнело. Все окна в доме зашторили еще днем, и всем, кроме Василисы, было строго-настрого запрещено показываться на дворе. «Форд» как стоял за углом, так и продолжал стоять в течение всего дня.

Милка действительно, кроме двух интеллигентного вида молодых людей в очках, напоминавших не то студентов старших курсов, не то аспирантов-гуманитариев, никого в салоне не узрела. В принципе двух парней такого телосложения «Королева воинов» могла бы повязать в пучки самостоятельно, не прибегая ни к чьей помощи. Конечно, первое впечатление могло быть обманчивым — очки кому хошь интеллигентный вид придают, а каратисты с черными поясами вовсе не выглядят амбалами. Но Милка достаточно хорошо разбиралась в мужиках, чтоб сразу понять: нет, эти пареньки вовсе не собирались штурмовать дачу или стрелять в ее хозяина на выходе из калитки. Боевик боевика узнает издали. В лучшем случае мальчики были наблюдателями. А могли быть и вообще ни при чем. Ни рации, ни бинокля, ни иного подозрительного оборудования Милке на глаза не попало. Может, успели куда-нибудь спрятать, конечно, но, поскольку они почти сразу же открыли дверцу, времени на это у них было мало.

Однако, судя по номеру и марке машины, именно этот «Форд-Эскорт» вчера вечером дважды наезжал — один раз в прямом смысле — на господина Вредлинского. Номер и марку Ляпунову сообщили люди Генерала, которые успели допросить Стаса. Правда, отметины от пули на дверце, которую оставил выстрел того же Стаса, Милка не заметила, зато своим острым женским взглядом рассмотрела, что левая передняя дверца несколько темнее, чем остальная окраска машины. То есть эта дверца могла быть недавно заменена.

Тем не менее после Милкиной разведки у капитана появились сомнения. Ну, «Форд-Эскорт», ну номер, ну дверца — что это доказывает? Да ни хрена! Ведь запросто могло быть так, что машину просто-напросто угнали из этого же поселка, так сказать, «на один вечер». Чтоб совершить убийство, смыться с места преступления, а потом бросить и пересечь на «чистую» тачку. Интеллектуальные мальчики могли обнаружить простреленный «Форд» где-то поблизости и не стали заявлять в милицию ни об угоне, ни о том, что нашли «Форд» с простреленной дверцей, — кому охота в свидетели, а тем более в подозреваемые? Проще поставить новую дверцу, которая, возможно, имелась в запасе, так что даже с автосервисом не пришлось связываться.

Кроме того, Ляпунову как-то не верилось, что вчерашние налетчики могли оборзеть до такой степени, что поставили наблюдателей на засветившейся машине. Либо они вообще полные придурки, либо те, кто сейчас сидит в машине, никакого отношения к нападению на Вредлинского не имеют и даже не знают, что таковое имело место. Некоторое время капитан склонялся к мысли: очкарики ни при чем, просто заболтались о политике или о сущности бытия, посидят еще часок и укатят.

Но не тут-то было. «Форд» продолжал стоять и мозолить глаза. Правда, очкарики из него несколько раз выходили, но только поодиночке и ненадолго скорее всего отлить. Исключение

составил выход, когда один из парней сбегал в магазин за едой.

Получалось, что это все-таки наблюдатели. Но неужели такие дурные? Ясно ведь, что даже незасвеченная машина, стоящая весь день с людьми на одном и том же месте, может показаться подозрительной. И не только искушенному в таких делах Ляпунову, но и напуганному вчерашним покушением Вредлинскому — надо полагать, что господа, заинтересованные в его смерти, не знали о том, что «клиента» нет на даче. Уж во всяком случае, такой профессионал-телохранитель, как Стас, не оставил бы «Форд» без внимания. Если уж наблюдать с машины, то не с одной. Ляпунов бы, если б получил такую задачу, использовал бы минимум три сменяющие друг друга машины — это раз, и ни за что не взял бы ту же тачку, что использовалась при вчерашнем нападении, — это два. А в-третьих, он вообще бы предпочел никакой машиной не пользоваться, а пробраться на одну из пустующих дач — таких тут по осени полно, в том числе совсем рядом с дачей Вредлинского, — и наблюдать оттуда.

Анализируя поведение этой самой «наружки», Ляпунов прикинул несколько версий на тему «отчего да почему».

Первая версия состояла в том, что бандюки собрались психологически воздействовать на Вредлинского и его телохранителя. Дескать, смотрите, ребята, вот они мы, никуда от нас не денетесь. Ждите в гости, только вот когда — мы не скажем. Естественно, что присутствие заведомо бандитской машины в нескольких десятках метров от дачи должно было, по идее, держать в напряжении и Вредлинского, и его секьюрити в течение всего дня, а может, и ночи. К утру они бы вымотались, расслабились, вот тут их могли бы и застать врасплох.

Вторая версия предполагала, будто «Форд» поставили для того, чтоб проверить, готов ли Вредлинский обратиться в милицию и нет ли у него какой-либо иной «крыши». Ежели он имеет рыльце в пуху, то в ментовку не позвонит, а свяжется с «крышей». Тогда придется договариваться о сумме, за которую братки согласятся продать своего «покрытого», но это лучше, чем забивать стрелки после того, как труп уже сделан. Если же пан совсем чистый перед законом, то наберет 02, и менты неизбежно подойдут к машине проверить документы. Но в машине они обнаружат вполне мирных людей, причастность которых к нападению хрен докажешь. И тогда охота на Вредлинского пойдет по более сложному сценарию. Ну а если и «крыши» нет, и к ментам обращаться стремно, тогда наоборот, все упрощается.

Наконец, до третьей версии Ляпунов додумался несколько позже. Он предположил, что засвеченная тачка должна была попросту отвлекать на себя внимание, а настоящие наблюдатели ли, если они и были, сидели где-то в другом месте. Самое неприятное состояло в том, что капитан додумался до этого только тогда, когда уже начало темнеть. Правда, теперь наблюдателям для того, чтоб хорошо видеть дачу и ее окрестности, требовалась инфракрасная оптика, а у Ляпунова имелся специальный бинокль, помогающий засекал источники инфракрасного излучения. Со стороны «Форда» такие источники не отмечались. Но, с другой стороны, если у настоящих наблюдателей имелся такой же бинокль, как у Ляпунова, то они тоже смогут обнаружить его телекамеры с инфракрасными преобразователями. Наверняка они сразу заподозрят неладное. Подумают, например, что на даче у Вредлинского ОМОН или СОБР замаскировался.

Тем не менее уж лучше было спугнуть эту компанию, чем прозевать их подход к даче. И капитан все-таки включил приборы ночного видения.

Почти сразу же он раскаялся в этом.

— Он мотор заводит! — доложил Юрка. — Уезжает!

— Вот екалэмэнэ! — прорычал Ляпунов. — Так и знал! Юрик! Вот тебе ключи, дуй в гараж, выводи хозяйскую тачку. И возьми с собой Василису, у нее доверенность на эту машину есть.

Жмите что есть духу, а мы следом, на микроавтобусе, только аппаратуру свернем... Да, рацию возьми! Если уйдешь с прямой видимости, учти, что она на двадцать километров достаёт.

Таран почти что кубарем прокатился по лестницам и в коридоре, ведущем к выходу, столкнулся с Милкой.

— Ты чего, с кола сорвался? — спросила она. Из боковой двери выглянула и Василиса.

— Машина уезжает! Та, к которой вы ходили, — выпалил Таран. — Ведено вдогонку ехать! И тебе тоже!

И дернул Василису за рукав.

Юрка побежал к гаражу, Василиса припустила за ним, а потом и Милка сорвалась с места, хотя ехать ей никто не приказывал. Таран на это не обратил внимания. Несколькими прыжками домчавшись до ворот, за которыми стоял «Мерседес» Вредлинского, он принялся на ощупь возиться с ключами.

— Там сигнализация стоит, — предупредила Василиса, — я сейчас отключу!

Где она эту самую сигнализацию отключала и каким образом, Таран так и не усек. Он в это время пытался ключ от замка разыскать. Поэтому Юрка даже не заметил, что тут поблизости еще и Милка присутствует.

Как ни странно, отпереть гараж ему удалось всего за минуту с небольшим. Василиса к этому моменту уже прибежала и помогла ему разобраться, где в гараже включается свет. Только тут Таран обратил внимание на Милку. Он хотел было спросить: «А ты куда собралась?», но не стал этого делать. Уж больно грозно сопела воинственная дева. К тому же Милка, опередив его, шепотом объяснила причину своего присутствия:

— Мне приказано не оставлять без присмотра эту кралю.

Юрка подумал, что это ее проблемы, как она будет разбираться с Ляпуновым, если что. В конце концов, в компании с Милкой гораздо сподручней гоняться за бандитами, чем с одной Василисой, работающей неизвестно на кого. Однако на самом деле премудрая служанка оказалась очень полезным человеком.

— Тут еще всякие хитрости стоят, — заявила Васька, когда Таран подступил к «Мерседесу», — Стас понаставил, без меня не разберетесь...

И, мягко отодвинув Юрку, стала копошиться около тачки. Так или иначе, но «мере» удалось завести, и как-то само собой получилось, что за рулем оказалась Василиса.

— Ты быстро ездить умеешь? — спросил Таран, с заметным недоверием к водительским способностям супергорничной.

— Попробую! — скромно ответила Васька.

У ворот Таран выскочил, чтоб снять со скоб брус, которым были заложены створки. Василиса выкатила на улицу, и Юрка вновь запрыгнул в машину.

— А закрыть? — спросила Милка.

— Ребята выезжать будут — закроют... — бросил Таран. — Жми, Василиса, если умеешь! Надо их достать!

Нет, если б Юрка сам сел за руль, то, конечно, чувствовал бы себя намного уверенней. Василиса так рванула с места в карьер, что Таран сразу вспомнил, как его летом прошлого года возила ширнутая Александра, царствие ей небесное, бедняжке. «Мерс» понесся по поселку никак не меньше чем под сто двадцать километров в час. Однако при всем том, что на улице изредка попадались прохожие и даже пара встречных машин, жертв и разрушений не было. К тому же Юрка, который в этот поселок приехал в качестве пассажира, толком не сумел запомнить, где тут надо сворачивать, а потому явно не сумел бы так быстро выбраться на шоссе. Во всяком случае, он сомневался в том, что ему удалось бы подкатить к трассе почти в одно время с «Форд-Эскортом». Правда, Тарану показалось странным, что тамошний водила явно никуда не торопился и, похоже, не чуял за собой погони. Тем не менее Юрка достал рацию, нажал кнопку и сказал:

— Серый, ответь! Как слышишь? Прием.

— Слышу, Юрик, — отозвался Ляпунов. — Ты где?

— На трассу выехали. Идем от Москвы, «Форд» в ста метрах.

— Нормально, держи дистанцию и назад поглядывай. Следом за тобой проехал «Паджеро», как понял? Присмотрись на всякий случай, держи связь...

Он словно сглазил. Из динамика донесся целый ворох шорохов и тресков. На мгновение Тарану показалось, что Ляпунов случайно задел настройку и сбился с волны, но тут Милка, сидевшая на заднем сиденье, громко охнула. Она, как видно, услышала то, что капитан передал насчет подозрительного «Паджеро», а потому решила глянуть в заднее стекло. И в тот самый момент, когда связь оборвалась, увидела небольшую, но яркую вспышку в той стороне, где находился поселок. Затем до шоссе долетел негромкий и короткий гул: бу-бух!

— Это там! — взволнованно вскрикнула Милка. — Рвануло что-то! Надо обратно!

— Нет, — упрямо мотнул головой Таран. — Нам приказано за «Фордом» ехать.

— Там случилось что-то! Может, ребят взорвали!

— Не пори горячку, типун тебе на язык! Может, просто баллон с газом у кого-то на даче хлопнул...

— Это для ментов хорошее объяснение! Видишь зарево?! Да, в небе над поселком появилось издали заметное багровое пятно, расплывшееся по низким облакам.

— Ну и что, — буркнул Юрка, — от баллона не может загореться, что ли?

При этом он, конечно, понимал, что взрыв в поселке и обрыв связи навряд ли произошли по разным причинам. Просто ему хотелось верить, что с ребятами все нормально и они через пять минут очухаются и выйдут на связь. Ведь не все же при взрывах погибают? Сам Таран раза три или четыре взлетал. Ничего, живой же! Правда, башка иногда побаливает и всякая мура в -голову лезет, но это не смертельно. К тому же все-таки Птицын Испросит за выполнение приказа Ляпунова. В любом случае.

— Притормозить? — спросила Василиса, не оборачиваясь.

— Держи дистанцию! — рявкнул Таран. — Сто метров! Милка поглядела назад и проворчала:

— «Паджеро» сзади прет. Ну, и кто кого теперь ловит?

— Не знаю... — пробурчал Юрка. — Если они нас вычислили, то ловят нас, а если нет — то Василисиного босса...

— Попробуй на их волну настроиться, — посоветовала Милка. — Они наверняка между собой связь держат. Может, что интересное услышим.

— Может, и услышим, если они нас раньше не слышали.

Может, у них сканер на УКВ стоит. Тем более хрен услышим, если у них рации с кодировщиками. Но попробовать можно...

Таран покрутил настройку, но ничего не услышал, кроме эфирных тресков и хрюков. Оставив рацию на приеме, он повесил ее на крючок для одежды.

Между тем красные огоньки «Форда» по-прежнему мерцали впереди, а подфарники джипа — сзади. Так и шли единой колонной, благо чем дальше отъезжали от Москвы, тем меньше становилось попутных машин, которые могли бы вклиниться между ними. Василиса добросовестно крутила баранку и больше вопросов не задавала, Милка присматривала, как выражаются летчики, «за задней полусферой», где маячил «Мицубиси-Паджеро». При этом она вытащила из-под куртки раскладной пистолет-пулемет «кобра», он же «ПП-90», и явно ждала нападения. Можно было не сомневаться, что если джип заметно прибавит скорость и Милка увидит в этом попытку пойти на обгон, то ее машинка начнет стрелять.

Впрочем, Юрка еще не был до конца уверен, что им со стороны джипа что-то угрожает. Даже Ляпунов толком не знал, что это за «Паджеро», который поехал следом за «мерсом». Просто предложил к нему присмотреться на всякий случай. Вполне возможно, что никакого отношения к «Форд-Эскорту» он не имеет — разве не бывает простых совпадений по жизни? Ну, идет себе сзади и идет, есть не просит.

Насчет самого «Форда» тоже ясности не было. Сколько за ним ехать и докуда? Ляпунов тоже не сказал. И пока, судя по всему, ничего сказать не мог. То ли потому, что рацию повредили, то ли... Насчет этого второго варианта Таран боялся даже подумать. Потому что тогда все вообще становилось на уши. Ну, допустим, они с Милкой при посильной помощи Василисы — хотя, куда ее повернет, если ситуация обострится, неизвестно! — могут зажать тех двоих очкастых, которые на «Форде». Что с ними дальше делать? Мочить? Наверяд ли такое предполагалось. Небось Ляпунов так и сказал бы сразу. Брать живьем, вязать в пучки? Час от часу не легче! Куда их в этом случае везти и кому докладывать о том, что они задержаны? С кем тут держал связь Ляпунов, неясно.

Конечно, как доехать до Фроськиной дачи, Таран знал и был осведомлен, что там есть место, куда посадить пленников. Но знал и то, что с Фроськой у «мамонтов» отношения поставлены на коммерческую основу. То есть просто скомандовать ей: на, мол, принимай и сажай моих клиентов! — не получится. Надо платить бабки или совать ей пистолет к носу и вести себя очень нагло. Денег у Тарана по большому счету не было, у Милки и Василисы тоже. Оружие имелось, но применять его было рискованно. Во-первых, у Фроськи там два охранника при оружии, так что без стрельбы «силовой вариант» навряд ли обойдется. А это чревато появлением ментов, СОБРа и еще каких-нибудь «миротворческих сил». Если и удастся слинять, то только самим, а парни с «Форда» достанутся ментам. Какие от этого могут быть последствия — неизвестно. Во-вторых, сама Фроська прожженная стерва. Может, она и сделает вид, будто согласилась, а потом, усыпив бдительность, кусанет исподтишка.

Но даже если предположить, что Фроська, сознавая, что за Тараном стоит солидная фирма, решит оказать услуги, так сказать, «в кредит» и разрешит пристроить захваченных «очкариков», не требуя предоплаты, это все равно не сильно облегчает положение. Ведь Юрка абсолютно не в курсе всех нюансов здешней миссии. Хрен знает, что собой представлял господин Вредлинский, которого они вчера похищали, и кому это было надо?! И зачем нужно было устраивать засаду против тех, кто собирался наведаться к нему на пустую хату, — тоже неясно. Конечно, возможно, об этом знает Птицын, но можно ли будет ему

докладывать с Фроськиной дачи? Телефон там вроде имелся, но где гарантия, что он не на прослушке? Позвонишь Птицыну — и засветишь МАМОНТ...

РАЗБОРКА В ТЕМПЕ ВАЛЬСА

От всех этих мыслей Юрку отвлек голос Василисы:

— Юр, они вправо свернули!

Точно! «Форд-Эскорт» свернул с главной дороги и, заметно прибавив скорости, стал уходить вправо, к чернеющей в километре от шоссе стене леса.

— За ними! — вырвалось у Тарана, хотя он был вовсе не уверен, что поступает правильно.

Когда проскочили поворот, Милка мрачно доложила:

— «Паджера» тоже за нами пошла...

Да, вот это уже сложнее! Если там, в «Паджеро», три-четыре мужика со стволами, так просто не отмахнешься. Нужно, чтоб бог помог или все та же «госпожа Удача». А она дама ух какая капризная!

Но все-таки Таран еще пытался себя утешать. Ну, повернул джип, подумаешь! Еще никто не сказал, что те, кто в нем сидит, — дружки очкастых с «Форд-Эскорта»...

Тут Юрка вспомнил, что тогда, когда он пытался подслушать возможные переговоры «Форда» с «Паджеро», то съехал с рабочей волны Ляпунова и обратно на нее не настроился. Вот балда! Небось капитан уже материт его в три горла, глотку сорвал, вызывая на связь, а Таран эти четверть часа упилил хрен знает куда! Может, и рация уже не достает, даже если на правильную волну поставить... Впрочем, ребята должны были отправиться следом на микроавтобусе. Таран ведь сказал, что идет от Москвы, значит, направление Ляпунов перепутать не мог. Ну а если они подтянулись ближе к Тарану, то рация может и достать.

Юрка ухватился за свою «уоки-токи» и принялся было возвращать волну на место. Однако совершенно неожиданно он услышал из эфира незнакомый голос:

— Головастик! Прибавь газку до сотни, как понял?

— Шеф! Напоминаю, что тут не автострада. Здесь и восемьдесят самоубийство!

— Второй голос был намного интеллигентнее первого — грубого, хриплого баса.

— Гони, тебе сказано! — рявкнул бас. — Разгони его за собой, понял?

— А дальше что?

— Там узнаешь!

Только теперь, пожалуй, Юрка окончательно убедился, что «Паджеро» и «Форд»

— одна команда. Да и то лишь после того, как увидел, что «Эскорт» начал набирать скорость.

— Догонять будем? — спросила Василиса, уже нажимая на педаль акселератора.

— Держи дистанцию! — еще раз повелел Таран, прекрасно понимая, что делает как раз то, на что рассчитывает командный бас с «Паджеро».

— Ключнул! — порадовался бас. — Ты понял, Головастый? Жми!

— Шеф, мы делаем все возможное, но тут выбоина на выбоине, а Гера — не Шумахер. И стать Айртоном Сенной ему никогда не хотелось...

— Не вякай! Убьетесь — похороним с честью!

— Во чудик! — хмыкнула Василиса, услышав это обещание. Спидометр показывал 85, и Таран надеялся, что тот, кто рулил «Фордом», не окажется исполнительным психом и не станет дожидаться до сотни. Даже нынешней скорости на мокром, узком, извилистом и щербатом шоссе вполне хватило бы для очень приличного ДТП. Тем более лететь с шоссе пришлось бы в деревья. А если еще учесть, что «мерсом» управляли нежные ручки Василисы, о водительском стаже и навыках которой у Юрки были самые смутные представления (он гораздо лучше знал, что она может в области секса), то исход погони представлялся Тарану жутко проблематичным. Но не станешь же пересаживаться на таком ходу и брать управление в свои руки?!

Слава аллаху, встречных машин не попадалось, и Василиса с удовольствием гнала «мерс» по осевой, притираясь на поворотах то к правому, то к левому кювету. Но никто не гарантировал, что какой-либо припозднившийся «КамАЗ» или «ЗИЛ» не вывернет из-за ближайшего виража дороги и не «поцелует» в лобик иномарку. После этого, как представилось Тарану, почти неизбежными казались прощальные поцелуи в то же место для Василисы, Милки и для него самого. Он, правда, слышал, что на «Мерседесах» ставят самонадувающиеся антитравматические подушки, но сильно сомневался в их эффективности.

— А этот, — прогудела Милка с заднего сиденья, имея в виду «Паджеро», похоже, больше нашего прибавил.

— Флаг ему в руки! — ухмыльнулась Василиса. — Он высокий, его, по идее, раньше занесет!

Таран спорить не стал, хотя ему лично казалось, что Василису уже заносит. По крайней мере, в переносном смысле.

В это время снова забухтела рация:

— Головастик, внимание! Через пару минут будет насыпь через овраг. На середине тормознешь, понял? Огни туши и выскакивай! Постарайся сам не слететь! И о детишках помни!

— Ты усекла? — спросил Таран у Василисы.

— Вроде бы... — пробормотала та. — Он, гад, по-моему, нас обоих хочет с насыпи спихнуть! И «мере», и «Форд». Знаю я эту насыпь. Там откос метров пятнадцать высоты. А дорожка узкая, только разъехаться. Вот она!

Таран только крикнул, когда увидел, что асфальт сперва полого идет вниз, а затем круто загибает влево. В темноте было не очень заметно, что дорога идет по склону оврага — справа лес и слева лес, через деревья особо не разглядишь откос. А метров через триста дорога столь же резко сворачивала вправо и тут же довольно круто выходила на насыпь, внутри которой, должно быть, была проложена бетонная или кирпичная труба солидного диаметра. Эта труба пропускала через себя речушку, журчавшую где-то на дне оврага.

«Форд», освещенный дальним светом фар «Мерседеса», свернул на насыпь, и Юрка в этот

момент подумал, будто тот, кто басил в рацию с «Паджеро», не шибко продумал свою заподлянку. Туши — не туши огни, фары-то все равно высветят впереди преграду. Но когда Василиса, успевшая сбросить скорость до сорока, тоже вошла в поворот, Таран увидел, что «Форд-Эскорт» остановился прямо на середине насыпи, да еще и не у правой обочины, а наискось поперек дороги. Если б Васька и этот поворот прошла так же, как проскакивала другие, то, даже увидев стоящую тачку, затормозить не успела бы. Тем более на мокром уклоне. Ее бы юзом вынесло на «Форд-Эскорт». И что получилось бы? Если б Василиса крутнула вправо — хотя бы чисто инстинктивно! — то снесла бы столбики и улетела с насыпи. А если б дернулась влево или сумела более-менее прямое направление сохранить, то так и так ударила бы подставленный «Форд». От этого столкновения машины, верней всего, стали бы углом, да так, что у «Форда» передние, а у «мерса» задние колеса оказались бы на краешке откоса. Тогда тяжелый джип ударив, как в бильярде, между двух шаров, то бишь машин, скинул бы с насыпи и «Форд», и «мере».

Конечно, все это Юрка уже потом додумал. События пошли, как говорится, «в темпе вальса».

Василиса все-таки немного ткнула бампером машину очкариков. Но поскольку скорость была невелика, то никаких особо печальных событий не произошло. Чуть-чуть трянуло, и больше ничего. Еще до этого Таран углядел в свете фар две фигуры, выскочившие из «Форда» и бросившиеся бежать по насыпи на другую сторону оврага. Но очкарики, похоже, не представляли опасности в отличие от тех, кто сидел в джипе, который накатывал сзади.

Милка сориентировалась быстрее Юрки, да и «ПП-90» у нее был уже наготове. «Королева воинов» сиганула через правую заднюю дверцу, одним прыжком долетела до бетонного столбика на левом откосе насыпи и меньше чем с пятнадцати метров полоснула «Паджеро» длинной, патронов на десять, очередью из пистолет-пулемета. Скорее веерной, чем прицельной, но достаточно полезной. Конечно, не для джипа и не для тамошнего экипажа.

Пара дыр появилась в лобовом стекле прямо против головы водителя, еще одна пуля продырявила резину левого переднего колеса, а остальные угодили в капот. Мотор заглох, колесо осело, мертвый водила судорожно крутнул баранку

— и джип занесло, крепко стукнуло о столбик ограждения, но под откос он все же не полетел, просто встал поперек асфальта, правыми дверцами к «противнику». А левая дверца у «Паджеро» была одна, и чтоб выскочить через нее, надо было отпихнуть уже сраженного Милкой водителя.

Но вот тут-то, пока граждане не очухались от Милкиного угощения, из правой передней дверцы выпрыгнул Таран, перескочил к багажнику и оттуда резанул три коротких по дверцам и боковым стеклам. Кто-то коротко взвизгнул и с мягким стуком упал на пол салона. Тах! — кто-то ответил из салона пистолетным выстрелом, но явно не целясь, а так, наобум, потому что пуля полетела куда-то в сторону Милки, точнее, туда, откуда она стреляла в первый раз. Но Милки там уже не было, она прошмыгнула к левому борту джипа, внезапно распахнула водительскую дверцу и, прежде чем тот, с пистолетом, успел отреагировать, выпустила весь остаток магазина по внутренности салона.

Потом на пару минут наступила тишина. Таран с Милкой выжидали, опасаясь, что кто-то еще способен сопротивляться. Потом рискнули заглянуть. Милка даже посветила своим фонариком-карандашиком.

С водителем было все ясно: обе Милкины пули угодили ему в лицо, одна в лоб, другая в глаз, и ни на что, кроме похорон, этот господин уже не претендовал. Второй сидел рядом — с дырочкой в правом виске и капитальным проломом около левого уха. Этому тоже никакая реанимация не сумела бы вправить мозги. В салоне навалом, один на другом, лежали трое. Верхним был тот, кто сделал единственный ответный выстрел, у него в коченеющей руке был

зажат «ПМ». Небрезгливая Милка вынула магазин из рукоятки чужого пистолета, выщелкала патроны и снарядила ими пустой магазин «ПП-90» — тот их вполне переваривал. У нее, правда, имелся в запасе еще один нетронутый 20-патронный магазин с более мощными, чем простые «макаровские», патронами 9x18 ПММ, но его она решила поберечь.

Второго сверху тоже не стоило беспокоить, если б этот гражданин не придавил собой третьего, который не только дышал, но и пытался стонать. Кроме того, на шее у этого второго висел ментовский автомат «АКС-74у», а за ремень была заткнута пара магазинов. Таран все это хозяйство прибрал — 90 патронов лишними не бывают, а свою «кобру» с запасным магазином отдал Милке.

Раненого кое-как выдернули из-под трупов и усадили на асфальт, привалив спиной к борту джипа. При этом, конечно, сделали больно, он застонал и хрипло выmaterился. Из этого мата удалось понять только одно: это тот самый басовитый шеф, который командовал всей затеей. Рация у него висела на шее, и Таран ее реквизирует, постаравшись не сбить с волны: кто его знает, может, пригодится?

— Это что, уже все? — услышал Таран голосок Василисы, осторожно выглянувшей из водительской дверцы.

— А мы всегда так, — произнесла Милка.

— Надо убираться отсюда, — нервно сказал Юрка. — Грохоту наделали... Менты иногда чутко спят, однако! Опять же те, с «Эскорта», куда-то мотанули. Еще высвищут сюда братву...

— Запросто, — кивнула Милка. — А с этим что делать собираешься? Язык из него никакой, по-моему... Может, доделаем его, чтоб не мучился?

И она слегка пнула раненого носком кроссовки.

— Как никакой?! — испуганно прохрипел басистый, который, как оказалось, был не только в сознании, но и соображал кое-что. — Не надо доделывать! Я жить хочу! Падла буду — все скажу!

— Ладно! — Таран, которому очень хотелось побыстрее ; уехать, решил, что обладатель баса, если не помрет раньше времени, может принести кое-какую пользу. — Грузим его на заднее сиденье!

— Он же весь в крови! — ахнула Василиса. -Все чехлы замажет!

— Ничего, отстираешь! Ты ж прачка экстра-класса, — отмахнулся Таран, и они с Милкой, подхватив под руки охающего и матерящегося пленника, втащили его на заднее сиденье «Мерседеса».

— А как проехать-то? — озаботилась Васька. — Вперед— «Форд» мешает, назад — джип. Ключ от «Форда» они унесли, я уже поглядела. А как его напрямую заводить — хрен разберешься!

— Сейчас! — Таран подбежал к «Форду», снял его с ручника, вернулся к «мерсу» и уселся за баранку. Запустил мотор, плавно надавил на педаль газа... Так, руль чуть влево — и самое оно!

Может, педантичная немецкая душа «Мерседеса» и возмущалась тем, что его, автомобиль представительского класса, используют в качестве бульдозера, но спихнуть с насыпи своего американского собрата он сумел без проблем. В свете фар Юрка увидел, как передок «Форда» точно просунулся между двух столбиков ограждения, как соскочили с асфальта

передние колеса и как, увлекаемая собственной тяжестью, машина покатила вниз, переворачиваясь с боку на бок. Залязгало железо, зазвенели, лопаясь и рассыпаясь на мелкие осколки, стекла.

— Давай уж тогда и «Паджеру» тем же макаром! — пробасила Милка. И, открыв кабину джипа, спихнула ногу мертвого водителя с педали тормоза.

— Багажник не поцарапайте! — умоляюще попросила Василиса, будто сама за этот «мере» минимум сорок тысяч баксов отдала.

Милка бесстрашно уселась сзади, рядом с охающим бандитом, а Василиса на «штурманское» место. Таран аккуратно толкнул джип задним бампером «мерса», и машина с четырьмя свежими жмурами все с тем же звоном и лязгом закувыркалась в речку.

— Переезжаем за мост и разворачиваемся! — объявил Таран.

— На фига? — удивилась Василиса. — Мы ж обратно в поселок не поедem, верно?

— Ну, допустим... — Юрка по этому вопросу немного сомневался.

— А если просто в Москву, то лучше не разворачиваться. Отсюда вперед пять км до трассы, а обратно — двенадцать.

— Все дороги ведут в Москву, — хмыкнула Милка. — Только вот на фиг она нам нужна? Может, даванем от нее подальше? Как-никак свежачки позади остались... Может, прямо на базу, а?

Надо сказать, это предложение не показалось Тарану неприемлемым. Насколько Юрка помнил, то самое шоссе, до которого, по мнению Василисы, оставалось пять километров, было прямой трассой, ведущей в его родной город. Где-то шесть часов не очень быстрой езды — и можно добраться до базы МАМОНТа. Но вот можно ли везти туда Василису и раненого? Во всяком случае, Ляпунов, после того как Таран и Милка отбили Ваську от ее бывшего ухажера и его дружков, повез пленницу совсем в другое место. А дорогу туда Юрка не запомнил. Если б сам рулил, может, и вспомнил бы, но тогда за баранками сидели Топорик и Клепа.

Было и еще одно сомнение. Все-таки у «мамонтов» существовала достаточно жесткая воинская дисциплина. Гораздо более суровая, чем в нынешней Российской армии, где военная прокуратура пользуется значительно меньшим авторитетом, чем комитеты солдатских матерей. То есть был особый спрос за точное выполнение приказа и особый — за принятие самостоятельных решений. Все оценивалось, как говорили в старину, «по конечному результату». Если нарушение приказа привело к невыполнению общей задачи, ты виноват, и всем плевать, что ты скажешь в свое оправдание. Если точное выполнение приказа закончилось тем же итогом, ты опять-таки будешь виноват, и никто не будет слушать твой лепет насчет того, что, мол, я все выполнил, как мне приказали, но то-то и то-то не получилось. «Мамонт» должен уметь действовать по обстановке и в необходимых случаях принимать самостоятельные решения, обеспечивающие выполнение боевой задачи.

Однако надо еще знать, какая это задача. Таран, строго говоря, не знал, какие именно задачи выполняет, и даже того, кто именно эти задачи перед ним поставил. Был только устный приказ капитана ехать за «Форд-Эскортом». А все, что пошло дальше, — сплошная отсебятина и случайное стечение обстоятельств. Неизвестно, надо ли было захватывать тех очкариков, которые убежали, но насчет того, чтоб стрелять и валить тех, что на джипе ехали, Тарану точно никто не приказывал. Тут они с Милкой действовали исключительно по собственной инициативе. Дай бог, чтоб трупы нашли только утром. Но ведь их могут найти через час или даже раньше. Машина что с одной, что с другой стороны дороги могла

появиться в любую минуту. И она вполне могла оказаться милицейской.

Именно поэтому Таран решил, что не фигу мозга ломать, надо побыстрее выбираться на трассу. Но он не проехал и двухсот метров, когда в отсветах фар, на обочине, мелькнули два силуэта...

ПО ДОРОГЕ К ТЕТЕ ФРОСЕ

Это были те двое, с «Форда». Юрку насторожило, что они никуда не бегут и даже не пытаются спрятаться в кустах, хотя не могли не заметить, что к ним приближается «Мерседес», который гнался за ними от самого поселка. Ясно ведь, что не для угощения конфетами, тем более что стрельбу на насыпи они не могли не слышать. Или, может быть, думали, что «мере» за ними басистый босс прислал?

Но чуть позже Таран догадался, что ребята эти давно бы убежали и спрятались в лесу, если бы могли. Точнее, один из них, в принципе, мог бы убежать, но не хотел бросать раненого приятеля. Сидел рядом и пытался забинтовать ему простреленную ногу.

Юрку это здорово удивило. Он ведь не стрелял по этим очкастым. Неужели один-единственный выстрел, который успели произвести бойцы из джипа, сумел достать этих бегунов, проскочивших к этому моменту уже полета метров?!

Таран остановил машину метрах в двадцати от сидевших на обочине, наскоро проверил трофейный автомат и, взяв его за пистолетную рукоять, направился к освещенным фарами очкарикам.

— Не стреляйте! — воскликнул тот, что не был ранен, и без приглашения поднял руки вверх.
— У нас нет оружия!

— Поднимай своего друга, — сказал Таран, поверив на слово. — И неси в машину.

Отдав это распоряжение, Юрка как-то не сообразил, что данный «мере» всего-навсего пятиместный. Но очкарик уже взвалил на спину своего спутника и кряхтя поволок к «Мерседесу». Таран последовал за ними.

Очкарики уже находились в двух шагах от машины, когда задняя дверца распахнулась, и оттуда показалась Милка, которая выволакивала из салона безжизненное тело басовитого детины.

— В чем дело? — спросил Таран.

— Копыта отбросил, — пыхтя, ответила она. — Правда, кое-что сказал напоследок. На его лопатник, может, сгодится.

Прозвучало это так, что ежели бы Юрка не ехал с ней в одной машине, то запросто подумал бы, что гражданин отдал богу душу после серии зверских, прямо-таки садистских пыток. Должно быть, все-таки на Милкиной внешности все еще сказывалось ее давнее амплуа садистки из порнотеатра Дяди Вовы.

Таран-то знал, что Милка ничего ужасного не делала, а, наоборот, пыталась оказать раненому первую помощь. Однако этого не знали очкарики. Юрка с автоматом на изготовку на них, конечно, производил впечатление, но баба, без каких-либо моральных проблем управляющаяся с тяжелым трупом, — это что-то! К тому же, несмотря на недостаток

освещения, мертвеца они узнали сразу.

Милка, постаравшись не сходить с асфальта на мягкую почву, чтоб не оставлять лишних следов от своей обуви, спихнула труп в кювет. Очкарик, сгибаясь под тяжестью раненого, стоял у задней дверцы в легком оцепенении.

— Что встал-то? Заноси! — отдуваясь, пробасила Милка.

— Давай, давай! — подбодрил Таран. — Времени не вагон...

— Милка помогла очкастому загрузить раненого, сама села последней — Юрка уже успел вернуться за баранку — и приказала голосом грозной Салтычихи:

— Трогай!

Покатили дальше. Таран, конечно, очень многое хотел бы спросить у очкариков, но сомневался, стоит ли задавать вопросы в присутствии Василисы. Насчет того, что сказал перед смертью бугай, сброшенный Милкой в кювет, он тоже с удовольствием поинтересовался бы, но опять же сомневался, нужно ли, чтоб об этом узнали очкарики.

Тем временем Милка на заднем сиденье занималась раненым, заставив второго очкастого держать фонарик. Тот беспрекословно повиновался, хотя, как чуялось даже Тарану, почти не смотревшему назад, явно нервничал от вида кровоточащей раны.

Между тем «мерс» оказался у выезда на шоссе. К этому моменту Юрка окончательно решил ехать на Фроськину дачу и повернул направо.

Василиса, все это время помалкивавшая и лишь изредка с любопытством поглядывавшая назад, бросила на Тарана вопросительный взгляд, но вслух ничего не сказала. Вообще-то, поскольку именно она предложила ехать этой дорогой, Юркин выбор ей явно понравился. Во-первых, потому что он сделал его вопреки предложению Милки, а во-вторых, потому что возвращаться в область, где с ней так круто обходились, ей не очень хотелось. Одна прогулка на карьер с Тимуром и его командой чего стоила!

Милка, возившаяся с раненым, на поворот никак не отреагировала, возможно, даже не заметила, что Юрка свернул в сторону Москвы. Лишь после того, как перевязка была закончена, она позволила себе сделать заявление:

— Так. Наш гражданин сегодня не помрет. По крайней мере, от этой раны.

— Приятно слышать, — сказал Таран. — Вот что значит вовремя обратиться за медицинской помощью!

— Я не очень рассчитывал на то, что вы ее окажете, — признался раненый. Адская боль!

— В принципе, — заметила Милка, — ежели без нагноения обойдется, то рана пустяшная. Хорошо, Василиса, что твой хозяин в машине приличную аптечку держал. Йод, перекись, бинты, вата — все в ажуре.

— Это не он держал, а Стас, — хмыкнула Васька. — Хозяин даже за руль ни разу не сядил.

— Я вам очень благодарен, — произнес раненый. — Гуманизм в наше время это такая редкость.

— Спасибо за теплые слова, — сказала Милка не без сарказма. — Может, познакомимся, мальчишки? Меня зовут Зена. А вас?

Это у нее слишком профессионально получилось. Таран, конечно, ревностью не изошел, но про себя отметил, что проституточки хватки «Зена», видать, сохранит еще надолго.

— Может быть, Зина? — переспросил тот, что не был ранен.

— Нет, именно Зена. Королева воинов! — выпендрилась Милка. — Разве не похожа?

— Я знаю, что такой фильм идет, но никогда его не смотрел, к сожалению.

— А я смотрел, правда, нерегулярно, — поспешил сообщить раненый. — То-то мне ваше лицо показалось знакомым... По-моему, это вы подходили к машине утром? Спички спрашивали? А ваша подруга мимо прошла...

— Что ж вы нас не пригласили посидеть в машине? — Милка состроила собачьи глазки. — Может, если б мы раньше познакомились, то не было бы таких сложностей по жизни. Кстати, вы до сих пор себя не назвали. Это невежливо по отношению к даме.

— Прошу прощения, — извинился раненый. — Я бы назвался Гераклом, но кто ж мне поверит? Тем не менее в детстве меня так звали, потому что на самом деле я Герман, Гера.

— Классно! — сказала Милка. — Сигаретку? Очень помогает для лучшей свертываемости крови.

— Можно мне тоже? — спросил второй очкарик. — Мы сегодня все искурили, пока сидели перед вашим домом...

— Получите только тогда, когда представитесь, — кокетливо произнесла «Зена». Учитывая, что «представитесь» и «преставитесь» звучит почти одинаково, гражданин мог ее неверно понять, но все же понадеялся на лучшее.

— Максим Петрович, можно просто Макс, — торопливо сообщил он. — А это важно? Вы ведь, наверно, не из милиции?

— Ну не звать же мне вас просто: «Эй ты, чувак!»? — чуть более строго сказала Милка. — А откуда мы — это наше дело. Может, поговорим немножко, а? Вроде бы такие симпатичные, интеллигентные люди, а водите дружбу с бандитами. Неужели вам в детстве не объясняли, что это плохо?

— Нам много что объясняли, — вздохнул Макс. — Думаю, вы догадываетесь, что мы подневольные люди, иначе вы бы просто добились Геру и меня пристрелили. Честно сказать, я думал, что вы именно так и поступите.

— Однако же не побежали в лес, — заметил Таран, — хотя могли бы, наверно. У вас-то нога в порядке.

— Я плохо бегаю, — печально ответил Макс. — К тому же бросить Геру было бы подло.

— Да, — подтвердил Гера, — он молодец. Что бы вы с нами ни сделали позже я теперь знаю, что Макс настоящий друг. Я не знаю, сумел бы я поступить так же на его месте... Между прочим, если бы приехали не вы, а эти, на «Паджеро», нас наверняка убили бы. Это жуткие люди.

— Вообще-то, — сказала Милка, — никакого клейма у вас на лбу я не вижу. В том смысле, что вы подневольные люди. Цепей-кандалов на вас тоже не просматривается. Может, вы сами объясните, в чем заключается ваша подневольность? Между прочим, все бандиты при случае говорят: «Я не виноват, меня заставили...» Особенно ежели знает, что пахана замочили и он в свое оправдание ничего сказать не может.

— Вы правы, — вздохнул Макс. — Внешне все похоже, но нас на самом деле заставили...

— ...И подставили тоже, — добавил Гера, морщась от боли.

— Ну-ну, — подбодрила Милка, — и как же это вышло?

— Очень банально, — Макс затянулся сигаретой, — для начала мы сильно задолжали в прошлом году. Партнер выплатил нам рублями, а тут скакнул доллар. Оказались в минусе на пять миллионов деноминированных. Представляете?

— Не очень, — призналась Милка. — Я лично больше пяти «лимонов» старыми в руках не держала. Но это так, к слову. Значит, задолжали вы сильно. И пошли искать, у кого бы перезанять? ц» — Примерно так, — кивнул Макс. — Но кто даст кредит после дефолта? Все же сидели в яме практически... и — Короче, нам надо было либо закрываться, либо жулить, — сокрушенно сказал Гера. — Мы б эти пять миллионов, конечно, наскребли бы, но уже не смогли бы вести бизнес.

— В общем, нам посоветовали сходить к одному большому боссу, — с большой неохотой сказал Макс. — Хотя и предупредили, что у него есть связи с криминалом и бизнес не совсем чистый.

— Нам объяснили, что за кредит он потребует провести через нашу фирму кое-какие махинации, — добавил Гера.

— То есть вы знали, на что идете? — прищурилась Милка.

— Только частично. Конечно, и этого хватило бы на то, чтоб призадуматься. Если б сейчас пришлось выбирать, мы бы лучше закрылись и пошли в школу математику преподавать, чем ввязались бы в эту авантюру! — пылко заявил Макс. А тогда... Представляете? Мы уже пять лет фирму раскручивали, можно сказать, с нуля. Уже достигли чего-то, хотя в самом начале нас все начальники гоняли и футболили как хотели. Мальчишками считали. Но мы сумели подняться, и те же бонзы перед нами на задних лапках бегали, когда чего-нибудь спонсировать просили. Уже и образ жизни, и круг знакомств сложился. Мы себя людьми почувствовали! А тут из-за какого-то «киндер-сюрприза» — все прахом?! Знаете, как тошно?!

— Догадываюсь, — кивнула Милка. — Стало быть, решили вы, что надо, блин, поступиться принципами ради высокой цели — продления жизни вашей конторы.

— Да, — кивнул Макс, — мы предполагали, что сумеем удержаться от того, чтоб нас с головой затащили в криминал.

— Ну да, — хмыкнул, не удержавшись. Таран, — разок сворует — а потом сразу же перестанем!

— Конечно, вы немного примитивизируете ситуацию, — кивнул Гера, — но в самом грубом приближении это было именно так.

— Кстати, а как звали босса, к которому вы обращались? — спросила Милка. Может, поделитесь секретиком?

— Его звали Соловьев Антон Борисович, — не моргнув глазом ответил Макс. По крайней мере, именно так он нам представлялся. Принял нас очень хорошо, без высокомерия, почти как равных. Сначала повел разговоры о том, что и у него бизнес идет сложно, что законодательство очень не развито, что приходится иной раз обходные пути искать...

— Но кредит дал, конечно? — подала голос Василиса.

— Я бы не называл это кредитом, — со вздохом произнес Гера. — Нам просто вбросили «черный нал» и попросили, мягко говоря, отмыть его... Пошла двойная бухгалтерия, фиктивные сделки... Короче, мы увязли по уши и даже глубже. Оказались в полной зависимости от этого господина Антона...

И Тарану, и Милке это словосочетание — «господин Антон» — показалось очень знакомым. Но они не стали опережать события.

— Он так все закрутил, — проворчал Макс, — что мы практически перестали заниматься нормальными делами и нормально платить налоги. Его нал стал для фирмы насущной необходимостью...

— Фигурально выражаясь, «на иглу сели», — оценила Милка. — Знакомое дело.

— Да, это очень точно отражает ситуацию. Но это еще не все. Соловьев настоял на том, чтоб мы включили его людей в руководство фирмы и создали в фирме отдел охраны — опять же из его кадров.

— В общем, вас из собственной фирмы стали выживать, так? — спросил Таран.

— Да, — кивнул Макс, — и нас бы выжили еще весной, если б с господином Антоном не приключилась какая-то оказия.

— С господином Антоном? — переспросили Таран и Милка в один голос, которые опять вспомнили господина с таким же именем. Какая оказия приключилась с тем Антоном, они примерно знали.

— С ним, болезным, — улыбнулся Макс. — Где-то в начале мая он куда-то исчез, и даже сейчас никто не знает куда. То ли сбежал за границу, то ли его похитили чеченцы, то ли конкуренты его где-то пристрелили. Версий много, но все вилами по воде писаны. Тем более что потом у них там еще немало событий произошло. Я, правда, слышал только краем уха, когда Контрабас напивался...

— Это кто? — поинтересовалась Милка.

— Тот, кого вы в кювет сбросили. По должности — начальник нашей охраны, а на самом деле — человек Антона. Теперь, правда, он нашел себе какого-то другого босса, я его два раза видел и один раз слышал, как Контрабас называл его Князем.

— А я слышал, как Контра звонил и спрашивал некоего Мещерского! — добавил Гера. — Возможно, это одно и то же лицо.

— Я в этом не уверен, — поспешил откреститься Макс. — Одно могу сказать точно: на брудершафт я с ним не пил. Так или иначе, но после пропажи Соловьева нас на некоторое время оставили в покое...

— Просто они там между собой отношения выясняли — предположил Гера. — Или с этим пройдохой из «Малекона» Виктором Сергеевичем... Фамилию позабыл!

— Колтуновым, что ли? — скромно подсказал Таран, теперь уже на 90 процентов уверенный в том, что господин Антон, которого «мамонты» похищали прошлой весной, и злодей Соловьев, совратитель невинных бизнесменов, — одна и та же морда.

— А вы знали Колтунова? — удивился Гера.

— Нет, я знал одну девушку из фирмы «Малекон», компьютерщицу. Аню Петерсон.

— Аню? — единодушно изумились бизнесмены. — Вот это да!

— Тесен мир! — добавил Макс.

— Вы знаете, — сообщил Гера, — нам Соловьев еще зимой предлагал переманить ее из «Малекона». Само собой, чтоб она потом на его фирму работала. Но она даже к нам уходить не согласилась, потому что ее, должно быть, предупредили. Очень щепетильная девушка!

Таран не стал спорить, хотя у него насчет Ани Петерсон остались совсем другие впечатления. Скорее всего они просто не сошлись в цене. Небось Соловьеву казалось, будто он сможет приобрести компьютерную богиню по дешевке, а Аня, которая и так прилично получала в «Малеконе», наверняка знала истинную цену своим мозгам. Вот и пришлось потом ее похищать. Для кого ее воровал Таран, Юрка и сам не знал, но зато знал, что после этого ее еще кто-то украл и отвез в «раболаторию», на подземный завод господина Антона. Оттуда Аню утащила боевая, группа капитана Ляпунова, куда входили, в частности, Милка, Топорик, а потом примкнул и Таран. Они же сперли и самого господина Антона, который в настоящее время по каким-то причинам свихнулся и находится в некоем спецмедучреждении, где весело пишет в штаны и поет детские песенки...

— Ладно, — сказала Милка, досадливо поморщившись, — покамест все это так, присказка. А про то, как вы около дачи оказались, рассказа еще не было. Давайте ближе к делу.

— Понимаете, — заторопился Гера, — это как-то связано со звонком Контрабаса Мещерскому. Буквально через пятнадцать минут после этого разговора Контра сказал, что имеет ко мне маленькую просьбу. Дескать, ему нужна моя машина на пару дней. Когда я спросил, зачем, он ответил какую-то ерунду, но намекнул, что если я откажу ему в этой просьбе, то могу испортить жизнь не только себе, но и детям. Вы знаете, у меня их двое, мальчик и девочка, четыре и три годика. А Контрабас — выродок и подонок, он на все способен. В общем, я одолжил ему «Форд-Эскорт» с доверенностью. Дело было в пятницу, а в воскресенье вечером он приехал ко мне и говорит: «Если хочешь, чтоб все было нормально, завтра с утра приезжай по такому-то адресу, вставай там-то и там-то. Ну, и Макса с собой возьми. Делать ничего не надо, только сидите в машине и, если надо выйти, — выходите по одному, а второй должен оставаться в салоне. Со мной будешь связь держать по рации... Но учти, мы будем наблюдать за вами. Если что не так — детьми ответишь». В общем, мы согласились...

— Остальное вы, наверно, сами видели, — добавил Макс.

— То есть вы поехали выполнять их задание, толком не зная, зачем все это нужно? — спросила Милка.

— Абсолютно.

— И задачей вы по-настоящему вообще не наблюдали?

— Нет! — мотнул головой Макс. — Просто сидели, курили, потом Гера в магазин сходил, купил «Кока-колу», батон, полкило колбасы — немного перекусили. Ну а вечером Контрабас скомандовал: «Уезжайте! Если кто погонится — жмите от Москвы, а мы вас поддержим, если что...»

— Вот и поддержали... — вздохнула Милка, будто ей было жалко тех, кого они с Тараном расстреляли в джипе.

ОЖИДАНИЕ ЗАВЕРШИЛОСЬ

Весь день, с момента пробуждения в подвальной камере, Манулов провел в ожидании того, что кто-нибудь придет и объяснит, по какой причине он тут находится. Ясно ведь, что его держат в заточении не из чистого хулиганства, хотя в сумасбродной постсоветской России нельзя, наверное, и исключать такого варианта.

Манулов, конечно, насчет хулиганства размышлял чисто теоретически. Наиболее вероятной целью похищения он считал, естественно, получение выкупа. Ясно, что радоваться и в этом случае особо не приходилось, но тут, по крайней мере, все было просто и понятно: деньги в обмен на жизнь — нормальная коммерческая сделка. Поэтому Павел Николаевич ожидал, что придут какие-нибудь представители и популярно объяснят, какая сумма устроит похитителей. Еще перед поездкой в Россию Манулов застраховался от возможного похищения на сумму в 10 миллионов долларов. Иначе говоря, страховая компания, которой он заплатил 100 тысяч баксов, обязывалась выплатить 100-кратную сумму потенциальным похитителям. При этом, если похитители не запросят максимальную сумму, например, не 10 миллионов, а всего пять, то разницу компания должна была выплатить самому Манулову. Так что, при определенных условиях, Павел Николаевич мог еще и подзаработать на своем несчастье.

Правда, его беспокоил уровень цивилизованности тех, к кому он угодил. Судя по обстановке камеры, это были не очень богатые люди, а стало быть, скорее всего грубые и некультурные. Они могут начать с того, что отдубасят его, еще не поставив никаких условий, просто для острастки, чтоб клиент был посговорчивей. Цивилизованные люди сперва ставят условия, а уж потом бьют. Кроме того, Манулов сильно опасался, не угодил ли он невзначай в Чечню. Там народ сильно непредсказуемый, руководствующийся эмоциями даже в большей степени, чем русские. При этом никогда слов на ветер не бросают. Если ты услышал от русского: «Я тебе яйца оторву!», это, как правило, не следует понимать буквально. А вот если чеченец так сказал, то обязательно сдержит обещание.

Час проходил за часом, а Мануловым никто не интересовался. И условий никаких не предъявляли, и, что более существенно, есть не давали, будто борову, которого вскоре предстояло зарезать. Возможно, при возрасте и комплекции Павла Николаевича подобное голодание было даже полезно, но он этого мнения не разделял, потому что привык не ограничивать себя в еде.

Между тем замазанное окно под потолком камеры стало светиться все тусклее, а потом и вовсе померкло. Зато зажглась тусклая лампочка под потолком. Веселее от нее не стало, свет все время лез в глаза, а потому все попытки Манулова задремать и хоть как-то скоротать вялотекущее время оказались тщетными. Гасить лампу на ночь никто не собирался, а выключатель находился где-то за дверью одиночки. Павел Николаевич даже подумывал, а не запустить ли в нее чем-нибудь, но все же пришел к выводу, что лучше этого не делать. Еще настучат по мордасам — совсем хорошо станет... И так: жрать нечего, воды нет, курева нет, да еще и свет в лицо — не заснешь. Остается только тихо выть любимую песню своей молодости: «Таганка, все ночи, полные огня...» Очень актуально!

Именно этим и занимался Манулов, лежа на койке, когда резко щелкнул отпираемый замок, и в камеру вошли трое в черных вязаных масках. Павел Николаевич испуганно сел на своей койке. От этой тройки, одетой в спортивные костюмы и крепкие футбольные бутсы, ничего приятного ждать не приходилось. Накормить они могли только пинками.

Без долгих рассуждений — молодцы даже словечка не проронили! — они закрутили Манулову руки за спину и скрепили их там наручниками. А на голову надели что-то вроде мешочка из плотной ткани, через который даже свет лампочки почти не просматривался. Потом взяли под локти и повели куда-то.

Манулов не упирался, не кричал и не требовал адвоката. Во-первых, прекрасно понимал, что тут все это бесполезно и даже вредно, потому что могут и морду начистить, а во-вторых, потому что не хотел выглядеть наивным и смешным в глазах похитителей.

Судя по всему, из камеры его вывели в довольно длинный коридор с твердым, не то бетонным, не то асфальтовым полом, где каждый шаг отдавался звенящим гулом. Даже в тех самых мягких и легких полуботинках за 250 баксов, в которые был обут Манулов. Шнурков похитители не вернули, и, чтоб не по терять обувь, Павлу Николаевичу пришлось шаркать ногами по полу.

Вообще-то, пару раз Манулову приходили в голову не самые веселые мысли. Например, о том, что его, быть может, вы— Я вели на расстрел. Вот сейчас останутся те двое, что держат под руки, а третий — ведь он зачем-то нужен, этот третий! — выстрелит «мистеру Полу» в затылок. А потом спихнут в яму и зальют цементом — вот и все. Это ж Россия, тут могут убить, ничего не объясняя...

Однако эти мыслишки были подобны льдинкам, брошенным за воротник. Обжигали холодом, но быстро таяли. Неужели для того, чтоб просто убить его, нужно было похищать, куда-то увозить, держать целые сутки в камере? Нелепо. Если похитителям требовался мертвый Манулов, проще было пристрелить его на месте. Если им почему-либо не хотелось, чтоб об этом сразу узнали, то стоило убить его сразу же, еще утром, а не волынить до вечера.

Худшие предположения, слава богу, не оправдались. Манулова втащили в лифт, и кабина начала куда-то подниматься. Продюсеру показалось, что происходит это слишком долго. Черт побери, куда же он попал? Уж не на Лубянку ли, не к ночи будь помянута? Больно высоко поднимают...

Радоваться или печалиться по поводу такого варианта? Павел Николаевич не имел однозначного мнения. С ФСБ, конечно, куда приятнее иметь дело, чем с каким-нибудь блатным паханом или чеченским полевым командиром. План по разоблачению шпионов и врагов народа чекисты уже давно не получают, мордобоем, как правило, в отличие от ментов не занимаются. Ничего конкретного против Манулова лично у них нет и быть не может. Или все-таки они что-то раскопали? Ведь тот, кто санкционировал его задержание, если он не полный идиот, должен был что-то иметь на руках. Задержать гражданина США без достаточных оснований это большой риск для служивого. Значит, основания были.

Может, это Вредлинский настучал с перепугу? Напугался, когда его друг Паша пристращал после инцидента с визитной карточкой и поездки Василисы в областной центр, и побежал с повинной. Но что он мог рассказать? О клубе «Русский Гамлет»? Это не криминал. Нет в российском законодательстве статьи, запрещающей деятельность масонских организаций. И нет достаточных оснований для того, чтоб рассматривать «Гамлет» как нечто подпадающее под признаки статьи 239 УК-97 «Организация объединения, посягающего на личность и права граждан». Никакого насилия, вреда здоровью и побуждения граждан к отказу от исполнения ими своих гражданских обязанностей отыскать не удастся. А угрозы убийством без свидетелей вообще доказать невозможно. Конечно, сгоряча Манулов упомянул о том, что имеет денежные интересы в области. Но не сказал ведь, какие конкретно! Может, он просто решил в городе киноцентр оборудовать с новейшей аппаратурой «Долби-стерео»? Поди докажи, что он интересовался 14-м цехом в поселке Советский. Конечно, комитетчики могли случайно выйти на Негошева, который собирался встретиться с ныне покойным Борисом Витальевичем Евсеевым, но ничего криминального в самом факте этой встречи не найдешь даже с микроскопом. Если, конечно, Негошев почему-либо не раскололся целиком и полностью. Но неужели он круглый идиот или предатель? В идиотизме его подозревать сложно, а вероятность предательства была совсем мизерной. Чем его могли перекупить нищие эфэсбэшники? Уж во всяком случае, на то, чтоб предложить ему сумму, адекватную комиссионным за сделку с Евсеевым, не хватило бы всего бюджета областного управления

на год вперед.

Нет, ФСБ Манулов по большому счету не опасался. Гораздо опаснее другое. Не дай бог, если о кратковременном пребывании Манулова в стенах этого ведомства узнают те, кто сделал на него ставки. Даже если не будет никаких доказательств того, что мистер Пол сотрудничал с бывшим Комитетом, его в лучшем случае отодвинут в сторону, а в худшем — уберут...

Лифт остановился, конвоиры буквально вынесли Павла Николаевича из кабины и повели дальше. Теперь под ногами явно был деревянный пол, даже скорее всего слегка поскрипывавший паркет.

Вели минуты полторы, раза три сменив направление, затем щелкнул замок какой-то двери, и Манулов услышал тихое жужжание компьютеров (точнее, вентиляторов, охлаждающих процессоры). Затем Павла Николаевича усадили на некое кресло и пристегнули руки к подлокотникам эластичными ремешками. Туловище тоже зафиксировали, а затем развернули кресло на 180 градусов. После этого сняли с головы мешок, и на несколько секунд Манулов увидел пупырчатую стену, покрашенную лилово-серой краской. Больше ничего разглядеть не удалось, потому что откуда-то сверху ему на голову опустили не то колпак, не то шлем, судя по всему, соединенный с подголовником кресла. Снизу под подбородок подвели какую-то жесткую пластину, которая не позволяла опустить голову и посмотреть вниз. Кроме того, с боков, уже внутри шлема, голову зафиксировали некими полуобручами. В довершение через отверстия в шлеме прямо в уши Манулова просунули нечто вроде ушных затычек, отчего он намертво оглох и мог теперь воспринимать мир только с помощью осязания, обоняния и вкуса.

Вся эта процедура, конечно, вызвала у Павла Николаевича не то чтобы беспокойство, а настоящий страх. Нет, он не боялся, что сейчас на шлем подадут напряжение в миллион вольт. Манулов жил в стране, где изобрели электрический стул, и хорошо знал, что для обыкновенного человекоубийства употребляется значительно более простая конструкция. К тому же от приговоренного к смерти обычно не скрывают окружающую обстановку. Глаза завязывают лишь из соображений гуманности, а уши не затыкают вовсе.

Внезапно Манулова что-то больно укололо в предплечье. Инъекция! Ему сделали какую-то инъекцию! Снотворное? Яд? Психотропный препарат? Может быть, тот самый, технологию производства которого он вознамерился купить? Или все-таки яд? В некоторых штатах смертную казнь осуществляют путем инъекций. Может быть, его привезли в ту самую секретную лабораторию 14-го цеха? Нет, не может быть! Зачем убивать человека, если он еще не заплатил за «ноу-хау»?! Вот если б Павел Николаевич уже перевел деньги тем, чьи интересы представлял Евсеев, тогда еще понятно...

И все же Манулов сильно испугался. Так, что даже слова сказать не мог в течение всех этих таинственных действий. Он не смерти страшился, он боялся неведомого. Нечто похожее он видел во множестве голливудских фильмов, в «Газонокосильщике», например, но тут-то наяву... Неужели здесь, в «стране дураков», несмотря на полный развал науки и техники, изобрели что-то новое? Кому это удалось, за чей счет, кто разрешил, наконец?!

Манулов, конечно, был далек от фундаментальной и вообще от всякой науки, но не был наивным человеком. Он знал, что почти весь научный потенциал России и бывшего СССР был взят под контроль ЦРУ и фонда Сороса. Программа предоставления грантов, предложенная последним, заставляла ученых, ставших нищими после «шоковой терапии» Гайдара, за мизерные суммы выкладывать на стол свои самые перспективные открытия и изобретения. Их тщательно изучали специалисты лучших научных центров США и отбирали то, что нуждается в особом внимании. Затем начался массированный вывоз из бывшего СССР наиболее талантливых и одаренных ученых. Сотнями тысяч! И главное — по дешевке!

Западу необыкновенно повезло, что СССР, создавший огромный научно-технический потенциал, использовал его с эффективностью, равной КПД паровоза. Обыватель видел огромные ракеты, сверхскоростные самолеты, танки, подлодки, догадывался, какие миллионы и миллиарды они стоили, и шипел от злости: мол, колбасы приличной не найдешь, а за неприличной надо очередь отстоять. И ученых считал зажавшимися ничегонеделателями. Он и не догадывался, сколько весьма полезных с его, чисто обывательской, точки зрения научных открытий, изобретений и разработок оказалось отложенными в долгий ящик, не внедренными в производство или не запущенными в серию. А еще больше было идей, которые не были реализованы из-за того, что работы по данным темам оказались приостановлены, закрыты или перепрофилированы. Причиной тому отнюдь не всегда служила косность и малограмотность чиновников — у них, слава богу, имелся весьма солидный штат консультантов и экспертов! И даже неповоротливость руководителей производства, которые якобы не желали внедрять новые технологии, потому что это мешало им выполнять план, тоже не определяла, будет производиться та или иная новинка. Потому что, если этим товарищам говорили: «Надо!», они горы сворачивали в точно установленные партией сроки. Главное зло составляли соперничество, зависть, интриги и элементарное шкурничество научных «школ», возглавляемых авторитетами от науки.

Строго говоря, эти самые «школы» были своего рода «научными мафиями». Конечно, все эти милые, тихие, улыбчивые и дружелюбные интеллектуалы не дубасили друг друга кулаками, не резали глотки и не мочили конкурентов в сортире. Но обыкновенное перо в их отнюдь не мускулистых ручонках было не менее грозным оружием, чем «перо» в руках бандита-громилы. Полемические статьи трансформировались в политические, а политические — в доносы. К ученым спорам естественников подключались гуманитарии, которые, будто средневековые схоласты Священное Писание, примешивали к делу квази-марксистско-ленинскую методологию и убедительно доказывали, надергав цитат откуда ни попадя, что с ее точки зрения того, что предполагает оппонент, не может быть, потому что не может быть никогда. Каждый аспирант, угодивший по воле судеб под крыло той или иной научной «школы», должен был волей-неволей придерживаться представлений и мнений того академического авторитета, который в ней господствовал. Это до некоторой степени гарантировало успешную защиту, прилич-/ное распределение. Хуже всего приходилось тем, кто имел свое мнение, не принадлежавшее ни к одной из устоявшихся школ, кто не умел подлаживаться и подмазываться. Пробыть свою тему, доказать свою правоту, переорать слаженный хор голосов, выступающих «против», удавалось лишь немногим...

Но именно такие ребята и создавали то, что не просто «расширяло горизонты науки», а прорывалось «за горизонт». Как те, что получили препарат под шифром «331», за которым охотился Манулов.

ВИРТУАЛЬНАЯ ВСТРЕЧА

Темнота и тишина для Манулова закончились внезапно. Сперва он услышал некое ритмическое щелканье в ушах, похожее по звуку на метроном. Павел Николаевич мгновенно сообразил, что в уши ему пристроили не затычки, а что-то вроде наушников от слухового аппарата. А еще через секунду тьму, стоявшую у Манулова перед глазами, перерезала тонкая вертикальная полоса бледно-розового света. Потом в течение нескольких мгновений эта полоса расширилась вправо и влево, так что все поле зрения Павла Николаевича заполнила светящаяся бледно-розовая муть. С первых же секунд Манулов стал воспринимать ее как некий туман, подсвеченный не то восходящим, не то заходящим солнцем. Этот туман как бы проплывал мимо Павла Николаевича, обтекая его справа и

слева. Примерно спустя минуту появилась иллюзия, будто это не туман струится ему навстречу, а сам Манулов каким-то образом движется через туман.

Некоторое время «мистер Пол» еще отдавал себе отчет, что это именно иллюзия, и помнил, что накрепко зафиксирован в кресле, а потому никуда двигаться не может. Однако с каждой секундой ощущение иллюзорности движения угасало, а память о своем реальном положении притуплялась. Тем не менее Манулов еще успел отметить это обстоятельство и даже предположить, что оно является следствием инъекции. Видимо, ему ввели какой-то препарат, полностью отключающий внешнюю сенсорную систему. Теперь Манулов постепенно перемещался в искусственную реальность, быстро утрачивая восприятие своего истинного положения. Он перестал ощущать присутствие фиксирующих ремешков, кресла, шлема, наушников и всего остального. Если первое время Манулов видел туман только прямо перед собой и отчетливо сознавал, что не может ни поднять, ни опустить, ни повернуть голову, то через некий промежуток времени ему стало казаться, будто он совершенно свободен в движениях. Более того, он стал видеть сквозь пелену тумана свое туловище, руки и ноги. Правда, поначалу очень расплывчато и зыбко.

Сколько времени Павел Николаевич шел через розовый туман, неизвестно. Дело даже не в том, что на его виртуальных руках не было часов. Он просто-напросто утратил представление о времени. Сначала пытался считать щелчки «метронома» в ушах, принимая интервал между щелчками за одну секунду, но быстро сбился. Потом ему стало казаться, будто интервалы между щелчками вообще неодинаковы.

Так или иначе, но через какое-то время — через пять минут или через полчаса, может быть, туман стал быстро рассеиваться, и Манулов обнаружил, что находится в некоем коридоре прямоугольного сечения, с гладкими, светящимися красноватым светом стенками, полом и потолком. Впереди, в дальнем конце коридора, долгое время — так показалось Манулову — была сплошная темень. Павлу Николаевичу почудилось, будто он прошел не менее километра, прежде чем увидел, как из тьмы выделилось некое продолговатое, голубовато-белое, вертикальное пятнышко и начало приближаться, быстро увеличиваясь в размерах. Очень скоро стало ясно, что это человеческая фигура или человекообразная, по крайней мере, то есть прямоходящая, с головой, руками и ногами. На первых порах очертания фигуры выглядели размытыми, и больше всего она походила на привидение, по крайней мере такое, какими их изображают в фильмах ужасов. Кроме того, Манулову на досуге не раз доводилось играть в компьютерные игры, и похожие фигуры он видел в «Doom» или других подобных трехмерных стрелялках.

По мере того, как фигура приближалась к Павлу Николаевичу, он чувствовал неуклонно нарастающий, хотя и совершенно безотчетный страх, примерно такой, какой бывает у маленьких детей перед темной комнатой. Между тем с каждым мгновением очертания голубовато-белой фигуры становились все более четкими, просматривались все новые, более мелкие детали, ощущалось, что фигура трехмерна. Когда от Манулова до фигуры оставалось, условно говоря, 20 метров по крайней мере, в пропорции к росту «мистера Пола», ибо каков его реальный рост в виртуальном мире, Павел Николаевич не знал, — стало отчетливо видно, что это не двуногий монстр, не инопланетянин, а в самом худшем случае призрак земного человека. Кажется, с бородой и в очках.

Вообще-то Манулов не верил в призраков, поскольку, как старый киношник, знакомый к тому же с современными компьютерными спецэффектами, хорошо знал, что в нынешние времена можно создать любой, самый фантастический образ и на большом экране, и на мониторе компьютера. Но рациональное мироощущение отступало перед тем подсознательным страхом, который нагоняла на Павла Николаевича таинственная фигура. Тем не менее он продолжал идти ей навстречу как замороженный, несмотря на то, что вроде бы управлял теми виртуальными конечностями, которые видел не то глазами, не то мозгом напрямую.

— Стой! — приказала фигура, когда Манулов приблизился к ней на расстояние около трех метров. Это был первый членораздельный звук, который Павел Николаевич услышал через наушники, метроном сразу же стих.

Манулов остановился, и в этот момент фигура переменялась, голубовато-белое свечение и расплывчатость очертаний окончательно исчезли, четко обозначились черты лица, само лицо, волосы и борода приобрели естественный цвет. Стало видно, что бородач одет в серый костюм и рубашку с галстуком. Даже фактура ткани хорошо различалась.

В следующее мгновение что-то мигнуло, примерно так, как на киноэкране, когда меняется кадр, и красноватый коридор исчез, а вместо него возник интерьер какого-то кабинета или даже камеры для допросов, где виртуальный бородач восседал за столом, а Манулов — на стуле, посреди комнаты, как подследственный в фильмах про НКВД или гестапо. Господи, это явь, что ли? Какие-то воспоминания о том, что его погрузили в виртуальный мир, у Павла Николаевича еще сохранились, но очень смутные.

— Не бойтесь, гражданин Манулов, — произнес бородач. — Сохраняйте спокойствие и хладнокровие. В вашем возрасте уже вреден избыток адреналина.

— Может быть, вы объясните мне, что происходит? — спросил Павел Николаевич, отнюдь не перестав волноваться. — Хотя бы кто меня похитил и почему? По-моему, все похитители чего-то хотят от своих жертв...

— Наверно, вы полагаете, что я собираюсь требовать выкуп? — осклабился бородач. — Нет, я не нуждаюсь в лишних деньгах. А у вас их просто нет. То есть кое-какие суммы, и даже внушительные, на ваших счетах еще лежат, но они не менее виртуальны, чем то, что вы видите вокруг себя. Вы наделали долгов, Павел Николаевич, и пошли ва-банк. Но уже проиграли, и вскоре кредиторы обдерут вас как липку.

— Если бы вы не похитили меня, то у меня были шансы перенести сроки расчетов! — зло произнес Манулов.

— Вы имеете в виду тот обнадеживающий «e-mail» из Нью-Йорка, который получили накануне? — ехидно произнес бородач. — Спешу вас разочаровать: его организовал я, чтоб иметь возможность объяснить ваше отсутствие на заседании клуба «Русский Гамлет».

— Я отменил заседание... — ответил магистр-председатель. Он уже понял, что имеет дело с человеком, который просветил его жизнь как рентгеном.

— И правильно поступили, — одобрил собеседник. — Без вас вся эта масонская забегаловка — просто карнавал пустобрехов. По крайней мере на данном этапе. В самой Калифорнии, надо думать, сидят более серьезные и деловые люди, а вот российский филиал пока еще сыроват. Зачем вы потащили туда бедолагу Вредлинского и еще с десятков подобного рода творческих импотентов? Зачем набрали какую-то чиновную шпану — третьестепенных министерских клерков, а также шелупонь от бизнеса — бывших комсомольцев, кое-как раскрутившихся в эпоху ускоренной «прихватизации», а затем севших на мель после дефолта? Вам разве это заказывали, Манулов?

«Он чекист! — встревоженно подумал Павел Николаевич. — Прекрасно осведомленный и в чине не менее чем генерал-майора. Но куда он клонит? Такое впечатление, что набивается в долю! Ой, Паша, держи ухо востро!»

— Мне никто и ничего не заказывал, — попытался возразить Манулов. — Клуб формировался сам по себе...

— Сами по себе даже сосульки с крыш не падают, — улыбнулся бородач. Денежки, которые

вы взяли у нью-йоркских банкиров под гарантии ваших калифорнийских «братьев», должны были пойти на создание качественно иного «Гамлета» — по-настоящему мощной, хорошо законспирированной, глубоко разветвленной организации, способной влиять на крупномасштабные события российской экономики и политики. А вы создали нечто похожее на «Рога и копыта» — для отмаза. Верно?

— Вам виднее, — желчно ответил Манулов, чувствуя, что этот тип знает о своем собеседнике всю подноготную.

— Да, нам виднее, — без ложной скромности подтвердил бородач. — Потому что у вас были свои планы, дерзкие, даже безумные, но вместе с тем, как ни странно, вполне продуманные. Во всяком случае, по сравнению с вашей сводной кузиной, у которой возникли аналогичные идеи, ваши наметки выглядели более реалистичными. И потому, как это ни печально сознавать, более опасными.

— Я не знаю никакой сводной кузины, — пробормотал Манулов, — и вообще не понимаю, о каких «наметках» вы говорите.

— Оставим пока в стороне вопрос о кузине, хотя именно она мечтала подставить вас под удар, убрав Вредлинского. А вот о наметках, точнее о достаточно серьезно разработанном и приведенном в действие плане захвата власти в России, мне просто не терпится вам рассказать. Как и о том, почему он провалился и никогда не будет осуществлен.

— С детства любил слушать фантастические истории! — саркастически воскликнул Павел Николаевич. Но в душе он уже отдавал себе отчет в том, что вся его задумка закончилась крахом. Теперь оставалось лишь выслушать то, что нарыл этот старый чекист со своими подручными, и понять, что теперь грозит «мистеру Полу». Отправка в иностранную зону на территории республики Мордовии, где придется лет десять отсидеть в обществе нигерийцев, вьетнамцев, афганцев и прочей «высококультурной» публики? В принципе это еще неплохо. Можно выйти на свободу с чистой совестью, вернуться в российское подданство и пойти собирать бутылки на ближайшую свалку. Конечно, если в 72 года это будет еще возможно и здоровье к этому времени не претерпит необратимых изменений...

Гораздо хуже получится, если насквозь гуманное и демократическое российское правительство вернет американского гражданина по месту жительства. Возможно, что кто-нибудь из кредиторов, ознакомившись с сопроводителькой, написанной под диктовку этого бородатого чекиста — если он, конечно, существует не только в виртуальном, но и в реальном мире, — не пожалеет 100 тысяч баксов, чтоб Манулова выпустили под залог. Но сделает он это лишь с одной целью пустить с молотка все имущество «мистера Пола», раздеть его догола и выбросить в бомжатник клатинос и ниггерам. Впрочем, не исключено, что поступят и более круто. Растворят в серной кислоте, сожгут в печи для экологически чистой переработки мусора...

Тем временем Борода — Манулов именно так про себя обозвал собеседника начал излагать свои данные о задумках Павла Николаевича:

— Я не буду подвергать критике ваши представления о своем происхождении, хотя есть основания сомневаться в том, что с вашей подачи сочинил господин Вредлинский. Так же, как и версию о том, что Александр III был отравлен по наущению императрицы Марии Федоровны ядом, изготовленным предками нынешнего кинорежиссера Георгия Петровича Крикухи. Во-первых, там еще не все ясно, а во-вторых — это не имеет прямого отношения к тому, что вы затеяли.

— Рад, что вы на меня не повесили это дело, — выжал улыбку Манулов.

— Утешайтесь этим, — жестко сказал Борода. — Ибо все остальное ничем вас не утешит.

Итак, весной прошлого года некий Петр Петрович Негошев, специализирующийся на посредничестве между наркодельцами разных стран, принес вам на хвосте ошеломляющую новость о том, что где-то в родной, но распроклятой и варварской России изобрели некий препарат, сулящий сверхсумасшедшие прибыли.

— Я не занимаюсь торговлей наркотиками! — быстро открестился Павел Николаевич.

— Тем не менее Негошев обратился именно к вам. И когда вам стало ясно, о каком препарате идет речь, вы уполномочили Негошева вести переговоры с неким Дядей Вовой, возглавлявшим криминал в хорошо известной вам губернии. Правда, переговоры эти сильно затянулись. Дядя Вова вел переговоры не только с вами, но и еще с несколькими партнерами, а затем, как это ни печально, пал жертвой роковой случайности, от которой в блатном мире никто не застрахован...

— Его убили ваши люди?! — Манулов понимал, что терять ему уже нечего, и не боялся задавать нахальные вопросы.

— Не буду ни подтверждать, ни опровергать ваши предположения, — осклабился Борода. — Не скрою, что уход Дяди Вовы из большого бизнеса меня очень устроил. А вас, напротив, разочаровал. Тем более что именно в то время у вас более-менее четко оформилась идея сесть на Руси царем. Правда, осенью прошлого года главные надежды вы стали связывать не с препаратом, а с иным спецсредством, о котором вам намекнул ваш новый знакомый господин Антон Соловьев. Речь шла о так называемом нейролингвистическом программировании. Правда, сам господин Соловьев не соображал в этом ни уха ни рыла. Ему наскоро объяснили общие принципы такого рода воздействий на психику, а он, ничтоже сумняшеся, решил поискать компаньонов, ибо сильно поиздержался в период после 17 августа. В качестве возможных партнеров он рассматривал не только вас, но и некоего господина Мещерского (он же Мизевецкий), бывшего сотрудника моего старого, но не очень хорошего знакомого по фамилии Куракин. Надо сказать, что на тот момент эти господа очень близко подошли к обладанию препаратом, ибо нащупали связь с преемником Дяди Вовы, которого лучшие друзья знали под кличкой «Трехпалый». Увы, опять вкралась досадная случайность, и Трехпалый потерял возможность как-либо влиять на события. Это случилось минувшей зимой, когда люди, которым вы заплатили при посредстве Соловьева, попытались выкрасть принципиально новые нейролингвистические программы, разработанные одной милой девушкой под руководством более опытного и талантливого товарища. К сожалению, этого товарища нам уберечь не удалось, но программы к вам не попали. Насчет того, что программы конструировала девушка, вы узнали только через несколько месяцев. И вам даже удалось ее похитить.

— Я абсолютно не в курсе того, о чем вы говорите! — заявил Манулов тоном оскорбленной невинности.

— Да, — хмыкнул Борода, — согласно конституции США никого нельзя принуждать давать показания против самого себя. Я тоже не стану этого делать, тем более что мне нет нужды что-либо доказывать.

Павлу Николаевичу резко поплохело. И посадка на мордовскую инзону, и даже возвращение в Америку стали ему казаться чем-то вроде прекрасной, но несбыточной мечты. Борода, возможно, и состоял когда-то на госслужбе, но сейчас явно не был связан с российским законодательством. А это означало, что он поступит с Мануловым так, как ему это будет удобно.

— Идея, которую вы пытались осуществить, была проста, как юбка на крестьянке, — осклабился Борода. — Состряпать с помощью Вредлинского и Крикухи более-менее приличный фильм о судьбе Александра III и Николая II и вмонтировать в него несколько

нейролингвистических программ, разработанных той самой приятной девушкой, от которой вы нынче отрещиваетесь. Действительно, сейчас этой девушки у вас под рукой нет, но вы нашли нескольких программистов, которые попытались разобраться в ее антихакерских разработках. К сожалению, они потратят время зря, а при особом усердии приобретут психические расстройства, ибо нейролингвистическая компонента в этих программах как раз на то и рассчитана, чтобы знаковые комбинации, проникая в память хакера — не в компьютер, а непосредственно в мозг! — создавали устойчивые связи между знаками и образами, звуками, болевыми центрами и так далее. Грубо говоря, эти комбинации подобны хорошо известной: «тройка — семерка — туз», от которой свихнулся пушкинский Германн.

— Значит, меня надули с вашей помощью?

— Конечно! — улыбнулся Борода.

ПРОСВЕЩЕНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

— Более того, могу вас еще больше «ущекотить», — продолжал Борода, радуясь произведенному впечатлению. — Препарат, который вы ищете, был изобретен при моем непосредственном участии. Он действительно обладает рядом весьма неординарных свойств, но, к сожалению, до сих пор недостаточно изучен. Технологический пакет, который вам собирался продать Евсеев, — это подстава. Сам Евсеев, царствие ему небесное, об этом ни черта не знал. Ему втюхали рецепт производства одной из самых первых, очень опасных модификаций. Хотя после первой инъекции самостоятельность субъекта сводится к нулю и он беспрекословно подчиняется командам, примерно через пять-шесть часов наступает нечто вроде депрессии, когда субъект отключается от внешних восприятий и вообще не воспринимает никаких слов. Еще через пару часов эта депрессия переходит в крайне агрессивное состояние, когда субъект все крушит и готов разорвать любого себе подобного — этот аффект мы называем «берсерк», по аналогии с тем состоянием, в которое впадали некоторые древние викинги. Согласитесь, что приобрести эту модификацию препарата не менее опасно, чем поставить себе в автомобиль радиомину и подключить ее взрыватель к мобильному телефону.

— Значит, вы использовали Евсеева, а потом его убрали? Василиса была вашим агентом?

— Увы, нет. Тут, как часто бывает, вмешался случай. Стаса и Василису вы сами выбрали, для того чтоб шпионить за своим старым другом Вредлинским. Стас вообще был вне поля нашего зрения, а Василису мы знали, потому что она работала сперва у главы фирмы «Малекон» господина Колтунова, а потом у одного старого кавказского авторитета по имени Магомад. Колтунова весной этого года взорвали на одном из пустырей известного вам облцентра, а Магомад по не зависящей от нас причине потерял рассудок. Пытаемся его вылечить, но пока ничего не выходит.

— Василису мне рекомендовал Негошев! — не сумел сдержаться Павел Николаевич. — Так вот кто вас обо всем информировал!

— Это ваши личные выводы, — усмехнулся Борода. — У нас иная информация на этот счет. Негошев действительно имел в прошлом контакты и с Колтуновым и с Магомадом, мы о них знали. Но Василиса к этим делам никакого отношения не имела. Никаких особых обязанностей на нее не возлагали, разве что в бане спинку потереть. Послушная, исполнительная и безотказная девочка.

— Тем не менее она стащила у Вредлинского мою визитную карточку! И у нее откуда-то

появился телефон Евсеева, которого не было даже у Вредлинского!

— На самом деле все происходило так, — досадливо поморщившись, произнес Борода. — Негошев, который во исполнение вашего поручения вел переговоры с Евсеевым, почуял за собой слежку. Не нашу, а людей некоего Гната, он же Гнатюк Петр Тарасович, старого друга господина Мещерского, о котором я имел честь вам докладывать. Причем Негошев случайно высмотрел и самого Гнатюка, обнаружив, надо думать, к собственному ужасу, что Гнат живет рядом с ним в 511-м номере гостиницы «Турист». Видимо, и Гнатюк догадался, что сосед к нему присмотрелся, и демонстративно «выехал» из гостиницы, чтоб усыпить бдительность Негошева. На самом деле он вскоре вернулся в гостиницу, пользуясь благосклонностью одной из дежурных по этажу, соврав, что, мол, случайно опоздал на поезд и не хочет лишний раз переоформляться на одни сутки, обещав, что заплатит лично дежурной. У него был свой ключ от номера, изготовленный по слепку, и номер числился пустым...

— Ну, а при чем тут Василиса? — недоуменно пробормотал Манулов.

— Не спешите, — строго сказал бородач, — и до нее дойдет. Так вот, Гнат, обеспечив себе алиби, решил тихо ликвидировать конкурента. Пролезть через нижнее отделение стенного шкафа, встроенного в общий проем — для этого требовалось только фанерку вынуть, — а затем выстрелить в Негошева иглой с ядом. Но дружки Гната обломили, не пришли на условленное место, и он остался без авторучки, стреляющей ядовитыми иглами. Опасаясь ждать еще сутки, Петро Тарасович решил просто придушить своего тезку подушкой. В том, что это у него получится, Гнат не сомневался. Он был килограмм на двадцать тяжелее и намного здоровее физически. Однако пан Гнатюк не учел, что Негошев спит чутко и имеет на вооружении баллончик с очень крепким парализантом. Опять же Петро Тарасович решил загодя выдавить фанерку между шкафами, а Петр Петрович это заметил. В общем, когда Гнат сунул голову в обувное отделение шкафа, Негошев его встретил струей газа и вырубил на двадцать минут. После этого он очень быстро сориентировался, перебрался в 511-й, затащил Гнатюка в ванну, раздел догола и перерезал глотку опасной бритвой. Тот, как видно, так и не успел очухаться. Налил в ванну горячей воды, протер бритву, а потом бросил в воду. Потом, выйдя из санузла, при помощи проволоки закрыл задвижку двери как бы изнутри, чтоб придать смерти вид самоубийства. Но все же чуть-чуть прокололся: в горячих не заметил, что там, в ванной, у Гнатюка в стаканчике стояла безопасная бритва. И пол протер, потому что боялся оставить свои следы. Вообще-то, милиция этим обстоятельствам значения не придавала, но Петр Петрович о них вспомнил и заволновался... Из гостиницы выехал, едва дождавшись утра, и начал мотаться по городу как неприкаянный. Наконец, он сел на первый попавшийся поезд и уехал в Москву. Там он спрятался на квартире, о наличии которой вы не знали, и чуть-чуть перевел дух...

— А потом решил позвонить Василисе? — догадался Манулов.

— Совершенно верно! Вы, конечно, удивлены, что он не позвонил напрямую вам, но у него на то были два довольно убедительных соображения. Первое: он не знал, какие возможности у соратников того человека, которого отправил на тот свет, и всерьез опасался, что они прослушивают телефон Ма-нулова в Москве. Второе: Негошев опасался сообщать вам о том, в какую ситуацию угодил. И, думается, справедливо опасался, потому что вести дела в губернии через гражданина, совершившего убийство, крайне неосмотрительно.

— Но он же имел и другие возможности связаться со мной... — помрачнел Манулов.

— Имел, но это были опосредованные связи. Причем у него не было никакой гарантии, что эти «посредники» не получат от вас приказ избавиться от него. Между тем у него уже была назначена встреча с Евсеевым, который обещал продать ему шесть доз 331-го препарата.

— Каналья! — скрежетнул зубами Манулов. — И он ничего мне не сообщил?!

— Естественно, — развел руками Борода, — он сообщил бы о нем позже, когда уже заполучил его в руки. Тогда у него сохранялся шанс поторговаться за свою жизнь.

— Идиот! — Павел Николаевич хорошо знал характер своего подручного и почти не сомневался в том, что Борода говорит правду.

— Вам виднее. Вообще говоря, учитывая его психологическое состояние, неадекватность поведения вполне объяснима. Дело в том, что он хоть и назначил встречу Евсееву, но идти на нее сам боялся. Сначала он хотел призвать на помощь Вредлинского, потому что знал о его знакомстве с Евсеевым.

— Он-то знал, а я нет! — в негодовании воскликнул Манулов.

— Се ля ви! В общем, Негошев позвонил Вредлинскому, но Эмиль Владиславович с супругой в тот день навещал детей в Москве, и на даче, кроме Василисы, никого не было. Наверно, Негошев мог бы перезвонить на городскую квартиру, но тут его осенило, что использовать в качестве связной полуграмотную домработницу гораздо удобнее. Узнав по телефону, что Василиса сидит на даче одна, Негошев приехал туда и сочинил для Василисы душещипательную сказочку, что, мол, у него тяжело заболела мама, ему обещали какое-то чудодейственное лекарство, надо съездить в другой город. А он сам, к несчастью, поехать не может, потому что на этот же день назначена консультация у светила медицины, куда он должен сопровождать маму. Дескать, выручи, родимая, мне так хорошо было с тобой у Колтунова в дачной баньке... Он ей дал телефон, а заодно посоветовал взять с собой визитную карточку, которую вы имели неосторожность презентовать господину Вредлинскому. Конечно, у него была своя такая же, но про ваш фокус со скрытой нумерацией Негошев знал и на всякий случай — допустим, если Василиса попадетя — решил себя обезопасить...

— ...И подставить Вредлинского! Вот скот! — прошипел Манулов.

— На его месте многие поступили бы так же, — заметил Борода. — В общем, Василиса отпросилась у хозяйки и отбыла в известный вам город. Петр Петрович был очень рад и даже спокойно выпался. Но увы, если имеешь дело с бабой... то есть с дамой определенного пошиба — жди непредвиденных обстоятельств. Оказывается, у Василисы — по случайному стечению обстоятельств вроде бы — в облцентре имелся непостоянный хахаль, некий Тимур. Как и его пионерский тезка, парнишка имел склонность к тайной заботе о старушках, облегчая им переход на тот свет. Но самое главное, как это ни парадоксально, Тимур и его команда работали на Гнатюка и Мещерского. И именно они пытались отследить вашего слишком хитрого эмиссара Ненашева. А Василиса, которой, как видно, очень хотелось совместить приятное с полезным, взяла да и позвонила Тимуру из Москвы: мол, встречай в шесть вечера на вокзале. Тот, в общем и целом, встретил ее по романтическим соображениям, но эта дура взялась при нем набирать телефон Евсеева и назначать ему встречу. Тут-то мальчишки Тимура и взяли ее в работу...

— Дальше можете не рассказывать, — вздохнул Павел Николаевич, — остальное мне известно. В общем, я еще раз убедился, что Россия — страна непуганых идиотов.

— Вы торопитесь, — ухмыльнулся Борода. — Не все вы еще знаете. Я вот сказал, что Негошев хорошо выпался, и это правда. Но поскольку голова у него поутру стала свежая, через какое-то время он сообразил, что может крупно влипнуть из-за Василисы. А она уже уехала. В общем, Петр Петрович решил еще раз все переиграть, сел в свою «девятку» красно-кирпичного цвета и погнал в область. Да так быстро, что приехал за два часа до прихода поезда. И тут же стад звонить Евсееву на работу. А Бориса Витальевича на месте не оказалось. Секретарша в облздраве сообщила, что он уехал на улицу Тружеников, контролировать качество ремонта в здании, предназначенном для стоматологической

поликлиники. А ребята, которые в этом городе работают на меня, разговорчик-то и подслушали. Быстренько организовали звонок из обладминистрации на сотовый Евсеева, и тот помчался к начальству. А Негошева, когда тот приехал на улицу Тружеников, наши молодцы очень тихо и чисто сцапали.

— Но про его задумку с Василисой вы еще не знали?

— Так точно, не знали. К тому же вышла небольшая неувязка. Местные ребята должны были сдать Негошева моим людям в одном тихом месте. Они его привезли туда, спрятали и стали ждать. А у моих вышла непредвиденная заминка, которая к данному делу отношения не имеет. Но не было бы счастья, да несчастье помогло... Часть группы, захватившей Негошева, вынуждена была вернуться в город, а в уютном месте остались только двое. Но надо же было так случиться, что туда же Тимур и его команда привезли Василису. И двое, условно говоря, «моих» очень красиво разобрались с четырьмя «тимуровцами». Троих убили, одного взяли живым. Потом вернулись те, что ездили в город, и вся эта славная компания отправилась в другое, еще более уютное место, где сдала свою продукцию моим людям. Так сказать, «с перевыполнением плана».

— Замечательно... — скривил рот Манулов.

— К сожалению, не совсем так. Как нам позже удалось выяснить, Евсеев самостоятельно вышел на одного из бывших сотрудников лаборатории 14-го цеха и купил у него за смехотворную сумму шесть доз настоящего 331-го препарата. Именно его он хотел перепродать Негошеву. В качестве образца, так сказать. Технологический пакет документов был, как я уже говорил, липовый, но наличие реального препарата после соответствующего химического анализа могло бы помочь скорректировать технологию. Нам пришлось срочно отправлять на встречу свою сотрудницу, но люди, работавшие на Гнатюка и Мещерского, нас опередили. Они убили Евсеева и захватили дозы препарата. Правда, наши ребята сумели их догнать, но, увы, кроме двух трупов и авторучки, стреляющей ядовитыми иголками, ничего не добыли. Потому что был третий гражданин, успевший выскочить из машины, за которой гнались наши ребята. Он-то и унес препарат.

— Сочувствую, — Павел Николаевич злорадно улыбнулся.

— Вы больше моего нуждаетесь в сочувствии, — хмыкнул Борода. — Проиграть истерической старушенции — разве не обидно?

— Но вы-то у нее, разумеется, выиграли! — ядовито произнес Манулов.

— Пока не могу вас этим порадовать. Дело в том, что гражданин, унесший препарат, оказался в полной изоляции. Гнатюк убит, Тимур убит, все остальные тоже. С другой стороны, он понимает, что его ищут очень серьезные люди, которым его жизнь совершенно не нужна. Единственная надежда — найти Мещерского. Значит, он скорее всего появится в Москве.

— Скажите, если не секрет, зачем вам надо было подставлять ни в чем не повинного Вредлинского? Если я правильно понял, то сообщение с диктофонной записью, где Василиса утверждала, будто выполняла его поручение, было состряпано вами?

— Но ведь вы получили его через «почтовый ящик» Негошева, не так ли? Точнее, через одну немолодую уголовницу, содержащую что-то вроде «гостиницы» для уголовников средней руки. Порадую вас еще одним обстоятельством: этот канал связи контролировался и нами, и людьми Власты Дмитриевны... Мои люди, получив нужную информацию и проанализировав ситуацию, решили довести до вас, что Василису к Евсееву послал Вредлинский. Ведь ваш уважаемый Негошев не раз хвастался вам, что у него полно знакомых в правоохранительных органах и ему предоставят сведения по любому делу, только знай плати вовремя. Вот мы и сделали такую «утечку», загодя зная, что ее содержание станет известно не только вам, но и

Власте.

— А вы даже большие циники, чем Сталин и Берия! — проворчал Манулов.

— Не имел чести лично знать этих товарищей, поэтому не буду спорить. Главная задача, которую мы ставили, — смешать вам карты, представить ничтожного Вредлинского в виде какой-то самостоятельной силы, участвующей в вашей игре. Вообще-то, мы не рассчитывали на то, что вы или Власта сразу же отправите его на тот свет или хотя бы попытаетесь это сделать. Нормальные люди, получив такого рода информацию, предпочитают все проверить, обмозговать, допросить подозреваемого и лишь потом применять радикальные средства. Во всяком случае, вы именно так и поступили.

— Это похвала?

— До определенной степени. Правда, у нас не было уверенности, что, помиловав Вредлинского в пятницу, вы не уничтожите его в воскресенье. Помните разговор, состоявшийся между вами и Вредлинским после посвящения последнего в масоны?

Прямо посреди виртуального кабинета возник плоский экран, точнее, нечто вроде окна, и на нем появились фигуры Вредлинского, испуганно вжавшегося в кресло, а также разъяренного Манулова, потрясающего перед носом старого приятеля фотографией, где Вредлинский был изображен в обществе Евсеева и Дяди Вовы. Павел Николаевич услышал собственный голос, так и пышущий яростью:

»— ...Между прочим, эту фотографию ты дал Василисе, якобы для того, чтоб она могла его узнать на месте встречи. На самом деле Василису, уже после того, как она назначила свидание Евсееву, должны были перехватить и убить, а фотография должна была послужить ориентировкой для киллеров. И все концы в воду, вот что славно! Василиса ничего не скажет, Евсеев ничего не скажет, и даже киллеры ничего не скажут, потому что их тоже убрали. Фотография-улика, естественно, уничтожается, господин Вредлинский остается чистым и честным, а вот господин Манулов, визитку которого находят рядом с трупом, попадает под внимание органов, и не МВД, а ФСБ, поскольку я американо-израильский гражданин — ЦРУ и МОС-САД в одном флаконе!...»

— Это только фрагмент, мы вообще-то все записали, — ухмыляясь, заявил Борода. — Наши психоаналитики оценили ваше последующее «примирение» с Вредлинским как неустойчивое. Поэтому мы решили, что пора вас брать. Но, конечно, аккуратно, без применения грубой силы. Вошли в вашу компьютерную связь, послали липовый «e-mail» с приглашением на переговоры в Нью-Йорк, а затем, когда вы отправились в аэропорт, применили одно неизвестное вам спецсредство, которое управляет психикой гораздо лучше, чем препарат, за которым вы гонялись. И вы, и ваши сопровождающие прямо-таки сами, без принуждения приплыли к нам в руки. Причем в памяти у вас никаких следов не осталось...

УДАР ПО КРЫШКЕ ГРОБА

Борода внимательно посмотрел на Манулова, словно бы анализируя, какое впечатление произвело на мистера продюсера сказанное. Сказать, что Павла Николаевича данное сообщение ошеломило, значит ничего не сказать. Манулов был просто убит наповал, положен во гроб и закрыт крышкой. Теперь в эту крышку проворный гробовщик заколачивал последние гвозди. Именно таково было самочувствие претендента на российский престол.

Пожалуй, даже хуже, потому что убитые наповал, если придерживаться материалистического

взгляда на мир, уже ничего не чувствуют и им глубоко по фигу, что с ними будет дальше. Граждане, верующие в бессмертие души, считают, будто ей, этой самой душе, тоже по фигу, что будет с прежней телесной оболочкой. Перед господом тело не отвечает, главное, чтоб его похоронили по обрядам, соответствующим религиозным воззрениям бывшего хозяина.

Манулов был скорее атеистом, чем верующим, поэтому на счет встречи с создателем не очень беспокоился. Но вот ощущение, что его живым заколачивают в гроб, а потом этот гроб еще и спровадят в кремационную печь,

— его не покидало. Вместе с тем Павел Николаевич чувствовал себя уже мертвым человеком. А как еще может чувствовать себя человек, осознавший, что все, к чему он стремился, все, что составляло его заботы, надежды, планы, — окончательно и бесповоротно пошло прахом?! Кроме того, после откровений Бороды Манулов отчетливо ощутил близость смерти. Так много рассказывают только тем, кого не собираются оставлять в живых. К тому же Бороде нет смысла еще что-то выпытывать у Манулова — он знает о нем ВСЕ. Вся эта беседа затеяна только с одной целью — поглумиться над побежденным, втоптать его в грязь, убедить Манулова в том, что он жалкий и ничтожный человек, несостоявшаяся личность с непомерно завышенным уровнем претензий.

Кое-как собравшись с духом, Манулов спросил:

— Вредлинский жив?

— Вас это очень волнует? — Борода ответил по-одесски, вопросом на вопрос. — А как бы вы хотели? Только откровенно!

— Вы можете мне не отвечать, — пожал плечами Павел Николаевич. — Или наврать что-нибудь... Вообще-то, я хотел бы, чтоб он остался в живых. В сущности, он безобидный, стареющий ребенок, по сравнению со мной — агнец божий, да и только.

— Все это, конечно, разговор для исповедальни, — поморщился Борода, — но я вас утешу. Жив Эмиль Владиславович и находится в достаточно безопасном месте. Хотя вчера, в воскресенье вечером, на него было совершено покушение, а сегодня в течение дня шла подготовка к налету на его дачу. Могу еще раз подтвердить: когда имеешь дело с женщиной — жди непредсказуемых последствий...

— Это Власта?!

— Конечно! Горяча старушка не по годам... Но в чем, в чем ей не откажешь, так это в хитрости. Она сразу же догадалась, что, убрав Вредлинского, подставит вас под удар правоохранительных органов, во всяком случае, привлечет их внимание к вашей персоне. Все, что вы говорили Вредлинскому в том фрагменте, который я вам показывал несколько минут назад, безусловно справедливо. Если вы не разделались с Вредлинским, Павел Николаевич, то именно потому, что понимали: тень подозрения обязательно ляжет на вас. А на Власту, божью старушку, никто и не подумает. Мы, грешные, хоть и предполагали, что она может на это решиться, но не думали, что это произойдет уже в воскресенье. Хорошо, что у Вредлинского оказался такой отменный телохранитель. Возможно, я ему еще предложу работу, этому Стасу... Отбил Эмиля Владиславовича от пятерых вооруженных боевиков, одного уложил, другого ранил, а потом еще и буквально из-под машины выдернул. Но после этого мне стало ясно, что от Вредлинского эти братки не отвяжутся. В общем, я его скрытно перевез в безопасное место, а на даче поставил засаду. Так что вскорости разберемся с вашей милой кузиной...

— Премного благодарен, — иронически произнес Манулов.

— Не за что. Меня сейчас больше волнует тот, кто увез шесть доз 331-го. Он ведь может и не

в Москву податься, а в Киев или еще подальше, за кордон. Правда, есть надежда, что этот парень не совсем в курсе дела и полагает, будто заполучил в руки всего лишь новый наркотик. Но даже если З31-й попадет в руки обычных наркобаронов, есть опасность, что они сумеют разобраться в его свойствах и наладят его производство.

— Вы сказали, господин Борода, что приложили руку к его разработке. Неужели вы не понимали, какого джинна выпускаете из бутылки? Надеюсь, я, как человек обреченный, могу задать такой вопрос?

— Насчет того, что вы человек обреченный, я пока никаких заявлений не делал, — заметил Борода, — и насчет вашей судьбы у меня еще нет однозначного решения. Что же касается вопроса насчет «джинна из бутылки», то он носит морально-нравственный, а не технический характер, поэтому на него я ответил бы даже в том случае, если б собирался завтра же отправить вас домой, то есть в милую вашему сердцу Калифорнию.

— Но вы все-таки не собираетесь этого сделать?

— Уверен, что возвращения в Америку вы сейчас боитесь намного больше, чем пожизненного заключения в России. Но оставим это в стороне, вернемся к нашему «джинну».

Итак, начнем с того, что развитием науки и техники можно управлять только в социалистическом или, если хотите, в тоталитарном обществе. То есть там, где государство является главным и единственным заказчиком разработок и может сказать ученым: вот на это мы дадим деньги, а на это — нет, потому что, с нашей точки зрения, это вредная лженаука. Или еще проще: «Народу это не нужно!» Соответственно, если ученым не удастся убедить власть, что «народу это нужно», то они смогут заниматься той или иной проблемой только у себя дома, да и то если это не требует серьезной экспериментальной базы. Вместе с тем то же государство может сказать: «Народу нужен ракетно-ядерный щит! Сделать и доложить к такому-то съезду партии!» И, не считаясь ни с какими затратами, товарищи ученые сделают и доложат.

А в «рыночном» мире все не так. Можно побегать по бога-теньким господам, пообивать пороги и найти себе спонсора. Или даже всерьез заинтересовать грядущими прибылями. Конечно, в фундаментальные исследования, которые, грубо говоря, неизвестно чем закончатся, не всякий решится вкладывать деньги, но в прикладные разработки, основанные на новых принципах и с хорошим экономическим обоснованием, — от инвесторов отбою не будет. Причем этим господам важно одно: как будет продаваться то, что изобретено и сконструировано. А вредно это или полезно, опасно или нет, вопрос десятый. Даже если государство запретит производство и продажу какого-либо товара законодательно, наиболее отчаянных коммерсантов это не остановит. Потому как запрещенный товар дороже стоит. Те же наркотики, например, или оружие. Там, где запрещена их свободная продажа, на эти товары наворачивают самые высокие прибыли. Вместе с тем из любой, вроде бы совершенно безопасной вещи можно при желании сделать опасную. Кто бы мог подумать, допустим, в 50-х или даже 60-х годах, что при помощи персонального компьютера можно будет грабить банки, не выходя из собственной комнаты? Или воровать секретную информацию? Точно так же в те годы только-только подходили к пониманию, что средства массовой информации могут контролировать общественное поведение, причем не только на уровне сознания, но и воздействовать на подсознание, когда те или иные идеи, убеждения, оценки будут внедряться в психику множества людей на рефлекторно-инстинктивном уровне. Примерно так, как ребенка учат не писать в штаны.

— Вы имеете в виду тот фильм, что я задумал? — сквозь зубы процедил Манулов.

— Ну, то, что вы задумали, — усмехнулся Борода, — выражаясь по-русски, полный наивняк. Я уже вам объяснял, что ждет ваших хакеров, которые попытаются взломать и переработать

программы девушки Ани. Но даже если б я вам дал вполне готовые программы и терпеливо объяснил, как их надо применять для достижения ваших целей, то ничего путного у вас не вышло бы. Тотального воздействия на современную российскую аудиторию достичь невозможно. Гораздо легче было охмурять ее в конце 80-х годов, когда сознание масс было до определенной степени унифицировано партийно-советской пропагандой, отставшей от требований времени. В том смысле унифицировано, что сама эта пропаганда воспринималась как ложь, а все, что ей противоречило, — как правда и истина в последней инстанции. Была в годы Гражданской войны такая песня: «Мы сами копали могилу свою...» Очень четко отражает ситуацию.

— Ну и что изменилось к настоящему времени?

— После 1991-го в российском обществе оформилось три основные системы ценностей: прозападно-демократическая, национал-патриотическая и коммунистическая. Причем внутри каждой из этих систем полно всяких ветвей, ответвлений и веточек.

Западников объединяют стремление к снижению роли государства в экономике и внутренней политике, вступление России в глобальные рыночные отношения на условиях, предложенных «Большой семеркой», и безусловное следование рекомендациям, которые исходят из-за бугра. Ну и конечно, все они полностью отрицают и коммунизм, и социализм в какой бы то ни было форме. А делятся они прежде всего по финансовым интересам, по ориентации на те или иные западные страны, наконец, по отношениям к форме правления: одним хотелось бы увидеть авторитарную президентскую республику с каким-нибудь «де Голлем» или даже «Пиночетом» во главе, другим — парламентскую демократию на манер нынешней германской или итальянской. Но монархию там в громадном большинстве не приемлют, даже в конституционной форме. Они отторгнут ваши суггестивные программы как раз на подсознательном уровне.

— Про коммунистов можете не говорить, — заметил Манулов, — но ведь существуют же национал-патриоты? Среди них полно монархистов!

— Да, имеются, — кивнул Борода. — Но нацистов и полуфашистов там больше. Да и у тех, кто жаждет возвращения к самодержавию, православию и народности, одна лишь форма вашего носа вызовет подсознательное отторжение. Прошу простить за некорректность, но я просто констатирую факт. Кроме того, из романа, сочиненного Вредлинским, трудно выкроить приличный сценарий, и даже мастерство Крикухи вряд ли поможет сделать фильм интересным для зрителя. А для того чтоб суггестивные программы сработали, фильм должен быть сам по себе увлекательным. Хотя бы на уровне добротного боевика с захватывающим сюжетом.

— В общем, вы уличили меня в полном непрофессионализме... — вздохнул Манулов почти непритворно. — Не гожус

ья на роль царя .

— Вы это гораздо раньше осознали, Павел Николаевич. Вам ведь уже за шестьдесят, а вы все не уйметесь. С чего бы? Вы ведь достигли за кордоном благополучия, которого подавляющее число эмигрантов так и не дождалось. Сотни тысяч из Союза уезжали и сейчас из России уезжают, а так, как вам, повезло немногим. И вдруг вы, рационалист до мозга костей, человек, который на пять ходов вперед просчитывал жизнь, бросаясь в явную авантюру, ставите на кон все, что нажили интенсивным и даже опасным трудом. Ведь вы даже от поручения своих калифорнийских магистров, которые вас направили в Россию, запросто могли отказаться. А вы, прекрасно понимая, что гонитесь за химерами, ввязались в эту ерунду. Власть — на грани маразма, ее навязчивые идеи и манию величия диагностировать нетрудно, но вам-то еще далеко до нее, по-моему... Может, ответите, с

чего вы так взбрыкнули?

— Сам не знаю... — развел руками Павел Николаевич. — Мне сейчас почему-то Островский в голову лезет. Насчет «подленького и мелочного прошлого». Конечно, за освобождение человечества я бороться и сейчас не стану, но совершить нечто глобальное мне захотелось. Вы правы, я всю жизнь посвятил какой-то низкой, меркантильной возне. В Союзе крутился-вертелся, в Америке то же самое, рисковал ради денег. Даже сказать, что жил в свое удовольствие, нельзя. Семьи и то не завел. Ни одного фильма, который хоть чем-то прославился, не снял. Вредлинский, хотя он по сравнению со мной — нищий, да и вообще бездарь, если по большому счету, — в каких-то энциклопедиях и словарях упоминается, ежели помрет, так десяток-другой знаменитостей придет хоронить. Некролог, глядишь, в «Литературке» тиснут... А у меня ничего этого не будет. Даже этого! И тут шанс, сумасшедший, мизерный, но шанс. Вот и рискнул... Пожалуй, другого объяснения я вам дать не могу.

— Что ж, благодарю за откровенность, — произнес Борода. — Я вам тоже широкой известности не обеспечу, да и шикарных похорон не обещаю. Но убивать по-настоящему не буду. Возможно, вы мне еще пригодитесь когда-нибудь.

Манулов хотел было спросить, что означает это «не буду убивать по-настоящему», но тут и виртуальный собеседник, и интерьер виртуального кабинета исчезли. На несколько мгновений возникли очертания красного коридора, в котором все начиналось, а затем и они погрузились во тьму...

У ФРОСЬКИ

«Мерседес», управляемый Тараном, проехав через отнюдь не элитный дачный поселок, добрался до хитрого проулка, на первый взгляд казавшегося тупиком, и остановился у ворот Фроськиной дачи.

— Посидите пока, — сказал Юрка, вышел из машины и, отыскав на калитке кнопку звонка, осторожно нажал ее. Через несколько минут за воротами послышался кашель, сдавленный мат, а затем на калитке брякнула стальная заслонка, прикрывавшая глазок. Охранник явно не ждал никакого «Мерседеса» . и пробасил немного нервным голосом:

— Ребята, вы ошиблись! Здесь проезда нет.

— Ты что, не понял? — сердито сказал Таран. — Это я, Юрка! Мы тут позавчера ночевали.

— «Мерседеса» у нас ни позавчера, ни вчера не было, — пробухтел охранник. — Валите отсюда, а то милицию позову!

Милка почувствовала, что без нее не обойдется. Она решительно выбралась из машины и подошла к калитке.

— Слышь, ты, хмырь болотный, — произнесла она очень конкретным голосом. Или ты через минуту откроешь, или мы, на хрен, ворота снесем! Понял?!

То ли вахтер привык подчиняться требованиям крутых дам, то ли просто был джентльменом по жизни, но ворота он открыл, и Василиса, пересевшая на место водителя, закатила «Мерседес» во двор. Милка с «коброй» на изготовку и Таран с автоматом вошли пешочком. Охранник, чтоб случайно не спровоцировать пальбу, повесил свою «помпу» за спину.

Как видно, базар у ворот без внимания не остался. На крыльце появился второй охранник с ружьем, а также очень злая, сердитая Фроська в распахнутом пальто, наброшенном поверх халата.

— Девушка, — сказала она Милке подчеркнуто вежливым тоном. — Вы что, к себе домой приехали?! Мне, между прочим, ваш шеф не звонил и не сообщал, что вы сюда подгробете. Так, блин, дела не делают!

Теперь Тарану пришлось вмешаться, ибо Милка могла как-нибудь неадекватно отреагировать и спровоцировать мордобой или даже стрельбу.

— Фрося! — сказал он, нежно ухватывая толстуху за пухлую ладошку. — Какие проблемы, а? У тебя что, семеро по лавкам, десять на печи?! И лишние деньги тебе ни к чему, да?!

Последняя фраза произвела впечатление. Фроська метнула испепеляющий, взгляд на Милку — та его, слава богу, в темноте не заметила — и пробурчала несколько мягче:

— Пошли в дом, не фига тут базарить на весь поселок... Макс и Васька вывели из машины раненого Геру, и Фроська не преминула заметить:

— Этого мне только не хватало! Забинтовали хотя бы?

— Нет, не догадались без тебя, — прошипела Милка.

Таран был жуть как доволен, когда все в целости и сохранности, без шума и драки вошли в дом.

— Наверх своего калеку ведите! — приказала Фроська. — В маленькую комнату. Что-то я его не припомню, однако... Вроде у вас парнишки покрупнее были и без очков.

Милка хотела сказать что-то сердитое, типа: «Не слишком ли много ты видишь, тетенька?! Хошь я тебе один шнифт уполовиню?», но Таран поглядел на нее глазами не мальчика, но мужа, и «Зена» проглотила свои дерзости. Юрка, сообразив, что переговоры с Фроськой лучше вести тет-а-тет, потому что Милка может их сорвать, нашел благовидный предлог, чтоб спровадить боевую подругу, и шепнул ей на ушко:

— Пригляди за Васькой и пацанами, не стоит их одних оставлять...

— Ладно, — кивнула Милка и поднялась наверх. Фроська, прищурясь, поглядела ей вслед и сказала:

— Просю на кухню, Юрик. Надо протереть все это дело конкретно. А вы, — это относилось к охранникам, — пошли по местам...

Когда Таран зашел в кухню, Фроська затворила дверь и указала ему на табурет:

— Садись! Стопарь примешь?

— Пока не жажду, — ответил Юрка. — Ты извини, что мы так приехали, по нахалке, деваться было некуда...

— Сынок, — почти нежно произнесла Фроська, — мне твоим извинением — жопу подтереть и больше ничего. Если б ты со мной весной в «графиню на подоконнике» не сыграл, я б вас скорее ментам поселковым сдала, чем сюда пустила. Понимаешь?! После того как Колька свихнулся, голышом по поселку побегал, а потом еще шамальнул себе в лобешник, мне знаешь как хреново было? Сперва менты душу трепали, два раза с обыском наезжали, небось думали, будто у меня тут все наркотой забито. Хорошо, что оба раза ни одного гостя с

товаром не оказалось. На пушку брали, суки: мол, колись, лахудра, знаем четко, что он у тебя ширнулся! Только менты отстали, братва приперлась. Сперва Колькины, потом Васины с водохранилища. Васька ведь тоже ни с того ни с сего утопился, козел драный! Заколебали, екалэмэнэ: чем напоила?! Один раз вообще чуть не припороли, спасибо, кто-то им звякнул и велел сваливать.

— Ну что ты, блин, весну вспоминаешь? — проворчал Таран. — В этот-то раз приняла нашу бригаду? Небось не за так, сам видел, как Серый тебе купюры отстегивал.

— Серый ваш мне ровненько за одну ночеву оплатил. С лег кой надбавкой за стремность. Между прочим, я ментам отмазные плачу, и немалые.

Таран вынул бумажник покойного Контрабаса и сказал:

— Тут пятьсот баксов и тыщи три рублями. Хватит?!

Фроська осторожно взяла бумажник, вынула купюры, а все остальное швырнула в печь, где еще было полно тлеющих углей. Потом быстро-быстро, как профессиональная кассирша, пересчитала бумажки и сказала:

— Ладно, допустим, за себя и других ты по сто баксов заплатил, если, конечно, это не самопал. А за тачку?

— Чего за тачку? Что она, есть просит?

— Милочка, это ж угон. Помню ведь, не совсем из ума выжила, на чем вы отсюда уезжали. Фиг поверю, что вы свой фургон на «мерс» махнули. Я что, подряжалась за так угон во дворе держать? Или всего за три куска деревом?! Хрен ты угадал, юноша!

— Блин, — рассердился Таран, — а ты жадная, Фросенька! Между прочим, на эту тачку у нашей бабы, которая белокрылая, законная доверенность есть.

— Вы ж на ней пацана раненого привезли. В ногу, между прочим. Стало быть, как пить дать, кровяной чехлы замазали. Думаешь, это менты не заметят? Я уж не говорю, что ты тут, как чечен по Грозному, с автоматом навывпуск рассекаешь...

— Менты-менты! — в сердцах проворчал Таран. — Откуда, блин, они возьмутся, если ты их не позовешь?!

— Они, Юрик, могут и не прийти, но денежки с меня лишние требуют.

— Автомат могу отдать, — предложил Таран. — Штуку баксов за такой срубить можно.

— Во! — Фроська покрутила пальцем у виска. — Ищи дуру в поле! В жизни с волынами не вязалась. Тем более с мокрыми и грязными.

— Ну, тогда поверь в долг, — сказал Юрка досадливо. — Передай нашему начальству счет за услуги, наверняка оплатят.

— Не смей смеяться, — осклабилась Фроська; — Оплатите вы, держи карман шире. А потом что? Думаешь, поеду я в вашу Тмутаракань долги выбивать? Чтоб меня там урыли по-тихому?

— Фрося, — сказал Таран довольно спокойным, но жестким тоном, — учти, мы сейчас с Милкой очень нервные. За себя я еще спокоен, но Мила иногда очень резко поступает. Ей твоих жлобиков уделать — как два пальца обоссать. Короче, или мы насчет финансов договорились, и ты считаешь, что жутко довольна, или мы здесь маленькую революцию

делаем.

— Юрик, — Фроська тоже посерьезнела, ибо поняла, что разговор помаленьку принимает суровый оборот, — я, конечно, понимаю, что вы с этой лосихой жутко крутые, но не надо обострять тенденцию парадоксальных иллюзий. В смысле, не ссы в компот, там ягоды. Если вы тут невзначай стрельбу устроите, то можете, конечно, нас случайно убить. Но потом, блин, со своим начальством будете капитально разбираться, поскольку им эта точка еще не раз может пригодиться. Опять же здесь многие люди бывают и свой интерес имеют. Сами они, может, и мелкие, но завязаны на шибко крупных. Перейдете им дорожку — и вам, и вашим начальникам плохо будет. Так что подумай маленько, прежде чем дергаться и пальчонки веером бросать.

— Блин, — проворчал Таран, — тебе деньги дали? 500 «зеленых» и 3 куска в «дереве». Это что, мало? Сколько же, е-мое, тебе до полного счастья не хватает?

— А может, мне не деньги нужны? — Фроська оскалила золотые зубы и прищурила один глаз.
— Может, я натурой кой-чего получить желаю?

— Я ж тебе автомат предлагал, — Таран уже понял, на что намекает хозяйка, но решил прикинуться шлангом.

— Не, — хмыкнула толстуха, — железяка мне без надобности. Мне тот «ствол» нужен, которым в «графиню» играли. Ужас как понравилось!

Таран стыдливо хихикнул и почесал в затылке:

— Я вообще-то не жравши и намотался здорово. Фиг чего получится. А если меня кормить, то и остальных надо...

— Ну, пожрать я вам обеспечу, на два дня капусты со свиной натушила. Чайку могу нагреть... Но за что, друг дорогой, ты ко мне на всю ночь спать пойдешь! — Фрося кокетливо погрозила пальчиком, похожим на голландскую баночную сосиску.

— Ни хрена себе! — удивился Юрка. — У тебя тут два мужика постоянно живут, а тебе еще чего-то надо? Лишку тебе не будет?!

— Юрик, — спросила Фроська участливо, — ты еще не сидел ни разу? Вот как посадят, поймешь, что баб, как и мужиков, никогда в излишке не бывает. А если такой, как, ты попадетя — молодой, красивый и не потертый, так его обязательно попробовать надо.

— А ты весной не распробовала, да?

— Эх, Юрик, когда та весна была...

Честно говоря, Юрка никогда насчет того, чтоб переспать с Фроськой, не мечтал. Он и про «графиню на подоконнике» очень хотел забыть. А сейчас это предложение ему и вовсе показалось до ужаса похабным. Получалось, что Фроська эта гребаная его снимает, как шлюху. Добро бы он тут был один или в компании с Максом и Герой, но ведь здесь и Милка, и Василиса! Василиса, конечно, без комплексов, ей все по фигу будет, скорее всего. Тем более что с весны много времени прошло. А вот Милка... Тут запросто можно дожидаться чего-нибудь.

Фроська словно бы прочитала Юркины мысли. Должно быть, на физию у него что-то такое присовалось.

— Мордастой своей боишься? — усмехнулась она. — Я-то уж почувяла, что она аж вся ревностью изошла. Здоровая, кобыла, конечно. Но белявенькая куда симпатичней. С такой я и

сама бы понежилась...

— Ну, ты даешь! — крикнул Таран.

— А что, — невозмутимо хмыкнула толстуха, — у меня на зоне от этого дела аллергии не было.

— Слушай, — заметил Юрка, — между прочим, и Милка, и Васька с бабами запросто общаются. Может, тебе к ним подкатиться, а?

— Издеваешься, что ли? — прошипела Фроська. — На зоне— еще понятно, а тут-то на хрен мне это? Так что, договорились?!

«Революцию» Тарану делать не хотелось. Они и так с Милкой сегодня отсебятины наворочали. Еще неизвестно, скажет ли им Птицын спасибо за ночные гонки со стрельбой. Может, надо было возвращаться к даче Вредлинского и выручать Ляпунова с ребятами. Конечно, возможно, это и не та дача взорвалась и загорелась, может, и связь отрубилась вовсе не из-за взрыва, да и последний приказ от Ляпунова был догонять «Форд», но все же какую-то вину Юрка испытывал. И хоть настраивал себя на лучшее, все-таки беспокоился. Ведь если б все было в порядке, Ляпунов наверняка бы погнал за ними следом... В общем, у Птицына много будет вопросов, а если еще и здесь отчудить чего-нибудь, так и впрямь на неприятности наедешь.

— Ладно, — произнес Таран, — как говорят у нас на Тайване, «моя согласный». Ты, главное, пожрать обеспечить.

— Заметано! — расплылась в золотозубой улыбке Фрося. — Ща сделаем! Иди, зови своих ходячих, а раненому потом отнесете...

Таран поднялся наверх, где Милка с Василисой и Максом, перебинтовывали Герину ногу. Само собой, что бинтовала Милка, а остальные смотрели на это мероприятие и давали разные умные советы. Милка, конечно, время от времени посылала советчиков по своему любимому адресу и нежно просила не путаться под ногами. То ли при верхнем свете Милке показалось, будто она напортачила с перевязкой, когда делала ее наспех в машине, то ли просто подстраховаться решила. Юрка пришел как раз к тому моменту, когда повязка была наложена по всем правилам, и самый придирчивый эксперт не смог бы найти недостатки.

— Так! — объявил Таран. — Хозяйка просит к столу. Сейчас, говорит, ужин подаст.

— Со стрихнинчиком? — спросила Милка почти серьезно.

— Не знаю, не обещали, — отозвался Юрка, но в этот самый момент подумал, что вообще-то от Фроськи можно и такого финта ждать.

Действительно, о том, что Таран с компанией сюда приехал, «мамонтовское» начальство не знает. Стало быть, если и начнут искать прямо сегодня, то сперва побывают на даче господина Вредлинского. А что там сейчас творится — хрен знает. Вполне возможно, что ни Ляпунова, ни Алика с Топориком уже не спросишь, а если на даче был приличный взрыв и пожар, то и разобраться в горелых костях будет сложно. То есть понять, что Юрка, Милка и Василиса уцелели, удастся далеко не сразу. К тому же там, наверно, уже копошатся МВД, ФСБ и прокуратура, так что доступ к информации будет получить не так-то просто. Вполне возможно, что только к утру.

Фроська, конечно, обо всех обстоятельствах не информирована, но наверняка знает, что ее позавчерашние гости не должны были сегодня пожаловать. Конечно, то, что она этих самых гостей приняла не шибко радушно, вроде бы говорит в ее пользу. Наверно, если б с самого

начала задумала подлянку устроить, то, наоборот, встретила бы с распростертыми объятиями, сразу же к столу усадила, бутылочку выставила с нормальной водкой, а вот потом, когда все расслабились, принесла бы вторую. Если не со стрихнином, то уж с клофелином наверняка.

Однако никто не гарантирует, что у нее эта идея задним числом не вызрела. Например, после того, как Таран ей деньжата на стол выложил. Могла ведь стерва подумать, что у каждого из пятерых такие лопатники имеются. Тем более что Гера с Максом при своих очках и костюмчиках вполне богатенькими мальчиками смотрятся. Насчет того, что она мокрыми пушками не интересуется, тоже еще проверить надо. Такое оружие профессиональный киллер запросто купит. Он его все равно после дела бросит, не оставив отпечатков. Найдут менты, посмотрят в пулегильзотеке, не отмечался ли где такой ствол. И придут не к настоящему киллеру, а хрен знает куда. Хуже всего, если к «мамонтам».

Ну, и наконец, «мере» — он меньше 40 тысяч баксов не стоит, даже если не совсем новый. Таких ребят, которые угнанные тачки толкают, Фрося наверняка знает. Отдаст им за 30 кусков — с руками оторвут. И на чехлы с кровянкой не посмотрят.

Так что мотивов уделать гостей без шума и крика — больше чем достаточно. Тем более зная, что они тут припарковались без ведома начальства. До утра до фига времени, можно всех пятерых вывезти куда-нибудь к ближайшему пруду и отправить на грунт. Но можно и вовсе никуда не возить, а прикопать на участке, хотя это менее надежно.

Так что Милкин черный юморок на Тарана подействовал. Единственно, что сейчас говорило в пользу Фроськиной искренности, так это нескрываемая похоть в ее заплывших жирком глазенках. Все-таки Таран уже кое-что в бабах понимал, набрался опыта. То есть в том, что Фроське и впрямь охота по-трахаться с 19-летним, он был убежден на сто процентов. Однако это могло гарантировать только одно: что Фрося не отравит Юрку до того, как переспит с ним.

Эх, зря он ушел с кухни! Фиг его знает, может, эта стерва уже намешала чего-нибудь в чай?!

Юрка заторопился вниз, а следом за ним потопала Василиса. Милка и Макс чуть задержались в комнате, и Васька, догнав Тарана на лестнице, спросила шепотом:

— Ваши знают, что мы здесь? Не нравится мне эта тетка до ужаса...

— Мне тоже, — прошипел Таран. — Но ты ей улыбайся, поняла? И приглядывай получше.

С кухни уже тянуло тушеной капустой, видать, ее Фроська на газ разогреваться поставила. Юрка на всякий случай принялся: не воняет ли чем-то необычным. Нет, пахло вполне привычно, чувствовалось, что с капустой намешано много мяса, и, по идее, жорево у Ефросиньи должно было очень даже вкусное получиться. Тем более что Таран с обеда еще ничего не жрал, а времени было уже почти два часа ночи.

Юрка подумал, что намешать чего-нибудь в капусту Фроська навряд ли решилась бы. Потому что равномерно сделать это невозможно. Кому-то больше попадет, кому-то меньше, а это чревато осложнениями. Таран где-то вычитал, что некоторые яды, если их принять слишком много, вызывают рвотную реакцию, и отравы вместе с блевотиной выходит из организма, не успев всосаться в кровь. Опять же, если яда слишком мало, то он насмерть не убивает.

Так что больше Тарана беспокоило, чем их тут будут поить. Но и тут покамест поводов для волнения не было.

Большой чайник еще только кипятился, а заварочный стоял пустой, ополоснутый. Конечно, Фроська могла чего-нибудь всыпать в кипяток, но, во-первых, отравы могла при кипячении

разложиться на какие-нибудь безопасные составляющие — Таран за год с лишним школьный курс химии уже здорово подзабыл, но что-то такое еще помнилось. А во-вторых, даже если отравы не испортится, то стремно ее в большом чайнике держать. Пригласят гости вместе чайку хлебнуть отказываться придется. Могут и заподозрить, что дело не чисто. И в заварку подмешивать нельзя по той же причине. Нет, если Фроська и решила отраву подмешать, то уж куда-нибудь в бутылку... Но бутылки на столе не было.

— Сейчас, еще немного подогреется — и можно кушать, — объявила Фроська, вытащила из большой эмалированной кастрюли буханку черного хлеба и стала резать ее толстыми ломтями...

ВОЗВРАЩАТЬСЯ — ДУРНАЯ ПРИМЕТА...

Мещерский нервно курил, сидя в кабине своей скромной «восьмерки», припаркованной на одной из окраинных улиц Москвы, слушал, как мелкий дождь барабанит по капоту, и предавался мрачным мыслям, еще раз перематывая в голове все, произошедшее с того момента, как ему сообщили о смерти Гнатюка.

Черт его дернул сказать Власте, что Гнат скопытился! Мог бы наврать на скорую руку, ведь всю жизнь враньем занимался — нет, раскололся перед этой полоумной, вся ценность которой в том, что у нее миллионы, доставшиеся в наследство от француза, на счетах лежат. И как цуцик, по первому свистку старой курвы помчался бегом, чтоб не дай бог не осерчала государыня-матушка!

Ладно, побежал, хотя еще не знал в тот момент, что делать. В смысле, куда ехать, в тот самый российский облцентр или в закордонный Киев. И кого искать, с кем консультироваться, у кого и, самое главное, что выяснять. То ли причины смерти Гната, то ли как теперь добираться до препарата. Даже на чем ехать, еще не решил — на машине или поездом, а уже понесся. И так заторопился, что позабыл на столе телефон.

Позабыл так позабыл, на хрен ему было за этим телефоном возвращаться! Ведь знал же, идиот, известные слова: «Возвращаться — дурная примета!» Что стоило наплевать на этот телефон, сесть в «восьмерку», выехать за ворота и покатить себе в Москву?!

Но он, уже приоткрыв дверцу тачки, вспомнил про этот чертов телефон и решил вернуться. Кто его торопил, кто мешал подняться наверх спокойным, размеренным шагом?! Никто. Он был в этом доме таким же хозяином, как Власта. Нет же, Князь помчался наверх, как школьник, опаздывающий в класс,

— скачками, через две ступеньки! На фига?!

Там, на втором этаже, он тоже мог умерить пыл, хотя бы дух перевести. Нет же!!! Мещерский влетел в комнату так, будто за ним взвод омовцев гнался. Вот это и привело к совершенно нелогичному, идиотски-трагическому исходу.

Он слишком резко распахнул дверь, толкнув ее от себя. И никак не ожидал, что там, с той стороны, за дверью, окажется Власта. Должно быть, услышала его топот на лестнице и решила полюбопытствовать, отчего шум. В общем, когда Князь толкнул дверь, то она крепкошибанула старуху по лбу. Незадачливая претендентка на престол спиной вперед отлетела от двери метра на три, к камину, отделанному настоящим розовым мрамором, и ударилась затылком об угол. Шмяк! Хруп! — много ли надо старой черепушке и склеротическим сосудишкам? Только пискнула, как мышь раздавленная, дернулась пару раз конвульсивно —

и протянула ножки.

Все произошло настолько неожиданно, настолько глупо и нелепо, что Серж на несколько секунд застыл с открытым ртом. Нет, Мещерский ни хрена не поверил в то, что Власта мертва. Напротив, он ожидал, что старуха вот-вот очухается, поднимется на ноги и начнет его крыть в три доски визгливым бабьим матом, которому небось еще в казахстанских лагерях научилась. Только через пару минут, когда Князь углядел небольшую темную лужицу, растекшуюся из-под ошипанной седой головенки, до него начал постепенно доходить весь катастрофический смысл происшедшего. Правда, очень хаотично, путано. Помнится, в первые мгновения Серж почему-то подумал: «Господи, да что ж она парик не надела! Все время в париках рассекала, а тут не надела... Был бы парик, может, и не колонула башку-то!»

И этот хаос в голове Мещерского кончился не сразу. Потому что вслед за осознанием всего ужаса этой дурацкой ситуации — расскажи Сержу кто-нибудь о чем-то подобном, он бы полчаса ржал, наверно! — пришел совершенно дикий и безотчетный страх. Странно, но в эти несколько минут Князь не думал о том, что труды нескольких лет его жизни пошли прахом и теперь ему нипочем не удастся заполучить Властины миллионы. Не думал он и о том, что вся авантюра с претендентством и наследованием престола — безумная идея полоумной старухи, в которую он, человек конкретный, почти поверил! — потерпела полный крах. Серж, правда, не был отпетым мокрушником, которому убить человека, что блоху раздавить, но и в излишней чувствительности его никто и никогда не упрекал. Сам факт убийства его не испугал, и законного возмездия он ничуть не испугался бы. Максимум, что ждало его, если б сейчас сюда явились менты, — три года по 109-1 «Причинение смерти по неосторожности». Да и то при хорошем адвокате он получил бы условное наказание. Конечно, могли по ходу следствия что-нибудь иное вскрыть и раскрутить, но Мещерский даже этого не боялся.

Однако его обуял ужас от самой нелепости этой смерти.

Только что, получаса не прошло, эта вредная старушенция, гадюка в человеческом облике, командовала им как хотела, орала, скрипела, читала ему нотации то на барской смеси французского с нижегородским, то на откровенно-блатной фене. Строила козни, всякого рода пакости, посылала его и других братков на убийство — и наверняка не думала, что сегодня умрет. А вдруг все это не случайно?! Вдруг это проявление некой высшей силы?! Бога или дьявола — однохренственно, но все равно СТРАШНО...

Страх на несколько минут парализовал Сержа, а тем временем из-за двери, с лестницы, послышался топот: это бежали охранники, то есть, собственно говоря, его, Мещерского, бойцы. Навряд ли они, даже решив, будто их шеф нарочно замочил Власту, стали бы ему предъявлять за это претензии. В конце концов, за этот месяц он с ними уже рассчитался. Разве что насчет выходного пособия могли поинтересоваться по случаю ликвидации рабочих мест...

Но все эти разумные, трезвые, здравые мысли посетили Сержа гораздо позже. А в тот момент, когда он услышал топот и голоса охранников — даже расслышал, кажется, слова кого-то из них: «Не иначе, бабка Князя метелит!» — ему взбрело в голову, будто грядет возмездие.

Мещерский выдернул из-за пазухи «Иж-71» и шарахнул в первого, кто появился в проеме двери. А это был Комод, самый тихий, исполнительный и покладистый парень среди его бойцов. Он ни сном ни духом не ждал выстрела. «За что?!» должно быть, именно эти слова он пытался произнести, но пуля, угодившая в солнечное сплетение, позволила ему только — просипеть нечто невнятное. Комод согнулся пополам и боком упал на паркет. Второй боец, Клуня, дернулся назад, одной рукой попытавшись закрыть дверь, а другой — выхватить пушку. Этот был позлее и понял — раз Комода замочили, значит, и ему несдобровать. Но

опоздал: одурелый Мещерский на редкость точно долбанул ему между глаз!

Только после этого Серж стал чуточку соображать, но выразилось это лишь в одном: схватил сотовый телефон, из-за которого приключилась вся эта идиотская катавасия, и бегом рванул вниз. Запрыгнул в «восьмерку» и, выкатив за ворота, погнал машину в сторону Москвы.

По мере того, как он удалялся от места происшествия, до него все больше доходил общий идиотизм всего случившегося. Конечно, главным идиотом оказался он сам, и это Мещерский мог признать без возражений. Однако ощущение того, что событиями управляли некие мистические, потусторонние, сверхъестественные силы, его не покинуло. И чем дальше Мещерский ехал, тем сильнее утверждался в этом мнении.

Наконец он въехал в город, едва не столкнулся с каким-то припоздненным самосвалом и, чтоб унять нервную дрожь во всем теле, закурил.

Только здесь, под мерное бряканье осеннего дождя, он наконец осознал всю глубину своего краха и все последствия своего поведения.

Выстрелы, которыми он ни за что ни про что убил своих собственных бойцов, скорее всего были слышны на улице и на ближайших дачах. Комод, возможно, останется жив — от пуль в живот не всегда погибают — и даст показания ментам. Милая 109-1 перешьется на «расстрельную» 105-2а, потому что Власту при наличии трупа Клуни тоже запишут в умышленно убитые. Ну а если Комод после дачи показаний помрет, то и подавно.

Если выживет, то к 105-2а будет довесок 111-2а, потому как Комод официально зарегистрированный охранник и запросто докажет, что Князь умышленно причинил его здоровью тяжкий вред в связи с осуществлением им служебной деятельности. Номер и марка машины ментам, возможно, известны уже сейчас. Правда, они навряд ли подумали, что он поехал в Москву, а не из Москвы. Но московские посты тоже скорее всего будут оповещены. Рано или поздно номер попадет к кому-то на глаза. Так что «восьмерку» придется бросать.

А что делать дальше? Он так торопился, что даже не вынул из Властиного сейфа имевшиеся там баксы, франки и рублики, осел! На кармане три сотни «зеленых», «деревянная» тысяча двумя 500-рублевками да еще около двухсот мелкими купюрами. Конечно, на такие деньги простые российские люди полгода живут, но ведь он-то Князь! Не в столовках же питаться, в конце концов. К тому же тут, в России, его рано или поздно возьмут за жабры... Не посмотрят на польский паспорт. В Хох-ляндии еще сойдет, а тут — ни хрена. Тут, на Петровке или еще где-то, лежат его пальчики и все прочее, что в прошлом было наворочано. Российский паспорт и вообще, кроме какого-нибудь Урюпинска или Усть-Пиндюринска, лучше нигде не предъявлять. Слава аллаху, что он его вместе с французским и израильским оставил у Власты в сейфе. Нет, какой же он все-таки дурак! Надо было сегодня французский в куртку положить! К нему почтения побольше. И виза там приличная, шенгенская. Лети хоть в Бельгию, хоть в Германию, хоть еще в десять стран. Можно и во Францию, конечно, там особнячок, подаренный Властой, царствие ей небесное, дуре старой, на Лазурном берегу стоит. Только ведь менты уже знают, что Власта французская гражданка, значит, стукнут в Интерпол. А если Комод, бедняжка, выжил, то месье Сержа Мещерского в Орли, у трапа, будут встречать жандармы. Вряд ли с цветами, но с наручниками — обязательно. К тому же во Франции можно случайно с кем-то из «Принс адорабль» повстречаться. А они ребята памятливые — не заметишь, как поплывешь вниз по матушке по Сене...

Наверно, по французскому паспорту можно и куда-нибудь еще улететь, но чего теперь облизываться, когда паспорт там, а Серж — здесь. А с польским — не бендзе руху. Тем более что пане Мизевецкий мувит по-польску не бардзо добже. Правда, лучше, чем на иврите, но все-таки по-французски у него ловчее выходит.

Нет, надо из этой гребаной Москвы куда-нибудь сваливать побыстрее. Тут ментов до фига,

могут чисто случайно загрести, а потом раскрутить невзначай. Поэтому валить надо как можно быстрее, лучше самолетом. В Киев, в Минск, в Варшаву — лишь И бы скорее. Правда, в аэропорту могут взять. И на вокзале тоже.

И А на этой тачке — тем более. Может, рвануть сперва в Смо— ленск, а оттуда на автобусе до Могилева? Нет, в Бульбашлянде покою не будет. У сябров бацка еще тот. Пока до Бреста допилишь, пару раз сядешь. Может, на перекладных до Брянска, а оттуль на Киев? Почти то же самое, хотя во Львове с «посполитым» паспортом полегче будет. Если, конечно, паны его уже не аннулировали.

Мещерский ощущал полную безысходность. Сейчас его занимали только личные дела, и он почти напрочь забыл о том, что послал Контрабаса с братвой и подставными бобиками Максом и Герой разбираться с Вредлинским. О том, что Власта успела отдать им команду, он просто не знал.

Вспомнил он о них совершенно неожиданно и вообще-то отнюдь не с оптимизмом. Потому что ребятки проторчали в засаде намного больше, чем обещалось, и не получили ни приказа, ни отбоя. Контра за это динамо запросто может потребовать бабки, а остальные его поддержат. К тому же Комод и Клуня доводились им корешами, и, не получив от Князя убедительных объяснений по поводу замочки данных товарищей, они такого расхода не простят. Возможно, если б Мещерский еще имел деньги, то смог бы отмазаться, но за триста баксов жизнь не купишь.

Нет, надо срочно дать им отбой. Пусть едут спать, усталые, но довольные, и попадут к ментам, которые сейчас скорее всего уже шуруют в особняке, арендованном Властой. У них в «Паджеро» даже автомат есть, так что ментам будет за что их оприходовать. Выкупить их будет некому, так что сядут мальцы капитально. А Князь за это время прибежище найдет...

Серж вытащил злополучный телефон и включил. Едва он собрался поднести палец к первой кнопке, как телефон запиликал. «На ловца и зверь бежит!» поразился Князь, решив, что это Контрабас его помогается.

— Але!

— Привет, — услышал Мещерский несомненно знакомый, но уже подзабытый голос.

— Как поживаешь, ваше сиятельство?

— Магнус... — пробормотал Серж скорее растерянно, чем радостно. У него появилось на секунду горячее желание выключить телефон, потому что возобновлять сотрудничество с фирмой господина Соловьева у него не было ни малейшего намерения. Особенно сейчас, когда его жизнь гроша ломаного не стоила. Но выключать телефон он не стал, потому что вдруг подумал: «соловьевцы» даже после пропажи шефа — серьезная контора. Может, удастся к ним вписаться?

— Чем занимаешься, мон принс, все свою бабку трахаешь? — с заметной издевочкой произнес Магнус. — Или уже помоложе нашел?

— У тебя дело или как? — постаравшись придать голосу крутость, спросил Князь.

— Дело, корефан, дело. Мне только что позвонил один знакомый от Пети Гнатюка и сообщил печальную весть.

— Я в курсе, — отозвался Мещерский, — жаль Гната, хороший был человек. Мне тоже звонили. Часа два назад.

— А мне совсем недавно. И между прочим, почему-то тебя спрашивали. Я, конечно, ответил,

что такой тут давно не работает. Тогда товарищ спросил, не знаю ли я твоего телефона. Пришлось сказать, что не знаю, но в принципе кое-кто с ним общается, и если что-то срочное, то можем передать. Товарищ, ясное дело, немного заменжевался, но потом сказал, что будет ждать тебя у некой Фроси. И еще сказал, что будет лучше, если ты приедешь туда еще до утра. Так что думаю, два часа назад тебе звонил не этот.

— Он как-нибудь назывался? — поинтересовался Серж.

— Нет, он только сказал, что вы два года назад встречались у этой самой Фроси, и ты его должен помнить.

— Больше ничего не передавал? .

— Нет, больше ничего. Зато у меня, знаешь ли, вопросы появились. Может, есть смысл встретиться и потолковать?

Мещерский ответил не сразу, наверно, секунд пять подумал. Он сообразил, что человек от покойного Гнатьюка может сказать кое-что интересное. Правда, если б этот сукин сын приехал хотя бы на три часа раньше, то Серж был бы рад ему гораздо больше. Потому что, даже если этот нежданный гость принесет на блюдечке с голубой каемочкой «ноу-хау» от Евсеева, платить Сержу нечем. Конечно, препарат ценный, но, увы, «пан Юзеф Мизевецкий» может только вывернуть пустые карманы и печально произнести: «Нъемам пенендзы!» Впрочем, может, деньги есть у Магнуса? И может, он окажется настолько честным, что отстегнет Сержу какой-то процент комиссионных? В общем, Князь набрался духу и бодренько ответил:

— Что ж, давай потолкуем. Ты за сколько времени в район Планерной доедешь?

— Минут за пятнадцать. Где тебя искать?

— У поворота с Планерной на Лациса. Справа, если от центра. Красная «восьмерка», номер ты знаешь...

ПРИЗРАК ПРЕДУПРЕЖДАЕТ

Таран совершенно успокоился. Нет, не в том смысле, что отдал концы от Фроськиной отравы, а, напротив, убедился, что никаких черных замыслов, кроме как переспать с Юркой, у фиксатой бабищи не было. Убеждение это пришло после того, как Фроська уселась жрать и пить вместе со всеми. Бутылку она все-таки достала, разлила ее на шестерых — за столом сидело пятеро, но одну стопку оставили раненому Гере. Так что всем досталось совсем по чуть-чуть. Свинину с капустой умяли за милую душу, и от этой сытной заправки появилась приятная расслабуха. А если учесть, что время приближалось к трем часам ночи, то всем вроде бы самым естественным образом захотелось спать.

— Так, — сказала Фроська, тоже позевывая. — Наверху в двух комнатах по две койки. Как вы там разберетесь, меня не колышет, а Юрик будет тут, внизу, в гостиной на диване.

— Это почему? — нахмурилась Милка.

— Сам захотел! — развела руками хозяйка. — Видать, не доверяет моей охране.

— Я проконтролирую, если что, — произнес Таран с некоторой поспешностью в голосе, но Милка, как ни странно, особо возбуждаться не стала и первая начала подниматься наверх. За ней потопали и Макс с Василисой.

— Ну что, граф, — Фроська уперла в бок толстую лапищу, прищурила левый глаз и оскалила свое золотишко. — Пойдем телевизор смотреть? Или, может, тебе для бодрости еще десять капель налить?

— Ты что, — удивился Таран, — я и так еле на ногах стою. Слышь, может, отложим до утра, а? С новыми силами и тэ дэ...

— Новые силы, милоч, я тебе в один момент обеспечу. Правда, завтра до двух дня проспишь, но сейчас совсем свеженький станешь.

И Фроська, открыв холодильник, достала оттуда какой-то маленький коричневый пузырек от валокордина, заткнутый полиэтиленовой пробкой с клювиком. Но было хорошо видно, что жидкость, наполнявшая пузырек, на валокордин не похожа, а напоминает скорее йод или концентрированную марганцовку.

— Это что? — настороженно спросил Таран. — Я от этого не навернусь?

— Народное средство! — гордо заявила Фроська. — Конечно, копыта от него отбросить можно, если меры не знать. Но десять капель — нормально. Ты не бойся, я себе тоже накапаю.

— Вот и накапай себе сначала, а потом мне, — хмыкнул Юрка, — не обижайся, но так спокойнее обоим будет.

— Недоверчивый ты, однако, — ухмыльнулась Фроська. — Ну, смотри...

И начала капать темно-коричневые капельки в чашку. Таран внимательно глядел и считал про себя, сколько Фроська капель накапает. Действительно, их оказалось десять. Потом Фрося в чашку налила воды из ведра, разболтала свое зелье в воде и единым духом выпила, крякнув, будто после стакана спирта.

— Горькое? — спросил Юрка, видя, что хозяйка крепко поморщилась.

— Кислое скорее...

На Тарана это произвело впечатление. Раз баба сама выпила, значит, это и не отравка, и даже не снотворное.

— Сам себе капай, — сказала Фроська, вручая Юрке пузырек, — а то еще скажешь, будто я тебе больше налила.

Таран в принципе уже не подозревал ее и вполне мог бы доверить эту операцию, тем более что считать до десяти еще не разучился. Но тем не менее взял пузырек, чашку и старательно, чтоб не перекапать лишку, стал отсчитывать капельки. Потом взял другую чашку, зачерпнул воды из ведра, развел снадобье примерно в той же пропорции, что и Фроська, а затем почти без страха вылил себе в глотку. Бр-р! Права Фроська, кислотина жуткая. И в нос шибает, аж запершило... Юрка чихнул, но неприятные ощущения быстро прошли. Никаких признаков, что Таран в ближайшие минуты отдаст концы, пока не наблюдалось. Присутствовал только легкий хмель, какой у Юрки наблюдался примерно после двухсот граммов спиртного под хорошую закуску. В принципе, сегодня у него такой уже появлялся, когда они по сто граммов за ужином приняли, но с устатку и сытости начал переходить в сонливость.

— Ну как, — спросила Фроська, — чуешь кайф или нет?

— Пока не распробовал... — отозвался Юрка, хотя уже начал ощущать, что в сон его больше не клонит, а по всему организму разливается волна бодрости. Нет, хмель был уже совсем не похож на обычный. Все мысли о сложностях жизни, о судьбе Ляпунова, Алика и Топорика, о

том, что делать завтра и как связаться с Птицыным, стали быстро и резко удаляться. Конечно, кое-что разумное в башке еще задержалось, ибо Таран сумел задать вполне трезвый вопрос, потому что прекрасно помнил, как в прошлом году маялись Шурка и Милка от Дяди-Во-виного секс-стимулятора:

— А подсесть на эту заразу нельзя?

— При желании, — усмехнулась Фроська, — можно даже на анальгин подсесть. Не бойся, с одного раза не подсядешь...

После этого не больно убедительного объяснения Юрка, как ни странно, совсем перестал волноваться. Тем более что ему стало необыкновенно легко и весело, все стало по фигу и всякие моральные и рациональные тормоза напрочь отключились. Зато начали включаться другие системы. Тарана как магнитом потянуло к Фроськиным жирным прелестям — намного сильнее, чем весной, когда он с ней после 250 граммов водяры играл в «графиню на подоконнике». Воспоминания о том бесстыжем событии неожиданно показались ему до ужаса приятными — хотя все последние полгода он, не жалея сил, стремился стереть их из памяти.

Должно быть, на морде у Тарана уже отразились перемены в состоянии психики, потому что Фроська, расплывшись в зо-лотозубой улыбке, обняла его за талию и промурчала как кошка:

— Ну что-о, как насчет телевизор-ра?

Юрка только громко и глупо захохотал, и ему в этот момент было совершенно до фени, что его хохот может быть услышан Милкой или Василисой, которые находились всего лишь в двух-трех метрах от него, если мерить по вертикали. Конечно, звукопроницаемость в деревянном доме похуже, чем в бетонной «хрущобе», но тем не менее. Тем не менее Таран до того раскрепостился, что ему море по колено казалось. Он не только ничего не стеснялся, но даже, наоборот, очень хотел, чтоб девки наверху услышали, как он тут с Фроськой развлекается. Отчего-то ему взбрело в голову, будто они к его хулиганству отнесутся положительно и, едва услышав всякие звуки сексуального характера, придут в жуткое возбуждение. А потом прибегут вниз, чтоб принять участие в оргии. Тарану казалось, будто он может и всех троих обслужить, особо не надрываясь.

Впрочем, где-то на втором или даже четвертом уровне подсознания — если, конечно, таковой имеется! — Юрка еще соображал, что у него явно едет крыша и в мозгах зашкаливает. Но поделаться с этим ничего уже не мог.

Автомат, конечно, Таран позабыл на кухне, хотя еще несколько минут назад был убежден, что будет его держать поближе к себе, даже если пойдет спать с Фроськой. А плевать на эту железяку! На фиг она, когда Юрке сейчас совсем другой «ствол» тревуется?!

Этот «ствол» уже был в полной готовности, и, облапив хихикающую Фроську она тоже явно была под кайфом, хотя человек посторонний, наверно, смог бы разглядеть, что толстуха намного трезвее Юрки! — Таран пошел с ней в насквозь провонявшую духами и дезодорантами, а также вообще редко проветривавшуюся комнату, где Фроська с хохотом и визгом плюхнулась на свою помятую кровать, да так, что все пружины жалобно и звонко заскрежетали. Ее тоже явно не беспокоил лишний шум, и больше того — она стремилась произвести его как можно больше.

Таран даже не заметил, что входная дверь в комнату осталась незапертой. И то, что Фроська не потушила довольно яркое бра, горевшее на стенке, тоже не взволновало. У него одно было на уме — побыстрее добраться до жирных телес партнерши. А потому он нетерпеливо стал сдергивать с себя все, до последней тряпочки. И швырял свои шмотки куда ни попадя, в том числе и куртку, во внутреннем кармане которой лежало его последнее оружие — «ПСМ» с девятью патронами — восемь в магазине, один в стволе. Фроська тоже интенсивно

раздевалась, тем более что ей снимать было всего ничего — халат да ночнушку.

Когда все барахло оказалось на полу, Таран чуть ли не прыжком взобрался на кровать, а точнее на Фроську, подмял под себя все это липкое и трясучее... В нормальном, незакайфованном виде его, возможно, от одного ее вида стошнило бы, не говоря уже о запахе. Но сейчас он на все эти обстоятельства, мягко говоря, положил с прибором. Такое ощущение было, что он вообще первый раз в жизни до бабы добрался. Единственное более-менее разумное действие — употребление презерватива — Таран проделал исключительно по инициативе Фроськи, которая, как уже говорилось, соображала гораздо лучше его. Дальше все вроде бы пошло обычным путем, под безудержно громкий лязг кровати и подчеркнуто бесстыжие стоны и визги партнерши.

Какое-то время Таран более-менее отчетливо соображал, что находится на Фроськиной даче, в ее спальне и, условно говоря, занимается с ней любовью. Но через пару минут или даже меньше — само собой, что секундомера у Юрки не было, да если б и был, то он не стал на него смотреть — начали твориться какие-то странные вещи. Сперва Фроськина обрюзгая рожа, мотавшаяся у Юрки перед глазами, стала расплываться. Таран отродясь очков не носил, но однажды, еще будучи маленьким, нацепил иа любопытства бабкины «дальнозоркие», которая та надевала, когда читала книги или письма. Все предметы показались Юрке огромными, искривленными и размазанными. Нечто подобное ему привиделось и сейчас. Только тогда, в детстве, Таран, испугавшись, что глаза испортит, быстренько снял очки и стал видеть все обычным образом, а теперь, сколько б Юрка ни протирал глаза и ни пытался смахнуть с них несуществующие слезинки, видел перед собой лишь бесформенное розовое пятно. При этом Таран, как это ни удивительно, почти не останавливаясь, продолжал свою нелегкую работу.

Прошло еще какое-то время, и размытое пятно вновь стало проясняться, но еще до того, как они стали совсем четкими, Юрке показалось, что черты лица, которое он видит перед собой, явно изменились. А когда размытость совсем исчезла, Таран был несказанно удивлен.

Вместо одутловатой, красновато-багровой Фроськиной морды он увидел вполне приятное, хотя и бледное личико Полины! Той самой, которая, как оказалось, была экстрасенсичкой и умела на расстоянии навязывать людям свою волю! Откуда она здесь?! Как бы ни была затуманена Юркина память, он все-таки помнил, что Полина еще прошлой весной, перенапрягши свои паранормальные силенки, не то в кому впала, не то заснула летаргическим сном. И летом, согласно тому, что говорил Птицын, тоже продолжала находиться в таком же состоянии. Вроде бы ее держали под наблюдением врачей в каком-то закрытом медучреждении. При этом, однако, она каким-то непостижимым образом воздействовала на психику людей и заставляла их совершать нелогичные, необъяснимые для них самих действия и вообще в прямом смысле сходить с ума. Птицын утверждал, будто именно из-за нее сейчас приходится лечиться Магомаду и его племянницам, именно из-за нее застрелился Коля, доставив столько хлопот Фроське, именно из-за нее утопился Вася с катера «Светоч» и, наконец, именно из-за нее сам Птицын угодил летом в «зندان» к банде Федора. Если б сам Таран весной не подвергался воздействиям этой загадочной девки, унаследовавшей свои экстрасенсорные способности от каких-то российских, цыганских и кавказских предков, и не видел собственными глазами, как она крутит-вертит другими людьми, — ни за что бы не поверил. Впрочем, все это было давно и уже казалось страшным сном, который когда-то примерещился с перепоею. Но теперь-то все-таки явь или сон? Или у него, как у Магомада с племянницами, крыша поехала? Жалко, Птицын про них ничего не рассказывал, в смысле, на чем они свихнулись. Про господина Антона, правда, говорил, что тот в штаны писает и детские песенки поет. Но у Тарана пока таких симптомов не наблюдалось. Может, это от Фроськиного кайфа такие глюки возникают?

Юрка поморгал, опять потер глаза рукой — никуда Полина не делась! Между тем его тело продолжало выполнять прежнюю задачу — то есть дрючило кого-то. Фроську или Полину —

это Таран уже не мог сказать однозначно. Глаза вроде бы видели Полину, а на ощупь ничего особо не изменилось. Во всяком случае, если б Фроська как-то из-под Юрки вылезла, а на ее место заползла Полина, он бы это заметил, наверное. К тому же лицо, которое теперь видел Таран, выглядело хоть и объемным но статичным, будто он глядел на цветную голографию или стереопару.

Однако еще через несколько секунд к зрительному образу Полины добавились звуки ее голоса. Звуки эти не исходили от лица, которое видел Таран, «голография» рта не открывала, а звучали где-то внутри Юркиного мозга. Сперва слышалось какое-то неразборчивое шуршание, сопровождавшееся легким потрескиванием, как в телефонной трубке. Не в ушах, а именно в мозгу! Потом за очень короткое время это шуршание стало похоже на тихий шепот, в котором уже можно было понять отдельные слова и фразы. Еще через несколько мгновений Юрка стал все слышать вполне отчетливо, как будто кто-то точно настроил радиоприемник на нужную волну. С этого момента он на какой-то промежуток времени как бы раздвоился — иного слова не подберешь. Не в том смысле, что у него два тела появилось, конечно, а в том, что у него сознание разделилось надвое. То есть один Таран, внешний, совершенно закайфованный и мало что соображающий, продолжал беситься с Фроськой, а второй, внутренний, абсолютно трезвый, стал слушать, что вещает Полина.

— Ты в большой опасности, Юра! — Голос ее был звенящий, иногда с небольшим эхом, как при разговоре через спутник. — Слушай и не переспрашивай, у нас считанные минуты. У Фроськи в подполе прячется какой-то важный гость. За десять минут до вашего приезда он звонил Магнусу. Ты должен помнить его. Скоро, примерно через полчаса, Магнус приедет сюда. С ним будет некий Князь, они тоже созванивались. Если они застанут вас врасплох, то будут допрашивать, а потом убьют. Фроська всех вас напоила снотворным и сама выпила. Но тебе и себе накапала стимулятора. Он действует короткое время, а потом организм отключается, и человек засыпает глубоким сном на 12 часов. У Фроськи есть таблетки, которые нейтрализуют действие снадобья. Они справа, с краю под подушкой. Одной штуки достаточно! Все!

Голос Полины пропал, «голограмма» тоже исчезла, а Таран почти мгновенно перестал ощущать себя разделенным на «внешнего» и «внутреннего». То есть вновь увидел перед собой сопящую и хрипло стонущую Фроську. Видать, сучара, и впрямь решила совместить приятное с полезным, иначе говоря, и птичку съесть — то есть Тарана со спутниками, и на ... сесть, причем в буквальном смысле.

Но теперь голова у Юрки уже варила. Пользуясь тем, что эта гадюка жирная расслабилась и зажмурила глазки, Таран осторожно просунул ладонь под правую подушку... Нет, не померещилось ему Полинин'о сообщение! Там, под подушкой, и впрямь лежали таблетки. Выдергивать всю упаковку Юрка не стал, а прямо под подушкой, не переставая убаживать Фроську, осторожно выдавил одну таблетку и украдкой быстро сунул в рот.

Таблетка оказалась до жути горькой, запить ее чем-либо Юрка не мог и вынужден был некоторое время держать эту горечь во рту, постепенно размачивая слюной и осторожно проглатывая, чтоб не привлечь Фроськино внимание. С этой же целью Таран усилил свою грязную работу, что у него получилось очень неплохо, ибо ненависть к своей подлой партнерше тому сильно способствовала. То есть у него сейчас не то чтоб нежности, а даже жалости к ней не было. Но эта-то беспощадность Фроське и нравилась. Она уже раз пять разрядилась по-настоящему, но Таран на это не обратил внимания. Во-первых, потому, что поначалу Фроська больше имитировала, чем исходила страстью, а во-вторых, потому что в это самое время он общался с Полиной. То на «голограмму» пялился, не понимая, кто ему мерещится, а кто в натуре с ним трахается, то слушал Полинино сообщение.

Кстати сказать, в том, что Полина дала ему добрые советы, у него внезапно возникли сомнения. Ведь до сих пор эта очкастая, лежа в летаргическом сне или коме — Таран особо

не разбирался в том, чем одно отличается от другого, делала только одни гадости. С какой целью она гадости эти делала и по какому принципу — неизвестно, но то, что от этого люди погибали, свихивались и попадали в опасные ситуации, — однозначно. Таран прекрасно помнил, что сказал минувшим летом Генрих Птицын после того, как, замороженный Полиной, попал в «зин-дан» к Дяде Федору:

«Какая цель может быть у человека, находящегося в коме? Или в состоянии, похожем на кому, скажем так? Тем более что сама Полина, судя по всему, ни черта не понимала в том, откуда у нее берутся эти ее суперспособности, даже тогда, когда была в сознании! Грубо говоря, малолетнего ребенка посадили за терминал некоего суперкомпьютера и дали возможность баловаться с клавиатурой. Вот он и жмет на всякие пимпочки и радуется, когда на мониторе меняются картинки. При этом компьютер вовсе не карманная игрушечка типа „Тетриса“, а очень серьезная машина со множеством всяких выходов в глобальные и локальные сети, подчиненных процессоров, периферийных устройств, датчиков обратной связи и так далее. И хрен его знает, не подключен ли он, допустим, к управлению стратегическими ракетами? Понимаете, молодежь?!»

Насчет стратегических ракет Таран в данный момент особо не волновался, но вот насчет того, что Полина из каких-то непонятных и не поддающихся логике соображений решила отправить его на тот свет, думал вполне серьезно. Что там у Фроськи за таблетки лежали — неизвестно. Хоть и в фабричной упаковке, то есть не какая-нибудь шмаль самопальная вроде бы, но ведь нет такого товара, который русские не смогли бы подделать. Это раз. К тому же надписи на этой упаковке Таран не видел. Конечно, если б и видел, то фиг бы что понял, потому как в лекарствах почти не разбирается. Однако Юрка все-таки слышал, что некоторые лекарства нельзя принимать одновременно, ибо от их смеси в организме получается нечто убойное, и человек, даже здоровый, отдает концы. А он сегодня глота-нул сто граммов водки, сколько-то снотворного с чаем, десять капель неизвестного стимулятора, да теперь еще и таблетку неизвестного назначения! Не много ли?

Тем не менее к тому моменту, когда Юрка завершил свой тяжкий труд, он уже сглотнул почти всю таблетку, но по-прежнему оставался живым.

ПРИШЛИ ГОСТИ ГЛОДАТЬ КОСТИ...

Расслабляться было некогда, но и спешить тоже не следовало. Фроська могла заподозрить, что Таран ее расколол, и применить какой-нибудь запасной вариант. Хрен знает, что она могла придумать, судя по всему, эта змея могла подстроить любую пакость. Кроме того, Полина предупредила, что где-то подполе прячется «гость». А в каком подполе и где из этого подполя выход. Таран не знал. Фиг его знает, может, прямо тут, в комнате, где-нибудь под ковром. Поэтому самый простой вариант — взять стерву за горло и придушить — Юрка сразу отmel. Во-первых, потому что ему еще не доводилось убивать баб, и вообще никого не случалось душить. Приемы такие отработывал, но одно дело тренировки, а другое дело практика. Духу могло не хватить. Во-вторых, Фроська — баба здоровенная, и с ней быстро справиться не удастся. Если Милка спит, нахлебавшись чаю со снотворным, то на ее помощь рассчитывать не приходится. А вот если Фроськин гость под шумок выйдет из подполья, то запросто может вмешаться и сунуть Тарану перо под лопатку. Наконец, в-третьих, Фроська может завизжать, и на выручку хозяйке прибегут ее охранники с «помпами». Даже если не пристрелят сразу, то могут так прикладом отоварить, что мало не покажется. Оружие-то Юрка разбросал, обормот кайфованный!

Так что перво-наперво Таран решил отыскать свой «инструментарий». Но Фроська

по-прежнему держала его в объятиях, прочно облапив руками и ногами. Резко дергаться не стоило, поэтому он постарался сделать как можно более мирный и сонный голос, а затем произнес так вяло и лениво, как только мог:

— Пусти, пожалуйста, в туалетик пописать...

— Ну иди, иди, маленький! — прямо-таки материнским тоном просюсюкала Фроська и разжала свои клешни. Юрка отчего-то вспомнил, что у некоторых видов паукообразных самки намного крупнее самцов и, используя их по мужскому назначению, тут же употребляют на закуску. Интересно, они тоже им такие нежные слова говорят перед тем, как сожрать?

Хорошо, конечно, что Таран хоть что-то из курса зоологии помнил, но сейчас отвлекаться не стоило. Поэтому Таран неторопливо, без спешки и резких движений, слез с кровати. Специально выдержал паузу в несколько секунд, чтоб Фроська поверила в то, что у него голова плохо работает и нарушена координация движений. Потом нарочито неуклюже опустился на колени и стал вяло шарить руками по одежде, валявшейся на ковре, застилавшем пол.

— Потерял чего-то, Юричек? — на сей раз во Фроськином сюсюканье прозвучала нотка беспокойства.

— Трусики не найду-у... — совершенно тормозным тоном маленького сонного ребенка отозвался Таран.

— Да иди так, все свои! — подбодрила Фроська. — Не на двор ведь, туалет-то как в городе, не забыл?

Конечно, если б Тарану и впрямь срочно требовалось в туалет, он бы особо стесняться не стал. Два шага с голой задницей перебежать при том, что все спят, — не проблема. Но, во-первых, ему надо было доказать Фроське, что он уже наполовину спит и мало что соображает, а во-вторых, под предлогом поиска трусов надо было и куртку прихватить, где «ПСМ» лежал.

Именно так Юрка и сделал. Сперва неуклюже натянул трусы, даже сделал вид, будто пытается двумя ногами в одну штанину попасть, а затем все теми же вялыми движениями поднял куртку с пола и накинул ее внапашку, не продевая руки в рукава.

— Куртку-то зачем напялил? — хихикнула Фроська.

— Холодно... Я вспотел, простудиться могу... — хлопая глазами, пробормотал Таран, а затем неверными шагами, пошатываясь и хватаясь за стенку, вышел из комнаты. Уже за дверью вынул из куртки «ПСМ», мягко, чтоб громко не щелкнуть, снял с предохранителя.

Все той же походочкой он приблизился к двери кухни. Надо было забрать автомат — с одним «ПСМ» он себя не больно уверенно чувствовал, поскольку намечалось прибытие Магнуса.

Лично с Магнусом Таран не встречался и в лицо его не знал, но имел весьма теплые, даже горячие контакты с его бойцами все той же минувшей весной на подземном объекте, где господин Антон намечал построить завод по производству наркотиков и психотропных препаратов нового поколения. Визит Тарана и группы Ляпунова обошелся Магнусу почти в десяток трупов, из тамошней «раболатории» были похищены Полина, Аня Петерсон и Тина. В довершение всего и самого господина Антона сперли. Так что на дружеское расположение Магнуса рассчитывать не приходилось. Даже если только пятерых с автоматами привезет — мало не покажется. Ну, и Мещерский, конечно, тоже своих не простит. С ним, кстати, тоже человек пять может прикатить... Таран, вестимо, о нынешнем бедственном положении Князя был не осведомлен.

Дверь в кухню была затворена. Таран уже вытянул руку, чтоб ее толкнуть, но тут его будто кольнуло иглой. Вспомнил, что, когда они с Фроськой уходили, дверь оставалась открытой. Свет в кухне Фроська вроде бы погасила, а вот дверь не трогала. Сам Таран выходил из кухни следом за ней и тоже к двери не прикасался. Конечно, полной уверенности в том, что все было именно так, у Юрки не было — у него мозга за мозгу в это время зашла. Но все-таки в памяти не было никаких следов насчет закрытия двери. Да и сомнительно, чтоб Таран в своем тогдашнем состоянии эдакий аккуратизм проявил. Кто же тогда закрыл? Если Василиса, Милка и Макс спят, а Гера ходить не может? Охранники? Но один из них тоже храпака задает в своей клетушке — это Таран слышал в данный момент, а второй где-то во дворе кашляет, службу несет... Могли они, ясное дело, закрыть дверь, пока Таран с ума сходил и ничего не соображал, ничего вокруг себя не слышал. Но все-таки Юрка насторожился.

А вдруг это тот, «гость»? Таран вдруг отчетливо вспомнил, что на полу кухни, рядом с холодильником «Розенлев», было что-то вроде люка. Да, там линолеум отдельным квадратом лежал между холодильником и кухонным шкафом. Если он сидел в подполе под кухней и, дождавшись, когда Фроська увела Тарана, вылез, то автомат сейчас у него... Долбануть в дверь, сунуться на «ура»?

Очень хреновое решение. В прихожей, около закутка с сортиром, горит лампочка. «Гость» Юрку разглядит намного быстрее, чем Таран его в темной кухне. Короткая в упор — и Юрка вне игры.

Все это Таран быстро продумал, пяти секунд около кухни не простоял, отворив дверь, зашел в туалет, защелкнул за собой задвижку и прислушался. Опа! Кто-то там, в кухне, ворохнулся! Точнее, сделал несколько мягких шагов к двери. И чуть-чуть звякнул антабкой от автоматного ремня. Так и есть, сцапал, гад, Таранов трофеей.

Юрка рентгеновским зрением не обладал, чтоб разглядеть сквозь стену, где этот самый «гость дорогой» притаился. А шорохов он новых не производил, тоже, как видно, прислушивался.

Таран понял, что если тоже будет соблюдать тишину, то наведет «гостя» на нездоровые мысли. Вдруг этот товарищ совсем нервный и попросту шуранет по двери из автомата?!

У Юрки тоже нервы были не железные, и мелькала мысль перейти на резкости. Выскочить — и выпустить все девять штук по двери кухни. А там будь что будет. Может, пуля виноватого найдет, а может, этот «гость» все-таки Тарана пристрелит. Глядишь, эта пальба Милку разбудит, и та за Юрку расквитается.

Но все-таки мозги у Тарана уже поправились, должно быть, Фроськина таблетка подействовала. Он не стал делать глупости, а решил, как говорится, усыпить бдительность противника. Иначе говоря, встал сбоку от очка, спиной к стене, смежной с кухней, и стал отливать, да еще и мурлыкать при этом песенку из старой рекламы: «Милая Мила всю семью кормила...» Само собой, старался, чтоб язык немного заплетался, но пел достаточно громко, чтоб тот, за дверью, слышал и думал, будто у Юрки крыша едет.

Однако в это самое время из-за стен дома послышался шум мотора. Неужели это уже Магнус с Мещерским?! Разве полчаса уже прошло?! Может, просто какой-нибудь запоздалый хахаль из поселка в Москву уезжает? Но нет, похоже, несколько машин катит... Веселая компания с дачи возвращается?

Увы, Таран зря себя утешал. Шум не удалялся, а приближался. И машины уже явно свернули с асфальта и заехали в проулок, ведущий к Фроськиной даче. Лязгнули ворота, похоже, к этим приедем у охранников вопросов не было. Р-рр! Р-рр! — обе машины въехали во двор и притормозили рядом с «Мерседесом».

Что ж делать-то? На несколько секунд Таран растерялся. Сейчас вся эта шобла зайдет в дом, поднимется на второй этаж, скрутит Милку, которая спит без задних ног, доверившись бдительности Тарана. Ну а повязать всех прочих — дело техники. Если Максудвинут раз по очкам, он с копыт слетит. Василиса разве что оцарапать кого-нибудь сможет. О раненом Гере и вовсе говорить нечего.

Самое удивительное, что, размышляя об этих невеселых вещах, Таран по инерции продолжал петь про «милую Милу», хотя точного текста не помнил и бубнил по десять раз одно и то же.

Между тем Фроська, наскоро накинув халат и сунув ноги в шлепанцы, вышла из комнатки и зашаркала к дверям. Крыльцо уже скрипело под тяжелыми шагами приезжей публики.

— Не ждала, что ли? — услышал Таран приглушенный незнакомый голос. Пришли гости глотать кости!

— Князь, я здесь! — Дверь кухни отворилась, и мимо туалета уже в открытую протопал тот, что прятался в подполе.

Таран понял мгновенно: ему хана! И как всегда в таких случаях, когда уже никакие хитрости помочь не могут, принял решение очертя голову — пан или пропал!

Левой рукой рванув задвижку и держа пистолет в правой, он выскочил за спину подвальному «гостю». К этому моменту в прихожей уже оказались те, кого впустила Фроська, то есть Магнус, Серж и еще пять объемистых жлобов, сопровождавших Магнуса. Кроме них, в это тесное помещение втиснулась сама Фроська со своими телесами и оба ее охранника. Вся эта публика, хоть и вполголоса, но что-то бормотала, а потому гомон до некоторой степени заглушил щелчок задвижки. Может, на него и обратили внимание, но, как ни странно, меньше всего тот, кто находился спиной к туалету. Автомат висел у этого типа на правом плече, стволом вниз, и он его только чуть-чуть придерживал за ремень двумя пальцами. К тому же он, видно, так обрадовался прибытию Князя и компании, что даже забыл его поставить на предохранитель.

Все решилось в несколько секунд. Когда Юрка выпрыгнул из туалета, то первым делом нажал на спуск «ПСМ». Бах! — пуля наискось вонзилась «подпольщику» прямо в спину, он даже обернуться не успел. Бах! Бах! Бах! — Таран еще несколько раз нажал спуск, стреляя буквально из-за плеча «гостя» в заполненную людьми прихожую. Промаяхнуться было невозможно. Грохот выстрелов произвел ошеломляющее впечатление и поверг тех, кто внезапно попал под обстрел, в настоящую панику. Те, в кого попали первые пули, дико заорав, повалились на пол. Те, кто стоял ближе всего к двери, ведущей во двор, толкая друг друга, бросились на крыльцо, но застряли в дверях.

Фроська, Мещерский и Магнус, испуганно заорав, шарахнулись в комнату, но толстуха запнулась за высокий порожек, растянулась поперек него, завизжав, как недорезанная свинья. Князь, которого подтолкнул сзади Магнус, в свою очередь, запнулся о необъятную Фроськину задницу и шлепнулся поверх нее. Магнус, как видно, реакцию имел получше, а потому спотыкаться не стал. Он лихо, как заправский каскадер, рыбкой перелетел через визжаще-матерящийся завал и, приземлившись на ковер во Фроськиной комнате, веретеном откатился от дверного проема.

А Юрка, не теряя ни секунды, перекинул «ПСМ» из правой руки в левую, правой цапнул укороченный автомат за пистолетную рукоять и сдернул с падающего на пол «подпольного гостя». При этом, поскольку автомат не стоял на предохранителе, а спуск у него был порядочно разболтан, легкое прикосновение Тарана к спусковому крючку неожиданно привело к довольно длинной очереди, которая пришлась по тем, кто уже валялся на полу.

— Бля-а-а! — взвыл Серж, которому пуля ударила в кость выше щиколотки. Впрочем, сознания он не потерял, а потому, упершись во Фроськины плечи, перевалился через порог и кое-как перекатился в ту же сторону, что и Магнус. Помятая Фроська ран не получила и на карачках уползла следом за мужиками.

В следующее мгновение со стороны входной двери раздались первые ответные выстрелы, угодившие в филенку кухонной двери. Палили наудачу, поскольку Юрка уже отскочил в темную кухню и укрылся за холодильником. «Розенлев», «хороший, финский», может, не пробьет? На полу в прихожей при свете тусклой лампочки просматривались пятеро: «подпольщик», оба Фроськиных охранника и еще двое приезжих. Стало быть, на дворе трое Магнусовых ребят. Если двое останутся у двери, а один обойдет и подберется к окну, то может разглядеть Тарана в промежутке между кухонным шкафом и холодильником. Даже если Юрка прижмется к стене, его можно достать прямо через шкаф. Эту ДСП с пластиковой оклейкой даже «ПМ» пробуравит с гарантией...

Неужели грохот, который наделал Таран, до сих пор не разбудил Милку? Может, пока Юрка с Фроськой барахтался, этот гребаный «подпольщик» их всех порезал? Или иголки с ядом вколол?!

Но тут во дворе, за стеной, отрывисто залаял «ПП-90». Голос у него был не похож на «Калашникова». И в ту же секунду несколько истошных воплей разлетелись по округе. Послышался рев мощного мотора, лягнули слетающие с петель ворота, протараненные каким-то крепким, скорее всего бронированным транспортным средством. А затем послышалось сразу с десятков голосов:

— Бросай оружие! Руки на капот, падла! Ноги шире! К стене! Трах! Входная дверь распахнулась, и в комнату, где укрывались Магнус, Серж и Фроська, полетела ручная граната «Черемуха-6». Хлоп! Желтоватый газ мигом растекся по комнате — как-никак эта граната облако в 60 кубометров дает! — и начал выползать в прихожую. Из комнаты слышались кашель, мат, вой. Похоже, следующую гранату собирались зафинделить в кухню, но до ушей Тарана долетел предостерегающий крик Милки:

— Не надо! Там только Юрка!

Сразу после этого человек пять в касках, бронежилетах и противогазах вломились в прихожую. Четверо тут же ринулись в комнату, где выли от рези в глазах и заходились кашлем Фроська и ее «гости». А пятый — Таран даже через скрежет мембраны противогаза узнал голос Ляпунова — заорал:

— Бегом на улицу! — и, подхватив Юрку под локоть, выволок во двор раньше, чем газ стал затекать в кухню.

Во дворе орудовали «мамонты». Они прибыли на бежевом с зеленой полосой инкассаторском броневике. Как раз в тот момент, когда Ляпунов и Таран выскочили на крыльцо, в этот броневик заталкивали последнего из тех троих, что попались во дворе.

— Сюда, в «восьмерку»! — распахивая дверцу «княжеского экипажа», приказал Тарану капитан. — Лезь! Простудишься! Ты ж в одних трусах и босиком, а на дворе не май месяц!

«Восьмерка» остыть еще не успела, и Таран, пробравшись на заднее сиденье, даже куртку запахивать не стал, только сел по-турецки, чтоб ноги погреть. Мимо окон машины «мамонты» провели кашляющего и матерящегося Магнуса в наручниках, хнычущую и ноющую Фроську, проволокли стонущего и сыплющего недворянские выражения Сержа. Их тоже затолкали в броневик. Затем без всяких лишних церемоний вывели в противогазах Василису и Макса, вынесли Геру. Таран захотел было посмотреть, куда их посадят, но в этот момент почувал, что у него глаза сами собой закрываются... Ему даже показалось, будто все снадобья, которыми

его напичкала Фроська, смешавшись, сработали на убой.

Однако Юрка и на этот раз не помер. Правда, очнулся он на сей раз уже не в машине, а в самолете, похоже, в том же самом «Ан-26», на котором уже не раз летал в Москву и обратно. На нем откуда-то взялись кроссовки, тренировочный костюм китайского производства и даже вязаная шапка. Автомата и «ПСМ» не было. Рядом слева сидела мрачная, нахохлившаяся Милка, а справа тоже не очень веселый Топорик.

— Очухался? — спросила Милка так, будто была этим очень недовольна. Глаза б на тебя не смотрели... Завез, блин, Сусанин! Так и знала, что эта жопа колхозная пакость сделает. Если б я не проснулась, в окошко не выпрыгнула со второго этажа да не прижала тех, что со двора тебя обойти хотели, — была б твоя Надька вдовой. Может, нашла б себе другого, не такого бесстыжего!

— Да правильно он все сделал! — заступился Топорик. — Если б он вас сюда не привез, мы бы не знали, где вас искать. Кстати, говорят, при одном жмуре нашлось то, чего в барсетке у Евсеева не было. Так что двух зайцев убили. А может, даже трех. Алика вот только жаль...

— А что случилось? — спросил Таран.

— Да понимаешь, когда мы с той, писательской дачи хотели следом за вами гнать и уже собирались в наш фургон садиться, «Паджеро» неожиданно вывернул откуда-то. Вроде мимо нас проехал, спокойно так, неторопливо. Откатил метров на полета, и тут из верхнего люка высунулся гад с «мухой» — шарах! Прямо нам в лоб гранату засадил. Если б мы все уже по местам сидели... Можешь догадаться, чтоб из нас было. А так нас только волной слегка тряхнуло. Но не сильно, даже стекла на даче не вылетели. Серега, правда, рацию выронил и раскокал. Ну, а Алик уже за баранкой сидел... Хорошо, что ты его не видел.

— А мы думали, они дачу взорвали, — произнес Юрка, — зарево было — будь здоров.

— Ни хрена этой даче не сделалось, — хмыкнул Топорик. — И «мерс» вы почти не поцарапанным оставили. Вещички целы, а человека нет... И за что, почему погиб — неизвестно. Так и живем, господа-товарищи!

ЭПИЛОГ

Вредлинские завтракали в своей дачной столовой. Их трапезу разделяли Стас и Василиса.

— Знаешь, Миля, — сказала Александра Матвеевна, помешивая кофе серебряной ложечкой, — оказывается, прямо перед нашей дачей на улице позавчера вечером взорвали машину!

— Правда? — искренне изумился и испуганно захлопал глазами драматург. Откуда это известно?

— Василиса сегодня ходила в магазин, там все об этом судачат.

— Странно, а мы, когда возвращались вечером, ничего не заметили.

— Конечно, ее же убрали еще вчера днем. В то время мы гуляли по Суздалью. Осталось какое-то пятно на асфальте, а так ничего, никаких следов.

— Ужасно! Здесь, в поселке, где живут интеллигенты, — и такое. Кто-нибудь погиб?

— Один человек, кажется, шофер, — произнесла Василиса. — Говорят, машина как факел горела.

— Скорее всего, Эмиль Владиславович, — подал голос телохранитель, — ее не взорвали, а из гранатомета подожгли. Если б в машине хотя бы одна шашка на 200 грамм сработала, тут бы ни одного стекла не осталось, ни у нас, ни напротив. А тут видно, что кумулятивная граната ударила. Попали в ветровое стекло, водителя разорвало, бензобак взорвался, но основная ударная волна вдоль улицы прошла.

— Все равно ужасно! Куда катимся, черт побери?!

— Миля, не волнуйся, тебе это вредно, дружок! Думай о хорошем. Ведь ты так хорошо чувствовал себя эти два дня!

— Я и сейчас себя прекрасно чувствую, — бодро сказал Вредлинский. По-моему, эта поездка вдохнула в меня новые силы! Для писателя очень важно время от времени прикасаться к изначальному, к истокам, к вечному... Какой духовный кладезь есть православная вера! Какие благолепные лица у монахов возрожденных обителей! Насколько все это выше, чем все эти бандитские разборки...

— Конечно, конечно! — пропела Александра Матвеевна. — Тебе непременно надо написать сценарий на тему духовного возрождения России. А Жора Крикуха его с блеском поставит.

— Непременно! Вот пусть только вернется из Америки Пашка Манулов! Обязательно возьмем за бока этого буржуя!

Никто из четверых сидевших за столом не сохранил в своей памяти ничего, кроме воспоминаний о поездке во Владимир и Суздаль. Они были бы очень удивлены, если б кто-то поведал им о том, что воскресенье, понедельник и вторник они проводили совершенно по-другому. И'еще больше их удивило бы, если б они узнали, что помянутый за столом Манулов находится не в Америке, а гораздо ближе... * * *

Сколько прошло времени — Павел Николаевич не знал. Впрочем, когда он очнулся, его этот вопрос вовсе не интересовал. Его не волновали и другие вопросы, которые изводили его еще накануне. И в памяти у него не было даже следа от виртуальной беседы с Бородой. И о том, как ему сделали инъекцию желтоватой жидкости из ампулы с лаконичной наклейкой «331», он не помнил.

Зато самочувствие у Манулова было отличное. Он ощущал необыкновенную бодрость и силу во всем теле, вообще-то порядком поистрепавшемся за 60 с лишним лет. Он лежал на той же солдатской койке, что и вчера, глаза его видели ту же унылую обстановку камеры, ноздри чуюли все тот же парашный дух, но никаких неудобств от этого он не испытывал. И голода, и холода не чувствовал, и на волю, в пампасы, не хотелось. Единственное, чего он желал,

— это чтоб пришел Командир и отдал Приказ...

Гробовщик вбил последний гвоздь в крышку гроба.